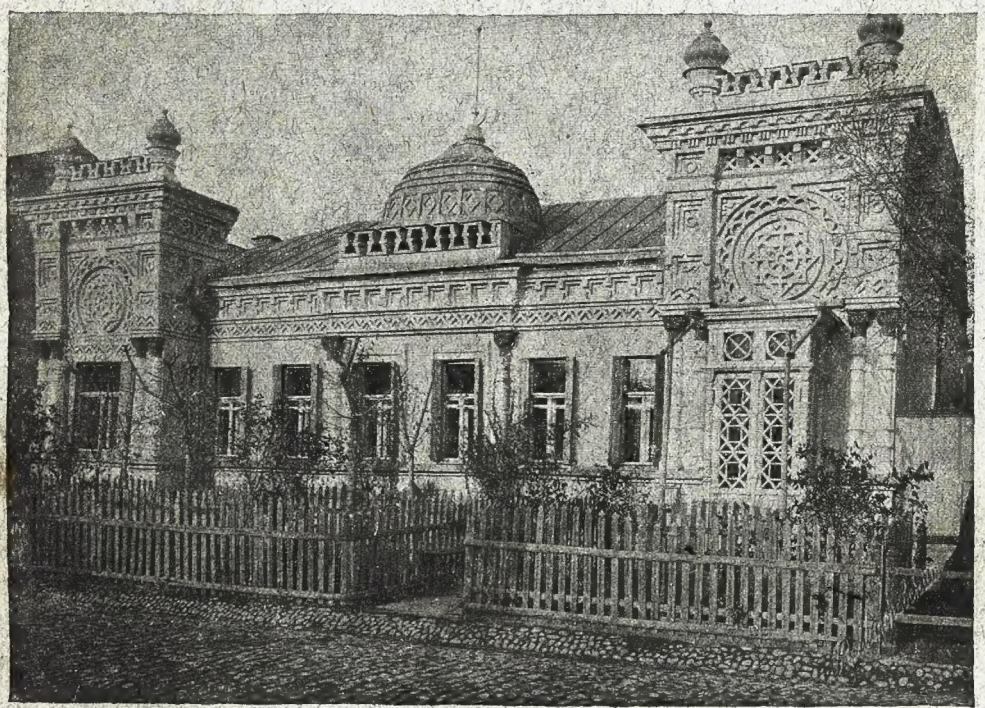
XXV

САРАТОВСКАЯ

УЧЕНАЯ

АРХИВНАЯ КОМИССІЯ.



Фасадъ дома Комиссіи.

САРАТОВЪ.
Типографія Союза Печатнаго Дѣла.
1911.

115 2/129

25 лѣтіе САРАТОВСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССІИ.

1886 $\frac{12}{XII}$ 1911 г.

Историческій очеркъ. Составилъ В. П. Соколовъ.

Краткія біографіи. Составилъ Н. Ф. Хованскій.

3/29

САРАТОВЪ.
Типографія Союза Печатнаго Дѣла.
1911.

Оглавленіе.

Историческій очеркъ Комиссіи. Составилъ В. П. Соколовъ:

	Стр.
Гл. I. Переписка объ открытіи въ Саратовѣ Ученой Архивной Комиссіи и др. подобныхъ ей обществъ.	1— 28
Гл. II. Открытіе Комиссіи	28— 33
Гл. III. Дѣятельность Комиссіи въ первые годы ея существованія	33— 58
Гл. IV. Мысль о составленіи Историч. Сборника . . .	58— 71
Гл. V. Приготовленіе къ 300-лѣтнему юбилею Саратова.	71— 79
Гл. VI. Участіе Комиссіи въ торжествѣ юбилея	79— 84
Гл. VII. Внутренніе распорядки Комиссіи.	84— 90
Гл. VIII. Работы по архиву, музею и библіотекѣ Комиссіи	90— 99
Гл. IX. Странствованія Комиссіи по разнымъ квартирамъ.	99—108
Гл. X. Помѣщеніе Комиссіи въ городскомъ зданіи при Публичной Библіотекѣ.	108—114
Гл. XI. О матеріальныхъ средствахъ Комиссіи	114—130
Гл. XII. Научно-издательская дѣятельность Комиссіи . .	130—164
Гл. XIII. Значеніе Комиссіи и ея заслуги для областной науки и мѣстнаго края	164—198
Гл. XIV. Пожертвованіе А. А. Тилло Комиссіи дома . .	198—209
Гл. XV. Описаніе дома.	209—215
Гл. XVI. Заключеніе	215—223
Добавленіе къ очерку	225—253
Списокъ членовъ Комиссіи: учредителей, почетныхъ и дѣйствительныхъ	253—261
Должностныя лица Комиссіи	261—262

Краткія біографіи членовъ Комиссіи. Составилъ Н. Ф. Хованскій . . . . . 1— 45

САРАТОВСКАЯ УЧЕНАЯ АРХИВНАЯ КОМИССІЯ

за 25 лѣтъ ея существованія

(12 декабря 1886 — 12 декабря 1911 года).

I.

Сегодня наша Комиссія—именинница. Именинницы и именинники въ день своихъ именинъ обычно оглядываются назадъ, считаютъ годы своего существованія на бѣломъ свѣтѣ и взираютъ на свое будущее, смотря по настроенію и сложившимся обстоятельствамъ, то радостно, то мрачно...

Оглянемся и мы назадъ въ день нашей именинницы, на ея прошлое, которое въ значительной степени поможетъ намъ предугадать ея будущее.

Что же видимъ мы въ прошломъ нашей Комиссіи? При какихъ условіяхъ появилась она на бѣлый свѣтъ? Въ какомъ положеніи была она въ своей юности? Какъ протекли ея послѣдующіе годы и каково положеніе ея въ настоящее время?

Отвѣтомъ на эти вопросы пусть будутъ нижеслѣдующія строки.

Создателемъ и насадителемъ въ Россіи Ученыхъ Архивныхъ Комиссій былъ Николай Васильевичъ Калачовъ (род. 2 мая 1819, умеръ 25 окт. 1885 года).

Сдѣлавшись въ 1865 году директоромъ Московскаго архива министерства юстиціи, заключающаго въ себѣ массу еще неизвѣстныхъ тогда актовъ XVII столѣтія, Калачовъ началъ издавать отдѣльные акты и лелѣять непокидавшую его до самой смерти мечту, издать въ

хронологическомъ порядкѣ всѣ наиболѣе важные документы.

Но начавъ обозрѣніе сказаннаго архива и убѣдившись, что подобныя же богатства имѣются и въ другихъ архивахъ, находящихся во многихъ мѣстностяхъ Россіи, Калачовъ окрѣпъ въ той мысли, что одному или немногимъ наличнымъ силамъ съ этою обширной областью не справиться. Если и въ полѣ одинъ не воинъ, то въ этой громадной области безъ значительной плеяды хорошо подготовленныхъ ученыхъ—скорыхъ и хорошихъ результатовъ достигнуть невозможно.

И вотъ предъ нимъ сталъ носиться образъ спеціальной школы, которая могла бы готовить свѣдущихъ архивистовъ.

Обстоятельства того времени много помогли Калачову въ осуществленіи его мысли о такой школѣ. По примѣру естествоиспытателей, въ Россіи стали устраиваться съѣзды археологовъ.

Первый съѣздъ археологовъ былъ въ Москвѣ въ 1869 году, а второй съѣздъ—въ Петербургѣ въ 1872 г.

На второмъ съѣздѣ возникла мысль серьезно заняться русскими архивами. Съѣздъ въ своей средѣ образовалъ особую комиссію объ устройствѣ архивовъ и принялъ ея единогласное заключеніе ходатайствовать предъ правительствомъ объ учрежденіи, съ Высочайшаго соизволенія, временной комиссіи изъ представителей разныхъ вѣдомствъ для обсужденія вопросовъ относительно устройства архивовъ и храненія въ нихъ документовъ и составленія положенія о главной архивной комиссіи, какъ *правительственнаго учрежденія*, и объ ея отношеніи къ архивамъ разныхъ вѣдомствъ.

Высочайше утвержденная комиссія объ устройствѣ архивовъ открылась въ 1873 году, подъ предсѣдательствомъ Н. В. Калачова, который былъ головою и душою ея работъ.

Въ этой комиссіи онъ впервые развилъ свою давнюю мысль о необходимости создать въ Россіи Археологическій Институтъ, въ которомъ молодые люди, окон-

чившіе курсъ въ университетѣ, дополняли бы свое классическое и юридическое образованіе изученіемъ отечественныхъ древностей и палеографіи, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи могли они занимать мѣста начальниковъ архивовъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи.

При этомъ Калачовъ сообщилъ, что онъ уже рѣшился привести эту мысль въ осуществленіе и проситъ у комиссіи содѣйствія для разработки проекта этой школы.

По мѣрѣ разработки вопросовъ объ этомъ въ комиссіи, у Калачова въ создавшемся уже образѣ Археологическаго Института стала рисоваться необходимая для него „надбавка“, которую онъ старался разъяснить на третьемъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ въ 1874 году; именно о необходимости создать въ главныхъ центрахъ Россіи *центральные архивы,* по одному на нѣсколько губерній, и при каждомъ такомъ архивѣ открыть *историческое общество,* причемъ центральный архивъ будетъ собирать и хранить документы, а дѣйствующее при немъ Историческое общество будетъ приводить эти документы въ извѣстность и подвергать ихъ разработкѣ.

Комиссія начертала проекты о главной архивной комиссіи и Археологическомъ Институтѣ, но этимъ проектамъ не суждено было осуществиться, главнымъ образомъ, по недостатку средствъ.

Но Калачовъ не отказался отъ своей мысли: не удалось открыть правительственный Институтъ, могло удасться создать частный Археологическій Институтъ, который, какъ предполагалъ онъ, не будетъ лишенъ поддержки отъ правительства. Такъ оно и случилось.

Въ 1877 году въ Петербургѣ возникъ Археологическій Институтъ по плану, выработанному Калачовымъ и Высочайше утвержденному 23 іюля 1877 года „положенію“ объ Археологическомъ Институтѣ въ видѣ опыта на 4 года для приготовленія спеціалистовъ по русской старинѣ и для занятія мѣстъ въ архивахъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ.

15 января 1878 года Институтъ былъ открытъ.

Привѣтствуя собравшихся на открытіе Института, Калачовъ, между прочимъ, сказалъ: „Мирная наука древностей... приготовляетъ... обширное поле, на которомъ придется ей... собирать драгоцѣнные, уцѣлѣвшіе отъ вѣковыхъ бурь остатки первобытнаго народнаго языка, народныхъ вѣрованій и обычаевъ, изучать письменные и вещественные памятники прошлой жизни для того, чтобы уяснить себѣ весь бытъ, всю обстановку столь близкихъ и дорогихъ намъ (славянскихъ) народовъ. Но и древности собственно наши—бытъ, языкъ и памятники Русскаго государства еще нами только что затронуты; для всесторонняго разслѣдованія и изученія ихъ надлежитъ посвятить себя этому дѣлу цѣлой массѣ трудолюбивыхъ и хорошо подготовленныхъ къ нему на теоретическихъ и практическихъ основахъ любителей и цѣнителей разныхъ сторонъ отечественной старины".

Въ этихъ словахъ Калачова заключается программа дѣятельности Археологическаго Института. Но осуществленіе такой программы однимъ Институтомъ было бы невыполнимо. Вотъ почему Калачовъ энергично настаивалъ предъ Академіею Наукъ осуществить давно задуманное имъ дѣло губернскихъ историческихъ архивовъ и ученыхъ архивныхъ комиссій. Настоянія его не были безплодны. Академія Наукъ выработала проектъ положенія о губернскихъ историческихъ архивахъ и ученыхъ архивныхъ комиссіяхъ. Этотъ проектъ былъ внесенъ 15 марта 1884 г. президентомъ Академіи Наукъ (онъ же министръ вн. дѣлъ), гр. Дм. Андр. Толстымъ, съ Высочайшаго соизволенія, въ Комитетъ министровъ, который призналъ это дѣло заслуживающимъ полнаго сочувствія и испросилъ Высочайшее соизволеніе на учрежденіе такихъ комиссій и историческихъ архивовъ въ видѣ опыта въ четырехъ губернскихъ городахъ: Твери, Рязани, Тамбовѣ и Орлѣ.

Высочайшее соизволеніе послѣдовало въ 13 день апрѣля 1884 года, причемъ министру внутр. дѣлъ предоставлено, въ случаѣ надобности и имѣющихся средствъ,

разрѣшать открытіе подобныхъ же учрежденій и въ другихъ губерніяхъ.

Самыя основанія, на которыхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ предположено было учрежденіе губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій и историческихъ архивовъ, заключаются въ слѣдующемъ:

1) Для сосредоточенія и вѣчнаго храненія архивныхъ дѣлъ и документовъ, не требующихся для текущаго дѣлопроизводства, но болѣе или менѣе важныхъ въ историческомъ отношеніи, учреждаются въ губерніяхъ мѣстные историческіе архивы.

2) Собираніе и приведеніе въ порядокъ означенныхъ архивныхъ дѣлъ и документовъ возлагаются на учреждаемую для сего въ губерніи ученую архивную Комиссію.

3) Ученыя губернскія архивныя Комиссіи составляются, по взаимному соглашенію директора Археологическаго Института въ С.-Петербургѣ съ мѣстнымъ губернаторомъ, какъ изъ служащихъ, такъ и не состоящихъ на службѣ въ губерніи лицъ, могущихъ быть полезными Комиссіи своими познаніями и усердіемъ къ дѣлу. Губернаторъ есть Непремѣнный Попечитель таковой Комиссіи.

4) Предсѣдатель и правитель дѣлъ ученой Комиссіи, а въ случаѣ надобности, и помощникъ предсѣдателя, избираются самою Комиссіею въ первое ея засѣданіе.

5) На обязанности ученой Комиссіи лежатъ: а) разборъ дѣлъ и документовъ, предназначенныхъ въ губернскихъ и уѣздныхъ архивахъ разныхъ вѣдомствъ къ уничтоженію, для выдѣленія изъ нихъ тѣхъ столбцовъ и бумагъ, которые, по представляемому ими интересу въ научномъ отношеніи, подлежатъ передачѣ для храненія въ историческій архивъ; б) составленіе таковымъ документамъ и дѣламъ надлежащихъ описей и указателей и в) расположеніе ихъ въ такомъ порядкѣ, чтобы они были доступны для ученыхъ занятій.

6) Копіи съ упомянутыхъ выше описей и указателей и годовые отчеты о своихъ занятіяхъ ученыя Комиссіи представляютъ въ концѣ года (не позже ноября) директору Археологическаго Института, который доводитъ о нихъ до свѣдѣнія Императорской Академіи Наукъ, въ видѣ отчета о трудахъ за истекшій годъ по архивному дѣлу въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ учреждены такія Комиссіи.

7) Ученыя Комиссіи, независимо отъ прямой своей обязанности, могутъ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, включать въ кругъ своихъ занятій розысканіе, описаніе и объясненіе всякихъ другихъ памятниковъ старины.

8) Расходы, необходимые на содержаніе и занятія ученыхъ губернскихъ архивныхъ Комиссій, покрываются изъ средствъ, имѣющихся въ распоряженіи директора Археологическаго Института, и изъ мѣстныхъ пожертвованій на пользу науки. О лицахъ же, оказывающихъ Комиссіи особыя услуги своимъ усердіемъ, директоръ Института представляетъ на усмотрѣніе президента Императорской Академіи Наукъ.[1])

Въ силу 3 п. „Положенія“, Н. В. Калачовъ, какъ директоръ Археологическаго Института, лично открылъ 4 ученыя архивныя Комиссіи: въ Твери, Рязани, Тамбовѣ и Орлѣ, а нѣсколько позднѣе—въ г. Костромѣ, и затѣмъ имѣлъ утѣшеніе въ 1885 году представить президенту Академіи Наукъ свой докладъ какъ объ открытіи этихъ Комиссій, такъ и о томъ, что „успѣхъ этого дѣла превзошелъ его ожиданія“, изъ чего можно заключить, что Комиссіи эти сразу же стали на вѣрный путь работы и проявили должную энергію.

Успѣхъ этихъ Комиссій заставилъ и другіе города хлопотать объ открытіи у нихъ такихъ же Комиссій, или же „обществъ„ разныхъ наименованій.

---

[1]) „Положеніе“ это подписалъ: за министра вн. дѣлъ Товарищъ Министра, Сенаторъ Дурново; скрѣпилъ вице-директоръ Н. Бойсманъ; свѣрялъ за начальника отдѣленія Кондратьевъ. Напечатано „Положеніе“ 6 мая 1884 г., въ Саратовѣ получено 21 мая 1884 г. губернаторомъ Зубовымъ.

Въ Саратовѣ, среди кружка интеллигентныхъ лицъ, также возникла мысль основать мѣстное „Историко-Археологическое Общество“, къ каковой мысли сочувственно относился и саратовскій губернаторъ Алексѣй Алексѣевичъ Зубовъ, къ которому 29 января 1885 года письменно, для поддержки, обратился мѣстный старожилъ, д. ст. сов. Ал. Ив. Шахматовъ.

Въ этомъ письмѣ Шахматовъ говоритъ, что „въ средѣ небольшого кружка саратовскаго общества *давно* возникла мысль устройства мѣстнаго „Историко-Археологическаго общества“ и что приведеніе этой мысли въ исполненіе онъ принялъ на себя, а потому, во время своей поѣздки въ Москву въ ноябрѣ мѣсяцѣ (1884 года?) „предварительно вошелъ тамъ въ сношеніе съ разными лицами, отъ которыхъ весьма много можетъ зависѣть успѣхъ будущихъ дѣйствій предполагаемаго Общества“.

„Въ настоящее время, говоритъ далѣе г. Шахматовъ, —по образцамъ устава Московскаго Археологическаго Общества и устава Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, составленъ мною уставъ „Саратовскаго Историко-Археологическаго Общества“, который онъ при настоящемъ письмѣ представилъ Зубову „на предметъ утвержденія его г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія“.

Учредителями „Общества“ „на первое время“ изъявили желаніе быть: Авдій Ивановичъ Соколовъ (начальникъ Сарат. Маріинской женской гимназіи), Александръ Николаевичъ Минхъ (мировой судья), Федоръ Федоровичъ Чекалинъ (мировой судья), Михаилъ Александровичъ Поповъ (мѣстный землевладѣлецъ), Михаилъ Викторовичъ Готовицкій и самъ авторъ „Устава“ Ал. Ив. Шахматовъ.

Лица эти уже работали по исторіи и археологіи мѣстнаго края, а г. Готовицкій извѣстенъ мѣстному обществу, какъ оріенталистъ, свободно читающій татарскія и арабскія надписи. Кромѣ этихъ лицъ, въ письмѣ указаны: тайн. сов. Н. В. Калачовъ, кн. Ѳ. С. Голицынъ, Д. Л. Мордовцевъ и Н. И. Костомаровъ, которые занимались описаніемъ Саратовскаго края и которые, какъ

думалъ Шахматовъ, не откажутся принять участіе въ трудахъ проектируемаго Общества.

Заканчивая свое письмо, Шахматовъ проситъ Зубова содѣйствовать „осуществленію предполагаемаго общества, такъ какъ только чрезъ его посредство могутъ быть урегулированы всѣ занятія частныхъ лицъ по исторіи, археологіи и этнографіи нашей мѣстности“.

Губернаторъ Зубовъ сочувственно отнесся къ учрежденію въ Саратовѣ проектируемаго Общества и 7 февраля 1885 года отправилъ (за № 690) къ министру нар. просв. ходатайство, въ которомъ изложено: „Члены-учредители проектируемаго къ открытію въ г. Саратовѣ Историко-Археологическаго Общества представили ко мнѣ выработанный ими уставъ Общества, съ ходатайствомъ объ его утвержденіи“.

„Вполнѣ сочувствуя цѣли Общества, поставившей своею задачею: розысканіе и собираніе всякаго рода древностей и памятниковъ, относящихся до исторіи края, а также составленіе описаній историческихъ мѣстностей въ Саратовской губерніи, я имѣю честь представить означенный выше проектъ устава Саратовскаго Историко-Археологическаго Общества на благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства и просить объ его утвержденіи“.

Но вмѣсто „утвержденія“ Устава „Историко-Археологическаго Общества“ получена была 13 іюля 1885 года за № 10,505 Зубовымъ изъ министерства народнаго просвѣщенія бумага съ выпиской, въ копіи, изъ журнала (27 мая 1885 г. № 877) Ученаго Комитета министерства, которому было поручено разсмотрѣніе проекта „Устава“.

Въ „выпискѣ“ же этой сказано что, „при разсмотрѣніи проекта саратовскаго Историко-археологическаго общества, прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что проектъ этотъ составленъ и подписанъ только четырьмя лицами, изъ коихъ двое состоятъ уже членами другихъ однородныхъ по своимъ цѣлямъ ученыхъ обществъ, Московскаго и Туркестанскаго. Не заключается ли въ этомъ нѣкотораго указанія на ску-

дость и малую распространенность умственныхъ интересовъ въ нашемъ провинціальномъ мірѣ? Предполагаемое ученое общество будетъ, конечно, стремиться къ возбужденію этихъ интересовъ, и въ этомъ отношеніи мысль объ его основаніи въ такомъ по населенію обширномъ и по средствамъ богатомъ городѣ, какъ Саратовъ, конечно, заслуживаетъ полнаго сочувствія и одобренія. Но, съ другой стороны, при явной недостаточности силъ и при неизбѣжной скудости средствъ, не скажется ли предполагаемое общество преждевременною затѣею нѣсколькихъ увлекающихся личностей, не будетъ ли оно съ самаго начала учрежденіемъ мертворожденнымъ, числящимся только на бумагѣ? Даже наши университетскіе города не всѣ могутъ похвалиться существованіемъ ученыхъ обществъ такого рода, какъ проектируемое Саратовское".

Далѣе отмѣчаются дефекты проекта „Устава", въ которомъ „говорится о раскопкахъ, о собираніи грамотъ и актовъ, о коллекціяхъ монетъ, но не говорится ничего о помѣщеніи для всего этого"; средствъ для существованія общества слишкомъ недостаточно—всего 100 р. въ годъ, которые, по проекту, будутъ составляться изъ взносовъ 4 членовъ-учредителей. „Спрашивается, восклицаетъ Ученый Комитетъ, можно ли съ этимъ начинать какую-либо серіозную дѣятельность, предпринимать раскопки, основывать коллекціи".

„Правда, оговаривается далѣе Комитетъ—что предполагаются взносы дѣйствительныхъ членовъ въ 10 р. ежегодно, но... пока нѣтъ основанія разсчитывать на большое количество таковыхъ членовъ, тѣмъ менѣе на аккуратность или обиліе взносовъ".

Въ виду такихъ соображеній Комитетъ нашелъ болѣе подходящимъ открыть въ Саратовѣ ученую губернскую архивную комиссію съ историческ. архивомъ „на подобіе уже существующихъ Тверской, Рязанской, Тамбовской и Орловской", что было бы согласно съ желаніемъ Н. В. Калачова, сдѣлавшаго „по этому случаю весьма авторитетное заявленіе о возможности учрежденія въ

Саратовѣ“ такой именно Комиссіи, тѣмъ болѣе, что „въ весьма существенныхъ чертахъ эти архивныя комиссіи сходятся по своему назначенію съ предполагаемымъ въ Саратовѣ Историко-Археологическимъ Обществомъ, преслѣдуютъ тѣ же цѣли изученія мѣстной старины, для чего, прежде всего, необходимо собираніе, приведеніе въ извѣстность и описаніе дѣлъ и документовъ, хранящихся въ мѣстныхъ архивахъ“; кромѣ того, „въ самомъ положеніи объ архивныхъ губернскихъ комиссіяхъ прямо сказано, что“ онѣ... „могутъ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, включать въ кругъ своихъ занятій розысканіе, описаніе и объясненіе *всякихъ другихъ* памятниковъ старины, т. е. помимо документальныхъ и письменныхъ“.

Но особенно важнымъ обстоятельствомъ Комитетъ считаетъ то, что „учрежденіе архивныхъ комиссій предполагаетъ взаимодѣйствіе правительства и общества“, такъ какъ, члены ихъ назначаются по соглашенію директора Археологическаго Института въ С.-Петербургѣ съ мѣстнымъ губернаторомъ какъ изъ служащихъ, такъ и не состоящихъ на службѣ лицъ“; расходы же, необходимые на содержаніе и занятія комиссіи, „покрываются изъ средствъ, имѣющихся въ распоряженіи директора Археологическаго Института и изъ мѣстныхъ пожертвованій на пользу науки“.

А отсюда—заключаетъ Комитетъ,—„ясно, что ученыя архивныя комиссіи, съ одной стороны, открываютъ путь къ научной дѣятельности мѣстнымъ любителямъ старины..., а съ другой стороны, онѣ и матеріально и нравственно обезпечиваютъ прочность существованія и полезное направленіе дѣятельности ученаго учрежденія. Въ виду такой очевидной выгоды соединенія силъ и средствъ“ Комитетъ полагалъ, что „было бы не лишнимъ обратить вниманіе лицъ, подписавшихъ проектъ устава саратовскаго Историко-Археологическаго Общества, на представляющуюся имъ возможность войти предварительно въ сношенія съ директоромъ Археологическаго Института.., и ходатайствовать чрезъ посред-

ство его, или же прямо предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ объ открытіи въ Саратовѣ ученой архивной комиссіи и мѣстнаго историческаго архива, если возможно, съ музеемъ для древностей вещественныхъ".

Что касается проекта устава въ теперешнемъ его видѣ, то „изложеніе его, по мнѣнію Комитета, нуждается въ исправленіяхъ и улучшеніяхъ". Такъ, 1) въ § 2 сказано, что общество имѣетъ цѣлью произведеніе раскопокъ кургановъ и „другихъ мѣстностей" въ Саратовской губерніи. Выраженіе „и другихъ мѣстностей" Комитетъ нашелъ „неумѣстнымъ" и предложилъ замѣнить его словами „земляныхъ насыпей" или „первобытныхъ сооруженій" и т. п., ибо „нужно показать, что общество не угрожаетъ раскапывать цѣлыя поля и деревни, населенныя и не населенныя мѣстности губерніи"; 2) § 6 изложенъ весьма неудовлетворительно въ литературномъ отношеніи: „Общество обязано обнародывать труды свои посредствомъ печатанія въ Саратовскомъ Сборникѣ, издающемся Саратовскимъ Статистическимъ Комитетомъ безденежно". Слово „безденежно"—неподходящее и относится и къ слову „печатанія" и къ слову „издающемся"; а дальше изложено такъ, что члены общества могутъ печатать въ частныхъ періодическихъ изданіяхъ только необработанные свои труды, сырые матеріалы и ихъ описаніе, и лишаются права печатать что либо вполнѣ отдѣланное и литературное; 3) въ § 10 сказано, что „въ дѣйствительные члены Общества избираются лица, заявившія Своими трудами и познаніями по исторіи или археологіи участіе въ цѣляхъ общества". Комитетъ предложилъ свою редакцію: „извѣстныя своими познаніями въ мѣстной исторіи и археологіи и способныя своими трудами содѣйствовать достиженію цѣлей общества"; 4) въ § 13 неловко выражена очень простая и понятная мысль: „Дѣйствительные члены обязаны содѣйствовать цѣлямъ общества *археологическими памятниками* своихъ собраній или изысканій", вмѣсто „открывая доступъ къ нимъ или облегчая возможность ознакомленія съ ними". 5) въ § 17 о почетныхъ членахъ обще-

ства сказано неопредѣленно и неясно. Требуется все передѣлать; 6) въ § 42 сказано: „члены-корреспонденты могутъ высказывать свои мнѣнія только въ научныхъ обсужденіяхъ,“ вмѣсто „въ сужденіяхъ по научнымъ вопросамъ“.

Такое заключеніе свое Ученый Комитетъ представилъ 28 мая 1885 г. „на благоусмотрѣніе“ министра народнаго просвѣщенія, товарищъ коего, кн. Волконскій, вполнѣ соглашаясь съ замѣчаніями и заключеніемъ Ученаго Комитета, возвратилъ проектъ Устава при бумагѣ отъ 6 іюля 1885 года за № 10,505 на имя Саратовскаго губернатора, а послѣдній отношеніемъ, отъ 17 іюля 1885 года за № 2915, увѣдомилъ подателя проекта устава А. Ив Шахматова о возвращеніи проекта, съ приложеніемъ выписки изъ журнала Ученаго Комитета при министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Проектъ Устава былъ заново переработанъ и выправленъ согласно вышесказаннымъ указаніямъ Ученаго Комитета, что видно, между прочимъ, изъ того, что въ проектъ внесены подлинныя выраженія Ученаго Комитета, какъ, напр. „первобытныхъ сооруженій“ (въ § 2) и др.; а фраза о высказываніи членами-корреспондентами своихъ мнѣній совсѣмъ вычеркнута изъ § 42.

Самое названіе проекта устава было теперь другое —„Проектъ устава Саратовскаго общества исторіи, археологіи и этнографіи“. Изложенъ онъ былъ короче и литературнѣе, чѣмъ прежній проектъ. Доставленъ онъ былъ А. Ив. Шахматовымъ въ типографію саратовской губернской Земской Управы для напечатанія въ количествѣ 25 экземпляровъ, но губернаторъ Зубовъ, на запросъ Управы, можно-ли напечатать проектъ, отвѣтилъ (22 сент. № 3777), что такого разрѣшенія дать онъ не можетъ „въ виду того, что подобныя произведенія печати, согласно циркулярнаго разъясненія министра вн. дѣлъ отъ 10 ноября 1875 г. № 5238, выпускаются въ свѣтъ съ разрѣшенія общихъ цензурныхъ установленій; когда же разрѣшеніе отъ цензуры на напечатаніе проекта было дано, Шахматовъ письмомъ отъ 17 окт. 1885 г. просилъ Зу-

бова „о препровожденіи“ измѣненнаго проекта и приложеннаго къ нему „объясненія“, по поводу замѣчаній Ученаго Комитета, министру народнаго просвѣщенія „для утвержденія и разсмотрѣнія“. И проектъ и „объясненіе“ были подписаны однимъ г. Шахматовымъ „по уполномочію г.г. членовъ—учредителей“.

Въ этомъ „объясненіи“, адресованномъ Н. В. Калачову, Шахматовъ пишетъ: „Всѣ члены-учредители предполагаемаго нами общества—по преимуществу мѣстные помѣщики, проводящіе лѣто по деревнямъ своимъ, какъ и я самъ, а потому, чтобы познакомить ихъ съ содержаніемъ письма вашего.. и съ выпискою журнала Ученаго Комитета, приходилось выжидать случаевъ нашего столкновенія въ Саратовѣ, и результатомъ такихъ свиданій было порученіе мнѣ представить въ Ученый Комитетъ объясненіе по поводу соображеній, высказанныхъ въ журналѣ его отъ 27 мая, исправить проектъ устава Саратовскаго общества согласно сдѣланныхъ замѣчаній Комитетомъ и вновь просить объ его утвержденіи, что мною и исполнено.“

„Позволяю себѣ высказать вашему превосходительству, что постановленіе Ученаго Комитета отъ 27 мая по поводу утвержденія проекта устава нашего общества крайне прискорбно въ особенности потому, что оно основано всецѣло на заявленіи вашемъ, дворянина нашей же губерніи, отъ котораго мы разсчитывали встрѣтить не одно сочувствіе, но (и) большую помощь въ министерствѣ народн. просв. по утвержденію устава мѣстнаго Историко-Археологическаго Общества“.

„Мысль объ устройствѣ въ Саратовѣ таковаго Общества бродила давно уже въ средѣ лучшаго саратовск. общества. Еще князь Гагаринъ (бывшій губернаторъ саратовскій), Давыдовъ и Рославлевъ (бывшіе губернскіе предводители дворянства) старались осуществить эту мысль. За ихъ время стали появляться въ журналахъ Статистическаго Комитета историческія статьи Мордовцева (секретаря Комитета), Соколова (А. Ив., бывшаго директора мужской гимназіи) и др. лицъ; нѣкоторыя частныя лица занялись

раскопкою кургановъ около Саратова и найденное въ нихъ было пожертвовано въ кабинетъ мѣстной гимназіи; нѣкоторые занимались собираніемъ монетъ, попадающихся въ курганахъ дер. Увека, которыя высылались въ казанскій университетъ".

„За время кн. Гагарина было составлено нѣсколько комиссій для разбора старыхъ архивныхъ дѣлъ по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ для распредѣленія: которыя изъ тѣхъ дѣлъ полезно оставить на храненіе, которыя могутъ подлежать уничтоженію. Губернскимъ дворянскимъ собраніемъ я былъ избранъ предсѣдателемъ одной изъ такихъ комиссій по разбору архива депутатскаго собранія. По любви къ дѣлу, задачу свою я исполнилъ, но работалъ только одинъ съ помощью своего письмоводителя. Въ члены другихъ комиссій администраціею было избрано, приглашено и назвалось очень много лицъ.—много было обѣщано и говорено, но ничего почти не сдѣлано. Между тѣмъ архивы казенной палаты, губернскаго правленія и бывшей конторы иностранныхъ поселенцевъ, представляющіе очень много интереса для исторіи края, остаются нетронутыми по сіе время, такъ какъ нельзя считать за разборъ ихъ то, что отъ времени до времени рылись въ нихъ покойный Костомаровъ, Мордовцевъ, Чекалинъ, Соколовъ (А. Ив.) и еще нѣсколько лицъ, отыскивая имъ нужныя свѣдѣнія и матеріалы".

„Галкинъ-Врасскій за $9^1/_2$ лѣтъ губернаторства въ Саратовѣ старался осуществить идею устройства мѣстнаго Историко-Археологическаго Общества и Музея, для котораго при Статистическомъ Комитетѣ собраны, по иниціативѣ Галкина-Врасскаго, много разныхъ предметовъ по археологіи и этнографіи. Въ тѣхъ же видахъ за время управленія губерніей Ѳ. Ив. Тимирязева сталъ издаваться при Статистическомъ Комитетѣ „Саратовскій Сборникъ" для описанія края въ статистическомъ, археологическомъ, историческомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Изданіе этого „Сборника" выдержало только два выпуска, но не вслѣдствіе недостатка матеріаловъ для

помѣщенія въ немъ, а единственно за неимѣніемъ правильной организаціи и направленія дѣла изданія „Сборника“ и ограниченныхъ средствъ Статистическаго Комитета. Одновременно почти явилось предложеніе г. Боголюбова (Н. П.) объ устройствѣ въ Саратовѣ Радищевскаго музея изъ пожертвованныхъ имъ картинъ, вещей и разныхъ предметовъ искусства, и тогда мысль объ устройствѣ Археологическаго музея осталась на заднемъ планѣ“.

„Всѣ эти обстоятельства заставили любителей древности и исторіи своего родного края соединиться въ болѣе тѣсный кружокъ и, на основаніи вашихъ же (Калачева) разговоровъ съ нынѣшнимъ начальникомъ губерніи А. А. Зубовымъ за время посѣщенія вашимъ превосходительствомъ Саратова года два тому назадъ, предположили (мы) образовать въ Саратовѣ отдѣленіе или Московскаго Археологическаго Общества, такъ какъ нѣкоторые изъ насъ состоятъ уже членами-корреспондентами, или отдѣленіе Общества Любителей Древностей Россійскихъ. Вслѣдствіе моихъ личныхъ бесѣдъ съ покойнымъ гр. А. С Уваровымъ и Ив. Ег. Забѣлинымъ оказалось устройство въ Саратовѣ отдѣленія которагонибудь изъ этихъ Обществъ, въ силу ихъ уставовъ, невозможно. Тогда, по совѣту ихъ, Уварова и Забѣлина, приступлено было къ составленію, по образцамъ уставовъ ихъ обществъ, проекта самостоятельнаго саратовскаго Историко-Археологическаго Общества.

„Собственно говоря, продолжаетъ г. Шахматовъ„— Общество наше de facto существуетъ уже нѣсколько лѣтъ въ лицѣ: А. Ив. Соколова, кн. Ѳ. С. Голицына, А. Н. Минхъ, Ѳ. Ѳ. Чекалина и меня, имѣется даже зачатокъ музея, состоящій. кромѣ археологическихъ вещей, изъ библіографическихъ рѣдкостей, нѣсколькихъ свитковъ старинныхъ актовъ и дѣлъ XVII в. и др. предметовъ, намѣченныхъ для пожертвованія въ будущій музей Общества, когда оно будетъ утверждено, или въ музей Археологической Комиссіи, но не иначе какъ съ отведеніемъ въ ономъ для Общества нашего отдѣльной ком-

наты. Всѣмъ было извѣстно объ устройствѣ правительствомъ въ губерніяхъ ученыхъ Археологическихъ Комиссій, извѣстенъ былъ и кругъ ихъ дѣйствій, но никогда не приходило мысли, чтобы устройство этихъ Комиссій могло послужить препятствіемъ къ утвержденію составленнаго нами проекта устава Саратовскаго Общества, устраиваемаго по частной иниціативѣ. Напротивъ, покойный гр. Алексѣй Сергѣевичъ (Уваровъ) отнесся къ учрежденію Общества въ Саратовѣ очень сочувственно. Иванъ Егоровичъ (Забѣлинъ) обѣщалъ принять участіе въ трудахъ нашего Общества сообщеніемъ всего, что встрѣчено будетъ имъ въ московскихъ архивахъ по устройству въ районѣ нынѣшней Саратовской губерніи по Волгѣ подворій Новоспасскаго, Воскресенскаго и др. монастырей, а также относительно Увека; Николевъ—по архиву министерства юстиціи, Токмаковъ—по архиву мин-ва иностран. дѣлъ изъявили готовность принять участіе въ трудахъ проектируемаго Сарат. Общества. Здѣсь, въ Саратовѣ, лицъ, приглашенныхъ и изъявившихъ желаніе быть членами-учредителями Историко-Археологическаго Общества, дѣйствительно немного, пока только 16, и это не вслѣдствіе скудости и малой распространенности умственныхъ интересовъ въ нашемъ провинціальномъ мірѣ, какъ предположилъ Ученый Комитетъ, видя 4 подписи на проектѣ устава, а потому, что мы положили за правило, для устраненія мертворожденности Общества, пригласить къ участію въ учрежденіи онаго только лицъ, которыя могутъ дѣйствительно принести пользу Обществу трудами своими и знаніемъ, не увлекаясь въ этихъ приглашеніяхъ и въ выборахъ ни богатствомъ, ни общественнымъ положеніемъ, ни чинами намѣченнаго лица, и чтобы члены-учредители были попреимуществу изъ мѣстныхъ дворянъ, извѣстныхъ своею любовію къ исторіи и археологіи края. Выходить изъ тѣснаго кружка другъ друга хорошо знакомыхъ, приглашая въ учредители Общества всѣхъ, заявившихъ желаніе быть таковыми, для увеличенія числа членовъ съ денежной точки зрѣнія, мы находимъ неудоб-

нымъ до утвержденія проекта устава, во первыхъ, потому, что въ средѣ кружка, состоящаго въ настоящее время членами-учредителями Сарат. Истор.-Археологич. Общества всегда найдутся денежныя средства для начала дѣйствій Общества, а, во вторыхъ, на основаніи полной увѣренности, что по утвержденіи проекта устава Общества при первомъ губернскомъ земскомъ или дворянскомъ собраніи явится много желающихъ примкнуть къ нашему кружку въ качествѣ членовъ Общества, и выборъ ихъ мы будемъ по возможности дѣлать правильно и по баллотировкѣ.

„Первоначальный проектъ устава нашего Общества при представленіи его въ министерство (нар просв.) былъ подписанъ только 4 лицами, и это вслѣдствіе того, что часть членовъ-учредителей состоитъ изъ представителей дворянства, мировыхъ судей, которые находятся постоянно въ уѣздахъ; нѣкоторые проводятъ зиму въ Петербургѣ или Москвѣ, другіе по дѣламъ службы находились въ отлучкѣ въ уѣздѣ или Петербургѣ, какъ, напр., М. А. Поповъ, который лично былъ въ домѣ Вашего Прва просить принять участіе въ нашемъ Обществѣ, а потому выжидать или разсылать проектъ для подписи всѣхъ членовъ было немыслимо. Въ настоящее время вновь высланный въ министерство уставъ нашего Общества, исправленный согласно замѣчаній Ученаго Комитета съ добавленіемъ къ кругу дѣятельности Общества и этнографіи края, а также объясненія на всѣ тѣ замѣчанія Комитета подписаны мною однимъ, такъ какъ, пока переписывались они набѣло, опять нѣтъ на лицо въ Саратовѣ никого изъ членовъ“.

Въ заключеніе Шахматовъ проситъ Калачова оказать содѣйствіе по учрежденію въ г. Саратовѣ Общества исторіи, археологіи и этнографіи.

Зубовъ то и другое, т. е. и проектъ, и „объясненіе“ г. Шахматова представилъ министру народнаго просвѣщенія 27 октября 1885 года съ особой бумагой—ходатайствомъ отъ себя за № 4317. Но какая судьба постигла это ходатайство—неизвѣстно; изъ „дѣла объ откры-

тіи Саратовской Ученой Архивной Комиссіи" также ничего не видно. Вѣрнѣе всего, что министерство народн. просв. оставило его „безъ послѣдствій".

Извѣстно только, что Зубовъ послалъ министру свое ходатайство уже послѣ полученія (8 того же октября) отъ директора Археологическаго Института Н. В. Калачова письма отъ 6 октября за № 100, въ коемъ, между прочимъ, Калачовъ писалъ о своемъ намѣреніи быть въ Саратовѣ „между 18 и 20 числами октября.. съ тою цѣлью, чтобы собрать болѣе достовѣрныя свѣдѣнія о находящихся близь этого города слѣдахъ арабскаго городка Увека, о которомъ", по его представленію, было „доложено Государю Императору". А затѣмъ, въ концѣ письма Калачовъ проситъ Зубова „на тотъ случай, если бы" онъ, Зубовъ, „призналъ полезнымъ открыть въ одно изъ означенныхъ чиселъ (18 или 20 октября) упомянутую архивную комиссію, пригласить къ таковому дню мѣстныхъ любителей старины, которые могли бы принять участіе въ засѣданіи, имѣющемъ быть по случаю означеннаго открытія".

Такъ какъ Калачовъ здѣсь дѣйствовалъ не за свой страхъ, а по соглашенію съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, и такъ какъ между ними уже рѣшено было открыть въ Саратовѣ именно Ученую Архивную Комиссію съ историческимъ при ней архивомъ, а не Общество исторіи, археологіи и этнографіи, то естественно, что министерство народнаго просвѣщенія отклонило новый проектъ новаго саратовскаго Общества, и Зубову съ авторами этого новаго проекта оставалось только подчиниться министерскому рѣшенію.

Они и подчинились.

Зубовъ 9 октября 1885 года разослалъ письма: Авдію Ив. Соколову, А. И. Шахматову, А. Н. Минхъ, Мих. Ал. Попову, Ѳ. Ѳ. Чекалину, М. Викт. Готовицкому и Вл. Петр. Сартори,—съ приглашеніемъ на 17-е число октября прибыть въ его, Зубова, квартиру въ 1 часъ дня „для предварительнаго совѣщанія по поводу проектируемой къ открытію ученой архивной Комиссіи",

присовокупивъ, что предположеніе объ открытіи (въ Саратовѣ) Общества исторіи и древностей... не осуществилось, такъ какъ Ученый Комитетъ мин. нар. просвѣщенія призналъ за лучшее, по мысли сенатора, директора Археолог. Института г. Калачова, учредить въ г. Саратовѣ...мѣстную ученую архивную Комиссію съ состоящими при ней историческимъ архивомъ и музеемъ"

Изъ приглашенныхъ на совѣщаніе лицъ не явился одинъ Ѳ. Ѳ. Чекалинъ, „не имѣя...возможности по дѣламъ" своей „службы прибыть въ Саратовъ къ назначенному сроку", но обѣщался „съ удовольствіемъ...принять посильное участіе въ будущихъ трудахъ Архивной Коммиссіи".

Въ чемъ состояло „предварительное совѣщаніе" будущихъ членовъ-учредителей Ученой Архивной Комиссіи—не извѣстно, такъ какъ никакихъ записей объ этомъ совѣщаніи не осталось, да едвали оно и было, такъ какъ Зубовъ 14 октября получилъ отъ Калачова со станціи Ртищево телеграмму такого содержанія: „Увѣдомляю ваше превосходительство: отправясь (изъ) Москвы (въ Саратовъ), дорогой заболѣлъ серьезно. Лежу. (Къ) назначенному сроку (въ) Саратовѣ быть не могу. Калачовъ".

Болѣзнь Калачова обострилась. Съ трудомъ добрался онъ до своей семьи, проживавшей въ то время въ своемъ имѣніи при селѣ Волхонщинѣ, Сердобскаго уѣзда, и здѣсь умеръ 25 окт. 1885 года.

Со смертью его, дѣло объ открытіи въ Саратовѣ Ученой Архивной Комиссіи долго оставалось въ неопредѣленномъ положеніи, и Зубовъ бумагой отъ 28 декабря 1885 года за № 5517 спрашивалъ министра внут. дѣлъ, какъ ему въ данномъ случаѣ поступить? „Признавая, съ своей стороны," писалъ Зубовъ,—„весьма желательнымъ открытіе мѣстной ученой архивной Комиссіи въ Саратовѣ съ историческимъ при ней архивомъ, на передачу въ который дѣлъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ Саратовской губерніи послѣдовало въ 4—16 день сентября сего года Высочайшее соизволеніе, я имѣю

честь почтительнѣйше испрашивать указаній Вашего Сіятельства по вопросу о томъ, какъ мнѣ поступить въ предлежащемъ дѣлѣ, такъ какъ на основаніи Высочайше утвержденнаго въ 13 день апрѣля 1884 года положенія Комитета Министровъ разрѣшеніе открытія мѣстныхъ ученыхъ архивныхъ Комиссій зависитъ отъ усмотрѣнія Вашего Сіятельства". Далѣе Зубовъ докладываетъ „о весьма существенномъ затрудненіи. которое встрѣчаетъ открытіе въ Саратовѣ такой Комиссіи и заключается въ отсутствіи...пригоднаго для засѣданій Комиссіи и храненія ея дѣлъ помѣщенія. Помѣщеніе такое возможно было бы пріобрѣсти путемъ найма, на который, равно какъ на возмѣщеніе расходовъ по пріисканію для названной Комиссіи, на возмѣщеніе издержекъ на канцелярскія потребности и другія, въ распоряженіи моемъ,—заканчиваетъ Зубовъ,—нѣтъ никакихъ средствъ".

На этотъ запросъ Зубовъ получилъ 20 января 1886 года отъ тов. министра Плеве увѣдомленіе, отъ 14 янв. № 1088, что министръ вн. дѣлъ не встрѣчаетъ препятствій къ открытію въ Саратовѣ ученой архивной Комиссіи „на основаніяхъ, Высочайше одобренныхъ 13 Апрѣля 1884 г. по положенію Комитета Министровъ". Но такъ какъ самое открытіе Комиссіи обусловливается необходимостью ассигнованія денежныхъ средствъ на наемъ помѣщенія для засѣданій Комиссіи и храненія ея дѣлъ, а также на наемъ сторожа и на канцелярскія потребности, то Зубову „необходимо, согласно п. п. 3 и 8 циркулярнаго предложенія министерства отъ 6 мая 1884 г. за № 4, войти предварительно въ соглашеніе съ директоромъ Археологическаго Института, тайн. совѣтникомъ Андреевскимъ".

Но вмѣсто того, чтобы войти въ соглашеніе съ Андреевскимъ, Зубовъ отправилъ въ министерство вн. дѣлъ новое ходатайство объ утвержденіи прежняго проекта Устава „Историко-Археологическаго Общества". И сдѣлалъ онъ это, надо полагать, по настойчивой просьбѣ вышесказанныхъ лицъ, совершенно скептически, даже подозрительно относившихся къ самой идеѣ ученыхъ

архивныхъ Комиссій и, наоборотъ, любовно относившихся къ своему дѣтищу—„Историко-Археологическому Обществу“, открытія котораго въ Саратовѣ они добивались всякими способами и не смотря на явное несочувствіе къ этому Обществу въ Петербургѣ, особенно въ Археологическомъ Институтѣ.

Вскорѣ изъ министерства вн. дѣлъ, по департаменту общихъ дѣлъ, пришло (6 марта, за № 5031) увѣдомленіе, что „нынѣ же министръ нар. просв. препроводилъ на заключеніе министерства вн. дѣлъ проектъ устава предполагаемаго къ открытію въ Саратовѣ „Историко-Археологическаго Общества“, „къ утвержденію котораго въ Саратовѣ Статсъ-Секретарь Деляновъ препятствій не встрѣчаетъ“ [2]).

Но сообщая объ этомъ Зубову, департаментъ общихъ дѣлъ проситъ его „съ возвращеніемъ прилагаемаго проекта устава названнаго общества увѣдомить: 1) то ли это общество, о которомъ упомянуто въ представленіи“ его, Зубова, „за № 5517; 2) предполагается ли учредить это Общество независимо отъ ученой архивной Комиссіи и историческаго музея и въ такомъ случаѣ нужно мнѣніе вашего превосходительства относительно сего устава; 3) насколько будетъ удобно совмѣстное существованіе этихъ двухъ учрежденій, преслѣдующихъ одинаковыя цѣли; 4) удобно ли будетъ, при образованіи ученой архивной Комиссіи, сохранить § 4-й проектируемаго устава и 5) въ какомъ положеніи находится нынѣ дѣло объ учрежденіи въ Саратовѣ ученой архивной Комиссіи на указанныхъ въ отзывѣ министерства вн. дѣлъ за № 1088 основаніяхъ“.

На этотъ запросъ Зубовъ 9 апрѣля 1886 года отвѣтилъ (№ 1654), что „общество, проектируемое назван-

---

[2]) Впослѣдствіи Деляновъ отказался отъ своего мнѣнія; такъ, саратов. Губ. Правленіе въ отношеніи своемъ отъ 11 янв. 1888 г. № 164 увѣдомило Шахматова, что Деляновъ „къ образованію въ Саратовѣ Общества Исторіи, археологіи и этнографіи“ не нашелъ „достаточныхъ основаній“. Основываясь на отзывѣ бывшаго сарат. губ-ра и заключеніи Ученаго Ком. Мин. Нар. Пр. находившихъ, что лучше открыть въ Саратовѣ ученую арх. Ком., Деляновъ „предпочитаетъ“ открыть именно таковую Комиссію.

нымъ уставомъ (т. е. уставомъ Общества исторіи, археологіи и этнографіи, который, т. е. уставъ при семъ возвращался въ департаментъ общихъ дѣлъ мин. вн. дѣлъ), отличествуетъ отъ губернской ученой архивной Комиссіи, по поводу которой я имѣлъ честь входить съ представленіемъ къ его сіятельству, господину министру вн. дѣлъ 28 декабря истекшаго (1885) года за № 5517. Отличіе это обусловливается какъ содержаніемъ § 2 препровождаемаго у сего проекта устава общества исторіи, археологіи и этнографіи, такъ и тѣми цѣлями, которыя должны главнымъ образомъ преслѣдовать губернскія ученыя архивныя Комиссіи, открываемыя на основаніяхъ, Высочайше одобренныхъ 13 апрѣля 1884 г. по положенію комитета министровъ."

„Такимъ образомъ, заключаетъ Зубовъ—дѣятельность проектируемаго уставомъ Саратовскаго Общества исторіи, археологіи и этнографіи представляется болѣе широкою и разностороннею дѣятельность, чѣмъ ученой архивной комиссіи".

Тѣмъ не менѣе существованіе этихъ двухъ учрежденій въ одно и тоже время представляется, по мнѣнію Зубова, нежелательнымъ, и лично онъ настаивалъ на скорѣйшемъ открытіи въ Саратовѣ Ученой Архивной Комиссіи, къ чему и предпринималъ всѣ зависящія отъ него мѣры. На открытіе таковой Комиссіи, говоритъ Зубовъ, испрошено уже разрѣшеніе министра вн. дѣлъ; вопросъ же о существованіи ея зависитъ нынѣ отъ того, изъявитъ ли директоръ Археологическаго Института свое согласіе на воспособленіе денежными средствами, достаточными для отвода помѣщенія комиссіи и для другихъ потребностей, о которыхъ онъ, Зубовъ, лично говорилъ съ нимъ, директоромъ, въ послѣднюю свою поѣздку въ Петербургъ по дѣламъ своей службы.

Относясь отрицательно къ цѣлямъ, преслѣдуемымъ проектируемымъ Обществомъ исторіи, археологіи и этнографіи, Зубовъ пишетъ, что эти цѣли безъ ущерба для дѣла могли бы, по его мнѣнію, „найти свое осуществленіе ...въ развитіи дѣятельности и въ трудахъ мѣстнаго Ста-

тистическаго Комитета... и въ ученой архивной Комиссіи. Предпочтеніе же послѣднему исходу слѣдуетъ отдать и потому, что Саратовская губернія не можетъ въ средѣ своего населенія насчитать настолько достаточное число лицъ, преслѣдующихъ интересы знанія, чтобы сформированіе особаго Общества исторіи, археологіи и этнографіи не отразилось неблагопріятно на дѣятельности мѣстнаго Статистическаго Комитета и ученой архивной Комиссіи и на числѣ членовъ ихъ."

Обращаясь, въ частности, къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ §§ устава проектируемаго къ открытію Общества исторіи, археологіи и этнографіи, Зубовъ считаетъ необходимымъ остановиться на §§ 4, 45 и 46 устава. Онъ находитъ, что § 4 предоставляетъ предсѣдателю Общества право извлекать нужныя для него, предсѣдателя, свѣдѣнія изъ разныхъ архивовъ и брать подлинныя дѣла, документы, книги, рукописи.

Но, во первыхъ, говоритъ Зубовъ, редакція этого § страдаетъ неопредѣленностью, а, во вторыхъ, нѣкоторыя дѣла, книги и рукописи, по свойству своему, по цѣлямъ и по спеціальнымъ узаконеніямъ не могутъ быть, вопреки закона, не только выдаваемы, но даже и предъявляемы для просмотра. Кромѣ того, этотъ § находится въ противорѣчіи съ 72 ст. т. II общ. губ. учр., изд. 1876 г. §§ 45 и 46 противорѣчатъ другъ другу въ томъ, что по первому изъ нихъ всякое измѣненіе устава возможно только на годичномъ засѣданіи Общества, а по второму—на экстренныхъ засѣданіяхъ.

Что отвѣтилъ Зубову департаментъ общихъ дѣлъ на его послѣднее представленіе и отвѣтилъ-ли, изъ документовъ не видно. Но самъ Зубовъ не успокоился на этомъ представленіи: считая, съ своей стороны, дѣло съ открытіемъ въ Саратовѣ Общества исторіи, археологіи и этнографіи похороненнымъ, а открытіе ученой архивной Комиссіи желательнымъ, онъ писалъ (10 октября 1886 г. № 4359) министру внутреннихъ дѣлъ: „Въ настоящее время вслѣдствіе ожиданій субсидіи отъ уѣздныхъ земствъ и городскихъ общественныхъ управъ губерніи,

въ мое распоряженіе поступятъ денежныя средства, надо полагать, достаточныя для покрытія расходовъ на канцелярскія потребности ученой архивной Комиссіи, на печатаніе протоколовъ и наемъ прислуги. Что-же касается до помѣщенія проектируемой къ открытію ученой архивной Комиссіи, по крайней мѣрѣ, на первое время, то принимая въ соображеніе, что при Саратовскомъ Губернскомъ Правленіи есть двѣ небольшія комнаты, ничѣмъ не занятыя и совершенно безопасныя отъ огня, а потому вполнѣ удобныя для помѣщенія ученой архивной Комиссіи, и что, съ другой стороны, представляется весьма желательнымъ скорѣйшее открытіе въ Саратовѣ названной комиссіи, на передачу которой дѣлъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ Саратовской губерніи послѣдовало въ 4/16 день сентября 1885 г. Высочайшее соизволеніе, я имѣю честь почтительнѣйше испрашивать разрѣшенія Вашего Сіятельства на безплатный отводъ указаннаго помѣщенія въ распоряженіе проектируемой Комиссіи".

Одновременно съ этимъ представленіемъ Зубовъ писалъ (10 октября № 4360) и директору Археологическаго Института, тайн. сов. Ивану Ефимовичу Андреевскому, преемнику Н. В. Калачова: „На письмо Ваше[3]) отъ 10 апрѣля 1886 г. № 77 имѣю честь увѣдомить..., что въ настоящее время имѣется въ виду для помѣщенія мѣстной ученой архивной Комиссіи съ историческимъ архи-

---

[3]) Въ этомъ письмѣ Андреевскій спрашиваетъ Зубова, не найдется-ли въ Саратовѣ удобной для помѣщенія историческаго архива и безопасный въ пожарномъ отношеніи „домикъ" того или другого казеннаго вѣдомства, съ которымъ-бы можно было вступить въ переговоры относительно уступки его подъ архивъ Комиссіи; а если нѣтъ такого домика, то не найдется-ли въ какомъ-либо казенномъ домѣ комнаты три для помѣщенія въ нихъ архива на первые годы, пока не будетъ пріобрѣтенъ отдѣльный домъ; а если и такого помѣщенія не найдется, то не найдется-ли частныхъ жертвователей, которые бы пожелали устроить помѣщеніе для архива. Если то или другое помѣщеніе найдется, то можно-ли надѣяться на полученіе ежегодной субсидіи отъ Городской Думы или Губернскаго Земскаго Собранія на удовлетвореніе необходимыхъ ежегодныхъ издержекъ Комиссіи, которыхъ, по мнѣнію Андреевскаго, при готовомъ помѣщеніи, потребуется не болѣе 500 р. Въ заключеніе Андреевскій проситъ сообщить ему списокъ лицъ, желающихъ вступить въ Комиссію членами, и обѣщаетъ, по полученіи благопріятнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ, немедленно представить министру вн. дѣлъ дѣло объ открытіи въ Саратовѣ Ученой Архивной Комиссіи.

вомъ при ней.... отвести двѣ большія (?) комнаты при Сарат. Губ. Правленіи въ зданіи губернскихъ присутственныхъ мѣстъ. Помѣщеніе это будетъ вполнѣ соотвѣтствовать своей цѣли. Представленіе г. министру внутреннихъ дѣлъ объ отводѣ указаннаго помѣщенія въ распоряженіе Ученой Архивной Комиссіи мною уже сдѣлано„.

„Что касается денежныхъ средствъ, то земства и города Саратовской губерніи дадутъ Комиссіи на первое время отъ 500 до 1000 р. Переписка по этому вопросу еще не окончена и точной цифры указать пока нельзя.

„Относительно состава проектируемой Комиссіи я долженъ упомянуть, что предполагается пригласить въ нее только 12 (?) членовъ; но это все люди преданные занятіямъ по исторіи и археологіи, а именно: кн Ѳ. С. Голицынъ, М. В. Готовицкій, М. С. Кропотовъ, В. В. Лаврскій, А. Н. Минхъ, Ив. В. Смѣльскій, Авд. Ив. Соколовъ, А. Ив. Шахматовъ, А. А. Тилло, Н. И. Непорожневъ, преосвященный Павелъ, В. А. Боголюбовъ, Вл. М. Покровскій и Н. Ст. Соколовъ“.

Считая всѣхъ этихъ лицъ лицъ хорошими и надежными работниками, Зубовъ въ особенности оттѣняетъ Н. С. Соколова: „Послѣдній изъ нихъ—кандидатъ петербургской духовной академіи, по историческому отдѣленію, въ сентябрѣ настоящаго года представившій въ совѣтъ академіи на соисканіе ученой степени магистра свое изслѣдованіе о расколѣ по Саратовскому краю. Въ поискахъ за матеріаломъ для этого сочиненія онъ перебралъ не мало архивовъ саратовскихъ присутственныхъ мѣстъ и хорошо ознакомился съ хранящимися въ нихъ дѣлами и документами. Благодаря научной подготовкѣ и практическому знакомству съ письменными памятниками мѣстной старины, онъ обѣщаетъ быть однимъ изъ очень полезныхъ дѣятелей имѣющей открыться Комиссіи и готовъ взять на себя обязанности секретаря, каковыя соединитъ съ занимаемой имъ нынѣ должностью секретаря Статистическаго Комитета.

„Сообщая о вышеизложенномъ, я въ тоже время, съ цѣлью скорѣйшаго устраненія препятствій, доселѣ тормазившихъ дѣло открытія въ Саратовѣ ученой архивной Комиссіи, просилъ бы ваше превосходительство войти, съ своей стороны, въ непосредственное сношеніе съ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ объ отводѣ для ученой Архивной Комиссіи помянутаго выше помѣщенія и о послѣдующемъ не отказать мнѣ въ увѣдомленіи".

Просьба Зубова къ Андреевскому и его ходатайство предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ относительно уступки двухъ свободныхъ комнатъ въ зданіи губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, наконецъ, были удовлетворены: департаментъ общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ отношеніемъ отъ 21 октября 1886 г. за № 21127, увѣдомилъ его, Зубова, что со стороны министерства вн. дѣлъ не встрѣчается препятствій къ безплатному отводу двухъ, находящихся при Саратовскомъ губернскомъ правленіи, свободныхъ комнатъ подъ помѣщеніе мѣстной Ученой Архивной Комиссіи, о чемъ Губернское Правленіе отношеніемъ, отъ 30 октября 1886 г. № 312, увѣдомило Саратовскій Губернскій Статистическій Комитетъ, для надобностей котораго сказанныя двѣ комнаты были отведены, но которыя имъ, Комитетомъ, не были до сихъ поръ заняты.

Черезъ недѣлю послѣ этого, а именно 7 ноября 1886 г. (№ 4747) Зубовъ писалъ Андреевскому, что, въ виду уступленныхъ для помѣщенія проектируемой Комиссіи двухъ комнатъ, онъ, Зубовъ, находитъ возможнымъ открыть Комиссію, „въ первой половинѣ будущаго декабря", причемъ приложилъ новый, нѣсколько измѣненный и дополненный списокъ лицъ, которыя, по его мнѣнію, могутъ, на первый разъ, войти въ составъ Ученой Архивной Комиссіи и просилъ утвердить этихъ лицъ въ званіи членовъ Комиссіи, а именно: бывшаго Хвалынскаго предводителя дворянства кн. Ѳ. С. Голицына, предсѣдателя Саратовскаго окружнаго суда Н. И. Непорожнева, начальника Саратовской Маріинской женской гимназіи, д. ст. сов. Авдія Ив. Соколова, д. ст. сов. А. И. Шахма-

това, Саратовскаго вице-губернатора А. А. Тилло, Хвалынскаго предводителя дворянства В. В. Безобразова, предсѣдателя Саратовской губернской земской управы М. С. Кропотова, мироваго судью А. Н. Минхъ, мироваго судью Ѳ. Ѳ. Чекалина, землевладѣльца дворянина М. В. Готовицкаго и секретаря Саратовскаго Губерн. Статистическаго Комитета Н. С. Соколова.

Въ отвѣтъ на это ходатайство свое Зубовъ получилъ 25 ноября того-же года отъ Андреевскаго письмо, въ которомъ послѣдній сообщаетъ, что онъ „вошелъ съ представленіемъ къ г. министру вн. дѣлъ, прося разрѣшенія Его Сіятельства на открытіе нынѣ-же въ Саратовѣ Ученой Архивной Комиссіи". Что-же касается предположеннаго состава членовъ Комиссіи, то о нихъ Андреевскій замѣтилъ: „мнѣ остается лишь отъ лица Совѣта Археологическаго Института, близко заинтересованнаго въ успѣхѣ архивнаго дѣла, принести живѣйшую благодарность всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя изъявили готовность принять непосредственное участіе въ дѣятельности Саратовской Ученой Архивной Комиссіи".

Дальше Андреевскій говоритъ, что какъ только получитъ онъ отъ министра вн. дѣлъ предложеніе объ открытіи Саратовской ученой Архивной Коммиссіи, немедленно увѣдомитъ объ этомъ Зубова; въ свою очередь онъ проситъ Зубова сообщить ему о томъ, чѣмъ закончились его хлопоты по изысканію денежной субсидіи Комиссіи отъ земствъ и городовъ Саратовской губерніи, а также и о томъ, кого предполагается избрать въ должности предсѣдателя и секретаря Комиссіи.

Зубовъ отвѣтилъ (3 декабря № 5107) Андреевскому, что министерство внут. дѣлъ еще 14 января сего 1886 года за № 1088 сообщило, что съ его стороны къ открытію въ Саратовѣ Ученой Архивной Комиссіи препятствій не имѣется, что уѣздныя земства Саратовской губерніи отнеслись очень сочувственно къ его, Зубова, предложенію относительно субсидіи Комиссіи и ассигновали въ ея распоряженіе, въ общей сложности, 1150 р., что есть основанія, что и городскія общества Саратов-

ской губерніи дадутъ на этотъ предметъ около такой-же суммы. Что-же касается до предсѣдателя Комиссіи, то этотъ вопросъ еще не предрѣшенъ; секретаремъ-же предположено избрать Н. С. Соколова, „о которомъ, говоритъ Зубовъ,—подробно сообщалось вашему превосходительству въ письмѣ отъ 10 октября настоящаго года за № 4360".

На этомъ оканчивается, вѣрнѣе сказать, обрывается переписка Саратовскаго губернатора Зубова съ министерствами народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ и съ директоромъ Археологическаго Института. Мы говоримъ: „обрывается", потому что въ „дѣлѣ объ учрежденіи Саратовской Ученой Архивной Комиссіи", изъ котораго нами взятъ весь вышеизложенный матеріалъ, нѣтъ самой важной части переписки—нѣтъ обѣщаннаго сообщенія директора Археологическаго Института о разрѣшеніи министромъ вн. дѣлъ открытія въ Саратовѣ сказанной Комиссіи. Быть можетъ, новаго разрѣшенія и не надо было давать, въ виду уже состоявшагося 14 января 1886 года (№ 1088) таковаго разрѣшенія со стороны министерства вн. дѣлъ, но окончательное разрѣшеніе со стороны Археологическаго Института для Зубова было необходимо, такъ какъ по п. 3 положенія Комитета Министровъ губернскія ученыя архивныя комиссіи учреждаются „по взаимному соглашенію" именно „директора Археологическаго Института въ С.-Петербургѣ съ мѣстнымъ губернаторомъ", директоръ же института въ данномъ случаѣ не сказалъ Зубову своего послѣдняго слова, хотя и обѣщалъ его.

II.

Но какъ бы то ни было, а Саратовская Ученая Архивная Комиссія была открыта 12 декабря 1886 года.

Объ этомъ мы узнаемъ изъ печатнаго „Протокола I общаго собранія Саратовской Ученой Архивной Комиссіи 12 декабря 1886 года".

Въ этомъ протоколѣ изложено нижеслѣдующее: „Въ

8 часовъ вечера, по приглашенію г. губернатора, Алексѣя Алексѣевича Зубова, въ домъ его[4]), для открытія губернской Ученой Архивной Комиссіи, прибыли слѣдующія лица: вице-губернаторъ Адольфъ Андреевичъ Тилло, предсѣдатель окружнаго суда Николай Ивановичъ Непорожневъ, начальникъ Саратовской Маріинской женской гимназіи Авдій Иван. Соколовъ, д. ст. сов. Александръ Ивановичъ Шахматовъ, мировой судья Александръ Николаевичъ Минхъ, предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей Николай Николаевичъ Минхъ, землевладѣлецъ Михаилъ Викторовичъ Готовицкій и секретарь Саратовскаго Статистическаго Комитета Николай Степановичъ Соколовъ“[5]).

Открывъ засѣданіе, губернаторъ Зубовъ обратился къ присутствующимъ съ слѣдующею рѣчью:

„Милостивые Государи!

„Два съ половиною года тому назадъ—6 мая 1884 года—г. министръ вн. д. обратился ко всѣмъ гг. губернаторамъ съ такимъ сообщеніемъ: „Государь Императоръ, по положенію Комитета Министровъ, въ 13 день апрѣля 1884 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе, въ видѣ опыта, въ губерніяхъ: Тверской, Тамбовской, Рязанской и Орловской Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Комиссій и историческихъ архивовъ на предложенныхъ министерствомъ вн. дѣлъ основаніяхъ, предоставивъ Министру, въ случаѣ надобности, разрѣшать открытіе подобныхъ же учрежденій и въ другихъ губерніяхъ“.

Затѣмъ, перечисливъ тѣ основанія[6]), на которыхъ министерствомъ вн. дѣлъ предположено учрежденіе Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Комиссій, Зубовъ продолжалъ:

---

[4]) Читайте: „въ квартирѣ его“, такъ какъ у Зубова въ Саратовѣ дома не было; квартира же его помѣщалась въ домѣ купцовъ и мѣщанъ на Московской улицѣ противъ самой ограды единовѣрческой Михаило-Архангельской церкви.

[5]) Нѣкоторыя изъ раньше поименованныхъ лицъ на открытіе Комиссіи, по разнымъ причинамъ, не явились, о чемъ и увѣдомили Зубова письмами, въ которыхъ выражали свое желаніе быть членами Комиссіи.

[6]) См. о нихъ выше.

„Въ Высочайшемъ повелѣніи объ Ученыхъ Архивныхъ Комиссіяхъ, какъ видно, намѣчены были только 4 губерніи, въ которыхъ на первый разъ эти учрежденія открывались въ видѣ опыта. Опытъ оказался удачнымъ. Прошло не болѣе года, и польза новыхъ учрежденій, предпринятыхъ по почину незабвеннаго основателя и перваго директора Археологическаго Института Н. В. Калачова, оказалась [7]) настолько осязательна, что Архивныя Комиссіи стали открываться и въ другихъ губерніяхъ. Такъ, въ 1885 году открылась Архивная Комиссія въ Костромѣ, а въ настоящемъ году—въ Симферополѣ[8]). Цѣль нашего сегодняшняго собранія—открытіе такой же Комиссіи въ Саратовѣ.

„Я не буду останавливаться на выясненіи потребности открытія Саратовской Ученой Архивной Комиссіи. Наша историческая наука такъ молода, территоріальное пространство государства такъ велико, ученыя силы такъ разбросаны, что еще много и много труда и усилій цѣлыхъ поколѣній потребуется, чтобы можно было представить въ настоящемъ свѣтѣ, со всей ясностью и возможной подробностью. прошлыя, историческія судьбы нашего отечества. Исторія обще-русская и притомъ исторія не государства только, но и народа, возможна лишь въ томъ случаѣ, когда предварительно будетъ создана и закончена исторія мѣстная, областная. До настоящаго времени почтенные изслѣдователи мѣстной, областной исторіи встрѣчали массу трудно-преоборимыхъ препятствій на своемъ пути. Нынѣ правительство идетъ имъ на встрѣчу: учрежденіемъ Архивныхъ Комиссій оно подаетъ руку помощи отдѣльнымъ, частнымъ попыткамъ любителей мѣстной исторіи, беретъ ихъ, такъ сказать, подъ свою защиту и попеченіе, открываетъ имъ новое и широкое поле дѣятельности. Крѣпко запертыя доселѣ двери архивовъ разныхъ правительственныхъ

[7]) Въ протоколѣ напечатано: „сказалась“; но это, очевидно, опечатка.

[8]) Вѣроятно, только предположено было въ этомъ году открыть Комиссію, такъ какъ фактически Симферопольская (Таврическая) Комиссія открыта 24 янв. 1887 года. См. нашу статью „Губернскія Ученыя Архивныя Комиссіи“ въ XXIV вып. „Трудов. Сарат. Уч. Арх. Ком.“ за 1908 г., отдѣлъ II, стр. II.

учрежденій отворяются для желающихъ, и тлѣвшія въ нихъ хартіи разрѣшается отнынѣ вынести на свѣтъ и употребить на пользу науки. Не воспользоваться руководящими указаніями и содѣйствіемъ правительства въ дѣлѣ открытія Ученой Архивной Комиссіи—значило бы доказать недостаточность подъема духа и мѣстныхъ силъ на трудъ, столь много обѣщающій.

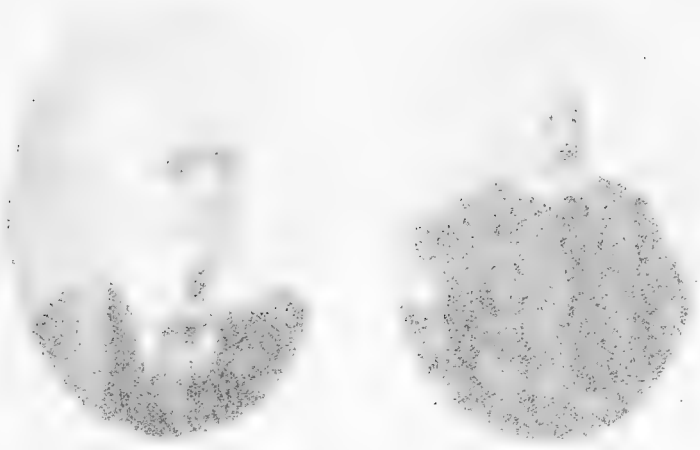
„Такъ взглянуло на дѣло и большинство уѣздныхъ земствъ Саратовской губерніи, ассигновавшихъ, по моему предложенію, на первоначальныя нужды учреждаемой Комиссіи до 1150 р. Такъ же, надѣюсь, взглянутъ города и частныя лица и не откажутъ въ матеріальныхъ пособіяхъ на развитіе зарождающагося дѣла, особенно если вы, мм. гг..—въ чемъ я ни мало не сомнѣваюсь, будете по мѣрѣ силъ и возможности содѣйствовать предпринимаемому сообща труду.

„Намъ можетъ быть поставленъ вопросъ: найдется ли достаточно матеріаловъ для работы Саратовской Комиссіи и будетъ ли къ чему ей примѣнить свои силы и знанія? Саратовскій край не принадлежитъ къ числу древнихъ составныхъ частей Русской земли. Это край сравнительно новый, не такъ еще давно присоединенный къ Россіи и заселенный великорусскимъ племенемъ. Но значитъ ли это, что онъ не имѣетъ своей исторіи и не представляетъ научнаго интереса для исторіи общерусской? Напротивъ того, у него есть своя исторія, такъ какъ вся его недолгая историческая жизнь прошла очень бурно.

„Сѣверная половина Саратовскаго края издавна заселена была разными отраслями финскаго племени. Въ южной—долгое время кочевали шумныя орды бывшихъ повелителей земли русской, татаръ. Окончились дни владычества этихъ народностей и въ лѣсныхъ трущобахъ Низоваго Поволжья стала ютиться вольница, избѣгавшая наказаній и правежа,—этотъ первый, основной колонизаціонный элементъ края. По широкимъ водамъ Волги-рѣки стали все чаще и чаще носиться легкіе струги этой Понизовой вольницы. Въ лицѣ Стеньки Разина

ей нанесенъ былъ рѣшительный ударъ, и Саратовскій край на время какъ будто затихъ... Шли годы... Край постепенно заселялся, иммиграція увеличивалась, мирное завоеваніе края быстро двигалось впередъ, но старая закваска все еще бродила въ массахъ, и Саратовскому Поволжью пришлось видѣть цѣлый рядъ общественно-политическихъ движеній своихъ насельниковъ... Затѣмъ надъ нимъ шумной грозой пронеслись бурные дни Пугачевщины... Далѣе въ немъ развился и выросъ изъ малаго зерна, изъ груды безпорядочныхъ землянокъ, могущественный центръ раскола поповщины, столь долго игравшій роль митрополіи для всего русскаго старообрядчества..

„Весь этотъ пестрый рядъ событій, изъ которыхъ многія съ полнымъ правомъ могутъ быть по своему значенію отнесены къ историческимъ, долженъ былъ оставить слѣды въ видѣ памятниковъ письменныхъ и вещественныхъ. Конечно, время смело съ лица земли не мало такихъ памятниковъ. Много историческихъ слѣдовъ уже изглажено, о многихъ историческихъ явленіяхъ и событіяхъ не осталось и воспоминаній. Но многое еще сохранилось, хотя съ минуты на минуту грозитъ исчезнуть. На Ученой Архивной Комиссіи лежитъ прежде всего обязанность разыскать, собрать и разработать памятники прошлаго, хранящіеся въ правительственныхъ и частныхъ архивахъ. На ряду съ работой надъ архивными матеріалами на членахъ вновь учреждаемой Комиссіи лежитъ и другая обязанность: они могутъ, по смыслу вышеизложеннаго циркуляра министра вн. дѣлъ, заглянуть и въ нѣдра земли и поискать тамъ, въ забытыхъ курганахъ, насыпяхъ, валахъ и городищахъ полустертыхъ временемъ слѣдовъ историческихъ событій, совершившихся въ Саратовскомъ краѣ за много вѣковъ до нашихъ дней. Смѣю думать, что по мѣстнымъ обстоятельствамъ, вамъ, мм. гг., придется очень скоро прибѣгнуть къ этому именно способу изслѣдованія прошлыхъ судебъ родного вамъ края: только этимъ путемъ, въ связи съ изслѣдованіями въ области исторической



ей нанесенъ былъ рѣшительный ударъ, и [illegible]скій край на время какъ будто затихъ... Шли годы, [illegible] посте- [illegible] двигалось впередъ, [illegible] за- [illegible] въ массахъ, и [illegible]скому [illegible] видѣть цѣлый рядъ [illegible]венно- [illegible] Далѣе въ [illegible] и выр[illegible] изъ малаго зерна, изъ груды [illegible]ныхъ зем[illegible] могущественный центръ [illegible], столь до- го игравшій роль [illegible] для всего русскаго старообрядчества.

[illegible] рядъ событій, изъ которыхъ [illegible] могутъ быть по своему значенію [illegible] вить слѣды [illegible]никовъ письменныхъ и веществен[illegible] смело съ лица земли не мало такихъ [illegible]. Много историческихъ слѣдовъ уже изглажено, [illegible] историческихъ явленіяхъ и событіяхъ не осталось и воспоминаній. [illegible] сохранилось, [illegible] минуты на [illegible] чезнуть. На Ученой Архивной Комиссіи лежитъ прежде всего обязанность разыскать, собрать и разработать памятники прошлаго, хранящіеся въ правительственныхъ и частныхъ архивахъ. На ряду съ работой надъ архивными матеріалами на членахъ вновь учреждаемой [illegible] лежитъ и другая обязанность: они могутъ [illegible] вышеизложеннаго циркуляра министра [illegible], [illegible] кѣдра земли и [illegible] забытыхъ курганахъ, [illegible] полу- [illegible] совершившихся въ Саратовскомъ краѣ за много вѣковъ до нашихъ дней. Смѣю думать, что по мѣстнымъ обстоятельствамъ, вамъ, [illegible] очень скоро прибѣгнуть къ этому именно [illegible] изслѣдованія прошлыхъ судебъ родного вамъ края: только этимъ путемъ, въ связи съ изслѣдованіями въ области исторической

Основатель
Александръ Ивановичъ
ШАХМАТОВЪ.

Основатель и почетный
членъ
Александръ Николаевичъ
М И Н Х Ъ.

Основатель, 1-й предсѣ-
датель и почетный членъ
Адольфъ Андреевичъ
Т И Л Л О.

Основатель и почетный
членъ
Алексѣй Алексѣевичъ
З У Б О В Ъ.

Основатель
Ѳедоръ Ѳедоровичъ
ЧЕКАЛИНЪ.

Основатель
Авдій Ивановичъ
СОКОЛОВЪ.

Основатель
Николай Степановичъ
СОКОЛОВЪ.

географіи и этнографіи съ изысканіями по части названій различныхъ мѣстностей, горъ, рѣкъ и озеръ, возможно будетъ выяснить разныя формы древнѣйшаго быта и жизни мѣстнаго населенія, а такъ же понять и установить тѣ или другія историческія событія, пронесшіяся надъ Саратовскимъ краемъ.

„Вполнѣ убѣжденный, что для вновь учреждаемой Саратовской Ученой Архивной Комиссіи „жатва предстоитъ многая“ и что вы, Мм. Гг., окажетесь достойными дѣлателями этой жатвы, я съ чувствомъ искренняго удовольствія объявляю, по соглашенію съ г. директоромъ Археологическаго Института и съ разрѣшенія г. министра вн. дѣлъ, Саратовскую Ученую Архивную Комиссію открытой, а членами ея—А. Н. Минхъ, кн. Ѳ. С. Голицына, Ѳ Ѳ. Чекалина, А. А. Тилло. Н. И. Непорожнева, А. Ив. Соколова, А. И. Шахматова, В. В. Безобразова, М. С. Кропотова, Н. Н. Минхъ, М. В. Готовицкаго и Н. С. Соколова.

„Въ заключеніе предлагаю вамъ, Мм. Гг., на основаніи 4 пункта приведеннаго циркуляра, избрать изъ среды своей Предсѣдателя и Правителя дѣлъ“.

Большинствомъ голосовъ избранными оказались: Адольфъ Андреевичъ Тилло—предсѣдателемъ и Николай Степановичъ Соколовъ правителемъ дѣлъ.

Вслѣдъ затѣмъ, по предложенію Н. И. Непорожнева, единогласно избранъ въ члены Комиссіи членъ Саратовскаго окружнаго суда Сергѣй Михайловичъ Соколовъ, а правителю дѣлъ поручено приготовить къ слѣдующему засѣданію Комиссіи (18 декабря) проектъ правилъ, опредѣляющихъ внутреннее дѣлопроизводство Комиссіи“.

На этомъ и закончилось первое засѣданіе вновь учрежденной Саратовской Ученой Архивной Комиссіи.

III.

Оставляя пока въ сторонѣ послѣдующія засѣданія Комиссіи, спросимъ себя: при какихъ же обстоятельствахъ послѣдовало ея открытіе и каковы были первые шаги ея дѣятельности?

Безпристрастіе историка требуетъ отъ насъ сказать, что обстоятельства, предшествовавшія и сопровождавшія открытіе Комиссіи, были очень благопріятны какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи сочувствія къ Комиссіи со стороны разныхъ лицъ и учрежденій г. Саратова и губерніи, на что вполнѣ опредѣленно указываетъ самый фактъ пожертвованія этими лицами и учрежденіями такой, на первый разъ солидной, суммы, какъ 1150 р., при наличности которыхъ вновь открытая Комиссія могла безбѣдно просуществовать, по крайней мѣрѣ, полтора года. Но, съ другой стороны, недаромъ говорятъ, что иногда „и черезъ злато слезы льютъ“. Если мы оставимъ въ сторонѣ это „злато“, то увидимъ, что вновь открытая Комиссія сразу очутилась въ очень неблагопріятныхъ условіяхъ. Дѣло въ томъ, что въ Саратовѣ въ то время, какъ, впрочемъ, и теперь, не было хорошо поставленныхъ библіотекъ, которыя бы заключали въ себѣ обширные научные отдѣлы Громадный ростъ русской исторической науки, которымъ отмѣчены послѣднія передъ открытіемъ нашей Комиссіи десятилѣтія, прошелъ, можно сказать, мимо Саратовскаго края. Въ то время, когда историческая жизнь русскихъ центровъ получала всестороннюю научную разработку, нашъ край оставался почти незатронутымъ изслѣдователями. Естественно, поэтому, что наша Комиссія въ первые дни своей дѣятельности обратилась къ историческимъ трудамъ Н. Ѳ. Дубровина, Карамзина, Костомарова, Мордовцева, Перетятковича, Соловьева и др., но нашла въ ихъ трудахъ лишь отдѣльные эпизоды изъ мѣстной старины. Даже въ высокой степени цѣнное для Поволжья изслѣдованіе проф. Перетятковича не могло дать нашей Комиссіи отвѣтовъ на ея основные вопросы, такъ какъ оно заканчивается тѣмъ самымъ періодомъ, съ котораго имѣли начаться работы нашей Комиссіи, т. е. періодомъ основанія на Волгѣ русскаго государственнаго могущества и начала колонизаціи Саратовской окраины. Затѣмъ, масса замѣтокъ и статей по исторіи Поволжья напечатана была въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ за разные

годы, но достать ихъ въ Саратовѣ было невозможно. О первоисточникахъ же по исторіи Поволжья—письменныхъ свидѣтельствахъ арабскихъ, персидскихъ, греческихъ, итальянскихъ и др. авторовъ, давно уже сдѣлавшихся библіографическою рѣдкостью, и говорить не приходится: въ книгохранилищахъ Саратова ихъ нѣтъ и не было, а пріобрѣтеніе ихъ въ столицѣ и за границей сопряжено съ громадными расходами, которые для нашей Комиссіи были непосильны.

А между тѣмъ и архивные матеріалы, и курганы, валы и городища—эти молчаливые свидѣтели глубокой, древности, буквально усѣявшіе Саратовскій край, требуютъ, прежде всего, знанія, обширнаго знакомства со всею литературой по исторіи Поволжья. Чтобы не добывать этихъ знаній изъ книгохранилищъ столицъ и изъ-за границы, чтобы не искать ихъ на страницахъ сотенъ періодическихъ изданій, Комиссіи надо было имѣть ихъ подъ-рукой; но вотъ тутъ-то, по сказаннымъ причинамъ, и начинается трагическое положеніе работниковъ Комиссіи, въ каковомъ положеніи однажды очутился и самый глубокій изслѣдователь нашего Поволжья—проф. Геор. Ив. Перетятковичъ, который въ письмѣ своемъ въ нашу Комиссію такъ описываетъ свои мытарства и моральныя страданія въ Саратовѣ при собираніи въ 1875 г. матеріаловъ для своего „Поволжья“: „Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1875 года мнѣ невозможно было въ Саратовѣ достать памятной книжки 1859 года, изданной Саратовскимъ Статистическимъ Комитетомъ, не смотря на то, что мною вмѣстѣ съ чиновникомъ осмотрѣнъ былъ внимательнѣйшимъ образомъ не только шкафъ съ изданіями, но совмѣстно мы путешествовали и на чердакъ, гдѣ перебирали все пыльное старье, но не могли найти ея. Въ томъ же Саратовѣ я не могъ найти полнаго экземпляра „Сарат. Губ. Вѣдомостей“ 1860 года (гдѣ, въ отдѣльныхъ номерахъ, напечатаны статьи Д. Л. Мордовцева о городахъ Сарат. губерніи), не смотря на то, что ходилъ съ чиновникомъ губернскаго Правленія въ архивъ, гдѣ при дѣлахъ *должны* были хранить-

ся всѣ отдѣльные номера „Сарат. Губ. Вѣд.“, но нѣкоторыхъ номеровъ, интересовавшихъ меня, и тамъ не оказалось. Нѣмецкихъ газетъ, выходившихъ въ Саратовѣ, точно также нельзя было нигдѣ въ цѣломъ Саратовѣ достать въ іюлѣ 1876 года“. Это писалось въ 1889 году, чрезъ полтора года послѣ открытія нашей Комиссіи, и, конечно, за этотъ краткій періодъ времени никакихъ перемѣнъ къ лучшему сравнительно съ положеніемъ дѣла въ 1875—6 годахъ не произошло.

Но это—только одна сторона дѣла, а была и другая, не менѣе неблагопріятная, сторона: это—отсутствіе строгой организаціи Архивныхъ Комиссій, а равно и отсутствіе правилъ объ устройствѣ и порядкѣ ихъ дѣятельности. То и другое ощущалось уже при самомъ учрежденіи Архивныхъ Комиссій въ 1884 году, когда Комитетъ Министровъ, разсмотрѣвъ записку министерства внутреннихъ дѣлъ и „Положеніе о Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Комиссіяхъ“, нашелъ, что „въ настоящее время едва ли представляется возможнымъ предусмотрѣть и опредѣлить съ достаточною полнотою всѣ условія успѣшнаго достиженія упомянутыхъ цѣлей“, для которыхъ учреждаются таковыя Комиссіи; „поэтому установленіе нынѣ же окончательныхъ правилъ объ устройствѣ и порядкѣ дѣятельности проектированныхъ въ губерніяхъ Ученыхъ Архивныхъ Комиссій и историческихъ архивовъ слѣдуетъ признать преждевременнымъ“[9]). Такъ полагалъ Комитетъ Министровъ, причемъ ему въ проектѣ Н. В. Калачова объ учрежденіи Архивныхъ Комиссій особенно по душѣ пришлось „удостовѣреніе“ послѣдняго, что учрежденіе Комиссій можетъ быть осуществлено „безъ всякаго, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ (времени), вспомоществованія со стороны Государственнаго Казначейства“[10]).

Выходитъ, такимъ образомъ, что и отсутствіе надлежащей инструкціи, которая бы регламентировала дѣя-

---

[9]) См. Отчетъ директора Археол. Института Н. В. Покровскаго о дѣят. Уч. Арх. Комиссіи за 1908 годъ, стр. 40.

[10]) Тамъ же.

тельность и внутренніе распорядки Ученыхъ Архивныхъ Комиссій, и отсутствіе у нихъ матеріальныхъ средствъ и правительственной субсидіи, безъ которыхъ невозможна самая дѣятельность Комиссій, заранѣе предусмотрѣны и даже легализированы въ высшихъ сферахъ! Но *такая* легализація, предоставлявшая Комиссіямъ автономное прозябаніе, была, конечно, совсѣмъ не полезна имъ, такъ какъ она создавала имъ массу хлопотъ какъ въ отношеніи установленія внутреннихъ распорядковъ, такъ и въ дѣлѣ изысканія средствъ къ существованію. Однако, другого выхода изъ этого „легализированнаго“ положенія не было, и Архивнымъ Комиссіямъ volens-nolens пришлось и то создавать, и это изыскивать за свой страхъ.

Въ такомъ именно положеніи очутились на первыхъ порахъ (1884—6 г.) всѣ шесть Архивныхъ Комиссій, въ числѣ ихъ и Саратовская, которая на первыхъ засѣданіяхъ своихъ (12 и 18 дек. 1886 г., 6 марта, 5 мая и 28 окт. 1887 г.) увидала всю недостаточность „временнаго „Положенія“ о Комиссіяхъ: Комиссіи поставлены были въ тройную зависимость - отъ министерства внутр. дѣлъ, отъ директора Археологическаго Института и отъ Академіи Наукъ, но эта зависимость не была опредѣлена съ достаточною ясностью и полнотой; затѣмъ, составъ Комиссій не былъ опредѣленъ; ничего не было сказано ни о способѣ избранія и утвержденія должностныхъ лицъ, ни о числѣ обязательныхъ въ теченіе года засѣданій Комиссій, ни о числѣ членовъ, при коемъ собраніе Комиссіи дѣйствительно; обойдены молчаніемъ права и полномочія Комиссій по охранѣ памятниковъ старины и по сношеніямъ съ оффиціальными лицами и учрежденіями, въ вѣдѣніи которыхъ находились архивы и вещественные памятники старины; ни слова не сказано объ отношеніяхъ Комиссій къ мѣстнымъ губернаторамъ, какъ непремѣннымъ попечителямъ Комиссій, и т. д., самыя задачи Комиссій—крайне узкія—почти-что одно храненіе важныхъ письменныхъ памятниковъ и отчасти охрана памятниковъ вещественныхъ!...

При такой „регламентаціи“ дѣятельности Ученыхъ Архивныхъ Комиссій естественно было ожидать, что всѣ онѣ будутъ жить разрозненною жизнью и долго будутъ находиться въ самомъ неопредѣленномъ положеніи, такъ какъ у нихъ не было ничего общаго, кромѣ „Положенія“ объ ихъ открытіи. Между тѣмъ какъ именно теперь, когда дѣло Архивныхъ Комиссій только еще начинало налаживаться, необходимо имъ было объединеніе, необходимо было установить общій планъ дѣятельности, который бы регулировалъ и направлялъ въ одномъ и томъ же направленіи работы каждой изъ нихъ; иначе легко могло случиться, что Комиссіи пойдутъ вразбродъ, надѣлаютъ массу ошибокъ, трудно потомъ поправимыхъ, и при этомъ, подвигаясь впередъ ощупью, каждая изъ нихъ будетъ нести Сизифову работу, открывать Америку, давно уже открытую другою Комиссіей и, быть можетъ, даже сосѣдкой. Точно также и живое, непосредственное и личное единеніе работниковъ Комиссій, по многимъ причинамъ, почти невозможно было; обмѣнъ же протоколами и изданіями, если они будутъ у всѣхъ Комиссій, только въ слабой степени могъ замѣнить отсутствіе личныхъ бесѣдъ.

Взвѣсивъ все это, Саратовская Комиссія начала, за свой страхъ, вырабатывать сама себѣ разнообразныя правила и инструкціи. Такъ, на первомъ же засѣданіи въ день открытія своего (12 дек. 1886 г.) Комиссія, какъ выше сказано, поручила правителю дѣлъ „приготовить къ слѣдующему засѣданію (18 дек.) проектъ правилъ, опредѣляющихъ внутреннее дѣлопроизводство Комиссіи“. На второмъ засѣданіи, открывшемся чтеніемъ протокола перваго собранія, предсѣдатель А. А. Тилло предложилъ печатать протоколы Комиссіи въ „Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ и отдѣльными оттисками „въ такомъ количествѣ, какое потребно для доставленія разнымъ учрежденіямъ и лицамъ, списокъ коихъ поручено было составить правителю дѣлъ“. Рефераты и другія историческаго характера работы рѣшено было представлять въ Комиссію, которая, по одобреніи, имѣла печатать ихъ

въ видѣ приложеній къ протоколамъ своихъ засѣданій. Затѣмъ составлена была программа для предстоящихъ занятій и рѣшено было обратиться съ просьбой путемъ публикацій и воззваній къ частнымъ лицамъ и „уважаемымъ гражданамъ“ и т. п. съ просьбой доставлять Комиссіи свѣдѣнія о всѣхъ существующихъ въ Саратовской губерніи правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ архивахъ, а также о доставленіи копій съ описей дѣламъ и документамъ, хранящимся въ архивахъ, между прочимъ, при церквахъ и монастыряхъ, какъ православныхъ, такъ и другихъ христіанскихъ исповѣданій и исповѣданія магометанскаго; снестись также съ Казанскимъ, Пензенскимъ и Астраханскимъ епархіальными преосвященными по вопросу о томъ, не осталось ли въ подвѣдомственныхъ имъ архивахъ какихъ-либо документовъ, относящихся къ Саратовскому краю, такъ какъ части этого края входили прежде въ составъ епархій Казанской, Пензенской и Астраханской. Кромѣ того, рѣшено было составить систематическій указатель историческихъ статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ мѣстныхъ „Епархіальныхъ“ и „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ за все время ихъ существованія; а такъ какъ въ Саратовѣ нельзя было тогда найти полнаго экземпляра тѣхъ и другихъ „Вѣдомостей“, то рѣшено было обратиться ко всѣмъ исправникамъ и полицеймейстерамъ Саратовской губерніи съ просьбой собрать свѣдѣнія, гдѣ и у кого въ городахъ и уѣздахъ имѣются „Вѣдомости“. Вмѣстѣ съ тѣмъ выражено пожеланіе пріобрѣсть хотя бы разрозненные томы „Полнаго собранія законовъ“, хранящихся во многихъ присутственныхъ мѣстахъ безъ всякаго употребленія, Комиссіи же необходимыхъ для ея историческихъ работъ. Рѣшено, наконецъ, было обратиться къ Археологическому Институту, Археологической Комиссіи, Московскимъ Археологическимъ Обществамъ, къ Комиссіи для изданія Государственныхъ грамотъ и договоровъ, къ Академіи Наукъ и др. ученымъ Обществамъ о пожертвованіи Комиссіи своихъ изданій, а къ городскимъ обществамъ Саратовской губерніи—о денежной субсидіи на нужды Комиссіи,

которая имѣетъ въ виду, между прочимъ, разобрать всѣ архивы городскихъ Думъ губерніи.

Въ заключеніе Комиссія постановила пригласить для письмоводства особаго писца, а для разноски бумагъ, а равно и охраны имущества Комиссіи нанять сторожа, причемъ расходъ на жалованье тому и другому и на канцелярскія принадлежности предоставлено производить правителю дѣлъ съ тѣмъ, чтобы онъ представлялъ „ надлежащіе отчеты“ общему собранію Комиссіи, имѣвшей устраивать свои засѣданія ежемѣсячно 6 числа въ 8 ч. вечера въ своемъ помѣщеніи; если же 6 числа будетъ праздникъ, то засѣданіе имѣло переноситься на 7-е число, что, впрочемъ, никогда не соблюдалось, и собранія въ дѣйствительности назначались „по мѣрѣ надобности“—по мѣрѣ накопленія матеріаловъ и связанныхъ съ ними вопросовъ.

Все это, повторяемъ, обсуждалось на первыхъ двухъ засѣданіяхъ Комиссіи (12 и 18 дек. 1886 г.), третье-же засѣданіе (6 марта 1887 г.) было цѣликомъ посвящено разрѣшенію недоразумѣній, возникшихъ у Комиссіи по поводу нѣкоторыхъ вопросовъ, связанныхъ, главнымъ образомъ, съ методомъ разсмотрѣнія архивныхъ дѣлъ Выше было сказано, что Архивныя Комиссіи не были снабжены инструкціей, которой-бы могли онѣ руководствоваться при разборѣ архивныхъ дѣлъ. А между тѣмъ Комиссіямъ необходимо было *немедленно* разрѣшить для себя общій вопросъ о категоріяхъ дѣлъ, которыя признаны будутъ ими подлежащими храненію въ ихъ историческихъ архивахъ, а равно и о способахъ разбора дѣлъ и самого храненія, о пріемахъ каталогизаціи ихъ и составленія описей и указателей къ нимъ. Такъ какъ разборъ архивовъ будетъ производиться не всѣмъ составомъ Комиссіи, а отдѣльными ея членами, то признаніе тѣхъ или другихъ дѣлъ цѣнными въ историческомъ отношеніи, несомнѣнно, всегда будетъ носить на себѣ отпечатокъ субъективныхъ взглядовъ разбирающаго эти дѣла. Невыгоды такого порядка разбора и оцѣнки дѣлъ очевидны: при немъ можетъ безслѣдно погибнуть

для науки масса болѣе или менѣе цѣнныхъ матеріаловъ.

Чтобы избѣжать такого „вандализма“, наша Комиссія поставила себѣ за правило: хранить дѣла въ цѣломъ видѣ, безъ всякихъ кюпюръ, даже и въ томъ случаѣ, когда дѣла признаны будутъ для даннаго момента неважными въ историческомъ отношеніи[11]). Затѣмъ, отмѣтивъ крупный пробѣлъ въ 5 пунктѣ „Положенія“ о Комиссіяхъ, наша Комиссія рѣшила ходатайствовать предъ Археологическимъ Институтомъ о дополненіи его, пункта, тѣмъ, чтобы „всѣ дѣла и документы разныхъ присутственныхъ мѣстъ, признанные *по закону* подлежащими храненію (на мѣстѣ), но ненужныя для дѣлопроизводства текущаго, считались бы во временномъ владѣніи Комиссіи, и она могла бы, въ случаѣ надобности, брать ихъ себѣ для разсмотрѣнія съ обязательствомъ возвратить по первому требованію“.

Изъ другихъ постановленій этого собранія отмѣтимъ слѣдующія: а) дѣла на домъ давать членамъ Комиссіи для работы подъ росписку и съ перемѣткой правителемъ дѣлъ листовъ; б) предоставить всѣмъ членамъ брать на себя разборъ какого кому угодно архива или извѣстной группы дѣлъ, предварительно увѣдомивъ о своемъ желаніи Комиссію для оказанія имъ съ ея стороны надлежащаго содѣйствія; в) предоставить каждому члену Комиссіи право приглашать къ сотрудничеству извѣстныхъ ему своими познаніями и усердіемъ лицъ; г) для руководства при раскопкахъ кургановъ, городищъ и пр. напечатать въ видѣ приложенія къ протоколу этого собранія „Инструкцію научнаго изслѣдованія кургановъ“ проф. Д. Я. Самоквасова съ дополненіемъ къ ней А. П. Богданова.

Изъ постановленій послѣдующихъ засѣданій Комиссіи (5 мая, 28 октября и 7 декабря) этого, 1887, года отмѣтимъ только слѣдующія: а) на собраніи 28 октября былъ возбужденъ не предусмотрѣнный „Положеніемъ“ о Комис-

[11]). Правда, нѣсколько позднѣе (28 октября 1887 г.) было постановлено: „признанныя не имѣющими значенія бумаги уничтожать“. См. „Протоколъ V общаго собранія Комиссіи“; но фактически такое постановленіе никогда не исполнялось.

сіяхъ вопросъ: при какомъ числѣ членовъ дѣйствительно общее собраніе Комиссіи? Собраніе нашло, что засѣданіе считается дѣйствительнымъ при наличности 5 членовъ, считая въ этомъ числѣ и предсѣдателя съ правителемъ дѣлъ Комиссіи; б) по возбужденному на собраніи 7 декабря вопросу: какъ избѣжать неточностей и искаженій разнаго рода, вкравшихся въ протоколы засѣданій Комиссіи, или же пропусковъ въ предложеніяхъ и постановленіяхъ, совсѣмъ не попавшихъ въ протоколы?— состоялось такое постановленіе: „Протоколъ общаго собранія Комиссіи, до разсылки его для подписи членамъ, долженъ быть предварительно прочитанъ въ слѣдующемъ общемъ собраніи Комиссіи и только послѣ утвержденія его подписью участниковъ предыдущаго засѣданія можетъ быть переданъ въ печать". Этимъ постановленіемъ отмѣнялся прежній порядокъ, когда протоколы носили членамъ на-домъ для подписи, такъ что въ слѣдующемъ засѣданіи они уже не прочитывались; в) по вопросу о порядкѣ чтенія рефератовъ, представляемыхъ въ Комиссію членами ея и посторонними лицами, постановлено: „Передача реферата членамъ Комиссіи для разсмотрѣнія можетъ быть допущена съ согласія автора; члены рѣшаютъ: хранить, печатать или возвратить рефератъ; члены могутъ дѣлать свои дополненія, которыя или включаются въ текстъ реферата, или печатаются въ видѣ примѣчаній къ тексту"; г) просить члена Комиссіи А. Н. Пыпина разсмотрѣть все цѣнное по исторіи, археологіи и этнографіи Саратовскаго края, что имѣется въ Императорской Публичной Библіотекѣ и въ Академіи Наукъ и что печаталось въ прежнее время (до 1878 года), между прочимъ, въ „Сарат. Губернскихъ Вѣдомостяхъ" и "Саратов. Листкѣ", за каковые годы этихъ изданій у Комиссіи не имѣется; д) просить правителя дѣлъ составить общій обзоръ работъ Комиссіи за годъ ея существованія „въ видѣ отчета о ея дѣятельности за годъ". Этимъ и закончила наша Комиссія первый годъ своего существованія.

Прежде чѣмъ продолжать свое повѣствованіе о даль-

нѣйшемъ ея существованіи и дѣятельности, сосредоточимъ наше вниманіе на прожитомъ ею годѣ. Что-же мы видимъ въ этомъ годѣ? Что сдѣлала Комиссія за этотъ годъ? Отвѣты на эти вопросы, собственно говоря, уже даны нами на предъидущихъ страницахъ—при изложеніи первыхъ шаговъ дѣятельности Комиссіи,—даны, правда, косвенно и ровно настолько, чтобы не прерывать плавность повѣствованія, и если мы, тѣмъ не менѣе, рѣшились поставить здѣсь эти вопросы, то, конечно, съ тою единственною цѣлью, чтобы у читателей нашего „Очерка“ не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что Комиссія съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности взяла вѣрный тонъ, сразу нащупала твердую почву, на которой и принялась созидать зданіе областной исторіи, археологіи и этнографіи.

Въ самомъ дѣлѣ, на первыхъ же своихъ засѣданіяхъ Комиссія, какъ учрежденіе юное, но въ то же время отвѣтственное предъ судомъ науки и общества, естественно, выражаясь дѣловымъ языкомъ, приняла „мѣры предосторожности„ противъ почти неизбѣжныхъ въ каждомъ новомъ дѣлѣ увлеченій и ошибокъ начинающихъ работниковъ — членовъ своихъ, особенно въ такомъ, въ высшей степени важномъ дѣлѣ, какъ разборъ архивныхъ дѣлъ, гдѣ методъ разбора и способы храненія архивнаго матеріала — все, самая существенная задача, отъ того или иного исполненія которой зависитъ самое существованіе Комиссіи. И мы видѣли, какъ наша Комиссія разрѣшила этотъ существенной важности вопросъ („хранить дѣла въ цѣломъ видѣ“). Трудность разрѣшенія этого вопроса обусловливалась тѣмъ, что ни въ литературѣ по исторіи русской, ни въ руководящихъ статьяхъ маститаго архивиста-археолога и учредителя Архивныхъ Комиссій Н. В. Калачова, прямого отвѣта на вопросъ о методѣ разбора архивныхъ дѣлъ не было дано; а существовавшія въ то время „описанія“ дѣлъ, составленныя нашими знаменитыми археологами-исторіографами Востоковымъ, Строевымъ и др., знакомили нашу Комиссію только съ методомъ описа-

нія дѣлъ, но не съ пріемами разбора всего архивнаго матеріала, въ которомъ, на ряду съ цѣнными для науки документами, должны были встрѣчаться въ огромномъ количествѣ дѣла и бумаги, не имѣющія никакого научнаго значенія.

Затѣмъ, надо имѣть въ виду и то, что для Саратовской Комиссіи вопросъ о методѣ разбора и разработки архивовъ усложнялся, кромѣ того, чисто областными особенностями исторіи Саратовскаго края, требовавшими крайней осторожности со стороны Комиссіи при ея архивныхъ работахъ.

Но придя къ рѣшенію хранить дѣла въ цѣломъ ихъ видѣ, Комиссія тѣмъ самымъ на первыхъ же порахъ создала себѣ существенное затрудненіе, такъ какъ помѣщеніе, которымъ она располагала, было мало, чтобы вмѣстить въ стѣнахъ своихъ и часть тѣхъ матеріаловъ, которые съ первыхъ же дней ея существованія стали поступать буквально возами. Заполнивъ дѣлами внутреннее помѣщеніе, Комиссія затѣмъ складывала ихъ въ шкафахъ, размѣщенныхъ на холодной лѣстницѣ и на площадкѣ рядомъ съ своимъ помѣщеніемъ. Въ этихъ шкафахъ хранились, между прочимъ, дѣла упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ Саратовской губерніи, переданныя сюда по Высочайшему повелѣнію отъ 4—16 сентября 1885 года и на основаніи предписанія министра юстиціи отъ 12 числа того же мѣсяца и года о препровожденіи дѣлъ въ Комиссію для вѣчнаго храненія въ Историческомъ архивѣ, который какъ и самую Комиссію, предполагалось открыть въ 1885 году.

Въ способѣ храненія дѣлъ и документовъ Комиссія придерживалась указаній, сдѣланныхъ Н. В. Калачовымъ въ его статьѣ „Архивы“, т. е. дѣла, по мѣрѣ ихъ поступленія, описывались и размѣщались въ шкафахъ или просто на полкахъ самой простой конструкціи и располагались такъ, чтобы можно было класть на нихъ (полки) дѣла съ двухъ сторонъ; каждая изъ двухъ комнатъ была обозначена особой литерой, а каждый шкафъ или полка съ каждой стороны обозначались отдѣльной цифрой; всякое

вновь поступающее дѣло получало текущій №, хотя бы оно уже и имѣло свой № и было включено въ особыя описи по мѣсту своего прежняго нахожденія въ извѣстномъ учрежденіи; на ребрахъ стѣнокъ каждой полки у каждаго прохода между ними на особой небольшой табели означены были №№ дѣлъ, помѣщенныхъ на каждой линіи полокъ; каждое дѣло на послѣдней или первой послѣ обложки или рубашки страницѣ заключало въ себѣ краткое описаніе содержанія его; по мѣрѣ описанія принятаго и помѣщеннаго въ шкафъ или на полку архива дѣла составлялись карточки, которыя затѣмъ помѣщались въ длинные деревянные ящики такой ширины, какую имѣли карточки, которыя были предметныя, именныя и географическія; принятыя въ архивъ описи дѣлъ цѣлыхъ серій или отдѣльныхъ архивовъ помѣщались на особой полкѣ и особыми чернилами отмѣчались на нихъ соотвѣтствующіе №№ историческаго архива. Правда, дѣлъ, приведенныхъ въ такой порядокъ, было немного и огромное большинство ихъ, особенно—находившихся внѣ внутренняго помѣщенія Комиссіи, просто „хранилось“ въ шкафахъ или лежало на полу по стѣнамъ и угламъ во внутреннемъ помѣщеніи Комиссіи; но большаго и лучшаго, за тѣснотой помѣщенія, и сдѣлать нельзя было. Не было исполнено Комиссіей и основное, проведенное въ „Архивахъ“ Калачова, требованіе, чтобы, по мѣрѣ накопленія описей дѣламъ архива, составлялся особый указатель этимъ описямъ по карточной системѣ, чего при незаконченности описей, также нельзя было сдѣлать; не были, вопреки тому же требованію Калачова, собраны въ архивѣ Комиссіи справочныя книги[12]) по исторіи, географіи и библіографіи по той простой причинѣ, что библіотеки при Комиссіи въ это время почти-что не было, достать же такія книги на сторонѣ на первыхъ порахъ было очень трудно, въ чемъ Комиссія убѣдилась горькимъ опытомъ: на засѣданіи своемъ 18 декабря 1886 года она сдѣлала постановленіе: „Направить всѣ свои усилія на организацію при историческомъ архивѣ библіотеки изъ книгъ и брошюръ,

[12]) Это было сдѣлано только въ 1910 г.

касающихся исторіи и археологіи Саратовскаго края и вообще научныхъ работъ по архивному дѣлу, но въ теченіе цѣлаго года мало что получила.

А при отсутствіи готовыхъ научныхъ данныхъ относительно Саратовскаго края, вниманіе Комиссіи направлено было, главнымъ образомъ, на изученіе того огромнаго матеріала, который поступалъ въ ея архивъ изъ разныхъ архивовъ Саратовской губерніи. Вотъ почему самый порядокъ работъ членовъ Комиссіи въ первый годъ ея существованія имѣлъ характеръ болѣе подготовительный, чѣмъ созидающій, что, конечно, не могло не отразиться на издательской дѣятельности Комиссіи, выразившейся въ напечатаніи семи „протоколовъ“ общихъ собраній Комиссіи.

„Протоколы“ эти, особенно первые три, отличаются одною „дѣловитостью“, т. е. блѣдностью и бѣдностью научныхъ докладовъ и описей разобранныхъ членами Комиссіи дѣлъ.

Но съ выходомъ каждаго изъ послѣдующихъ протоколовъ (начиная съ протокола IV общаго собранія) замѣтно быстрое увеличеніе трудовъ Комиссіи, что давало поводъ надѣяться, что въ дальнѣйшемъ Саратовская Комиссія вполнѣ оправдаетъ тѣ надежды, какія основатель Архивныхъ Комиссій, Калачовъ, возлагалъ на всѣ вообще таковыя Комиссіи, которыя, по его мысли, имѣли служить, между прочимъ, и центромъ разработки вопросовъ историко-археологической и этнографической науки.

Въ теченіе перваго же года работъ членовъ Комиссіи съ достаточною очевидностью выяснился и самый характеръ дѣлъ и документовъ мѣстныхъ архивовъ. А именно: въ архивахъ преобладали дѣла раскольничьи, особенно въ архивахъ г. Вольска, затѣмъ дѣла о колонизаціи края съ половины XVIII в., о крестьянскихъ волненіяхъ и сопротивленіи крестьянъ властямъ. Въ бумагахъ, присланныхъ частными лицами, встрѣчаются копіи съ писемъ государей и государынь XVIII и XIX столѣтій къ помѣщикамъ Саратовскаго края, копіи съ проектовъ русскаго государственнаго устройства, поданныхъ помѣщиками на

Высочайшее имя, и масса бумагъ, выясняющихъ отношенія между помѣщиками и крестьянами въ двухъ послѣднихъ столѣтіяхъ. Были также записи народныхъ пѣсенъ, поговорокъ и т. п. Но эти послѣдніе „документы“, имѣющіе не исключительно мѣстный характеръ, составили собой, какъ увидимъ ниже, работы послѣдующихъ лѣтъ.

Что же касается работъ, исполненныхъ членами Комиссіи въ теченіе перваго года ея существованія, то онѣ сводятся къ слѣдующему. Надъ разборомъ дѣлъ, съ цѣлью выдѣленія изъ нихъ бумагъ и документовъ извѣстной цѣнности, для вѣчнаго храненія, трудились члены Комиссіи: А. Н. Минхъ, А. И. Соколовъ, А. А. Соловьевъ, С. С. Краснодубровскій, С. А. Харизоменовъ, А. В. Смирновъ, В. Гр. Еланскій и Н. С. Соколовъ. Ими разобраны, выдѣлены и описаны дѣла архивовъ: Аткарской градской думы, бывшей Царицынской комендантской канцеляріи, коей дѣла въ свое время послужили матеріаломъ для „Самозванцевъ и Понизовой вольницы“ Д. Л. Мордовцева и хранились потомъ въ архивѣ мѣстнаго Статистическаго Комитета; затѣмъ дѣла бывшаго Царицынскаго нижняго земскаго суда (1808—14 г.); дѣла бывшаго Вольскаго духовнаго правленія, вольской городской думы, Вольскаго нижняго земскаго суда (1794—1812 года), канцеляріи Саратовскаго губернатора; кромѣ того, разсмотрѣны были описи 27,000 дѣлъ, поступившія изъ разныхъ учрежденій для предварительнаго выдѣленія изъ нихъ представляющихъ собой историческій интересъ. Отобранныя по описямъ дѣла вытребовались подлинникомъ въ Комиссію.

Всѣ эти выдѣленныя дѣла, разобранныя и описанныя, создали историческій архивъ нашей Комиссіи.

Не была обойдена и вторая основная задача Комиссіи—собираніе разныхъ древностей края, которыя современемъ имѣли образовать при Комиссіи историческій музей: собраны были карты, планы, старыя изданія, монеты, кости допотопныхъ животныхъ. Все это жертвовали частныя лица, сочувствовавшія дѣятельности Комиссіи.

Научно-издательская дѣятельность Комиссіи выразилась въ работахъ, напечатанныхъ въ видѣ приложеній

къ протоколамъ: „О значеніи названія Саратовъ“ (М. В. Готовицкаго); „Древніе обитатели Саратовской губерніи“ и „Находки древнихъ монетъ въ предѣлахъ Кузнецкаго и Петровскаго уѣздовъ“ (Ѳ. Ѳ. Чекалина), „Первая попытка къ составленію описанія Саратовскаго края“ (Н. С. Соколова).

Что касается годичнаго бюджета Комиссіи за первый годъ ея существованія., то матеріальныя средства ея были вполнѣ удовлетворительны: отъ городовъ и земствъ въ видѣ субсидіи въ ея распоряженіе поступило 1650 р., изъ которыхъ въ теченіе года израсходовано было 699 р. 46 коп.; въ томъ числѣ на письмоводство и сторожу 366 р. 34 к., на первоначальное обзаведеніе помѣщенія Комиссіи 223 р. 93 к., на типографскіе расходы 72 р. 35 к., на канцелярію 26 р. 15 коп. и на мелкіе расходы 10 р. 69 коп. Такимъ образомъ, къ 1 января 1888 года у Комиссіи была въ остаткѣ свободная сумма въ 950 р. 54 к. и 300 р., отпущенныхъ, по ходатайству Археологическаго Института, министромъ юстиціи на расходы по разбору и описанію судебнаго архива и находившихся въ распоряженіи предсѣдателя Саратовскаго окружнаго суда, а всего на 1888 годъ у Комиссіи было 1250 р. 54 коп.—сумма вполнѣ достаточная, чтобы вести дѣло и въ слѣдующемъ году безъ затрудненій; а если бы послѣднія, паче чаянія, и встрѣтились, то, навѣрно, были бы устранены. Расчитывать на это можно было въ виду глубокаго сочувствія къ Комиссіи со стороны земствъ, городовъ, разныхъ учрежденій и общества всей губерніи, встрѣтившихъ появленіе на свѣтъ Божій Саратовской Комиссіи, точно давно жданное дорогое имъ учрежденіе.

Таково было положеніе Комиссіи въ первый годъ ея существованія. Мы нарочно остановились на этомъ годѣ, выдѣливъ его изъ остальныхъ 24 лѣтъ: первый годъ для вновь сформированнаго учрежденія всегда труденъ, особенно въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, т. е. когда задачи учрежденія намѣчены лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, когда необходимыхъ для развитія его жизнедѣятельности научныхъ пособій и руководствъ не указано, а необходимыхъ для его существованія матеріальныхъ

средствъ или пособія отъ правительства совсѣмъ не дано. Вотъ почему первый годъ существованія любого учрежденія является пробнымъ камнемъ, который, смотря по обстоятельствамъ, можетъ стать или камнемъ преткновенія, или камнемъ созиданія, ложащимся въ основаніе долговѣчнаго зданія. И отъ того, чѣмъ будетъ онъ, этотъ пробный камень, зависитъ то, какъ наладится дѣло, какіе дастъ оно результаты—погибнетъ, не развернувшись, или же разовьется и пойдетъ неудержимо впередъ? Мы видѣли, что Комиссія наша не заглохла, но пошла впередъ. Было бы, однако, ошибочно думать, что причина тому крылась лишь въ денежныхъ и иныхъ пожертвованіяхъ и въ симпатіяхъ къ ея дѣлу со стороны общества и разныхъ учрежденій; пожертвованія и симпатіи въ данномъ случаѣ, конечно, много значили, служа подбадривающимъ стимуломъ, но все же однѣхъ симпатій и пожертвованій было бы недостаточно: однѣ симпатіи и пожертвованія еще не могли поставить Комиссію на ноги и обезпечить успѣшность ея работъ. Для этого, особенно же для послѣдняго, необходимъ былъ еще упорный трудъ и любовь къ дѣлу, толкавшіе Комиссію впередъ. Къ счастью Комиссіи, въ числѣ 35 ея членовъ въ первый годъ ея существованія были такія интеллигентныя и преданныя дѣлу лица, какъ первый ея непремѣнный попечитель, губернаторъ А. А. Зубовъ; какъ первый ея предсѣдатель А. А. Тилло[13]), тактичный, прекрасный руководитель общихъ собраній и вдохновитель работниковъ Комиссіи; какъ первый ея правитель, Н. С. Соколовъ, еще на академической скамьѣ

[13]) Насколько Комиссія цѣнила А. А. Тилло, какъ своего предсѣдателя, и насколько г. Тилло любилъ дѣло Комиссіи, видно, между прочимъ, изъ протокола общаго собранія 23 января 1889 года, когда г. Тилло сложилъ съ себя должность предсѣдателя, готовясь въ отъѣздъ въ Ставрополь-Кавказскій на должность вице-губернатора:... „А. А. Тилло благодарилъ Комиссію за самую близкую, живую и искреннюю солидарность съ нимъ за два года существованія Комиссіи подъ его предсѣдательствомъ. Работы Комиссіи настолько близки ему и такъ высоко цѣнятся имъ, что онъ считаетъ за честь оставаться въ ряду дѣйствительныхъ ея членовъ. Комиссія, съ своей стороны, горячо благодарила А. А. Тилло за его труды и заботы объ ея насущныхъ нуждахъ, особенно въ первое время ея существованія".—За эти заботы А. А. Тилло былъ избранъ почетнымъ членомъ Комиссіи.

много занимавшійся разработкой архивныхъ дѣлъ; какъ члены-учредители — А. Н. Минхъ, маститый археологъ, этнографъ, географъ и историкъ мѣстнаго края; какъ Н. Н. Минхъ (нынѣшній ея предсѣдатель), практически изучившій архивное дѣло, проходя послѣдовательно должности судебнаго слѣдователя, мирового посредника, мирового судьи и предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей; какъ оріенталистъ Мих. В. Готовицкій, какъ разносторонне образованный Авдій Иван. Соколовъ, какъ Ѳ. Ѳ. Чекалинъ и А. Ив. Шахматовъ, архивисты по натурѣ и знатоки мѣстнаго края, какъ Ал. Ник. Пыпинъ, извѣстный ученый писатель и академикъ и др. Всѣ эти лица работали подъ однимъ всеобъединяющимъ и всепримиряющимъ знаменемъ науки, соединившей ихъ въ небольшой ученый кружокъ, преслѣдовавшій только одну цѣль—посильное служеніе родному краю на почвѣ его умственнаго и духовнаго прогресса.

Эту же цѣль преслѣдовалъ сказанный кружокъ и въ послѣдующіе годы существованія Комиссіи, къ которымъ мы теперь и переходимъ.

Представляя собой живой организмъ, развивающійся въ условіяхъ естественной преемственности по законамъ всего живущаго, Комиссія въ послѣдующіе годы своего существованія приступала къ своимъ работамъ болѣе смѣло и болѣе увѣренно шла къ своимъ цѣлямъ, потому что съ каждымъ годомъ у нея росла и крѣпла вѣра въ плодотворность живого научнаго дѣла, которому она служила. Къ тому же и внѣшнія условія сложились довольно благопріятно. Особенно это надо сказать объ отношеніяхъ къ Комиссіи со стороны ученыхъ учрежденій и обществъ.

Тѣ и другія хорошо понимали, что новичкамъ-работникамъ и притомъ еще въ новомъ, не установившемся на Руси дѣлѣ, необходима чисто менторская помощь. И помощь эта пришла. Ее оказали почти всѣ выдающіеся представители русской исторической науки въ лицѣ

ученыхъ учрежденій, обществъ, профессоровъ исторіи, археологіи и этнографіи, редакторовъ-издателей историческихъ журналовъ и частныхъ любителей русской старины.

Такъ, Императорская Академія Наукъ прислала Комиссіи въ даръ всѣ свои „Записки“ со времени возобновленія ихъ изданія и много отдѣльныхъ, изданныхъ ею, сочиненій. Тоже сдѣлало и Отдѣленіе Россійскаго языка и словесности. Археологическій Институтъ высылалъ Комиссіи свой органъ—„Вѣстникъ Археологіи и Исторіи“, гдѣ Комиссія находила руководящія указанія для своихъ занятій археологіею Саратовскаго края; Московское Императорское Общество въ цѣлой серіи „Трудовъ“ своихъ дало Комиссіи богатый матеріалъ и указанія для производства археологическихъ изысканій и раскопокъ въ Саратовской губерніи. Этому же Обществу Комиссія обязана подробными историческими справками по археологіи Саратовскаго края. Цѣнныя по своей полнотѣ и научности справки даны были Комиссіи и въ „Трудахъ“ Русскаго Археологическаго Общества. Важныя услуги оказали Комиссіи московскіе архивы министерства юстиціи и иностранныхъ дѣлъ, давшіе Комиссіи образцы описей дѣлъ и документовъ, хранящихся въ этихъ архивахъ. Далѣе, Археологическіе Съѣзды высылали въ библіотеку Комиссіи свои „Труды“, въ которыхъ всякій разъ можно было найти важнѣйшія, вполнѣ научно обоснованныя данныя по исторіи и археологіи не одного какого-либо уголка обширной территоріи Россіи, но всей Россіи; старѣйшіе университеты: Московскій, Кіевскій, Петербургскій, Казанскій, а также Казанское Общество Исторіи, Археологіи и Этнографіи тоже дѣлились съ Комиссіею результатами своихъ научныхъ изысканій. Наконецъ, дѣлились съ Комиссіею своими свѣдѣніями учрежденія, не преслѣдующія въ своей дѣятельности спеціально научныхъ цѣлей, къ каковымъ относятся „Собственная Его Императорскаго Величества Канцелярія“, „Архивъ Правительствующаго Сената“ и другія административныя учрежденія, имѣющія свои богатые архивы и вы-

сылавшія въ даръ Комиссіи свои „Сборники“, описи дѣлъ, разные „Матеріалы“ и т. п.

Не можемъ не отмѣтить любезнаго вниманія къ нуждамъ Комиссіи со стороны ученыхъ археологовъ, историковъ и этнографовъ А. А. Бобринскаго, Н. Ѳ. Дубровина, И. Е. Забѣлина, П. В. Знаменскаго. Г. Ив. Перетятковича, обогатившихъ библіотеку Комиссіи своими научными трудами, а также редакторовъ-издателей историческихъ журналовъ „Русскаго Архива“ и “Русской Старины“ П. И. Бартенева и М. И. Семевскаго, дававшихъ Комиссіи возможность слѣдить за матеріалами, печатавшимися въ ихъ журналахъ и нерѣдко относившимися къ исторіи и археологіи Саратовскаго края.

Было бы, впрочемъ, долго перечислять всѣхъ лицъ и ученыя и административныя учрежденія, содѣйствовавшія росту Комиссіи, особенно—ея библіотеки. Скажемъ поэтому коротко: почти не было въ Россіи ни одного ученаго или административнаго учрежденія, которое бы въ той или другой формѣ не проявило своихъ симпатій и помощи нашей Комиссіи. Результатомъ этихъ симпатій и помощи былъ замѣтный ростъ дѣла Комиссіи Да иначе и быть не могло: каждая новая книга, принесенная въ даръ Комиссіи, давала послѣдней новыя знанія, согрѣвала и возбуждала любовь къ наукѣ, любовь къ архивной работѣ, которая была, есть и будетъ краеугольнымъ камнемъ Русской исторіи и этнографіи, какъ наукъ.

Кромѣ книжной помощи, Комиссія нерѣдко получала компетентные совѣты и указанія со стороны людей опытныхъ, спеціально изучившихъ ту или другую научную область или вопросъ, которыхъ касались поступавшіе на разсмотрѣніе Комиссіи матеріалы. Такими компетентными совѣтчиками были М. І. Аттай, П. И. Бартеневъ, М. А. Баязитовъ, А. А. Бобринскій, А. Ѳ. Бычковъ, баронъ Ѳ. А. Бюлеръ, А. Я. Гаркави, И. Е. Забѣлинъ, Ѳ. М. Истоминъ, Х. И. Іоаннесовъ, М. М. Ковалевскій, В. И. Межовъ, С. А. Муромцевъ, Г. А. Муркосъ, Н. В. Покровскій, В. К. Трутовскій, гр. П. С. Уварова, С. Н. Шубинскій и мн. др. Всѣ эти лица пользуются заслуженною

ученою извѣстностью, каждый въ своей области, и, будучи дѣйствительными членами Комиссіи, близко къ сердцу принимали ея успѣхъ въ дѣлѣ служенія историко-археологической наукѣ.

Встрѣчая общее сочувствіе со стороны вышесказанныхъ лицъ, учрежденій и обществъ, Комиссія находила отзывчивость и со стороны частныхъ владѣльцевъ историческихъ документовъ и мемуаровъ на значительномъ протяженіи Россіи. На опубликованное въ газетахъ и журналахъ письмо предсѣдателя Комиссіи кн. Л. Л. Голицына о присылкѣ въ Комиссію, для снятія копій, относящихся до исторіи Саратовскаго края документовъ, прислано было много указаній отъ разныхъ лицъ, давшихъ Комиссіи возможность заняться розыскомъ документовъ, а отъ нѣкоторыхъ лицъ поступили въ Комиссію и самые документы. Такъ, напримѣръ, отъ проживавшей въ Одессѣ Над. Андр Фадѣевой поступили бумаги ея покойнаго отца Андрея Мих. Фадѣева, который въ 1839—1846 годахъ былъ въ Саратовѣ губернаторомъ и велъ мемуары и который при жизни своей пользовался заслуженною извѣстностью географа и статистика. Кромѣ бумагъ Фадѣева, въ Комиссію поступали замѣтки, записки, дневники и т. п., часть которыхъ тогда же была напечатана въ „Трудахъ“ Комиссіи и которыми, безъ сомнѣнія, воспользуются будущіе изслѣдователи Поволжья.

Что касается дѣятельности членовъ Комиссіи, то въ ней ясно опредѣлились два направленія: одни изъ членовъ содѣйствовали успѣху Комиссіи своимъ представительствомъ предъ правительственными и учеными учрежденіями, доставляли Комиссіи нужные ей матеріалы, книги, справки и т. п., другіе—посвящали свой трудъ на просмотръ описей дѣлъ, присылавшихся для этого въ Комиссію, и подлежавшихъ, послѣ отбора нужныхъ Комиссіи, уничтоженію, а также на составленіе описей дѣламъ Историческаго Архива, на обработку и изданіе историческихъ матеріаловъ, на производство экскурсій и археологическихъ и историческихъ изысканій и т. д.

Благодаря совокупнымъ дѣйствіямъ членовъ обоихъ

вышесказанныхъ направленій Комиссія въ первые же годы своего существованія имѣла въ своемъ распоряженіи: 1) по архиву: дѣла, относящіяся къ исторіи Пугачевскаго бунта, дѣла Саратовской Казенной Палаты; матеріалы, касающіеся Увека; опись дѣлъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ министерства юстиціи и касающихся колонизаціи сѣверной половины Саратовской губерніи; дѣла, хранящіяся въ центральномъ архивѣ министерства юстиціи, дѣла по исторіи колонизаціи Петровскаго уѣзда; дѣла волостныхъ правленій, дѣла архива Вольскаго нижняго земскаго суда, дѣла Вольскаго духовнаго правленія; дѣла Петровскаго полицейскаго управленія; дѣла о колонистахъ Саратовской губерніи; дѣла Межевого департамента правительствующаго Сената, заключающія въ себѣ цѣнные матеріалы по исторіи землевладѣнія въ Саратовской губерніи. Изъ послѣднихъ, какъ наиболѣе важныхъ, дѣлъ впослѣдствіи образовался особый отдѣлъ Историческаго архива Комиссіи.

2) По музею пріобрѣтены цѣнныя коллекціи: костей животныхъ плеоценовой эпохи, разнаго рода окаменѣлостей, монетъ, домашней утвари, одежды, орнаментовъ построекъ, туалетныхъ украшеній древнѣйшихъ обитателей Саратовскаго края и др. Значительная часть этихъ вещей поступила въ музей Комиссіи изъ Саратовскаго Статистическаго Комитета и изъ музея при Саратовской мужской, нынѣ первой, гимназіи (монеты); нѣкоторыя же вещи добыты членами Комиссіи при раскопкахъ кургановъ или пріобрѣтены отъ другихъ, постороннихъ Комиссіи лицъ. Благодаря этимъ вещамъ музей Комиссіи на первыхъ же порахъ его существованія сталъ центромъ, куда начинали стекаться всѣ археологическія открытія въ Саратовскомъ краѣ. Самый фактъ поступленій въ музей находокъ служитъ наглядымъ доказательствомъ, что въ мѣстномъ обществѣ началъ уясняться правильный взглядъ на остатки старины и явилось уваженіе къ этимъ останкамъ, какъ свидѣтелямъ прошлаго.

3) По библіотекѣ: книгъ къ 12 декабря 1889 года было 859 №№. Въ томъ числѣ были очень цѣнныя изданія, какъ,

напримѣръ: Акты, издаваемые Виленскою Археографическою Комиссіей, Акты Московскаго Государства, Древности Сѣверо-Западнаго края, Памятники древней письменности.

Количество и качество пріобрѣтеннаго имущества дали Комиссіи возможность показать его Саратовской публикѣ путемъ принятія участія въ научно-художественномъ отдѣлѣ Саратовской выставки 1889 г. Впервые выступая съ своими экспонатами на судъ публики, Комиссія выходила изъ того положенія, что работы свои она соединяетъ съ умственною жизнею мѣстнаго общества и его духовными интересами. Съ другой стороны, участіе Комиссіи въ выставкѣ могло имѣть и практическое значеніе: Комиссія существовала на средства городовъ и земствъ губерніи, и выставка ея предметовъ имѣла показать субсидирующимъ учрежденіямъ, а равно и населенію Саратовской губерніи, что Комиссія въ теченіе трехъ лѣтъ своего существованія въ достаточной степени окупила затраты, сдѣланныя для нея этими учрежденіями, добывающими себѣ средства съ населенія губерніи. Такъ понимала цѣль выступленія своего сама Комиссія, такъ поняла ее и публика, которая устами экспертной комиссіи произнесла надъ нашей Комиссіей общественный приговоръ въ выраженіяхъ крайне для нея лестныхъ: „Саратовская Ученая Архивная Комиссія, читаемъ въ отзывѣ экспертовъ,—представила на выставку: коллекціи монетъ XV—XVIII столѣтій и костей животныхъ третичной геологической эпохи, вооруженіе до XVI столѣтія, остатки домашняго быта древнѣйшихъ обитателей Саратовской губерніи, столбцы письменности XVIII столѣтія, 23 неизданныхъ пугачевскихъ дѣла и 13 выпусковъ своихъ „Трудовъ“ и „Протоколовъ“. Принимая во вниманіе краткій періодъ существованія Комиссіи (открыта 12 декабря 1886 года), недостатокъ матеріальныхъ средствъ и тѣ трудности, съ которыми сопряжены всякія научныя работы въ провинціальномъ, не имѣющемъ обширныхъ книгохранилищъ и другихъ научныхъ средствъ и пособій, городѣ, экспертная комиссія имѣетъ честь поставить на видъ комитета (выставочнаго, распо-

рядительнаго) живую, энергичную, заслуживающую горячаго сочувствія дѣятельность молодого ученаго общества“ [14]) Въ этомъ отзывѣ, конечно, нѣтъ преувеличенія, скорѣе наоборотъ: эксперты судили о дѣятельности Комиссіи по ея экспонатамъ, которыхъ на выставкѣ была лишь частица, громадное же большинство оставалось въ помѣщеніи Комиссіи и было неизвѣстно экспертамъ, а именно, въ помѣщеніи Комиссіи оставались: цѣлая библіотека, состоявшая, какъ выше сказано, изъ 859 №№, цѣлый музей, состоявшій изъ 144 вещей, и цѣлый архивъ, состоявшій изъ 200,000 листовъ, изъ которыхъ, какъ выше сказано, 20,000 листовъ были ко времени выставки уже разсмотрѣны и описаны; кромѣ того, разсмотрѣны 3000 листовъ описей дѣлъ, хранившихся въ разныхъ правительственныхъ и частныхъ архивахъ. Всѣ эти работы, повторяемъ, остались неизвѣстными экспертамъ.

Черезъ годъ послѣ этой выставки состоялась другая, такого же характера, выставка въ г. Казани. Распорядительный Комитетъ по этой выставкѣ пригласилъ нашу Комиссію принять участіе въ ея (выставки) научномъ отдѣлѣ. Предложеніе было принято, и члены нашей Комиссіи, профессора Казанскаго университета и духовной академіи Д. А. Корсаковъ и П. В. Знаменскій приняли на себя трудъ по размѣщенію экспонатовъ нашей Комиссіи на выставкѣ. За эти экспонаты (предметы музея и архива и печатные „Труды“) Ученый Комитетъ выставки присудилъ нашей Комиссіи высшую награду по научному отдѣлу—почетный отзывъ съ присвоеннымъ ему знакомъ отличія—серебряной звѣздой, украшенной золотою короной [15]).

Этотъ успѣхъ нашей Комиссіи на обѣихъ [16]) сказан-

---

[14]) См. протоколъ общаго собранія Комиссіи 6 окт. 1889 г.

[15]) См. протоколы общихъ собраній Комиссіи 6 окт. 1889 г. и 15 февраля 1890 г. и отчетъ о дѣятельности Комиссіи за 1889—1890 г., стр. 10.

[16]) Въ апрѣлѣ 1891 г. наша Комиссія получила приглашеніе участвовать въ выставкѣ международныхъ конгрессовъ доисторической археологіи, антропологіи и зоологіи. Выставка имѣла быть въ Москвѣ въ августѣ 1892 года. Но выставка ли не состоялась, Комиссія ли наша отказалась участвовать въ ней—неизвѣстно: никакихъ свѣдѣній объ этомъ въ дѣлахъ Комиссіи не имѣется.

ныхъ выставкахъ ясно свидѣтельствовалъ о любви ея членовъ къ архивному дѣлу, а равно и объ ихъ энергіи по собиранію предметовъ древности, такъ заинтересовавшихъ собой ученыхъ экспертовъ по научнымъ отдѣламъ той и другой выставки.

Объ этой же любви, а равно и о продуктивности работъ Комиссіи не разъ свидѣтельствовали и другія, совершенно постороннія ей лица. Приводимъ одно изъ такихъ свидѣтельствъ, какъ наиболѣе компетентное. На общемъ собраніи Комиссіи 24 августа 1889 года присутствовалъ членъ-корреспондентъ С.-Петербургскаго Археологическаго Института А. Ѳ. Селивановъ, которому со стороны *чужая* работа была виднѣе, чѣмъ Комиссіи *своя* работа. И вотъ что сказалъ г. Селивановъ въ рѣчи своей, обращенной къ общему собранію Комиссіи: „Археологическій Институтъ можетъ гордиться, что руководимыя имъ Архивныя Комиссіи заняли почетное мѣсто среди ученыхъ обществъ... Архивныя Комиссіи, несмотря на недостатокъ средствъ и другія причины, вредно вліявшія на ихъ дѣятельность, собрали и издали много интересныхъ документовъ. Онѣ возбудили интересъ въ мѣстномъ обществѣ и вызвали новыхъ работниковъ, раскрывшихъ прошлое нашего отечества... Познакомившись на мѣстѣ съ Архивными Комиссіями и ихъ дѣятелями, я, говоритъ г. Селивановъ, могу свидѣтельствовать, что въ нашемъ отечествѣ существуетъ любовь къ исторіи своей родины и есть много любителей, работающихъ безкорыстно надъ изученіемъ прошлаго своей губерніи, уѣзда, даже села... Саратовская губернія довольнс счастлива въ этомъ отношеніи. Въ ней всегда были люди, интересовавшіеся ея прошлымъ, но въ особенности теперь для изученія Саратовской губерніи наступила новая эра... Немного времени прошло—менѣе трехъ лѣтъ, а Саратовская Комиссія пользуется вниманіемъ общества и литературы. Среди ея членовъ мы видимъ и мѣстныхъ ученыхъ, и профессоровъ Перетятковича, Знаменскаго, Корсакова и др., видимъ извѣстнаго ученаго А. Н. Пыпина... За три года своего существованія Комиссія издала два тома своихъ „Тру-

довъ", нѣсколько протоколовъ и разсмотрѣла около 20,000 дѣлъ. Разсматривая ея труды, надо признать, что она обратила серьезное вниманіе на изученіе прошлаго края". Перечисливъ затѣмъ напечатанныя въ „Трудахъ" Комиссіи статьи членовъ и назвавъ ихъ авторовъ поименно, г. Селивановъ продолжаетъ: „Вся эта широкая и плодотворная дѣятельность Комиссіи служитъ надежнымъ ручательствомъ, что исторія Саратовскаго края получитъ надлежащую разработку и что ея изслѣдователи найдутъ въ „Трудахъ" Комиссіи обширный научный матеріалъ" [17]).

Надо замѣтить, что А. Ѳ. Селивановъ обозрѣвалъ ученыя архивныя Комиссіи по порученію Археологическаго Институ́та и, слѣдовательно, не изъ простого личнаго любопытства, а съ чисто-ревизорскою цѣлью, т. е. съ цѣлью представить Археологическому Институ́ту отчетъ какъ о достоинствахъ, такъ и недостаткахъ ученыхъ архивныхъ Комиссій и ужъ, конечно, не могъ онъ и по совѣсти, и по долгу принятаго на себя порученія Института считать и называть бѣлымъ то, что въ дѣйствительности было бы черно...

IV.

Трехлѣтній опытъ работъ по разбору архивныхъ дѣлъ и документовъ привелъ Комиссію къ заключенію, что единоличная работа въ такомъ дѣлѣ является нерѣдко усиліемъ, недостигающимъ желательныхъ цѣлей. Масса архивныхъ матеріаловъ и разнообразіе бытовыхъ условій, которыхъ касались эти матеріалы, подавляющимъ образомъ дѣйствовали на энергію работниковъ архивистовъ въ силу обширности самаго труда, главнымъ же образомъ, въ силу громадной нравственной отвѣтственности за его научныя послѣдствія. И это—не смотря на вышесказанное постановленіе Комиссіи: „хранить дѣла въ цѣломъ ихъ видѣ",—постановленіе, исключавшее возможность утраты для науки болѣе или менѣе цѣнныхъ матеріаловъ. Положимъ, что дѣла, по использованіи ихъ, крѣпко хранятся, но *такъ*-ли они использо-

[17]) См. протоколъ общаго собранія Комиссіи 24 августа 1889 года.

ваны?—Вотъ вопросъ, который часто являлся у многихъ членовъ Комиссіи и, въ концѣ-концовъ, привелъ ихъ къ убѣжденію, что работать надъ *извѣстнымъ вопросомъ* по даннымъ того или другого архива и разрабатывать *весь* архивъ—двѣ совершенно различныя работы. Если въ первомъ случаѣ допустимъ единоличный трудъ, то во второмъ случаѣ болѣе пригоденъ трудъ коллективный—трудъ всей Комиссіи. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ Комиссія въ 1889—1890 году и рѣшила вопросъ о способѣ разбора архивовъ, принявъ для практическаго осуществленія докладъ своего предсѣдателя кн. Л. Л. Голицына „Архивы и порядокъ ихъ разбора“. Методъ разбора, положенный въ основу этого доклада и принятый Комиссіей, состоитъ, въ существенныхъ чертахъ, въ слѣдующемъ: каждый архивъ разбирается одновременно и согласуется съ симпатіями и спеціально научной подготовкой каждаго изъ трудящихся, а чтобы достигнуть единства труда, всѣ описи архивовъ читаются лицами, ихъ составившими, на общихъ собраніяхъ, при чемъ всякія противорѣчія и недоразумѣнія устраняются путемъ живыхъ личныхъ объясненій самихъ авторовъ описей, которые обязаны подчиняться приговору общаго собранія Комиссіи.

Представляя обсужденіе научной цѣнности архивовъ цѣлымъ подкомиссіямъ, Комиссія устранила этимъ пріемомъ одно изъ большихъ золъ при каждой ученой работѣ—субъективизмъ работающаго въ оцѣнкѣ достоинства и научнаго значенія сырыхъ матеріаловъ. Затѣмъ, такой способъ оцѣнки архивовъ если и не устранитъ окончательно, то въ значительной степени уменьшитъ просмотры дѣлъ, кажущихся только „интересными“ въ томъ или другомъ отношеніи, что, конечно, тоже—субъективизмъ. Наконецъ, содержаніе архива получитъ не узкую, личную, въ большинствѣ случаевъ пристрастную и одностороннюю оцѣнку. а оцѣнку цѣлой коллегіи, которая въ своихъ преніяхъ можетъ установить на него правильный взглядъ.

Насколько тактично въ данномъ случаѣ поступила наша Комиссія, объ этомъ читаемъ въ отчетѣ директора

Археологическаго Института о дѣятельности ученыхъ архивныхъ Комиссій за 1890 годъ слѣдующее: „Саратовская Комиссія рѣшила важнѣйшій для *всѣхъ* ученыхъ архивныхъ Комиссій вопросъ о разборѣ архивовъ своей мѣстности какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ, принявъ для практическаго осуществленія программу, изложенную въ докладѣ ея предсѣдателя кн. Л. Л. Голицына... Указанный способъ разбора былъ приложенъ къ архиву Окружнаго Суда, изъ коего, послѣ разсмотра 5634 дѣлъ, отобрано для храненія... 420". Значитъ, наша Комиссія не даромъ трудилась надъ разработкой этого вопроса!

Въ связи съ примѣненіемъ этого метода къ разбору архивовъ Комиссія предполагала измѣнить въ ближайшемъ же будущемъ изданіе самаго органа своего—„Трудовъ" въ томъ смыслѣ, чтобы опись каждаго архива составляла отдѣльную книжку; и если не осуществила этого до сихъ поръ, то только потому, что, кромѣ спеціально архивнаго матеріала, необходимо издавать и протоколы, и доклады съ рефератами и пр.; издавать же то и другое одновременно не позволяли средства Комиссіи.

Какъ бы то ни было, но благодаря выработанному Комиссіей методу, разборъ архивныхъ дѣлъ значительно подвинулся впередъ, а вмѣстѣ съ прежними единичными и единоличными работами, у Комиссіи накопилось за 4 года столько матеріала по исторіи г. Саратова и Саратовскаго края, въ ихъ прошломъ и настоящемъ, что Комиссія почувствовала себя въ курсѣ дѣла и настолько освѣдомленной, что рѣшилась выступить съ предложеніемъ мѣстному городскому управленію и обществу—отпраздновать 300-лѣтній юбилей г. Саратова. А для того, чтобы описать подробно жизнь Саратова за этотъ 300-лѣтній періодъ, чтобы не съ голыми руками приступать къ празднованію, рѣшено было къ нему подготовиться, а для этого приготовить и издать особый „Сборникъ", въ который бы вошелъ весь, какой только будетъ добытъ Комиссіей, матеріалъ по исторіи г. Саратова и Саратовскаго края. Мысль эту подалъ членъ

Комиссіи, извѣстный ученый, нынѣ покойный А. Н. Пыпинъ, посѣтившій Саратовъ лѣтомъ 1888 г. и лично высказавшій эту мысль предсѣдателю Комиссіи А. А. Тилло, который, въ свою очередь, высказалъ ее Общему Собранію Комиссіи 19 сентября того же 1888 года, причемъ оговорился, что вопросъ о матеріальныхъ средствахъ не долженъ смущать Комиссію, такъ какъ города, земство и сословія губерніи, такъ сочувственно встрѣтившіе открытіе Комиссіи, откликнутся и теперь на ея призывъ къ пожертвованіямъ на изданіе „Сборника“. Гораздо важнѣе, по мнѣнію г. Тилло, вопросъ о томъ научномъ матеріалѣ, который можетъ быть собранъ и обработанъ для юбилейнаго изданія. Правда, въ этомъ случаѣ Комиссіи обезпечено участіе А. Н. Пыпина, который принялъ на себя значительную долю труда, но необходимо привлечь къ содѣйствію и всѣхъ остальныхъ наличныхъ членовъ Комиссіи.

Предложеніе Пыпина—Тилло было принято Комиссіей очень сочувственно, и тутъ же одинъ изъ членовъ (Смольяниновъ) заявилъ, что онъ беретъ на себя трудъ составить библіографическій указатель книгъ и статей по исторіи Саратовскаго края, а общее собраніе рѣшило обратиться къ земствамъ, городамъ и сословіямъ губерніи съ ходатайствомъ о субсидіи на изданіе юбилейнаго „Сборника“ и письменно просить всѣхъ членовъ Комиссіи, принять участіе своими трудами въ составленіи „Сборника“ а также обратиться съ такою же просьбою къ проф. Перетятковичу, академику Н. Ф. Дубровину, проф. П. В. Знаменскому и Д. А. Корсакову, которые спеціально занимались исторіей Поволжья и вообще хорошо знакомы съ литературой областной исторіи; обратиться также къ библіотекарю Петербургской публичной библіотеки, у котораго подъ руками богатѣйшее книгохранилище, и по отдѣлу собственно Саратовской исторіи ему легче, чѣмъ всякому другому, составить библіографическій указатель. Кромѣ того, открыть въ „Трудахъ“ Комиссіи особый отдѣлъ—Saratoviana, гдѣ обозначать всѣ изданія книгъ и статей, относящихся

къ Саратову и Саратовскому краю. Съ этою же цѣлью рѣшено обратиться во всѣ правительственные и общественные архивы, а также къ управляющимъ Пензенской и Самарской Удѣльныхъ Конторъ и Государственныхъ Имуществъ и къ управляющему Саратовскаго отдѣленія Государственнаго Банка съ просьбой указать мѣстонахожденія Государственнаго „Заемнаго банка“; къ Астраханскому епископу Евгенію по вопросу о библіотекѣ и нумизматической коллекціи умершаго въ Астрахани на покоѣ бывшаго Саратовскаго епископа Афанасія, и къ проживающимъ въ Нижнемъ Новгородѣ членамъ Комиссіи по вопросу о рукописномъ сборникѣ преосвящ. Іакова, который, т. е. сборникъ, нынѣ находится въ библіотекѣ нижегородской духовной семинаріи и въ которомъ заключаются документы по исторіи Саратовскаго края, собранные преосвящ. Іаковымъ въ бытность его епископомъ въ Саратовѣ; наконецъ, обратиться ко всѣмъ учебнымъ заведеніямъ Саратовской губерніи о присылкѣ историческихъ записокъ о каждомъ заведеніи или хотябы только краткихъ свѣдѣній о времени ихъ основанія.

Все это было сдѣлано въ теченіе 1888 года. Что-же касается до 1889 года, то дѣло съ хлопотами объ изданіи „Сборника“ въ этомъ году обстояло такъ. На общемъ собраніи своемъ 21 февраля Комиссія заслушала докладъ предсѣдателя кн. Л. Л. Голицына и правителя дѣлъ С. С. Краснодубровскаго, смѣнившихъ 23 января этого года А. А. Тилло и Н. С. Соколова, получившихъ новое служебное назначеніе—первый въ Ставрополь-Кавказскій, второй—въ Петербургъ.

Авторы доклада, исходя изъ того положенія, что все, когда либо написанное о Саратовѣ, въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость, пришли къ выводу, что отсюда исходъ одинъ—перепечатать все вновь въ систематическомъ сводѣ въ видѣ „Сборника“, который бы заключилъ въ себѣ все, что теперь трудно или даже невозможно найти въ продажѣ, и который долженъ быть настольною, справочною книгой для каждаго занимающагося разработкой мѣстной исторіи. „Изда-

ніемъ свода матеріаловъ по мѣстной исторіи, говорятъ авторы доклада,—Комиссія окажетъ неоцѣнимую услугу русской наукѣ, разъ навсегда избавивъ ее отъ печальной необходимости дѣлать часто безплодные поиски въ разныхъ уголкахъ Россіи всякихъ статей и замѣтокъ... Далѣе, на Комиссіи сосредоточено вниманіе земствъ и обществъ всей губерніи, на что указываютъ ихъ субсидіи. За это ихъ вниманіе Комиссія можетъ отплатить имъ только капитальной работой, о которой идетъ рѣчь. Для городовъ и земствъ такая работа будетъ имѣть и серьезное практическое значеніе: въ Саратовской Думѣ, напримѣръ, поднимался недавно вопросъ о земляхъ, принадлежащихъ Саратову, но, за неимѣніемъ историческихъ данныхъ, вопросъ остался открытымъ. Такихъ случаевъ можно указать много. А потому „Сборникъ“ долженъ имѣть монументальный характеръ: въ немъ должно быть собрано все, что выходило когда-либо въ Саратовѣ и что было писано о немъ въ Россіи и за границей. И все это должно составить первую часть „Сборника“; вторую же часть должны составить статьи научныя, составленныя членами Комиссіи.

Въ частности, въ „Сборникъ“, въ видѣ сырыхъ матеріаловъ по исторіи Саратовскаго края, должны, по сказанному докладу, войти свѣдѣнія о немъ у Геродота, Страбона, Ибнъ-Дасты, Масуди, Эль-Балхи, Абуль-Феда, Ибнъ-Батуты, Плано-Карпини, Рубруквиса, Марко-Поло, Контарини. Олеарія, Палласа и др. лицъ, въ древнія времена посѣщавшихъ Поволжье, или почему-либо говорившихъ о немъ. Получить сочиненія этихъ лицъ можно изъ Академіи Наукъ, Императорской Публичной Библіотеки, Румянцевскаго Музея, изъ библіотекъ университетовъ русскихъ и заграничныхъ, или же сдѣлать извлеченія изъ этихъ сочиненій чрезъ проживающихъ въ столицѣ членовъ Комиссіи.

Болѣе поздніе свѣдѣнія о Саратовскомъ краѣ можно взять, по тому же докладу, изъ нашихъ лѣтописей, актовъ, грамотъ, договоровъ, чертежей, картъ, когда-либо появлявшихся въ Россіи и за границей, а равно и

изъ разныхъ письменныхъ документовъ, изъ книгъ, составляющихъ теперь библіографическую рѣдкость, каковы, напримѣръ, труды Мюллера, Шлецера, Рейца, Эверса, и др.; а также изъ газетныхъ и журнальныхъ статей и т. д.

Въ концѣ первой половины „Сборника", по мнѣнію авторовъ доклада, долженъ быть приложенъ общій обзоръ памятниковъ литературы по исторіи Саратовскаго края, который далъ бы читателю средство удобно пользоваться матеріаломъ „Сборника". Для такой работы, говорятъ авторы доклада, достаточно двухъ лѣтъ, остающихся до юбилея, если, конечно, за нее дружно примутся всѣ 100 членовъ Комиссіи.

Когда первая часть „Сборника" будетъ готова, говорится далѣе въ докладѣ, тогда можно будетъ приступить ко второй его части—къ составленію монографій. Но тутъ, продолжаютъ авторы доклада, можно говорить лишь о томъ, что *желательно*. А желательно, по докладу, слѣдующее: составленіе исторіи Саратова и уѣздныхъ городовъ, исторія колонизаціи Саратовскаго края, исторія иностранныхъ поселенцевъ, исторія поземельнаго вопроса относительно городовъ, монастырей, церквей и другихъ учрежденій, владѣющихъ землями; исторія церквей г. Саратова и губерніи, исторія губернскихъ и общественныхъ учрежденій: Губернскаго Правленія, Казенной Палаты, городскихъ Думъ и Управъ и пр.; дѣятельность Саратовскихъ епископовъ и духовныхъ лицъ, исторія церковныхъ учрежденій и раскола и отношеніе къ послѣднему мѣстныхъ учрежденій и правительства; бытъ общественныхъ классовъ и сословій, бытъ помѣщиковъ, служилыхъ людей и крестьянства, положеніе крестьянъ при крѣпостномъ правѣ, крестьянскіе бунты и волненія, бунтъ Стеньки Разина и Пугачева, исторія торговли и промысловъ въ Саратовскомъ краѣ, экономическая жизнь края, дѣятельность земствъ, городского и крестьянскаго самоуправленій, исторія кредитныхъ учрежденій, исторія торгово-промышленныхъ и художественно-промышленныхъ выставокъ, духовная жизнь края, исто-

рія просвѣщенія края, школъ, библіотекъ и печати въ краѣ, исторія народной нравственности по судебнымъ дѣламъ, народныя легенды, пѣсни, суевѣрія, сказанія старины и пр.

Къ „Сборнику“ должны быть приложены снимки и карты Поволжья: итальянскаго географа IV вѣка Пицигани, по „Большому чертежу“, по Олеарію и карта Саратовскаго края въ началѣ XVIII и XIX вѣковъ; этнографическая и археологическая карты, а также—рисунки Поволжскихъ городовъ изъ Олеарія и другихъ путешественниковъ, снимки съ историческихъ достопримѣчательностей края, гербы Саратова и уѣздныхъ городовъ, біографіи и портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи края. Программа эта, говорятъ въ заключеніе авторы доклада, можетъ быть измѣнена, дополнена, но не сокращена. Авторы доклада при этомъ не скрываютъ, что Комиссіи „трудъ великій предстоитъ“, но что „сознаніе громадной пользы результатовъ, какіе будутъ достигнуты этимъ трудомъ, должно преодолѣть всѣ препятствія и затрудненія, какія встрѣтятся при его исполненіи“, ибо „изданіе такого „Сборника“ разъ на всегда развяжетъ руки членамъ Комиссіи въ ихъ дальнѣйшихъ собственныхъ работахъ, поставитъ ихъ трудъ на прочную научную почву, окажетъ услугу всей русской наукѣ, дастъ, быть можетъ, настольную книгу для каждаго мыслящаго жителя Саратова и губерніи, убѣжденнаго въ непреложной истинѣ, что безъ исторіи, этого великаго, неподкупнаго учителя и руководителя жизни, немыслимо правильное нормальное развитіе самой жизни. Если въ настоящее время такое убѣжденіе еще слабо, то надо привить его общественному сознанію. Пусть эти цѣли послужатъ путеводною звѣздою для всякаго, кто желаетъ положить свой трудъ на алтарь служенія наукѣ, государству и обществу“.

Докладъ этотъ вызвалъ продолжительныя пренія. Одни изъ членовъ Комиссіи находили, что, издавая такой обширный „Сборникъ“, Комиссія уклонится отъ своей прямой задачи—дѣлать просмотръ архивовъ и со-

ставлять описи дѣламъ—и что эта задача отодвинется на задній планъ на цѣлые десятки лѣтъ, такъ какъ изданіе однихъ сырыхъ матеріаловъ потребуетъ именно столько времени и составитъ десятки томовъ, а потому лучше бы было составить библіотеку изъ всевозможныхъ книгъ и статей, относящихся до Саратовскаго края, что было бы удобно въ томъ отношеніи, что не отвлекало бы Комиссію отъ разработки архивовъ, а безъ этой разработки невозможно составленіе самыхъ монографій; при томъ же составленіе монографій займетъ очень много времени, до 300-лѣтняго же юбилея Саратова остается очень мало времени; вообще-же вопросъ о монографіяхъ лучше оставить въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что Комиссіи неизвѣстно, примутъ ли участіе и насколько въ составленіи „Сборника“ столичные члены Комиссіи, а потому надо имѣть въ виду лишь наличныя силы Комиссіи и сузить границы программы, сообразуясь какъ съ этими силами, такъ и съ временемъ, остающимся до юбилея. Другіе члены Комиссіи находили, что самая программа „Сборника“ составлена произвольно: почему бы, напримѣръ, не включить въ нее вопроса о геологическомъ строеніи почвы Саратовской губерніи, объ ея рельефѣ и т. п.?

Въ концѣ, концовъ было рѣшено: докладъ напечатать и для детальнаго обсужденія его и окончательной выработки программы составить особую комиссію изъ членовъ С. И. Кедрова, С. С. Краснодубровскаго, В. Н. Смольянинова, С. А. Харизоменова и А. И. Шахматова, которые и представили общему собранію Комиссіи 2 мая 1889 г. свой докладъ о программѣ „Сборника“, который, въ существенныхъ чертахъ, сводится къ слѣдующимъ положеніямъ: изданіе „Сборника“ необходимо для знакомства Комиссіи и общества съ исторіею Саратовскаго края по малодоступнымъ источникамъ; „Сборникъ“ долженъ состоять изъ двухъ частей: первая часть должна служить сводомъ матеріаловъ о Саратовскомъ краѣ, вторая часть—сводомъ научныхъ статей о томъ же краѣ, составленныхъ членами Комиссіи. Въ первую часть

должны войти всѣ безъ исключенія матеріалы до 1700 года (?) и матеріалы и статьи, появившіеся въ XVIII и XIX вѣкахъ, добыть которые теперь очень трудно. Вторая часть должна состоять изъ подробнаго библіографическаго указателя всѣхъ сочиненій XVIII и XIX вѣковъ. Въ указателѣ каждая книга должна быть поименована, содержаніе ея должно быть кратко изложено, изъ книгъ должны быть сдѣланы извлеченія съ указаніемъ страницъ подлинника. Къ „Сборнику“ должно быть написано предисловіе и приложенъ указатель алфавитный или предметный.

Темы для статей, имѣющихъ войти во вторую часть, выбираются самими авторами, но желательно, чтобы разработывались вопросы мало или и совсѣмъ раньше неразработанные. И въ этой части должны быть предисловіе, историческія иллюстраціи, карты и указатель. Изданіемъ „Сборника“ должна завѣдывать особая Редакціонная Комиссія. Всѣ справки по изданію „Сборника“ дѣлаются чрезъ правителя дѣлъ; онъ же ведетъ переписку съ лицами и учрежденіями, имѣющими принять участіе въ составленіи „Сборника.“

Вмѣстѣ съ тѣмъ выражено пожеланіе обратиться чрезъ мѣстныя газеты съ воззваніемъ къ владѣльцамъ рукописей, рѣдкихъ книгъ, воспоминаній, дневниковъ и другихъ матеріаловъ по археологіи, исторіи и этнографіи Саратовскаго края предоставить ихъ Комиссіи во временное пользованіе.

Воззваніе это не осталось безъ отвѣта: по словамъ отчета о дѣятельности Комиссіи за 1888—9 годъ, „Комиссія встрѣтила... отзывчивость со стороны владѣльцевъ историческихъ документовъ на всемъ пространствѣ широкой Россіи..., послѣдовало съ сѣвера и юга, востока и запада нашего обширнаго отечества очень много отвѣтовъ отъ разныхъ лицъ, давшихъ въ руки Комиссіи путеводныя нити къ розысканію свидѣтельствъ о родной старинѣ.“ Многіе изъ этихъ лицъ уже предоставили Комиссіи и самые документы. Какъ на примѣръ, укажемъ на проживавшую въ то время въ Одессѣ Над. Андр.

Фадѣеву, которая передала Комиссіи бумаги своего покойнаго отца, бывшаго Саратовскаго губернатора (1839—1846 г.) Андр. Мих. Фадѣева, пользовавшагося въ свое время заслуженною извѣстностью географа и статистика.[18]) Въ бумагахъ этихъ заключаются цѣнныя указанія на Саратовскую старину. Кромѣ этого крупнаго дара, въ Комиссію поступили записки, дневники, замѣтки и т. п. Весь этотъ матеріалъ послѣдовательно увеличивалъ запасъ цѣнныхъ свѣдѣній о Саратовской старинѣ, которыя до того времени хранились въ историческомъ архивѣ нашей Комиссіи и которыми въ значительной степени уже воспользовались прежніе изслѣдователи Поволжья и будутъ пользоваться будущіе изслѣдователи того же Поволжья.

Въ частности, изъ поступившихъ въ Комиссію разнаго рода „дневниковъ“ и „записокъ“ особенную цѣнность имѣли и имѣютъ „Дневникъ происшествій“—Гер. Ал. Скопина и „Записки Дневныя“—Н. Г. Скопина.

Комиссія на общихъ собраніяхъ своихъ 30 октября 1889 г., 10 марта и 31 мая 1890 года по достоинству оцѣнила эти „Дневникъ“ и „Записки“, постановивъ напечатать ихъ отдѣльнымъ выпускомъ подъ заглавіемъ „Саратовскій Историческій Сборникъ, издаваемый Саратовскою Ученою Архивною Комиссіей въ память трехсотлѣтія г. Саратова“.

Такимъ образомъ въ 1890 году было положено начало изданію того самаго „Историческаго Сборника“, о которомъ такъ много было разговоровъ на общихъ собраніяхъ Комиссіи въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ. Издавая „Дневникъ“ и „Записки“ Скопиныхъ, Комиссія обѣщала постепенно издавать и послѣдующіе выпуски, въ которые имѣли войти „какъ сырые матеріалы, такъ и ученыя изслѣдованія“ по вопросамъ, намѣченнымъ въ вышеприведенной программѣ „Сборника“.

Къ сожалѣнію, это обѣщаніе осталось доселѣ неисполненнымъ, но не потому, чтобы на послѣдующіе вы-

[18]). Онъ составилъ статистическіе очерки Сарат. губерніи, которые въ 1840-хъ годахъ были напечатаны въ „Журналѣ мин. государ. имуществъ.“

пуски у Комиссіи не хватало нужнаго и подходящаго матеріала, и не потому, чтобы у нея не было времени и охоты продолжать дѣлать выпуски, а просто и единственно по недостатку на это средствъ, наличность которыхъ ежегодно поглощается печатаніемъ очередныхъ выпусковъ „Трудовъ“ и другими неизбѣжными статьями расхода.

Въ связи съ вопросомъ о „Сборникѣ“ поднятъ былъ другой очень важный вопросъ—объ изданіи „Археологической карты“ Саратовской губерніи для нанесенія на нее, карту, городищъ, кургановъ, валовъ, засѣкъ, могильниковъ, кладовъ, старинныхъ издѣлій и т. п. На необходимости составленія такой карты настаивали, между прочимъ, Московское Археологическое Общество и непремѣнный попечитель Комиссіи, губернаторъ А. И. Косичъ, причемъ иниціатива принадлежала послѣднему: на общемъ собраніи комиссіи 20 марта 1888 года Косичъ заявилъ, что, объѣзжая осенью 1887 года Саратовскую губернію, онъ замѣтилъ „обиліе ископаемыхъ“, а у жителя Сарепты г. Кноблоха—богатую коллекцію по палеонтологіи. При этомъ Косичъ предлагалъ для археологической карты воспользоваться имѣющеюся въ его кабинетѣ картою Шредерса, литографическій снимокъ съ которой будетъ стоить 854 р., снимокъ же чертежный—50 руб. Для успѣха дѣла надо всю губернію раздѣлить на участки, которые поручить уѣзднымъ членамъ Комиссіи. Послѣдніе, по повѣркѣ свѣдѣній на мѣстѣ, нанесутъ на карту все заслуживающее нанесенія, но предварительно надо разослать по губерніи и членамъ Комиссіи „вопросные пункты“, выработанные и присланные въ Комиссію Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, причемъ „пункты“ необходимо нѣсколько измѣнить и дополнить, сообразно съ мѣстными условіями, для чего была избрана особая комиссія изъ членовъ: Болотинова, Бундасъ, Готовицкаго, Кедрова и Шахматова.

На собраніи своемъ 25 февраля 1889 года эта комиссія пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) для нанесенія на карты всякаго рода археологическихъ на-

ходокъ и вообще данныхъ необходимо пріобрѣсть 4 карты Саратовской губерніи, изданныя Генеральнымъ штабомъ въ масштабѣ 10 вер. въ дюймѣ; на одну карту наносить находки каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ, равно и остеологическія находки; на другую карту—находки нумизматическія; на третью—находки стариннаго оружія, а также пещеры, валы, городища; а на четвертой картѣ обозначать курганы, каменныя бабы, камни, скалы съ изображеніями; 2) составить опись мѣстныхъ наличныхъ археологическихъ данныхъ; 3) въ городахъ поволжскихъ образовать отдѣленія ученой архивной Комиссіи и членовъ ихъ просить содѣйствовать составленію археологической карты; 4) „вопросные пункты“ Московскаго Археологическаго Общества напечатать въ количествѣ 1000 экз., которые и разослать въ отдѣленія Комиссіи и всѣмъ лицамъ, которыя могутъ собирать свѣдѣнія о тѣхъ или другихъ археологическихъ находкахъ, а именно: помѣщикамъ, мировымъ судьямъ, судебнымъ слѣдователямъ, врачамъ, священникамъ, народнымъ учителямъ и др. лицамъ, извѣстнымъ своими научными трудами по археологіи Россіи, съ просьбою сообщить комиссіи свѣдѣнія спеціально о находкахъ въ Саратовскомъ краѣ; въ мѣстныхъ газетахъ опубликовать „вопросные пункты“ съ воззваніемъ ко всѣмъ лицамъ, которыя могутъ сообщить свѣдѣнія объ археологическихъ находкахъ. Всѣ указанія о таковыхъ находкахъ раздѣлить на двѣ категоріи: провѣренныя и не провѣренныя; тѣ и другія отмѣчать на картахъ разными красками.

„Вопросные пункты“ комиссія предлагала разсылать при особомъ, выработанномъ ею, письмѣ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано слѣдующее: „Такъ какъ при составленіи карты необходимо знать точное указаніе мѣста нахожденія археологическихъ данныхъ, (то) Саратовская Архивная Комиссія... проситъ васъ въ сообщеніяхъ указать ближайшее разстояніе мѣста, важнаго въ археологическомъ отношеніи, отъ того или другого города, села, деревни, торговаго центра, почтоваго тракта, линіи желѣзной дороги и пр.“.

Такъ положено было начало для составленія археологической карты, безъ которой всестороннее изученіе Саратовской губерніи въ историко-археологическомъ, этнографическомъ и палеонтологическомъ отношеніяхъ было бы немыслимо. Программа по собиранію свѣдѣній для карты составлена была такъ подробно и обстоятельно, что выполнить ее цѣликомъ и въ точности оказалось, какъ увидимъ ниже, затруднительнымъ и для настоящаго времени, когда въ портфелѣ Комиссіи накопилась масса нужнаго для карты матеріала.

V.

Одновременно съ вопросами о составленіи „Историческаго сборника“ и „Археологической карты“ у Комиссіи возникъ вопросъ о празднованіи 300-лѣтія существованія г. Саратова. Такъ, на общемъ собраніи Комиссіи 6 іюня 1888 года членъ ея С. С. Краснодубровскій прочиталъ свой рефератъ „300-лѣтній юбилей Саратова“, а на собраніи 19 сентября того же года обсуждался вопросъ „о способахъ празднованія“ этого юбилея, причемъ оставалось лишь недоумѣніе относительно даты: праздновать ли юбилей въ 1890 или въ 1891 году, такъ какъ данныя о годѣ основанія „Саратова на островѣ“ (на лѣвомъ берегу) разнорѣчили, а между тѣмъ здѣсь важно было точно установить годъ основанія Саратова. Трудъ этотъ принялъ на себя г. Краснодубровскій. Путемъ сопоставленія историческихъ и архивныхъ данныхъ онъ пришелъ къ заключенію, что годомъ основанія Саратова надо считать 1590 годъ, а годомъ открытія его, какъ пункта административнаго, долженъ считаться 1591 годъ, что потомъ блестяще подтвердилось документомъ[19]) непререкаемой важности.

[19]) Этотъ документъ—рукописное Евангеліе XVI в., хранящееся теперь въ г. Казани. На поляхъ Евангелія, вѣроятно, рукою владѣльца его, священника Дениса, Иванова сына, написано: „Лѣта 7098 (1590) году мѣсяца іюля во 2 день, на память положенія пояса Пресвятыя Богородицы пріѣхалъ князь Григорій Осиповичъ Засѣкинъ, да Ѳедоръ Михайловичъ Туровъ на закладъ города Саратова ставити.“. О принадлежности Евангелія свящ. Денису узнаемъ изъ двухъ другихъ надписей: 1) „Лѣта 7085 (т. е. 1577 г.) мѣсяца іюня 18, азъ Мишка, Емельяновъ сынъ, углечанинъ, продалъ есми,

Свою работу о годѣ основанія Саратова г. Краснодубровскій прочиталъ на засѣданіи Общаго Собранія Комиссіи 30 ноября 1889 года. Рефератъ очень заинтересовалъ Общее Собраніе, и оно просило автора обработать его и прочитать на публичномъ годичномъ Собраніи Комиссіи 12 декабря того же 1889 года, что и было г. Краснодубровскимъ исполнено.

Собраніе это состоялось въ „маломъ залѣ" дворянскаго депутатскаго собранія и было первымъ съ открытія Комиссіи публичнымъ собраніемъ, на которое публика допускалась по особымъ билетамъ, которыхъ не хватило: такъ много нашлось желающихъ быть на собраніи Комиссіи! Собраніе было открыто рѣчью предсѣдателя Комиссіи кн. Л. Л. Голицына, кратко очертившаго дѣятельность Комиссіи за все время ея существованія и отмѣтившаго живую нравственную связь, которая изъ года въ годъ крѣпнетъ какъ между самими членами Комиссіи, такъ и между мѣстнымъ обществомъ и Комиссіей, что даетъ Комиссіи надежду, что послѣдующіе годы только усилятъ эту связь на благо областной исторической науки и Саратовскаго общества. Но „гвоздемъ" собранія были два

евангеліе тетръ, четыре евангелиста Петровскому попу Діонисію, Иванову сыну, а взялъ есми на немъ тридцать алтынъ"; 2) «Изволеніемъ безначальнаго Отца и поспѣшеніемъ сопрестольнаго Сына и наученіемъ Святаго Духа пріятъ писанію конецъ; а писаніе сего евангелія въ лѣтѣхъ 7086 (т. е. 1578 г.) допи сывалъ многогрѣшный священный іерей Денисъ, Ивановъ сынъ, Петровскій попъ".—См. „Археологическія Извѣстія", изд. Московскаго Археологическаго общества 1894 г. т. II, стр. 221—222. Изъ слова „пріѣхалъ" можно заключить, что въ день „заклада города Саратова" это Евангеліе было въ рукахъ у очевидца построенія города. Но какъ евангеліе попало въ Казань, неизвѣстно. О нахожденіи же его въ этомъ городѣ сообщилъ нашей Комиссіи проживающій тамъ Артемій Прокіевичъ Пичугинъ, уроженецъ Саратовской губерніи. Въ письмѣ своемъ 5 іюня 1890 года онъ писалъ между прочимъ: „Въ 1884 году я натолкнулся на данное Евангеліе и запись въ немъ и только прошлою зимою склонилъ владѣльца къ продажѣ онаго, о чемъ тотчасъ и сообщилъ г-ну Н. С. Соколову" (правителю дѣлъ нашей Комиссіи). „Данная запись, на мой взглядъ, очень интересна на томъ простомъ предположеніи, что записавшій такое событіе... имѣлъ въ виду то, что подобная запись въ такой книгѣ, какъ Евангеліе, должное быть въ сбереженіи, сохранится лучше и дольше, чѣмъ въ какой-либо другой (книгѣ)".—См. „Дѣло Саратовской Ученой Архивной Комиссіи. Доклады и письма г.г. членовъ" 1886—1890 г., стр. 167—8. Самое Евангеліе написано на бумагѣ, слегка проклеенной смоляными мыломъ, съ водяными знаками, изображающими шаръ, руку и вазу, и такимъ почеркомъ, что оно должно быть отнесено по этимъ признакамъ во всякомъ случаѣ ко второй половинѣ XVI вѣка.

реферата-лекціи: „Годъ основанія Саратова“—г. Краснодубровскаго и „Значеніе Архивныхъ Комиссій для русскаго общества и русской исторической науки“—г. Харизоменова. Лекторы имѣли шумный успѣхъ и вполнѣ заслуженный: лекціи ихъ по своему содержанію были новы и интересны даже для интеллигентныхъ саратовцевъ. Чтеніе лекцій продолжалось около трехъ часовъ, но утомленія или скуки никто не чувствовалъ. Напротивъ, публика разошлась очень довольная, унося съ собой убѣжденіе, что Комиссія—учрежденіе дѣйствительно ученое и цѣли ея—дѣйствительно серьезныя. Самой же Комиссіи только этого и надо было: устраивая настоящее засѣданіе, при торжественной обстановкѣ, для болѣе или менѣе избранной, интеллигентной публики, умѣющей цѣнить научное достоинство лекцій, Комиссія смотрѣла на это засѣданіе съ его лекціями, какъ на пробный камень: „удастся оно, разсуждала Комиссія,—удастся и другое, болѣе торжественное, юбилейное засѣданіе“.

Съ такимъ чувствомъ, съ такою вѣрою въ научныя силы Комиссіи относилось къ ней и саратовское городское самоуправленіе, когда обсуждало вопросъ о празднованіи 300-лѣтняго юбилея Саратова: возложивъ всю научную сторону дѣла на Комиссію, оно приняло на себя только административно-хозяйственную сторону торжества.

Такое распредѣленіе функцій между обѣими сторонами выяснилось на общемъ экстренномъ засѣданіи Комиссіи 10 марта 1890 года, когда была избрана особая подкомиссія изъ пяти членовъ Комиссіи: Безобразова, Краснодубровскаго, Пескова, Харизоменова и Шахматова для обсужденія вопроса о порядкѣ юбилейнаго торжества. Заключенія этой подкомиссіи обсуждались на засѣданіи 13 апрѣля того же года, при участіи представителей города: городского головы А. Н. Епифанова, его товарища И. Я. Славина и гласныхъ Думы Л. С. Лебедева и М. И. Паули. Открывая это соединенное засѣданіе, предсѣдательствующій И. Я. Славинъ заявилъ, что настоящее соединенное засѣданіе назначено для выра-

ботки программы празднованія 300 лѣтія юбилея Саратова. Такъ какъ желательно было, чтобы въ юбилейномъ торжествѣ приняла участіе масса городского населенія, то соединенная Комиссія признала за лучшее совмѣстить это торжество съ праздникомъ въ честь Святителя Николая Чудотворца (9 мая) особенно чтимаго народомъ. Программа торжества была выработана такая:

1) Наканунѣ праздника, 8 мая, отслужить архіерейскимъ служеніемъ всенощную въ Старомъ Соборѣ, а послѣ всенощной—панихиду съ возглашеніемъ (поименно) вѣчной памяти государямъ, начиная съ Феодора Іоанновича, при которомъ основанъ „Саратовъ на островѣ“, и всѣмъ послѣдующимъ государямъ и императорамъ, кончая Императоромъ Александромъ II, при которомъ существовалъ, росъ, развивался и крѣпъ Саратовъ, а также—воеводамъ, комендантамъ, намѣстникамъ, губернаторамъ, епископамъ, городскимъ головамъ и прочимъ дѣятелямъ Саратовскимъ, грудью, огнемъ и мечемъ отстаивавшимъ (воеводы и коменданты) отъ орды кочевниковъ и бунтарей—русскихъ удальцовъ—цѣлость и независимость Саратова и способствовавшимъ (намѣстники и губернаторы и пр.) росту и развитію Саратова въ территоріальномъ, экономическо-промышленномъ и религіозно-нравственномъ отношеніяхъ, а затѣмъ—христолюбивому воинству, на брани положившему животъ свой ради той же цѣли—отстаиванія цѣлости и независимости Саратова.[20])

2) Въ самый день празднованія юбилея, 9 мая, послѣ торжественной литургіи въ Новомъ Соборѣ архіерейскимъ служеніемъ при участіи всего градскаго духовенства, которое прибудетъ въ Соборъ при крестномъ ходѣ изъ всѣхъ церквей, на площади Театральной, на возвышенномъ деревянномъ помостѣ долженъ быть отслуженъ молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія всему Цар-

[20]) Этотъ пунктъ почему-то не внесенъ въ программу празднованія, хотя постановленіе Комиссіи по нему состоялось (10 марта 1890 года) именно въ этомъ смыслѣ, причемъ пишущему эти строки совмѣстно съ С. С. Краснодубровскимъ Комиссія поручила составить „помянникъ“ въ томъ смыслѣ и порядкѣ, какъ онъ здѣсь изложенъ.

ствующему Дому и вѣчной памяти основателю г. Саратова царю Θеодору Іоанновичу. На молебнѣ имѣютъ быть, между прочимъ, воспитанники и воспитанницы городскихъ начальныхъ и приходскихъ школъ, а также воспитанники и воспитанницы всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній. Послѣ молебна, дѣти съ музыкой и флагами проходятъ по Никольской и Московской улицамъ мимо Дворянскаго Собранія къ городской Думѣ, гдѣ имъ раздаются брошюры, трактующія о прошломъ г. Саратова, и лакомства. При этомъ желательно просить военное начальство о допущеніи участія войскъ въ парадѣ при молебнѣ.

3) По окончаніи молебна, въ залѣ Дворянскаго Собранія устраивается торжественный актъ въ такомъ порядкѣ: актъ открывается молитвой, вслѣдъ за этимъ произносятся три лекціи, каждая не долѣе 30—35 мин. Въ промежуткахъ между лекціями хоръ, при участіи музыки, исполнитъ старинныя поволжскія пѣсни или особо сочиненныя кантаты.

Лекціи идутъ въ такомъ порядкѣ: а) Древнѣйшій періодъ Саратовскаго Повлжья. б) Саратовъ со дня основанія до учрежденія Саратовской губерніи (намѣстничества—1781 г.) въ связи съ вліяніемъ города на сельскую жизнь и в) Саратовъ съ открытія губерніи и до настоящаго времени.

Послѣ лекцій актъ заканчивается пѣніемъ народнаго гимна.

Для составленія лекцій Ученой Архивной Комиссіи предоставляется право выработать надлежащія условія и объявить конкурсъ съ назначеніемъ, по ея усмотрѣнію, срока. Сочиненія подаются и принимаются въ Комиссію подъ извѣстнымъ девизомъ безъ указанія имени автора. Разсмотрѣніе присланныхъ сочиненій и присужденіе премій предоставляется Комиссіи.

Премія въ размѣрѣ 600 р. за три лекціи, по 200 р. за каждую, назначается отъ города. Въ случаѣ, если къ назначенному сроку не будетъ представлено удовлетворительныхъ сочиненій, Архивная Комиссія поручаетъ

составленіе лекцій и чтеніе ихъ своимъ членамъ, но уже безплатно.

Послѣ акта назначается обѣдъ, по подпискѣ, для желающихъ.

Въ тотъ же день, 9 мая, не позже семи часовъ вечера въ городскихъ театрахъ для воспитанниковъ и воспитанницъ городскихъ начальныхъ и приходскихъ школъ и другихъ учебныхъ заведеній устраиваются чтенія съ живыми картинами, съ хоровымъ пѣніемъ, съ музыкой и спектаклемъ, а вообще для народа—гулянье на городскомъ бульварѣ и на Московской площади тоже съ музыкой, пѣсенниками и лазаньемъ на столбы на призы.

Брошюры по исторіи города Саратова, съ рисунками, для народнаго чтенія и раздачи дѣтямъ въ школахъ должны быть изданы городомъ при содѣйствіи и ближайшемъ участіи Ученой Архивной Комиссіи.

Въ память празднуемаго событія изготовить металлическіе (бронзовые и золоченые) жетоны для раздачи гласнымъ, членамъ Ученой Архивной Комиссіи и ближайшимъ участникамъ по устройству празднованія.

Для исполненія этой программы, по предварительному исчисленію, какъ это представляется нынѣ, потребуется расхода со стороны городского управленія приблизительно: на угощеніе дѣтей 400 р., премій за лекціи 600 р.; на брошюры для народа—на преміи за нихъ и на изданіе ихъ 300 р.; для народныхъ спектаклей 300 р.; на народныя гулянія 100 р.; за три оркестра музыки 150 р.; на жетоны 200 р.; за устройство эстрады для молебна 180 р.; на непредвидѣнные расходы 470 р. Всего 2700 руб.

Затѣмъ доложена выписка изъ протокола засѣданія городской Думы такого содержанія:

„Заслушанъ протоколъ соединеннаго засѣданія городской комиссіи и Ученой Архивной субкомиссіи по вопросу о празднованіи 300-лѣтняго юбилея основанія Саратова. При разсмотрѣніи настоящаго доклада, гласные И. Т. Миловидовъ, И. А. Залетовъ и И. Я. Славинъ полагали: къ предположеніямъ соединеннаго засѣданія

сдѣлать добавленіе въ томъ смыслѣ, что разсмотрѣніе сочиненій, какія будутъ представлены по предполагаемому конкурсу, и присужденіе за нихъ премій предоставляется Архивной Комиссіи при участіи представителей городского Управленія, въ лицѣ членовъ городской юбилейной комиссіи".

„Городская Дума постановила: утвердить всѣ предположенія соединеннаго засѣданія городской юбилейной комиссіи и Архивной субкомиссіи, изложенныя въ заслушанномъ протоколѣ 14 марта, съ тѣмъ добавленіемъ, что разсмотрѣніе сочиненій, какія будутъ представлены по предполагаемому конкурсу, и назначеніе за нихъ премій предоставляется Архивной Комиссіи при участіи представителей городского Управленія въ лицѣ тѣхъ гласныхъ, которые были избраны Городской Думой—членами городской юбилейной Комиссіи: А. Н. Епифанова, Л. С. Лебедева, М. И. Паули, В. Д. Вакурова, И. Т. Миловидова и Гр. Гр. Дыбова.

Ученая Архивная Комиссія, принявъ, съ своей стоны, все вышеизложенное, поручила составленіе программы для конкурса лекцій членамъ своимъ: П. В. Болотинову, А. М. Добровольскому, С. С. Краснодубровскому, А. В. Пескову, И. Я. Славину, В. П. Соколову и С. А. Харизоменову, которые, исполнивъ порученіе, внесли свой проектъ на обсужденіе Общаго Собранія Комиссіи, 15 окт. 1890 г. Собраніе одобрило проектъ, который заключался въ слѣдующемъ: всѣхъ лекцій должно быть три, каждая оплачивается 200 р., срокъ подачи лекцій—1-е число февраля 1891 года; лекціи должны быть представлены въ Ученую Архивную Комиссію.

Первая лекція—„Древнѣйшая исторія Саратовскаго Поволжья до конца XVI вѣка—1590 года"—должна быть составлена по первоисточникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ; *вторая* лекція—„Исторія г. Саратова въ связи съ исторіею края до учрежденія Саратовской губерніи"—должна обнимать собой духовный, политическій и экономическій ростъ города и края Саратовскаго, причемъ исторія г. Саратова должна быть разработана пред-

почтительно предъ исторіею края; *третья* лекція—„Исторія г. Саратова съ учрежденія Саратовской губерніи до настоящаго времени“ (до мая 1891 г.), причемъ долженъ быть данъ историческій очеркъ учрежденій правительственныхъ, общественныхъ и сословныхъ, а также историческій очеркъ просвѣщенія и экономическаго развитія города; въ видѣ приложеній слѣдуетъ присоединить статистическія свѣдѣнія за 100 лѣтъ о числѣ жителей, домовъ, промышленныхъ и торговыхъ заведеній, а также свѣдѣнія о школахъ, о ростѣ города по плану и т. д. Но эти свѣдѣнія—лишь желательны.

Каждая лекція должна сопровождаться указаніемъ на матеріалы, по которымъ она составлена, съ указаніемъ мѣста храненія этихъ матеріаловъ. Объемъ лекцій предоставляется усмотрѣнію авторовъ; для публичнаго же чтенія на юбилейномъ актѣ изъ каждой изъ нихъ дѣлается, по усмотрѣнію авторовъ, выборка, чтеніе которой должно занять не болѣе 35 минутъ.

Общее собраніе Комиссіи 15 октября 1890 года, принявъ этотъ проектъ программы, распубликовало его въ мѣстныхъ газетахъ и ожидало поступленія лекцій отъ мѣстныхъ и иногородныхъ интеллигентныхъ силъ и любителей старины; но, прождавъ болѣе пяти мѣсяцевъ и дождавшись за это время только одной, оказавшейся, по разсмотрѣніи ея, совсѣмъ неудачной лекціей, и имѣя въ виду краткость времени (около мѣсяца), оставшагося до празднованія юбилея, Комиссія вынуждена была въ самомъ концѣ марта 1891 года обратиться съ просьбой къ своимъ членамъ взять на себя трудъ составить всѣ три лекціи. Но изъ проживающихъ въ Саратовѣ членовъ (болѣе 40) на призывъ Комиссіи откликнулись лишь двое: С. С. Краснодубровскій и В. П. Соколовъ, изъ коихъ первый взялся написать первую и третью лекціи, а второй—вторую. Въ теченіи 10 дней лекціи были написаны и 12 апрѣля 1891 года прочитаны на общемъ собраніи Комиссіи. Какъ работа спѣшная, лекціи не лишены были недостатковъ и погрѣшностей, почему и было постановлено: въ обѣихъ лекціяхъ сдѣлать поправки и со-

кращенія, потомъ вновь заслушать ихъ и обсудить съ участіемъ представителей отъ города, что и было сдѣлано 27 апрѣля, причемъ обѣ лекціи были одобрены, не вызвавъ никакихъ замѣчаній со стороны присутствовавшихъ на собраніи. Да и поздно было бы исправлять ихъ и передѣлывать, такъ какъ времени до юбилея оставалось всего нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ едва можно было успѣть сдѣлать выборки изъ нихъ (лекцій) для чтенія на юбилейномъ актѣ.

VI.

Но вотъ наступилъ день юбилея. Празднованіе его совершилось именно такъ, какъ значилось въ программѣ, съ незначительными лишь отклоненіями и дополненіями.

О началѣ церковнаго торжества возвѣстилъ благовѣстъ большого соборнаго колокола. Подъ звуки его обыватели собирались массами на Соборную площадь и въ „Липки“, гдѣ къ концу литургіи образовалась армія тысячъ въ 60, не считая стоявшихъ на площади въ рядахъ съ флагами школьниковъ, хоругвеносцевъ и икононосцевъ, встрѣченныхъ здѣсь распорядителемъ-священникомъ Владимірской (Маминской) церкви С. С. Поздневымъ и занявшихъ, по указанію послѣдняго, линію между „Липками“ и сѣверною и южною сторонами колокольни. Во главѣ святынь, около самыхъ ступеней собора, стоялъ принесенный изъ Киновійской церкви массивный деревянный крестъ, по преданію, перенесенный въ 1674 году въ Саратовъ съ лѣваго берега Волги—изъ „Саратова на островѣ“. Этотъ крестъ своимъ присутствіемъ среди святынь на площади какъ-бы подчеркивалъ значеніе и характеръ торжества.

Церковные причты, сопровождавшіе святыни на площадь, вошли въ соборъ и приняли участіе въ литургіи которую совершалъ преосвященный Аврамій. На литургіи, въ обычное время (передъ концертомъ) свящ. Ген. Ив. Махровскій сказалъ пространное, содержательное слово, соотвѣтствовавшее торжеству дня.

Послѣ литургіи, окончившейся около 12 часовъ, процессія, во главѣ съ преосвященнымъ Авраміемъ, губернаторомъ А. Ив. Косичемъ, городскими Думой и Управой и представителями другихъ учрежденій, направилась вслѣдъ за крестнымъ ходомъ на Театральную площадь, гдѣ, на особомъ обширномъ и возвышенномъ деревянномъ помостѣ, совершенъ былъ торжественный молебенъ, въ концѣ котораго, при возглашеніи многолѣтія Государю Императору Александру III, послышались раскаты выстрѣловъ изъ пушекъ, расположенныхъ по скату Соколовой горы, а затѣмъ заигралъ мощный оркестръ военной музыки. Церковная процессія, подъ звуки музыки и пѣнія, возвратилась къ собору, а отсюда—каждый въ свое мѣсто: школьники стройными рядами направились къ архіерейскому дому, гдѣ спѣли серенаду и, получивъ благословеніе отъ стоявшаго на балконѣ преосвященнаго Аврамія, прошли по Никольской улицѣ мимо дома дворянскаго собранія къ зданію городской Думы, гдѣ получили по пакету сластей и по экземпляру брошюръ: „Разсказъ про старые годы Саратова“—С. С. Краснодубровскаго и „Историческій очеркъ Саратова“—Н. Ф. Хованскаго. Всего роздано было 6000 экз. обѣихъ брошюръ, кромѣ школьниковъ, „простымъ читателямъ“.

Духовенство, во главѣ съ преосвященнымъ Авраміемъ, и всѣ лица, имѣвшія пригласительные билеты, собрались въ большомъ залѣ Дворянскаго собранія, гдѣ, въ ожиданіи молебна и пріѣзда Косича, угощались, за счетъ города, чаемъ съ лимономъ и булками. Наконецъ прибылъ г. Косичъ, и начался молебенъ, совершенный преосвященнымъ Авраміемъ въ сослуженіи духовенства, а за тѣмъ начались лекціи.

Въ виду поздняго времени, чтеніе первой лекціи (о древнѣйшей исторіи Саратовскаго Поволжья) было снято съ очереди, такъ что чтеніе началось со второй лекціи. Читалъ ея, за болѣзнею автора, В. П. Соколова, и по его просьбѣ, членъ Комиссіи Ив. Як. Славинъ. По окончаніи лекціи, чтеніе которой продолжалось больше часу, хоромъ пѣвчихъ Александровскаго училища, подъ управленіемъ

помощника регента г. Фомичева и при участіи любителей пѣнія, пропѣта была сочиненная директоромъ мѣстнаго Музыкальнаго училища С. К. Экснеромъ кантата, текстомъ для которой послужило „Юбилейное стихотвореніе“[21]), написанное членомъ мѣстной судебной палаты и редакторомъ журнала „Братская Помощь“ П. А. Устимовичемъ (Полтавинымъ). Вслѣдъ за тѣмъ началось чтеніе второй лекціи, продолжавшееся около двухъ часовъ. Читалъ самъ авторъ, С. С. Краснодубровскій. Обѣ лекціи сопровождались шумными аплодисментами.

Послѣ лекцій въ одной изъ комнатъ дворянскаго собранія состоялось экстренное засѣданіе гласныхъ городской Думы, подъ предсѣдательствомъ городского головы А. Н. Епифанова. Засѣданіе длилось всего нѣсколько минутъ, и о постановленіи его объявлено было немедленно: г. Епифановъ, войдя въ залъ юбилейнаго собранія, торжественно объявилъ, что городская Дума, желая вполнѣ реально увѣковѣчить настоящее юбилейное торжество, сейчасъ только постановила: соорудить на средства города на Старо-Соборной площади памятникъ Императору Петру I. Постановленіе это вызвало шумные аплодисменты и крики „браво“ и „ура“. Въ заключеніе былъ исполненъ народный гимнъ, сопровождавшійся громкимъ воодушевленнымъ „ура“. Собраніе въ домѣ дворянства закончилось около 6 часовъ вечера, но продолжалось въ Радищевскомъ музеѣ.

Здѣсь, въ одной изъ залъ, приготовленъ былъ, по подпискѣ, для желающихъ обѣдъ. Желающихъ оказалось очень много. Обѣдъ сопровождался рѣчами. Первую рѣчь произнесъ губернаторъ Косичъ приблизительно такого

---

[21]) „Стихотвореніе“ имѣетъ очень длинное названіе: „Отчизнѣ“, ода-поэма Полтавина, съ хоромъ дѣтей, въ честь г. Саратова къ 9 мая 1891 года“ и пр Напечатано оно въ № 47 „Братской Помощи“ за 1891 г. и отдѣльнымъ изданіемъ. Въ „стихотвореніи“ воспѣвается исторія Поволжья съ того времени, когда надъ Волгой носились одни орлы, потомъ „двуглавый орелъ воспарилъ“ Поволжье стало заселяться бѣглыми и вольницей, потомъ—мирными жителями и слугами Царя, основавшими въ числѣ другихъ городовъ и нашъ Саратовъ, который теперь—„городъ бойкій и красивый“, со многими храмами, школами пріютами,„ обществами братолюбья“, „съ домомъ художествъ въ честь искусства“ съ „храмомъ лиры“, съ „мирной ратью прессы“ и пр.

содержанія: „Въ талантливомъ изображеніи прошлыхъ судебъ Саратова (намекъ на лекціи) мы видѣли, что эти судьбы не всегда были завидны: на первыхъ порахъ Саратовъ много страдалъ отъ чужихъ и своихъ, но въ этихъ страданіяхъ сказалась та благородная задача, ради которой онъ существовалъ, служа въ Поволжьѣ оплотомъ Московскаго государства и способствуя колонизаціи края. Саратовъ выполнилъ свою задачу свято. И за это ему честь и слава. Въ болѣе позднее время Саратовъ служилъ центромъ Поволжья для развитія торговли, промышленности, умственной и моральной жизни и вообще цивилизаціи. Въ настоящее время Саратовъ—городъ культурный, университетскій, хоть и не имѣетъ университета. Въ настоящій торжественный день пожелаемъ ему дальнѣйшаго культурнаго развитія и преуспѣянія. Да здравствуетъ Саратовъ, да здравствуютъ его представители и просвѣтительныя учрежденія и въ особенности то изъ нихъ, что такъ обстоятельно освѣтило для насъ прошлое Саратова и его края“. При послѣднихъ словахъ ораторъ обратился въ ту сторону, гдѣ находились представители Ученой Архивной Комиссіи, что вызвало общее одобреніе присутствовавшихъ. Обѣдомъ закончился юбилейный день.

Вечеромъ учащіеся обоего пола городскихъ начальныхъ, приходскихъ и другихъ учебныхъ заведеній смотрѣли въ городскомъ и народномъ театрахъ спектакли и слушали чтенія съ живыми картинами и музыкой, а простой народъ развлекался въ „Липкахъ“ и на Московской площади музыкой, пѣсенниками, лазаньемъ на столбы, прыганьемъ чрезъ препятствія на призы и пр. Городъ во весь день былъ украшенъ флагами, дома—коврами, вечеромъ былъ иллюминованъ плошками на улицахъ и свѣчами на окнахъ домовъ, а на Соколовой горѣ пылали смоляныя бочки, какъ это было болѣе 200 лѣтъ назадъ при первомъ посѣщеніи Саратова, въ 1695 году Петромъ Великимъ, направлявшимся изъ столицы въ Азовъ.

Какъ видно изъ вышеизложеннаго, Ученая Архивная Комиссія въ празднованіи юбилея сыграла выдаю-

щуюся роль: вся научная сторона дѣла по юбилею исполнена была ею одною безраздѣльно. Къ этому торжественному акту Комиссія усиленно готовилась, собирая всевозможные архивные матеріалы, проливавшіе свѣтъ на прошлое Саратова и его края и давшіе содержаніе вышесказаннымъ лекціямъ. Пять лѣтъ назадъ, когда не было въ Саратовѣ Ученой Архивной Комиссіи съ ея историческимъ архивомъ, библіотекой и музеемъ, обзоръ прошлыхъ судебъ Саратова, особенно за послѣднія столѣтія, былъ рѣшительно невозможенъ, и если онъ теперь появился, то благодаря исключительно лишь тому, что матеріалы для него даны были Комиссіей in corpore. Дневники, записки, акты, грамоты и всевозможные архивные документы, которые собирались членами Комиссіи въ теченіе менѣе, чѣмъ пятилѣтняго ея существованія,—все это, какъ показалъ юбилей, сразу пріобрѣло огромный смыслъ и значеніе и вывело Саратовъ изъ положенія города, непомнящаго своего родства, такъ что Комиссія могла свидѣтельствовать, что Саратовъ, послѣ Петербурга и Москвы и развѣ двухъ-трехъ провинціальныхъ городовъ, является въ Россіи первымъ городомъ, исторія котораго, въ общихъ чертахъ, доступна даже школьникамъ и каждому грамотному человѣку, такъ какъ Комиссія, подготовляясь къ юбилею, одновременно работала для взрослыхъ и дѣтей, для интеллигенціи и грамотнаго рабочаго.

Мало того, юбилей былъ указанъ Комиссіей, твердо установившей годъ основанія Саратова, ею же онъ былъ и устроенъ: она явилась душой праздника и придала ему историческій смыслъ и значеніе,—тотъ самый смыслъ, какой онъ и долженъ былъ имѣть. Въ день юбилея Комиссія стала лицомъ къ лицу съ почти двухсотъ-тысячнымъ населеніемъ города и съ болѣе чѣмъ двухмилліоннымъ населеніемъ уѣздовъ и воочію доказала городу, городамъ и селамъ, что работы ея имѣютъ глубокій общественный смыслъ и значеніе, которые не прошли безслѣдно для общественнаго сознанія, что съ полною очевидностью слѣдуетъ уже изъ того, что имен-

но въ юбилейный день, подъ вліяніемъ прочитанныхъ лекцій, пробудилось въ Саратовскомъ обществѣ сознаніе о необходимости увѣнчать памятникомъ величайшаго изъ историческихъ дѣятелей—Петра Великаго; въ этотъ же день явилась потребность устроить народныя читальни и дать въ народныя руки то, что постепенно создало силу современнаго Саратова—знаніе и образованность. А чрезъ нѣсколько дней послѣ юбилея мы видимъ другое, въ высшей степени знаменательное, проявленіе общественнаго сознанія—постановку пока временнаго памятника-креста на городищѣ - лѣвобережнаго Саратова и затѣмъ успѣшную подписку на вѣчный памятникъ великому благотворителю и доброжелателю Саратова—Петру I.

Всѣ эти факты говорили сами за себя и ясно свидѣтельствовали, что, благодаря иниціативѣ Комиссіи и ея трудамъ, Саратовское общество начинало цѣнить свое прошлое и съ благоговѣніемъ преклонило свою голову предъ алтарями и жертвенниками, на которыхъ горѣло пламя духовной жизни города и края, и предъ героями и подвижниками родной земли, которые дикія степи края обратили въ одинъ изъ лучшихъ уголковъ необъятнаго пространства Россіи.

VII.

Хотя успѣхъ юбилея былъ вполнѣ заслуженъ Комиссіей, онъ, однако, не отуманилъ ея, не заставилъ превозноситься, а, напротивъ, заставилъ ее глубже уйти въ себя, заняться, такъ сказать, самоустройствомъ, самоопредѣленіемъ. Въ дѣйствительности такъ и было.

Начиная съ 1892 года Комиссія все глубже вникаетъ въ свою внутреннюю дѣятельность. На своихъ общихъ собраніяхъ она съ большей, чѣмъ прежде, энергіей предается составленію, чтенію и обсужденію рефератовъ, статей, изслѣдованій и разнообразныхъ архивныхъ работъ; а въ концѣ этого 1892 года она занята была вопросами внутренняго устройства. Для этого ею была избрана особая подкомиссія, имѣвшая нѣсколько засѣданій, на которыхъ были выработаны и общимъ со-

ИЗОБРАЗОВЪ.

но въ юбилейный день, подъ вліяніемъ прочитанныхъ лекцій, пробудилось въ Саратовскомъ обществѣ сознаніе о необходимости увѣнчать памятникомъ величайшаго изъ историческихъ дѣятелей—Петра Великаго; въ этотъ же день явилась потребность устроить народныя читальни и дать въ народныя руки то, что постепенно создало силу современнаго Саратова—знаніе и образованность. А чрезъ нѣсколько дней послѣ юбилея мы видимъ другое, въ высшей степени знаменательное, проявленіе общественнаго сознанія—постановку пока временнаго памятника-креста на городищѣ Увѣковѣченнаго Саратова и затѣмъ успѣшную подписку на вѣчный памятникъ великому благотворителю и доброжелателю Саратова—Петру I.

Всѣ эти факты говорили сами за себя и ясно свидѣтельствовали, что благодаря иниціативѣ Комиссіи и ея трудамъ, Саратовское общество начинало цѣнить свое прошлое и съ благоговѣніемъ преклонило свою голову предъ алтарями и жертвенниками, на которыхъ горѣло пламя [illegible] жизни города и края, и предъ героями и подвижниками родной земли, которые дикія степи края обратили въ одинъ изъ лучшихъ уголковъ необъятнаго православнаго Россіи.

Хотя успѣхъ юбилея [illegible] заслуженъ Комиссіей, онъ, однако, не окрылилъ ея, не заставилъ превозноситься, а, напротивъ, заставилъ ее глубже уйти въ себя, заняться, такъ сказать, самоустройствомъ, опредѣленіемъ. Въ дѣйствительности такъ и [illegible]

Начиная съ 1892 года Комиссія все [illegible] замкнула въ свою внутреннюю дѣятельность. На своихъ общихъ собраніяхъ она съ большей, чѣмъ прежде, энергіей [illegible] составленію, чтенію и обсужденію рефератовъ, статей, изслѣдованій и разнообразныхъ архивныхъ работъ, а въ [illegible] года она занята была вопросами [illegible]. Для этого ею была избрана особая подготовительная, имѣвшая нѣсколько засѣданій, на которыхъ были выработаны и общимъ со-

Основатель
Владиміръ Владиміровичъ
БЕЗОБРАЗОВЪ.

Основатель
Михаилъ Викторовичъ
ГОТОВИЦКІЙ.

Почетный Членъ
Петръ Петровичъ
СЕМЕНОВЪ-
ТЯНЪ-ШАНСКІЙ.

Почетный Членъ
Прасковья Сергѣевна
графиня УВАРОВА.

Основатель
Ѳедоръ Сергѣевичъ
князь ГОЛИЦЫНЪ.

Основатель
Николай Ивановичъ
НЕПОРОЖНЕВЪ.

Основатель
Михаилъ Сергѣевичъ
КРОПОТОВЪ.

браніемъ Комиссіи 21 ноября 1892 года приняты къ исполненію и руководству на будущее время „Правила, касающіяся внутренняго распорядка дѣятельности Комиссіи".

„Правила" эти заключаются въ слѣдующемъ:

§ 1. Для предоставленія членамъ Комиссіи возможности и безпрепятственнаго права входа и занятій въ архивахъ разныхъ учрежденій должны быть выдаваемы имъ за подписью г. Непремѣннаго Попечителя Комиссіи и ея Предсѣдателя особые билеты, на оборотной сторонѣ которыхъ должны быть напечатаны извлеченія изъ Положенія объ учрежденіи Архивныхъ Комиссій 13 апрѣля 1884 года, §§ 1—2, 5 и 7. Такіе же билеты должны быть выдаваемы членамъ Арх. Комиссіи, заявившимъ желаніе осмотрѣть и описать какія-либо замѣчательныя зданія, церкви, развалины, монастыри, скиты и др. мѣстности, а равно произвести раскопки кургановъ. Въ этомъ случаѣ на выданномъ члену билетѣ подробно обозначается предметъ, на каковой выданъ билетъ, уѣздъ, станъ, волость, равно, если возможно, и ближайшее селеніе или мѣстность. Вмѣстѣ съ билетомъ должно выдаваться, за подписью Предсѣдателя и за скрѣпою правителя дѣлъ, особое отношеніе къ мѣстному ближайшему начальству объ оказаніи членамъ Комиссіи помощи въ случаѣ надобности.

Срокъ выдачи билетовъ членамъ Арх. Комиссіи долженъ быть годовой; но этотъ срокъ не лишаетъ права членовъ Комиссіи возобновить свои билеты и на слѣд. годъ, пока они не окончатъ совсѣмъ предпринятую работу.

Посредствомъ выдачи сказанныхъ билетовъ урегулируются занятія членовъ Комиссіи въ разныхъ архивахъ, и Комиссіи будетъ извѣстно, какіе архивы, какія мѣстности и кѣмъ изъ членовъ разработываются, и опредѣлится болѣе или менѣе дѣятельность всѣхъ членовъ. При этомъ обязательно, чтобы члены Комиссіи, взявшіе билеты на какой-либо родъ занятій, до наступленія срока билету, отъ времени до времени сообщали въ Ко-

миссію о результатахъ своихъ работъ, каковыя сообщенія должны читаться въ ближайшемъ засѣданіи Комиссіи.

§ 2. Въ члены Комиссіи избираются закрытою баллотировкой, шарами, въ составѣ засѣданія Комиссіи, состоящей не менѣе, какъ изъ 12 лицъ. Лица, предлагаемыя въ члены Комиссіи, предварительно заносятся въ протоколъ того собранія, въ которомъ предлагаются, баллотируются же въ слѣдующемъ засѣданіи Комиссіи.

§ 3. Обязательныхъ засѣданій Комиссіи должно быть въ году не менѣе 6; первое, публичное, назначается въ декабрѣ, въ годовщину открытія Комиссіи; второе— въ сентябрѣ для подготовительныхъ работъ къ составленію годового отчета; остальныя, не менѣе 4, по усмотрѣнію г. Предсѣдателя.

Составленіе протоколовъ засѣданія хотя и возлагается на правителя дѣлъ, но для облегченія его въ этомъ трудѣ и для установленія большей точности содержанія протоколовъ, проекты ихъ должны быть предварительно просмотрѣны двумя членами Комиссіи, присутствовавшими на засѣданіи (предсѣдателемъ или его товарищемъ и однимъ изъ членовъ). Когда такимъ образомъ проекты протоколовъ будутъ апробированы, тогда протоколы переписываются набѣло и разсылаются для подписи членамъ Комиссіи, присутствовавшимъ на засѣданіи, и только послѣ этого протоколы поступаютъ въ печать.

§ 4. Опытъ предыдущихъ лѣтъ показалъ, что веденіе всѣхъ дѣлъ Архивной Комиссіи однимъ лицомъ слишкомъ обременительно для послѣдняго. Посему текущія занятія Архивной Комиссіи расчленяются, и для завѣдыванія ими избираются слѣдующія должностныя лица:

а) Правитель дѣлъ, на котораго возлагается завѣдываніе канцеляріею Арх. Комиссіи, и къ кругу обязанностей его относятся: 1) докладъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію Общаго Собранія, 2) составленіе и веденіе протоколовъ Собранія, 3) сношеніе съ лицами и учрежденіями по дѣламъ Комиссіи отъ лица г. Предсѣдателя,

4) веденіе входящихъ и исходящихъ книгъ канцеляріи Комиссіи, 5) разсылка изданій Комиссіи по назначенію Общаго Собранія, 6) составленіе годового отчета, 7) завѣдываніе денежными дѣлами и счетами Комиссіи, а именно; правитель дѣлъ наблюдаетъ за правильнымъ поступленіемъ взносовъ тѣхъ членовъ, которые желаютъ получать печатные труды Комиссіи, и вообще принимаетъ суммы, поступающія въ Комиссію, расходуетъ ихъ по опредѣленію Собраній Комиссіи, хранитъ деньги въ одномъ изъ Государственныхъ кредитныхъ учрежденій на имя Комиссіи, ведетъ приходорасходныя книги, 8) исполненіе постановленій, возлагаемыхъ Общимъ Собраніемъ.

б) Библіотекарь, на котораго возлагаются всякаго рода обязанности по завѣдыванію библіотекой; въ облегченіе библіотекаря учреждается должность его товарища; оба лица входятъ между собою въ соглашеніе по распредѣленію обязанностей.

Примѣчаніе. Библіотека имѣетъ свою кассу, отдѣльную отъ кассы Арх. Комиссіи, которою завѣдуетъ библіотекарь; или его товарищъ.

в) Хранитель музея, на котораго возлагается: 1) хранить вещи такъ, чтобы онѣ не подвергались порчѣ, были классифицированы въ научномъ порядкѣ, притомъ такъ, чтобы всегда были доступны для обозрѣнія, имѣли на каждомъ предметѣ отмѣтку съ обозначеніемъ №-по каталогу, а если пожертвованы, то и съ указаніемъ имени и фамиліи жертвователя; 2) вести входящую книгу для записыванія въ нее какъ препроводительныхъ бумагъ, относящихся до поступающихъ въ музей вещей, такъ и всякихъ вещей, какимъ-либо способомъ поступающихъ въ музей, съ подробными записями о мѣстѣ, времени и прочими свѣдѣніями, до поступившихъ вещей относящимися, и съ надписью этихъ свѣдѣній, въ тѣхъ случаяхъ, когда это окажется возможнымъ, лицами, доставившими вещи; 3) собирать нарядъ бумагъ, относящихся до вещей, находящихся въ музеѣ, и 4) соста-

влять обстоятельный каталогъ вещей, удобный для пользованія при обзорѣ музея.

г). Хранитель архива и рукописнаго собранія, на обязанность котораго возлагается завѣдываніе составленіемъ списковъ дѣлъ и всѣмъ, до архива относящимся. Въ облегченіе хранителя архива учреждается должность его товарища; оба лица входятъ между собою въ соглашеніе по распредѣленію обязанностей.

д). Редакціонный отдѣлъ изъ трехъ членовъ, на обязанность котораго возлагается: 1) просмотръ статей и всякаго рода матеріаловъ, поступающихъ въ отдѣлъ и подлежащихъ печатанію; 2) докладъ о нихъ Общему Собранію; 3) завѣдываніе печатаніемъ. Члены отдѣла, желающіе прочитать рефератъ, предварительно заявляютъ о семъ Общему Собранію; затѣмъ рефератъ поступаетъ въ редакціонный отдѣлъ, по просмотрѣ которымъ, рефератъ читается авторомъ въ Собраніи.

Всѣ изданія Комиссіи печатаются „по опредѣленію Общаго Собранія Комиссіи".

е) Правитель дѣлъ, библіотекарь, его товарищъ, хранитель музея, хранитель архива, его товарищъ, члены редакціоннаго отдѣла избираются Общимъ Собраніемъ Комиссіи, состоящимъ не менѣе, какъ изъ 12 лицъ, на три года закрытою баллотировкой. Настоящее правило приводится въ дѣйствіе въ ближайшемъ Общемъ Собраніи, которое избираетъ должностныхъ лицъ и притомъ такъ, что правитель дѣлъ, библіотекарь и его товарищъ избираются на первый разъ на 4 года, остальныя лица— на три, дабы могущая быть перемѣна не совпала въ одно время и Комиссія не была бы поставлена въ будущемъ въ затруднительное положеніе.

§ 5. Въ ближайшемъ засѣданіи послѣ каждаго отчетнаго года избирается Общимъ Собраніемъ комиссія ревизіонная изъ трехъ лицъ, обязанная провѣрить состояніе кассы и прочаго имущества, скрѣпить приходорасходныя и др. книги и затѣмъ о результатахъ ревизіи представить особый докладъ въ срокъ, назначенный для сего Общимъ Собраніемъ при выборѣ комиссіи.

§ 6. При избраніи комиссій всякаго рода въ Общемъ Собраніи, по выборѣ членовъ, избранные обязываются тутъ же избрать изъ своей среды предсѣдателя, о чемъ и заявляется Общему Собранію для внесенія въ протоколъ. При этомъ комиссіи избираются на опредѣленный срокъ, по исполненіи котораго онѣ обязываются отдать отчетъ Общему Собранію.

Закрытою баллотировкою въ томъ же Общемъ собраніи (21 ноября 1892 года) избраны были абсолютнымъ большинствомъ голосовъ: правителемъ дѣлъ А. О. Ледевъ, библіотекаремъ С. В. Дегенъ, его товарищемъ Н. Ф. Хованскій, хранителемъ музея К. П. Медоксъ, хранителемъ архива В. П. Соколовъ, его товарищемъ Н. Ил. Бѣлянинъ; членами Редакціоннаго отдѣла—А. И. Шахматовъ, С. И. Кедровъ и В. Н. Смольяниновъ, причемъ предсѣдателемъ отдѣла былъ избранъ Шахматовъ.

Первыми шагами дѣятельности вновь избранныхъ должностныхъ лицъ, кромѣ членовъ Редакціоннаго Отдѣла, были провѣрка и пріемъ всего имущества Архивной Комиссіи отъ С. С. Краснодубровскаго, сложившаго съ себя обязанности правителя дѣлъ, вслѣдствіе назначенія его инспекторомъ народныхъ училищъ по г. Саратову и соединенныхъ съ этою должностью обязанностей, поглощавшихъ у него весь досугъ.

Что касается самыхъ „Правилъ“, то необходимость ихъ вызывалась жизнедѣятельностью Комиссіи. Въ Высочайше утвержденномъ 13 апр. 1884 года „Положеніи“ объ учрежденіи Ученыхъ Архивныхъ Комиссій, какъ мы выше видѣли, сказано въ самыхъ общихъ чертахъ, что „на обязанности Ученой Комиссіи лежитъ разборъ дѣлъ и документовъ, предназначенныхъ .. къ уничтоженію, для выдѣленія изъ нихъ тѣхъ... которыя... подлежатъ передачѣ для храненія въ историческій архивъ„ и для составленія „таковымъ документамъ и дѣламъ надлежащихъ описей и указателей“, а „по мѣстнымъ обстоятельствамъ“ онѣ „могутъ включать въ кругъ своихъ занятій разысканіе, описаніе и объясненіе всякихъ другихъ памятниковъ старины“. И только! Но каждому очевидно, что та-

кая „регламентація“ слишкомъ обща и неопредѣленна. Между тѣмъ большое и сложное дѣло, какое возложено на Ученыя Архивныя Комиссіи, требуетъ непремѣнно раздѣленія труда и именно по категоріямъ. Это раздѣленіе труда и сдѣлано Комиссіей въ принятыхъ ею къ исполненію и руководству „Правилахъ“ 21 ноября 1892 года: каждому изъ должностныхъ лицъ указана, такъ сказать, его специфическая роль въ дѣлахъ Комиссіи, такъ что приэтомъ collisio officiorum не могла уже быть. А это, въ свою очередь, не могло не отразиться на успѣхахъ въ дѣятельности Комиссіи, поскольку она (дѣятельность) выражалась въ общихъ собраніяхъ, на которыхъ возбуждались разные вопросы и обсуждались рефераты, статьи, изслѣдованія, результаты разныхъ изысканій и разнообразныя архивныя работы, предназначавшіяся къ печатанію въ ея „Трудахъ“.

Но, создавая свои внутренніе распорядки, Комиссія не забывала и о внѣшней сторонѣ своей дѣятельности. Таковая ея дѣятельность выражалась въ сношеніяхъ съ разными лицами и учрежденіями по вопросамъ археологіи и архивовѣдѣнія, нумизматики и палеонтологіи, письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ отечественной старины, а также—въ археологическихъ экскурсіяхъ въ предѣлахъ Саратовской, Самарской и Казанской губерній.

VIII.

Вышесказанная созидательная работа Комиссіи длилась цѣлыхъ два года, въ теченіе которыхъ все имущество Комиссіи приведено было въ извѣстность. Такъ какъ самая важная задача Архивныхъ Комиссій—созданіе историческихъ архивовъ, то вниманіе Комиссіи направлено было, прежде всего, на эту задачу, за осуществленіе которой принялся вновь избранный хранитель архива В. П. Соколовъ.

До конца 1892 года положеніе архива, за исключеніемъ лишь незначительной его части, о чемъ сказано выше, было не въ надлежащемъ порядкѣ: груды дѣлъ, находившихся въ помѣщеніи Комиссіи, въ шкафахъ, им-

провизированныхъ нишахъ между двойными дверями, на полкахъ и просто на полу въ углахъ, покрыты были слоемъ пыли; первостепенной важности вопросъ о томъ, кѣмъ, когда и откуда переданы дѣла въ Комиссію— оставался открытымъ, такъ какъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ, въ дѣлахъ не было найдено ни препроводительныхъ бумагъ, ни писемъ, ни какихъ-либо другихъ указаній въ этомъ отношеніи, такъ какъ архивныя дѣла часто пересылались по почтѣ, по желѣзной дорогѣ и на пароходахъ безъ всякихъ отношеній и препроводительныхъ бумагъ отъ лицъ и учрежденій, пересылавшихъ эти дѣла въ Комиссію.

Такими условіями и подчасъ непреодолимыми препятствіями былъ обставленъ трудъ хранителя архива по приведенію послѣдняго въ извѣстность и въ особенности трудъ по составленію описи всему тому, что считалось принадлежностью Историческаго Архива, тѣмъ болѣе, что раньше мало что было сдѣлано по части подготовительныхъ работъ къ составленію описи дѣламъ архива. А между тѣмъ дѣлъ оказалась масса, что видно изъ нижеслѣдующаго перечня ихъ по ихъ предметному содержанію: всѣхъ *связокъ* оказалось въ наличности 2169, отъ одного полулиста до 2000 и болѣе полулистовъ въ каждой связкѣ, всѣхъ же листовъ во всѣхъ связкахъ было болѣе 200,000; причемъ въ составъ архива вошли разрозненныя дѣла за разные годы учрежденій: упраздненной Аткарской градской Думы, штаба начальника Саратовскаго подвижного государственнаго ополченія, С. Петербургскаго Сенатскаго Архива, Саратовской и др. Казенныхъ Палатъ, Царицынскаго, Камышинскаго, Хвалынскаго и Вольскаго уѣздныхъ нижнихъ земскихъ судовъ, Золотовскаго Приказа, Саратовскихъ межевыхъ конторы и канцеляріи, Опекунской конторы, Саратовскаго Губернскаго Правленія, Вотчинной Коллегіи, Царицынской воеводской и комендантской канцеляріи, межевого департамента Сената, Канцеляріи Саратовскаго губернатора, Саратовскаго губернскаго нижняго земскаго суда, Главной межевой канцеляріи и кон-

торы иностранныхъ поселенцевъ; нѣсколько дѣлъ о Пугачевѣ и Пугачевцахъ, о разбойникѣ Заметаевѣ, о торговлѣ и промышленности въ Саратовскомъ краѣ, о земляхъ татаръ и башкиръ; затѣмъ слѣдуютъ „сложныя дѣла“, бумаги, касающіяся вѣры, Высочайшіе манифесты и указы по разнымъ предметамъ, сенатскіе указы о намежеваніи земель разнымъ лицамъ, реестры указамъ и документамъ на земли, купчія крѣпости, Высочайшіе указы о бѣглыхъ, о чеканѣ монетъ, прошенія на Высочайшее имя и бумаги духовныхъ правленій Саратовской епархіи; карты и планы, разныя старинныя книги въ переплетахъ, книги и тетради волостныхъ правленій и духовныхъ училищъ, описи дѣламъ разныхъ учрежденій и имуществу церквей Саратовской епархіи, дѣла „секретныя“, опубликованіе которыхъ нынѣ представляется преждевременнымъ, напримѣръ, о Саратовскомъ вице-губернаторѣ Заварицкомъ и др.

Другая важная задача для Комиссіи заключалась въ приведеніи въ порядокъ библіотеки. Трудъ этотъ совершили С. В. Дегенъ, Асѣнъ Тенчевичъ Тянковъ и Н. Ф. Хованскій, послѣдній въ особенности. Кромѣ основного хронологическаго каталога, онъ составилъ каталогъ подвижной.

При каталогизаціи книгъ библіотеки выяснилось, что основаніемъ библіотеки Комиссіи съ перваго же года ея существованія послужили ученыя изданія, относящіяся, главнымъ образомъ, къ отечественной исторіи, археологіи, архивовѣдѣнію и др. отраслямъ наукъ. Пополняясь ежегодно путемъ пожертвованій и обмѣна изданій Комиссіи съ разными учрежденіями, библіотека къ 23 апрѣля 1894 года имѣла занесенныхъ въ основной хронологическій каталогъ 2043 №№ книгъ, приблизительная стоимость которыхъ опредѣлялась въ слишкомъ 2000 рублей.

Пожертвованія книгами особенно успѣшно шли въ 1893 году. Жертвователями были разныя оффиціальныя и частныя учрежденія и лица, а между послѣдними— самъ приводившій библіотеку въ порядокъ Н. Ф. Хо-

ванскій, пожертвовавшій всѣхъ книгъ, брошюръ и газетъ 224 №№, т. е. наибольшую часть своей собственной библіотеки, которую онъ составлялъ для себя цѣлыми годами.

Дѣятельность Комиссіи по Музею также можно раздѣлить на двѣ половины—на внутреннюю и внѣшнюю. Внутренняя сторона дѣятельности выражалась въ заботахъ Комиссіи по устройству музея. Тѣснота его помѣщенія въ присутственныхъ мѣстахъ вынудила Комиссію перенести его въ Радищевскій музей и помѣстить тамъ въ осьми витринахъ, изъ которыхъ шесть были новыя, пріобрѣтенныя на средства, пожертвованныя предсѣдателемъ Комиссіи кн. Голицынымъ.

Въ новомъ помѣщеніи пришлось заводить новые порядки, и за это горячо принялся хранитель музея К. П. Медоксъ. При перемѣщеніи музея, какъ всегда водится, его коллекціи, особенно нумизматическія, приведены были въ совершенный безпорядокъ, такъ что приведеніе ихъ въ прежній порядокъ потребовало нѣсколько мѣсяцевъ усиленнаго труда. Составленъ былъ и каталогъ музея, который потомъ былъ напечатанъ въ количествѣ 500 экз., двѣ трети которыхъ были предназначены для раздачи посѣтителямъ музея, расположеннымъ къ археологіи мѣстнаго края и сочувствовавшимъ задачамъ музея.

Трудъ г. Медокса заслуживалъ особеннаго вниманія тѣмъ болѣе, что до него музей Комиссіи представлялъ собой такое же безотрадное явленіе, какъ и архивъ, такъ какъ большинство предметовъ, при отсутствіи данныхъ относительно ихъ происхожденія, времени находки и пр., изображало собой полное неустройство. Трудность же составленія каталога станетъ для насъ болѣе понятною, если мы примемъ во вниманіе бѣдность мѣстныхъ книгохранилищъ, лишающую возможности имѣть подъ руками необходимыя для справокъ научнаго характера книги.

Въ каталогѣ предметы и коллекціи музея распредѣлены были группами и раздѣлены на два главныхъ отдѣла: „періодъ первобытный“ и „періодъ человѣческій“. Въ составъ

перваго вошли окаменѣлости, остатки ископаемыхъ животныхъ и отпечатки на камняхъ и др. предметахъ растеній, а во второй отдѣлъ—кости допотопныхъ животныхъ, остатки каменныхъ, бронзовыхъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ орудій.

Затѣмъ шелъ отдѣлъ нумизматическій съ коллекціями монетъ: русскихъ (со временъ Петра I), польскихъ, финляндскихъ, ливонскихъ, болгарскихъ, татарскихъ, персидскихъ, мордовскихъ, римскихъ, греческихъ, новоевропейскихъ и, наконецъ, отдѣлы XIX вѣка и художественный. Всѣхъ предметовъ и коллекцій занесено въ каталогъ болѣе 1500, въ томъ числѣ лишь незначительная часть снимковъ, остальные же—оригиналы. Къ наиболѣе богатымъ по численности отнесены остатки ископаемыхъ животныхъ, отдѣлы мѣдныхъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ вещей, коллекціи монетъ съ конца VII вѣка и до настоящаго времени.

Слѣдуетъ отмѣтить, что дѣятельнымъ помощникомъ г. Медокса по приведенію музея въ порядокъ былъ А. Т. Тянковъ, представлявшій собой очень крупную провинціальную силу, съ которой по временамъ приходилось считаться столичнымъ ученымъ нумизматамъ, когда дѣло касалось опредѣленія азіатскихъ монетъ [22]).

Что касается внѣшней стороны дѣятельности по музею, то она составляла предметъ заботъ не одного хранителя музея, а всей Комиссіи in corpore, такъ какъ всѣ безъ исключенія члены Комиссіи были заинтересованы въ обогащеніи музея древностями, которыя ими добывались путемъ археологическихъ экскурсій и раскопокъ кургановъ, городищъ и пр. или пріобрѣтались на средства Комиссіи, или же принимались ею, какъ пожертвованія. А противъ практиковавшагося до сихъ поръ въ широкихъ размѣрахъ тайнаго и явнаго расхищенія древностей на мѣстахъ ихъ нахожденія приняты были соотвѣтствующія мѣры. Такъ, въ началѣ января и въ половинѣ апрѣля 1893 года предсѣдатель Комиссіи кн. Голи-

[22]) Тянковъ поправлялъ даже спеціалистовъ—нумизматовъ изъ Археологической Комиссіи. См. Вып. 21. 1898 года, стр. 70—73.

цынъ просилъ Саратовскаго губернатора кн. Б. Б. Мещерскаго и мѣстную желѣзнодорожную администрацію принять мѣры къ охранѣ памятниковъ древности, могущихъ открыться при производствѣ земляныхъ работъ, предпринятыхъ Рязанско-Уральскимъ Обществомъ по проведенію вновь строившихся желѣзнодорожныхъ линій на Набережномъ Увекѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вошелъ по этому поводу въ Императорскую Археологическую Комиссію съ представленіемъ о необходимости принять мѣры къ предотвращенію незаконнаго пользованія предметами древности со стороны не причастныхъ Комиссіи лицъ, а также и объ ассигнованіи послѣдней хотя бы минимальной денежной субсидіи на случай могущей встрѣтиться надобности произвести изслѣдованіе при открытіи какого-либо памятника старины на мѣстѣ желѣзнодорожныхъ сооруженій, начатыхъ въ апрѣлѣ 1893 года одновременно въ трехъ пунктахъ на громадномъ протяженіи двухъ губерній—Саратовской и Самарской.

Въ результатѣ этихъ просьбъ и представленій получилось то, что кн. Мещерскій поставилъ главнаго инженера по постройкѣ сказанныхъ линій, г. Риппасъ, въ извѣстность, что всякаго рода и вида памятники древности, если они будутъ находимы при постройкѣ линій, должны быть направлены къ нему, кн. Мещерскому, для соотвѣтствующихъ распоряженій; Археологическая же Комиссія, въ виду намѣченныхъ ею работъ и соединенныхъ съ ними расходовъ, не нашла возможнымъ ассигновать нашей Комиссіи даже минимальной суммы и только рекомендовала устроить, при содѣйствіи членовъ и сотрудниковъ Комиссіи, археологическій надзоръ на мѣстѣ проведенія желѣзнодорожнаго полотна... Совѣтъ этотъ былъ, конечно, цѣлесообразенъ въ идеѣ, практически же почти неосуществимъ: устройство подобнаго надзора въ разныхъ и притомъ отдаленныхъ отъ центра нахожденія Комиссіи пунктахъ производства земляныхъ работъ, не говоря уже о Самарской губерніи, представлялось для Комиссіи дѣломъ непосильнымъ. Въ виду этого Комиссія вынуждена была сосредоточить свой над-

зоръ только лишь на ближайшемъ къ ней пунктѣ—на Набережномъ Увекѣ, причемъ надзоръ былъ порученъ правителю дѣлъ А. О. Лебедеву и члену Комиссіи Ф. В. Духовникову. На послѣдняго возложена была и Археологическою Комиссіей миссія—скупать археологическія вещи у рабочихъ и крестьянъ Увека.

Старанія Комиссіи не остались безплодными: и съ Увека, и изъ другихъ мѣстностей въ ея музей поступили около 300 предметовъ, изъ которыхъ болѣе 200 добыты были на Увекѣ, въ томъ числѣ было около половины золотоордынскихъ монетъ, а другую половину составляли глиняные сосуды и тигели, курильницы, свѣтильники, обломки кувшиновъ съ татарскими орнаментами, серебряный браслетъ, мѣдные тѣльные кресты, бусы разныхъ видовъ и изъ разныхъ матеріаловъ, большая желѣзная игла, части окаменѣлыхъ деревьевъ, металлическія зеркала, точильный камень уральскихъ породъ и пр.

Что касается вновь сформированнаго Редакціоннаго Отдѣла, то онъ первыми же шагами своей дѣятельности доказалъ свою работоспособность: на шести засѣданіяхъ своихъ въ 1892—3 гг. онъ разсмотрѣлъ до 60 статей, рефератовъ и разно-характерныхъ архивныхъ работъ.

На своихъ засѣданіяхъ Отдѣлъ держался такого порядка: по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, которые доставлялись ему или правителемъ дѣлъ или самими авторами, предсѣдатель Отдѣла назначалъ засѣданіе, на которомъ заносилось въ журналъ все то, что подлежало разсмотрѣнію, причемъ одинъ изъ членовъ исполнялъ обязанности секретаря, т. е. докладывалъ матеріалы и заносилъ въ особую книгу[23]) состоявшееся постановленіе Отдѣла. Если подлежавшіе разсмотрѣнію Отдѣла матеріалы были обширны по объему, то они предварительно разсматривались членами Отдѣла, которые представляли

[23]). Въ этой книгѣ, озаглавленной „Журналъ Редакціоннаго Отдѣла Саратовской Ученой Архивной Комиссіи,"—пять графъ на каждой страницѣ: которыя (графы) озаглавлены такъ: „дата полученія матеріаловъ отъ правителя дѣлъ"; „паменованіе матеріаловъ": „дата засѣданія Редакц. Отдѣла"; „постановленіе Редак. Отдѣла;" „дата возвращенія документовъ правителю дѣлъ".

устный отзывъ съ своимъ заключеніемъ, каковое обычно и рѣшало дѣло по вопросу печатать или не печатать матеріалы. По окончаніи совѣщаній, предсѣдатель и члены Отдѣла постановленіе свое скрѣпляли подписями своими. Въ такомъ видѣ журналъ передавался правителю дѣлъ для доклада Общему Собранію Комиссіи, которое окончательно санкціонировало постановленія Редакціоннаго Отдѣла, т. е. или признавало матеріалы подлежащими напечатанію въ „Трудахъ“ Комиссіи, или только заслуживающими храненія въ ея Историческомъ Архивѣ.

На засѣданіяхъ Редакціоннаго Отдѣла нерѣдко присутствовалъ съ совѣщательнымъ голосомъ правитель дѣлъ, а иногда и авторы статей, рефератовъ и др. работъ и завѣдывавшіе отдѣлами Комиссіи—первые для разъясненія вопросовъ, касавшихся ихъ работъ, вторые—для справокъ, въ нужныхъ случаяхъ, по ихъ отдѣламъ

На обязанности Редакціоннаго Отдѣла лежало также наблюденіе за печатаніемъ матеріаловъ. Эту обязанность исполнялъ по очереди одинъ изъ членовъ Отдѣла, причемъ предварительно набора каждой изъ статей указывалъ типографіи тотъ или другой шрифтъ, затѣмъ держалъ корректуру въ гранкахъ и въ сверсткѣ и, наконецъ, дѣлалъ разрѣшительную надпись для печатанія

Работоспособною оказалась и первая Ревизіонная комиссія, имѣвшая своею цѣлью провѣрку дѣйствій должностныхъ лицъ по расходованію суммъ. Обревизовавъ приходъ и расходъ за 1889—1893 годы, Комиссія нашла, что въ этотъ періодъ времени приходъ выразился въ суммѣ 3917 р. 6 коп., въ томъ числѣ 966 р. остатка на 1-е января 1889 года, расходъ же за тоже время равнялся 3849 р. 48 к.; причемъ всѣ статьи расхода, по отчету Ревизіонной комиссіи, произведены были правильно, посему и не вызвали съ ея стороны никакихъ существенныхъ замѣчаній.

Достигнутые, благодаря сказаннымъ внутреннимъ распорядкамъ, результаты лучше всего видны изъ рѣчи

почетнаго члена Комиссіи А. А. Тилло, произнесенной имъ на Общемъ Собраніи Комиссіи 23 апрѣля 1894 года, на которомъ (собраніи), между прочимъ, читанъ былъ отчетъ о дѣятельности Комиссіи за 1892—3 годъ. Напомнивъ Собранію о періодѣ возникновенія Комиссіи, когда у нея не было „ни книгъ, ни археологическихъ коллекцій, ни историческаго архива", а потому не могло быть и рѣчи „объ организаціи библіотеки, музея и архива", г. Тилло сказалъ, что въ настоящее время онъ „съ отраднымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ несомнѣнный фактъ прогресса въ дѣятельности Комиссіи, видимый не только въ изданіи почтенныхъ ея „Трудовъ", но и въ особенности въ той широкой отзывчивости со стороны ученыхъ обществъ и въ сочувствіи лицъ жертвователей, которые поспѣшили въ относительно короткій періодъ жизни Комиссіи обогатить ее въ достаточномъ количествѣ своими посильными приношеніями, именно—въ обиліи отовсюду поступившихъ книгъ научно-историческаго характера, разнородныхъ и весьма цѣнныхъ въ научномъ отношеніи археологическихъ коллекцій, а со стороны мѣстныхъ административныхъ учрежденій—въ массѣ архивныхъ дѣлъ и другихъ этого рода матеріаловъ, что, наконецъ, состоявшееся постановленіе Комиссіи о болѣе правильной постановкѣ дѣла вообще, и въ частности въ организаціи по завѣдыванію библіотекой, архивомъ и музеемъ, вызвавшей избраніе съ этою цѣлью особыхъ лицъ", онъ, Тилло, объясняетъ все это „ничѣмъ инымъ, какъ созрѣвшимъ, путемъ опыта, сознаніемъ самой же Комиссіи въ непосильности труда, сосредоточеннаго въ рукахъ одного лица".

Эта рѣчь г. Тилло достаточно, полагаемъ, характеризуетъ положеніе и дѣятельность Комиссіи до и послѣ введенныхъ въ послѣдней внутреннихъ распорядковъ: выбывъ изъ предсѣдателей Комиссіи 23 января 1889 года и затѣмъ живя внѣ Саратова около 5 лѣтъ, г. Тилло *со стороны* яснѣе видѣлъ разницу въ жизнедѣятельности Комиссіи въ прежнее и настоящее время. Эта разница была для него настолько затмѣтна, что онъ искренно

и «съ отраднымъ удовольствіемъ“ отмѣтилъ „несомнѣнный фактъ прогресса въ дѣятельности Комиссіи“.

IX

Жизнедѣятельность нашей Комиссіи была бы, несомнѣнно, гораздо значительнѣе, еслибы на пути ея не встрѣтились внѣшнія неблагопріятныя условія, которыя толкали ее скорѣе назадъ, чѣмъ впередъ. Къ числу такихъ условій относилось, прежде всего, отсутствіе у Комиссіи удобнаго помѣщенія, гдѣ бы члены ея могли работать „какъ у себя дома“. Комиссія, какъ выше было сказано, первоначально помѣщалась въ корпусѣ Присутственныхъ мѣстъ, что на Соборной площади, занимая тамъ всего одну большую, раздѣленную аркой, комнату, которая на первыхъ же порахъ оказалась тѣсной для Комиссіи до такой степени, что ея цѣнный историческій архивъ помѣщался въ холодномъ корридорѣ, за стѣной помѣщенія Комиссіи. Но и этимъ помѣщеніемъ Комиссія пользовалась не особенно долго: въ концѣ 1890-хъ годовъ это помѣщеніе понадобилось для только-что открывшагося здѣсь новаго учрежденія—Губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ Присутствія, и Комиссіи было предложено выселиться отсюда, что она и сдѣлала безпрекословно, тѣмъ болѣе, что, при открытіи своемъ, она не запаслась документомъ, который бы, такъ сказать, утверждалъ ее въ правахъ на это помѣщеніе... Но легко было сказать губернатору: „выселяйтесь“! да исполнить это трудно было Комиссіи: куда выселяться? Членовъ Комиссіи, относившихся къ ея задачамъ серьезно и съ любовью, этотъ вопросъ буквально измучилъ, а въ концѣ-концовъ разрѣшился онъ тѣмъ, что цѣнное имущество Комиссіи „разсовали“ куда попало: большая часть дѣлъ историческаго архива была перевезена въ домъ гр. А. Д. Нессельроде, что на углу Московской и Пріютской улицъ, причемъ часть ихъ помѣщена была въ домѣ, а часть на дворѣ, въ простомъ сараѣ, рядомъ съ конюшней и прачешной, меньшая часть дѣлъ „хранилась“ у хранителя архива В. П. Соколова, тоже

на дворѣ, на сушилкѣ. И тамъ и тутъ цѣнный архивъ Комиссіи ничѣмъ не былъ гарантированъ отъ расхищенія (котораго, слава Богу, не было) и пожара, который, къ несчастью, произошелъ отъ усиленной зимой топки печи въ комнатѣ съ дѣлами. Дружныя усилія по заливу огня не дали пожару разгорѣться, но часть связокъ дѣлъ всетаки обгорѣла по краямъ, и дѣла эти стали почти негодными для разбора и описанія ихъ. Происшествіе это подѣйствовало на Комиссію удручающе: въ случаѣ уничтоженія, дѣла не могли быть возстановлены, а между тѣмъ въ числѣ ихъ были дѣла Сенатскаго архива, Саратовскаго окружнаго суда, уѣздныхъ нижнихъ земскихъ судовъ, дѣла Астраханской духовной консисторіи о Пугачевѣ и его сообщникахъ; были дѣла, карты и рукописи въ „сыромъ" и отдѣланномъ видѣ, принадлежавшія частнымъ лицамъ, предоставившимъ ихъ Комиссіи во временное пользованіе и съ непремѣннымъ условіемъ „по минованіи надобности, возвратить". Легко представить себѣ моральное положеніе Комиссіи и отвѣтственность ея передъ этими лицами и учрежденіями, которыя *довѣрили* ей такія цѣнности и которыя она чуть не утратила навсегда!.. Есть отъ чего придти въ уныніе, которое усугублялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что вскорѣ послѣ пожара гр. Нессельроде, бывшій въ то время товарищемъ предсѣдателя Комиссіи, рѣшительно отказался держать въ своемъ домѣ обгорѣвшія и уцѣлѣвшія дѣла Комиссіи, передъ которой, вслѣдствіе этого, неотступно сталъ вопросъ: „камо пойду?"

Положеніе Комиссіи было, безъ преувеличенія сказать, прямо-таки отчаянное, тѣмъ болѣе, что на наемъ помѣщенія гдѣ-либо въ частномъ домѣ или хоть-бы въ сыромъ, дешевомъ подвалѣ у нея никакихъ средствъ не было. И нескоро вышла бы Комиссія изъ такого положенія, еслибы не пришелъ къ ней на помощь ея предсѣдатель кн. Л. Л. Голицынъ. Послѣ долгихъ поисковъ дарового помѣщенія для Комиссіи ему удалось, наконецъ, упросить составъ Саратовскаго дворянскаго депутатскаго собранія помѣстить архивъ Комиссіи въ залѣ

засѣданій послѣдняго, что находится въ нижнемъ этажѣ дома дворянства на Московской, между Никольской и Соборной улицами.

Въ отношеніи простора, сухости воздуха при „амосовскомъ“ отопленіи и безопасности въ пожарномъ отношеніи помѣщеніе это было вполнѣ удобно, но оно имѣло тотъ существенный недостатокъ, что залъ, гдѣ помѣщался архивъ Комиссіи, часто, почти постоянно, былъ занятъ тѣми или другими лицами, принадлежавшими къ составу депутатскаго собранія или его канцеляріи, такъ что работать здѣсь по разбору и описанію дѣлъ историческаго архива было крайне неудобно и стѣснительно, на что не разъ жаловались какъ хранитель архива В. П. Соколовъ, такъ и многіе другіе члены Комиссіи. Впрочемъ, это неудобство имѣлось въ виду еще до перевозки сюда историческаго архива, а послѣ перевозки и хранителю архива, и всей Комиссіи приходилось утѣшаться мыслью, что здѣсь архивъ „по крайней мѣрѣ, хранится хорошо“... Конечно, и это послѣ сказанаго пожара могло служить утѣшеніемъ, тѣмъ болѣе что тамъ, въ домѣ Несельроде не только заниматься, особенно лѣтомъ, но и войти то туда нельзя было, благодаря близости конюшни и помойныхъ ямъ.

Въ несравнимо лучшихъ условіяхъ находились библіотека и музей Комиссіи, по крайней мѣрѣ, въ первые годы существованія послѣдней.

И библіотека, и музей Комиссіи, какъ и архивъ, тоже „странствовали“ по разнымъ квартирамъ, но все-же гораздо удачнѣе. Исторія ихъ странствованій, въ короткихъ словахъ, такова: въ концѣ 1888 года, т. е. черезъ два года послѣ учрежденія своего, Комиссія, въ виду крайней тѣсноты помѣщенія ея въ зданіи Присутственныхъ мѣстъ, обратилась въ Саратовскую Городскую Думу съ просьбой уступить ей одно изъ залъ въ верхнемъ этажѣ Радищевскаго Музея для помѣщенія въ послѣднемъ библіотеки и музея. Дума, обсудивъ на засѣданіи своемъ 27 февраля 1889 года эту просьбу въ связи съ докладомъ по этому поводу попечителя Ради-

шевскаго музея, отклонила ее, сдѣлавъ, однако, такое постановленіе: для ознакомленія посѣтителей музея съ археологіею Саратовской губерніи изъявить согласіе на помѣщеніе въ Радищевскомъ музеѣ археологическихъ коллекцій Комиссіи съ тѣмъ, чтобы Комиссія устроила витрины, которыя должны быть поставлены, по указанію администраціи музея, въ нѣсколькихъ комнатахъ. Въ случаѣ надобности, коллекціи могутъ быть перенесены съ однихъ мѣстъ на другія. Городское Управленіе также оставляетъ за собой право требовать, если помѣщеніе музея современемъ окажется тѣснымъ, чтобы Комиссія вынесла оттуда всѣ свои вещи.

Комиссія нашла, что для нея такія условія неподходящи, такъ какъ для ея коллекцій необходимо постоянное помѣщеніе, причемъ коллекціи должны находиться въ полномъ распоряженіи Комиссіи и непремѣнно въ одной комнатѣ, такъ какъ при разбросанности памятниковъ старины по разнымъ комнатамъ у обозрѣвателей ихъ, памятниковъ, не будетъ цѣльности представленія о послѣднихъ. При этомъ была высказана и такая мысль: завязать переписку съ учредителемъ Радищевскаго музея, проф. А. П. Боголюбовымъ, котораго и просить оказать свое содѣйствіе Комиссіи въ желательномъ для нея направленіи; а если и эта попытка не увѣнчается успѣхомъ, то обратиться къ предсѣдателю Саратовскаго окружнаго суда съ просьбой объ уступкѣ Комиссіи нѣсколькихъ свободныхъ комнатъ въ нижнемъ этажѣ занимаемаго судомъ зданія, что на углу Никольской и Московской улицъ. Но, въ концѣ концовъ, вопросъ о наиболѣе удобномъ помѣщеніи для музея Комиссіи остался открытымъ и предсѣдателю ея, кн. Голицыну, поручено было озаботиться пріисканіемъ такого помѣщенія.

Личные переговоры кн. Голицына съ наиболѣе вліятельными гласными Городской Думы повели къ тому, что Дума на засѣданіи 3 мая 1893 года постановила удовлетворить просьбу Комиссіи. Хранитель музея К. П. Медокесъ, съ присущею ему энергіей, принялся за перенесеніе археологическихъ коллекцій Комиссіи въ Радищев-

скій музей, за устройство новыхъ витринъ и размѣщеніе въ нихъ, равно какъ и на стѣнахъ и подоконникахъ комнаты музейныхъ вещей, составилъ даже „каталогъ музея“, который безплатно раздавался посѣтителямъ музея, число которыхъ увеличивалось съ каждымъ „пріемнымъ“ днемъ (по воскресеньямъ и четвергамъ).

Но лишь только все это было сдѣлано и налажено, какъ получено было Комиссіею отъ городского головы письмо, отъ 21 іюня 1894 г., съ просьбой „очистить„ комнату, занимаемую музеемъ Комиссіи. Комиссія, конечно, заволновалась. Затѣмъ вновь начались переговоры съ городскимъ головой и гласными Думы, окончившіеся тѣмъ, что городской голова въ новомъ письмѣ своемъ, отъ 6 іюля того же года, сообщилъ Комиссіи, что „переводъ“ ея музея оставленъ до пріѣзда новаго директора Радишевскаго музея. Новый директоръ, В. П. Рупини, въ виду критическаго положенія Комиссіи, нашелъ возможнымъ не только оставить ея музей въ Радищевскомъ музеѣ, но и согласился перенести сюда же библіотеку Комиссіи, что и было сдѣлано великимъ постомъ 1895 года библіотекаремъ Комиссіи В. Н. Смольяниновымъ. Весной того же года библіотека была приведена въ полный порядокъ, размѣщена въ заново, подъ цвѣтъ (черный) музейныхъ витринъ, отдѣланныхъ шкафахъ и открыта въ тѣ же дни и часы, что и музей Комиссіи, какъ для ознакомленія съ ней публики, такъ и для пользованія ея книгами членовъ Комиссіи, причемъ хранитель музея и библіотекарь имѣли у себя по отдѣльному ключу отъ комнаты музея-библіотеки, что бы не стѣснять другъ друга и имѣть возможность приходить сюда и заниматься каждому своимъ дѣломъ въ свободное для нихъ отъ служебныхъ занятій время.

И публика, и члены Комиссіи охотно посѣщали музей и библіотеку. Книгами послѣдней пользовались, съ разрѣшенія предсѣдателя и подъ личною отвѣтственностью библіотекаря, и посторонніе посѣтители, причемъ нѣкоторые изъ нихъ не только перелистывали и прочитывали, но и основательно знакомились съ содержа-

ніемъ книгъ, получали теоретическія свѣдѣнія изъ области тѣхъ наукъ, которыя вѣдаютъ ученыя Архивныя Комиссіи, а потомъ становились членами-работниками нашей Комиссіи.

Словомъ, удобно было библіотекѣ и музею Комиссіи помѣщаться въ зданіи Радищевскаго музея, удобно было и Саратовской публикѣ обозрѣвать ту и другой, но и имъ, музею и библіотекѣ, пришлось раздѣлить участь историческаго архива Комиссіи,—музею совершенно такую же участь, что постигла архивъ, а библіотекѣ—нѣсколько лучшую. Дѣло въ томъ, что въ 1897 году при Радищевскомъ музеѣ основателемъ его, проф. А. П. Боголюбовымъ, было открыто рисовальное училище его имени, и занимаемая музеемъ и библіотекой Комиссіи комната стала нужна для рисовальнаго класса, почему музей и библіотека Комиссіи были выдворены.

И снова предъ Комиссіей всталъ грозный вопросъ: куда дѣвать музей и библіотеку? И снова кн. Голицыну пришлось ходить, ѣздить, говорить, упрашивать... Наконецъ, нашлось мѣсто: библіотека была помѣщена въ столовой дворянскаго пансіона[24]), что на Соборной, между Московской и Царицынской улицами. Помѣщеніе было болѣе, чѣмъ хорошее—высокое, свѣтлое, чистое, но для чтенія и занятій членовъ Комиссіи, не говоримъ уже о посторонней публикѣ, привыкшей было въ Радищевскомъ музеѣ безпрепятственно пользоваться книгами Комиссіи, совсѣмъ неподходящее, такъ какъ расположиться для чтенія и занятій въ чужомъ домѣ, да еще въ столовой, совсѣмъ неудобно, что надѣемся, всякому понятно безъ дальнѣйшихъ комментарій. И вотъ, благодаря этому неудобству, библіотека Комиссіи поневолѣ стала мертвымъ капиталомъ, ничѣмъ и никого не обогащавшимъ. Комиссіи и здѣсь пришлось утѣшаться тою же мыслью, что библіотека, „по крайней мѣрѣ, хранится хорошо“.

Не то было съ музеемъ Комиссіи. Выдворенный изъ

---

[24]) Здѣсь же помѣщалась и вся обстановка Комиссіи—стулья, большой, длинный столъ для засѣданій и пр.

Радищевскаго музея, онъ помѣщенъ былъ тамъ же, гдѣ и историческій архивъ Комиссіи,—въ домѣ гр. Нессельроде, только не въ сараѣ, а въ самомъ домѣ, въ тѣсной комнаткѣ, расположенной налѣво отъ входа въ домъ по Московской улицѣ, и въ тѣсной, темной канурѣ подъ входной лѣстницей, ведшей въ верхній (второй) этажъ, въ западной части котораго въ то время помѣщалась тоже выселенная изъ Радищевскаго музея городская публичная библіотека, которая и уступила Комиссіи сказанное помѣщеніе для ея музея. Городская библіотека, конечно, невиновата въ томъ, что отвела подъ музей Комиссіи *такое*, за неимѣніемъ лучшаго, помѣщеніе, но справедливость требуетъ отъ насъ сказать, что худшаго, чѣмъ это, помѣщенія для музея и придумать нельзя было: при полной тѣснотѣ комнаты и кануры нельзя было и думать придать вещамъ музея хоть какой-нибудь порядокъ, и онѣ поневолѣ были буквально свалены въ общую кучу. Легко представить себѣ, какъ чувствовалъ бы себя при видѣ этой безпорядочной кучи хранитель музея К. П. Медоксъ[25]) долго и самоотверженно работавшій надъ приведеніемъ музея въ порядокъ послѣ перенесенія его въ Радищевскій музей!...

Но всему бываетъ конецъ Пришелъ конецъ и „странствованіямъ“ архива, музея и библіотеки Комиссіи. Лѣтомъ 1901 года все имущество Комиссіи собрано было въ одно мѣсто при городской публичной библіотекѣ въ городскомъ зданіи.

Но далось это помѣщеніе Комиссіи нелегко и не все сразу: и здѣсь пришлось просить и просить и выпросить сначала одну комнату, потомъ другую и, наконецъ, третью съ находящеюся передъ ней маленькой площадкой около лѣстницы, которая вела въ музей Комиссіи.

Дѣятельное участіе въ обращенной къ Городской Думѣ и Управѣ просьбѣ Комиссіи объ уступкѣ ей этого помѣщенія принялъ попечитель городской публичной библіотеки членъ Комиссіи Ив. Як. Славинъ, а также гласный Думы Н. П. Фроловъ; благодаря имъ же, Ко-

[25]) К. П. Медокосъ скончался въ 1897 г.

миссіи была предоставлена во временное пользованіе старая обстановкаа городской библіотеки—поломанные шкафы, столы и стулья, а именно: 14 шкафовъ глухихъ —для архива, 2 шкафа со стеклянными дверцами—для вещей музея, одинъ шкафъ—для книгъ, два стола и 7 стульевъ.

Постановленіе Городской Управы о передачѣ этихъ вещей Комиссіи состоялось 4 іюня 1901 года, но перевести сюда свое имущество немедленно Комиссія затруднялась, такъ какъ уступленныя ей вещи изъ городской библіотеки требовали основательнаго ремонта, который, при безденежьи у Комиссіи, шелъ недружно и продолжался довольно долго. По окончаніи ремонта, началась перевозка библіотеки изъ столовой дворянскаго пансіона и архива изъ дома дворянскаго депутатскаго собранія. Какъ почти всегда въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, книги библіотеки и дѣла архива значительно пострадали—потерлись и растрепались; въ частности, дѣла архива, раньше разсбранныя по годамъ, подробно описанныя хранителемъ историческаго архива В. П. Соколовымъ и перевязанныя—каждое дѣло отдѣльно—бечевками, теперь, послѣ перевозки, представляли собой растрепанную массу, требовавшую громаднаго труда по приведенію ея въ прежній видъ. Громадный трудъ выпалъ и на долю помощника правителя дѣлъ С. А. Щеглова какъ по перевозкѣ, такъ и по приведенію въ порядокъ библіотеки и музея, завѣдываніе которыми, какъ выше было сказано, лежало на двухъ лицахъ—библіотекарѣ и хранителѣ музея, которыхъ въ данное время въ городѣ не было. Ему же, г. Щеглову, пришлось приводить въ порядокъ всѣ старыя и текущія дѣла по канцеляріи, а равно и привести все имущество Комиссіи въ извѣстность, причемъ выяснилось, что каталоги музея (послѣ смерти К. П. Медокса) и библіотеки не велись долгое время, а книги и вещи были перемѣшаны, что въ библіотекѣ было 4258 экземпляровъ книгъ, а въ музеѣ—2654 монеты и 765 разныхъ старинныхъ предметовъ большой цѣнности. Это упорядоченіе имущества Комиссіи обошлось въ 319 р.

50 коп.; въ томъ числѣ уплачено: за перевозку имущества 15 р. 40 к., за разборъ музея и усиленное письмоводство 200 р., за работы столярныя и плотничныя и за вставку въ витрины и шкафы стеколъ 41 р. 61 коп., на канцелярскія принадлежности и мелкіе расходы—42 р. 49 коп., на наемъ разсыльнаго 20 р.

Первое засѣданіе Комиссіи въ новомъ помѣщеніи происходило 24 октября 1901 года при новомъ составѣ главныхъ должностныхъ лицъ: предсѣдателѣ Н. Н. Львовѣ, правителѣ Я. П. Мошинскомъ и его товарищѣ С. А. Щегловѣ, избранныхъ на эти должности на общемъ собраніи 27 апрѣля того же 1901 г., вмѣсто сложившихъ въ себя должностныя функціи кн. Л. Л. Голицына и А. А. Прозоровскаго.

Передъ началомъ засѣданія тщательно осмотрѣно было новое помѣщеніе, которымъ всѣ члены остались очень довольны и невольно восклицали: „Слава Богу! Комиссія—у мирной пристани.“

Что же касается расхода на упорядоченіе имущества, то общее собраніе не нашло послѣдній ни чрезмѣрнымъ, ни, тѣмъ болѣе, излишнимъ, такъ какъ результатъ расхода былъ налицо: вмѣсто хаоса въ музеѣ, архивѣ и библіотекѣ, вмѣсто изъѣденнаго молью сукна, которымъ доселѣ покрывался столъ въ предназначенной для общихъ собраній Комиссіи комнатѣ, вмѣсто витринъ съ разбитыми стеклами и шкафовъ, стульевъ и столовъ съ изломанными дверцами, ножками и крышками, имѣвшими раньше неряшливый видъ, теперь, 24 октября, все имущество и всѣ эти предметы обстановки имѣли нарядный видъ и радовали глазъ обозрѣвателей ихъ, т. е. общаго собранія Комиссіи. При этомъ надо принять во вниманіе и то обстоятельство, что сосредоточеніе имущества и всѣхъ отдѣловъ Комиссіи въ одномъ мѣстѣ представляло неоспоримое удобство какъ въ отношеніи храненія ихъ, такъ и въ отношеніи занятій должностныхъ лицъ и членовъ Комиссіи, а равно и для лицъ постороннихъ. Въ послѣднихъ недостатка никогда не было, такъ какъ Комиссія всегда охотно отворяла двери своего помѣщенія всякому же-

лавшему работать на пользу науки и родного края, въ виду чего Комиссія въ своемъ новомъ помѣщеніи назначила для занятій членовъ и постороннихъ лицъ особые часы—съ 11 до 1 часу по воскреснымъ днямъ. Она охотно бы назначила для этого и каждый будничный день, еслибы это было практически осуществимо, т. е. еслибы сами члены Комиссіи не были въ будничные дни заняты кормящей ихъ службой, которая ежедневно поглощаетъ у нихъ не только денные, но часто и вечерніе и даже ночные часы.

Какъ бы то ни было, но новое помѣщеніе, повторяемъ, представляло для Комиссіи громадныя, неоспоримыя удобства, и общее собраніе 24 октября было окрылено надеждой, что дни скитаній имущества Комиссіи остались позади и вспоминались теперь, какъ горькій налетъ, временно, волею обстоятельствъ, примѣшавшійся къ судьбѣ Комиссіи, положеніе которой, какъ и всѣхъ другихъ ея подругъ—Комиссій, должно бы, по идеѣ ихъ учрежденія,—бодрить и скрашивать существованіе тружениковъ-добровольцевъ, безкорыстно работающихъ на пользу отечественной науки и родного края...

Такъ, повторяемъ, думала тогда Комиссія, объявившая себя „отнынѣ воскресшей“; но дѣйствительность показала, что ея благополучіе продолжалось не такъ-то долго.

X

Вскорѣ же обнаружилось, что новое помѣщеніе Комиссіи имѣетъ много дефектовъ, главнѣйшіе изъ которыхъ—раннее (въ 6—7 ч. вечера) закрытіе библіотеки, что мѣшало членамъ Комиссіи работать по вечерамъ [26]); затѣмъ—недостатокъ свѣта, особенно въ помѣщеніи музея, гдѣ обиліе свѣта играетъ огромную роль, и, наконецъ, тѣснота комнатъ: при достаточной высотѣ (около 5 аршинъ), всѣ три комнаты занимаютъ пространство около 20 кв. саженъ. На этомъ пространствѣ помѣща-

[26]) Неудобство это было устранено въ началѣ 1909 г.; и съ этого времени члены Комиссіи могли заниматься въ своемъ помѣщеніи даже до поздней ночи, что обычно и бывало каждую субботу.

лись: 17 шкафовъ съ книгами, газетами, рукописями, архивными дѣлами, съ крупными, тяжелыми палеонтологическими предметами, 6 витринъ съ крупными и мелкими вещами музейными и три стола, изъ которыхъ одинъ, длинный и широкій, необходимый для канцелярскихъ занятій и общихъ собраній Комиссіи, занималъ почти всю середину комнаты-библіотеки, оставляя свободнаго пространства ровно столько, чтобы можно было обойти столъ кругомъ, не особенно задѣвая за стоявшіе вдоль стѣнъ шкафы и ножки стульевъ, расположенныхъ вокругъ стола. Пока имущество Комиссіи было не особенно велико, оно размѣщалось здѣсь свободно и даже съ нѣкоторымъ удобствомъ, но когда Комиссія стала получать музейныя вещи цѣлыми ящиками, а печатныя изданія, рукописи и архивныя дѣла буквально цѣлыми возами то у Комиссіи неизбѣжно явился вопросъ: куда дѣвать все это въ буквальномъ смыслѣ „добро“? Предпринятое должностными лицами „расширеніе“ помѣщенія путемъ выноса изъ послѣдняго на площадку и лѣстницу громоздкихъ шкафовъ для архива[27]) и вещей музея и путемъ размѣщенія части мелкихъ вещей на висячихъ полкахъ и въ таковыхъ же витринахъ, прибавило двѣ-три квадр. сажени свободнаго пространства во всѣхъ трехъ комнатахъ, но пространство это скоро было использовано, и у Комиссіи снова явился тотъ же вопросъ: что же дальше дѣлать?

Кромѣ тѣсноты, помѣщеніе Комиссіи имѣло еще тотъ существенный недостатокъ что оно—„проходное“. Дѣло въ томъ, что въ одной изъ отведенныхъ Комиссіи комнатъ, вверху, у самого почти потолка, на особомъ настилѣ помѣщался и продолжаетъ помѣщаться объемистый деревянный бакъ, который, въ видахъ противопожарныхъ и для снабженія всего зданія городского дома водой, постоянно наполняется водой. За отсутствіемъ у бака механическихъ, регулирующихъ наполненіе его водой,

[27]) Весной 1909 г. архивъ былъ перенесенъ въ подвалъ, находящійся подъ зданіемъ городской публичной библіотеки и снятый Комиссіей за 100 р. въ годъ. Помѣщеніе подвала—большое, но темное и холодное, такъ что заниматься въ немъ было почти невозможно.

приспособленій, служащимъ городской библіотеки, чаще всего мальчикамъ, приходится на дню нѣсколько разъ справляться, есть-ли въ бакѣ вода, не переполнился-ли онъ, и для этого всякій разъ надо было проходить черезъ комнату, смежную съ той, гдѣ находится бакъ; служащіе же въ библіотекѣ мальчики не всѣ и не всегда были нравственно безукоризненны въ смыслѣ чистоты рукъ. Впрочемъ, не одни мальчики повинны иногда бывали въ этомъ грѣхѣ: случалось, что Комиссія не досчитывалась тѣхъ или другихъ вещей изъ своего имущества и послѣ проходовъ чрезъ ея помѣщеніе взрослыхъ людей, напримѣръ, кровельщиковъ и печниковъ, для которыхъ взобраться на подволоку для осмотра, чистки и починки крыши и печей можно было только чрезъ ту комнату, гдѣ устроенъ бакъ, надъ которымъ въ потолкѣ продѣлано отверстіе, закрываемое люкомъ. Избѣжать этихъ убыточныхъ для Комиссіи „визитовъ“ мастеровыхъ нельзя было, такъ какъ визиты эти дѣлались не въ опредѣленное время, а когда мастеровымъ было удобнѣе. Уносить же съ собой ключъ отъ помѣщенія Комиссіи также нельзя было, такъ какъ наблюдать за наполненіемъ бака водой необходимо было во избѣжаніе переполненія его, что имѣло бы очень дурныя послѣдствія и для имущества Комиссіи и для зданія городской библіотеки, что, къ прискорбію, одинъ разъ, по винѣ одного члена Комиссіи, и случилось. Вечеромъ, послѣ занятій въ помѣщеніи Комиссіи, этотъ членъ заперъ двери, положилъ ключъ въ карманъ и ушелъ. Какъ онъ ушелъ—никто не видалъ, былъ-ли водопроводный кранъ надъ бакомъ запертъ—никто не догадался узнать, а между тѣмъ вода переполнила бакъ и хлынула водопадомъ на полъ... Утромъ, подойдя къ библіотекѣ, швейцаръ замѣтилъ на тротуарахъ и мостовой большую лужу, образовавшуюся изъ воды, струившейся черезъ порогъ подъ дверями библіотеки. Только что отперъ онъ и отворилъ одну половину дверей, какъ вода хлынула на него бурнымъ потокомъ! Причина наводненія была ясна. Швейцаръ, утопая по колѣна въ водѣ, бросился на верхъ къ запертымъ дверямъ по-

мѣщенія Комиссіи, вскрылъ ихъ, также по колѣна въ водѣ прошелъ черезъ занятыя Комиссіей комнаты, поднялся по лѣстницѣ къ баку, принявъ предварительно холодный душъ, заперъ кранъ и тѣмъ остановилъ „наводненіе“; потомъ принялся за освобожденіе затопленныхъ помѣщеній Комиссіи и библіотеки отъ воды. Надъ помѣщеніемъ Комиссіи ему, однако, почти что не пришлось трудиться: вода сама собой ушла частью черезъ двери, внизъ, въ вестибюль городской библіотеки, частью черезъ щели пола въ помѣщающуюся какъ разъ подъ комнатами Комиссіи контору нотаріуса Лазаркевича, откуда, какъ и изъ вестибюля библіотеки, воду пришлось вычерпывать ведрами и выметать метлами....

Послѣ этого ключъ отъ помѣщенія Комиссіи всегда оставлялся у швейцара городской библіотеки.

Бывали и такіе случаи: испортятся нагрѣвающія помѣщеніе библіотеки пароводяныя трубы, и слесаря, отыскивая наугадъ мѣсто порчи, входили въ помѣщеніе Комиссіи, отставляли отъ стѣнъ шкафы и витрины съ музейными вещами такъ не осторожно, что послѣднія перепутывались и ихъ приходилось вновь перебирать и водворять на свои мѣста, на что, конечно, тратилось не мало времени. Всѣ эти неудобства, устранить которыя сама Комиссія не могла, а городское управленіе не желало по извѣстному изреченію: „уклонися отъ зла и сотвори благо“, что въ переводѣ на канцелярскій языкъ, означаетъ: „уходи, если не нравится“,—эти неудобства вынуждали Комиссію обратиться къ тому же городскому управленію объ отводѣ ей другого, болѣе удобнаго, помѣщенія.

Первымъ зданіемъ, на которое „покушалась“ Комиссія, былъ городской домъ, въ которомъ помѣщается военная гауптвахта. Домъ этотъ довольно большой, каменный, прочный, старинной кладки, одно-этажный, съ большимъ дворовымъ мѣстомъ, находится въ центральной части города—рядомъ съ городскимъ полицейскимъ управленіемъ, что противъ „Липокъ“; стоитъ особнякомъ, въ пожарномъ отношеніи вполнѣ безопасенъ. Болѣе под-

ходящаго, по всѣмъ этимъ даннымъ, помѣщенія для Архивной Комиссіи не отыщется въ цѣломъ городѣ. Въ этомъ домѣ и хотѣла поселиться Комиссія „по примѣру г. Пензы.“ [28]) Начатая по этому поводу Комиссіей переписка съ городскимъ управленіемъ и командующимъ войсками казанскаго военнаго округа генераломъ отъ инфантеріи А. Ив. Косичемъ (бывшимъ Саратовскимъ губернаторомъ) окончилась тѣмъ, что г. Косичъ предложилъ Комиссіи обратиться за разъясненіемъ этого вопроса къ особой комиссіи „о военныхъ потребностяхъ Саратовскаго гарнизона“, и комиссія эта отвѣтила, что „въ виду того, что нынѣшнее зданіе гауптвахты занимаетъ центральное положеніе, чѣмъ облегчается повѣрка городского караула, начальникъ гарнизона города Саратова полагаетъ необходимымъ отклонить просьбу Архивной Комиссіи объ отпускѣ (?) ей этого зданія.“ [29]).

Но Комиссія не удовлетворилась этимъ отвѣтомъ: основываясь на циркулировавшихъ въ 1906 году въ городѣ слухахъ, что „одна изъ комиссій Саратовской Городской Думы предполагаетъ внести въ ближайшемъ будущемъ въ Думу докладъ—не сдавать военному вѣдомству подъ гауптвахту“ сказанный домъ, Комиссія рѣшила воспользоваться „этимъ обстоятельствомъ“ и снова просить Городскую Думу объ уступкѣ ей этого дома. На этотъ разъ просьбу Комиссіи энергично поддерживали членъ ея гр. П. С. Уварова и непремѣнный попечитель ея, саратовскій губернаторъ П. А. Столыпинъ. Но и изъ этого тройного ходатайства ничего не вышло, такъ какъ слухи эти оказались ложными: ни Дума, ни Управа не намѣрены были отказывать военному вѣдомству въ арендѣ дома подъ гауптвахту. [30]) Другихъ попытокъ въ этомъ направленіи Комиссія не дѣлала, такъ какъ другія городскія зданія были, какъ и гауптвахта, не свободны, или же совсѣмъ не подходящи. Такимъ образомъ вопросъ о лучшемъ помѣщеніи для Комиссіи,

---

[28]) См. протоколъ Общ. Собр. Ком. 15 сен. 1904 г.
[29]) См. тамъ-же.
[30]) См. протоколъ Общ. Соб. Ком. 4 нояб. 1906 г.

въ силу необходимости, надолго остался открытымъ. Въ утѣшеніе себя, Комиссія вдалась въ такое разсужденіе: положимъ, что городъ уступилъ бы Комиссіи гауптвахту или другое зданіе; но вѣдь на содержаніе дома—на отопленіе, освѣщеніе, наемъ сторожа для охраны дома, метеніе улицы и уборку двора—потребовалось бы не менѣе 300 р. въ годъ, а такою суммою Комиссія въ настоящее время не располагаетъ и не надѣется и въ недалекомъ будущемъ располагать, между тѣмъ какъ настоящее помѣщеніе Комиссіи—въ домѣ городской библіотеки -даровое и хорошо отопляется и освѣщается за счетъ города, а потому... лучше вопросъ этотъ оставить пока открытымъ.

По поводу такого разсужденія можно бы многое сказать, можно бы даже высмѣять его, напомнить, напримѣръ, мораль басни „Лисица и виноградъ“: „видитъ око, да зубъ нейметъ“... Но мы несклонны иронизировать: не умѣстна иронія тамъ, гдѣ добровольцы труда бьются, какъ рыба объ ледъ, не изъ-за личныхъ выгодъ, а чтобы вынести на просторъ богатый и разносторонній матеріалъ по отечествовѣдѣнію,—матеріалъ, скопленный, и добытый руками и стараніемъ этихъ добровольцевъ въ теченіе 20 лѣтъ на самыя ограниченныя средства Архивной Комиссіи! Нѣтъ, не иронизировать, а пожалѣть слѣдовало Комиссію, помочь ей выйти на просторъ, чего она такъ жадно добивалась. Казалось бы, что сдѣлать это могъ бы, прежде всего, городъ: предоставивъ свободное и удобное помѣщеніе Архивной Комиссіи, городъ ничего бы не потерялъ, а, напротивъ, выигралъ бы, такъ какъ тогда въ Саратовѣ получилось бы новое правительственное учрежденіе, полезное для жителей: былъ бы лишній музей, лишняя библіотека, услугами которыхъ могли бы пользоваться и учебныя заведенія съ ихъ учащими и учащимися и всѣ интересующіеся памятниками родной старины и исторіею края. Другими словами: Комиссія при лучшихъ, чѣмъ тогда, условіяхъ, могла бы стать центромъ, гдѣ можно было бы работать для дальнѣйшаго изученія этихъ памятниковъ и продолжать собирать цѣнные для исто-

ріи края матеріалы, которые безъ этого могли безслѣдно пропасть. Тщетно, однако, взывала Комиссія: городъ былъ глухъ „на это ухо“, и Комиссіи оставалось одно—покориться судьбѣ и питать надежду на лучшее будущее. Давно извѣстно, что люди даже въ самомъ отчаянномъ положеніи продолжаютъ жить только потому, что питаются такою надеждой, а о Комиссіи можно съ полною увѣренностью сказать, что она безъ такой надежды давно совершенно распалась бы.

И надежда не обманула ея: въ началѣ 1910 года ей были обѣщаны и постоянное помѣщеніе и матеріальныя средства, а въ концѣ текущаго года она получила и то и другое. Какъ это случилось—скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

XI.

Если вопросъ о помѣщеніи для Комиссіи игралъ такую важную роль въ ея жизнедѣятельности, то повышая, то понижая или даже прекращая послѣднюю, къ счастью, на непродолжительное время, то тѣмъ болѣе важную роль должны были играть въ томъ же направленіи матеріальныя средства Комиссіи, безъ которыхъ ни въ какомъ родѣ или видѣ дѣятельности, а тѣмъ болѣе въ научной дѣятельности, обойтись нельзя, такъ какъ научная дѣятельность непремѣнно предполагаетъ опубликованіе во всеобщее свѣдѣніе соотвѣтствующихъ работъ, на что, конечно, нужны средства. И горе тому учрежденію, которому присвоенъ эпитетъ „ученое“, средствъ же соотвѣтствующихъ не дано! Такое учрежденіе не можетъ развернуть научныхъ силъ своихъ, будучи заранѣе обречено на прозябаніе. Въ этой истинѣ наша Комиссія убѣждалась не разъ. Эту истину констатировалъ и Археологическій Институтъ, которому всѣ Ученыя Архивныя Комиссіи непосредственно подчинены и который также непосредственно заинтересованъ въ томъ или другомъ состояніи жизнедѣятельности послѣднихъ. Вотъ что объ этихъ Комиссіяхъ писали въ свое время нынѣ покойные директора этого Института И. Е. Андреевскій и А. Н. Трубровъ: „эти новыя установленія... въ отношеніи денежныхъ

средствъ не только болѣе чѣмъ бѣдны, но и являются самыми дешевыми установленіями въ мірѣ". [31])

Почему такъ—отвѣтъ данъ выше: въ проектѣ учрежденія Ученыхъ Архивныхъ Комиссій, въ 8 пун., сказано вполнѣ опредѣленно, что „расходы, необходимые на содержаніе и занятія Ученыхъ Губернскихъ Архивныхъ Комиссій, покрываются изъ средствъ, имѣющихся въ распоряженіи Директора Археологическаго Института, и изъ мѣстныхъ пожертвованій на пользу науки".

Но о помощи изъ средствъ Археологическаго Института въ сурьезъ говорить не приходится: онъ самъ значительно ограниченъ въ своихъ средствахъ, которыхъ ему въ годъ отпускается 6000 р. безъ казенной квартиры, такъ что Институтъ, выражаясь словами И. Е. Андреевскаго, „по причинѣ скромности своихъ средствъ долженъ... только поощрять скромность Комиссій". Что касается „мѣстныхъ пожертвованій на пользу науки", то этотъ источникъ слишкомъ неустойчивъ. Объ этой неустойчивости можно судить, между прочимъ, изъ слѣдующихъ строкъ А. Н. Труворова въ его ходатайствѣ 20 марта 1892 года къ министру вн. дѣлъ: „Изъ представленнаго Вашему Высокопревосходительству „Обзора дѣятельности Ученыхъ Архивныхъ Комиссій" за 1890 годъ видна полнѣйшая недостаточность въ деньгахъ, предоставляемыхъ Комиссіямъ на ихъ содержаніе и на развитіе ихъ дѣятельности. Всѣ онѣ перебиваются, какъ говорится, съ копѣйки на копѣйку, чрезъ посредство пособій, гдѣ отъ дворянства. гдѣ отъ земства, гдѣ отъ городовъ, кое-гдѣ отъ членскихъ взносовъ и частицею отъ продажи своихъ изданій, не будучи увѣрены, что пособія не нынѣ, такъ завтра могутъ быть прекращены, такъ какъ отъ воли дворянства, земства и городовъ зависитъ видоизмѣненіе и прекращеніе пособій". Святая истина!

Эту истину Саратовская Ученая Архивная Комиссія познала очень рано, познавала, по крайней мѣрѣ, добрый десятокъ лѣтъ, познаетъ отчасти и теперь и—кто знаетъ —быть можетъ, еще долго будетъ познавать... Но не

[31]) См. ихъ отчеты о дѣят. Учен. Арх. Ком. за 1886—1889 и 1890—1893 годы.

желая зловѣще пророчествовать, обратимся къ уже пережитому.

А пережитое говоритъ намъ, что уже въ сентябрѣ 1888 года, т. е. по прошествіи всего только 21 мѣсяца послѣ своего открытія, Комиссія ощущала недостатокъ матеріальныхъ средствъ, о чемъ открыто заявилъ первый ея предсѣдатель А. А. Тилло на общемъ собраніи членовъ 19 сентября этого 1888 года, когда обсуждался, между прочимъ, вопросъ объ изданіи проектированнаго „Сборника“: „вопросъ о матеріальныхъ средствахъ—говорилъ г. Тилло—не долженъ смущать Комиссію. Правда, Комиссія нынѣ бѣдна средствами, но города, земство и сословія губерніи, такъ сочувственно встрѣтившіе открытіе Комиссіи, откликнутся и теперь на ея призывъ къ пожертвованіямъ на это (юбилейное) изданіе“. И правда, откликнулись многіе, особенно—Городское Управленіе, и нужда Комиссіи была устранена, но не надолго: на пожертвованныя средства Комиссія могла издать въ 1891 году только юбилейный „Сборникъ“, напечатать же очередной выпускъ своихъ „Трудовъ“ за этотъ 1891, какъ и за 1892 годъ, она, при всемъ своемъ желаніи и наличности подходящаго научнаго матеріала, не могла „за полнымъ отсутствіемъ матеріальныхъ средствъ“.[32])

Въ слѣдующіе годы матеріальное положеніе Комиссіи было не лучше. Такъ, ревизіонная комиссія въ протоколѣ своемъ 12 марта 1895 года констатировала, что „касса Комиссіи пуста“ и что ею, Комиссіею, допущенъ перерасходъ въ 78 р. 79 к., которые правитель дѣлъ Смольяниновъ израсходовалъ изъ своихъ средствъ. Кромѣ того, за Комиссіей въ это время числилось 581 руб. 27 коп. долга, въ томъ числѣ типографіи Губернскаго Правленія за печатаніе „Трудовъ“ 496 р. 23 коп. и Губернскому Правленію за отопленіе помѣщенія Комиссіи въ зданіи Присутственныхъ мѣстъ 84 р. 94 к. Платить долги было необходимо, но платить при „пустой кассѣ“ было невозможно. Тогда Комиссія вспомнила о двухъ прежнихъ своихъ постановленіяхъ (6 окт. 1889 и 13 апр. 1890 г.) о взима-

[32]) См. протоколъ Общаго Собранія Комиссіи 7 ноября 1892 года.

ніи съ членовъ своихъ 3 рублевыхъ взносовъ и теперь, въ критическую минуту, стала энергично настаивать на необходимости собрать эти взносы, которыхъ, какъ выяснилось на собраніи 14 марта этого, 1895, года, состояло въ недоимкѣ 2009 р. Чтобы собрать эту сумму, рѣшено было напечатать особые „циркуляры“ съ выясненіемъ въ нихъ дѣятельности Комиссіи за истекшіе годы и положенія ея денежныхъ средствъ въ данное время и разослать эти циркуляры всѣмъ, безъ изъятія, членамъ Комиссіи, неуплатившимъ взносовъ, а ко всѣмъ предсѣдателямъ уѣздныхъ земскихъ управъ и къ городскимъ головамъ губерніи обратиться съ просьбой о субсидіи Комиссіи, причемъ послать имъ, предсѣдателямъ и головамъ, послѣдній (21) выпускъ „Трудовъ“. Разосланы также были просьбы: губернскому земскому собранію о сложеніи съ Комиссіи вышесказаннаго долга земской типографіи, Губернатору и Губернскому Правленію—о дозволеніи Комиссіи безплатно или хотя бы за уменьшенную плату печатать „Труды“ въ Губернской типографіи и о сложеніи съ нея, Комиссіи, долга въ 84 р. 94 к. за отопленіе ея помѣщенія въ зданіи Присутственныхъ мѣстъ, такъ какъ за два послѣдніе года (1893—1894) требовалось отоплять собственно помѣщеніе Статистическаго Комитета, а не Комиссіи, которая лишь хранила въ эти годы и впредь будетъ лишь хранить въ своемъ помѣщеніи дѣла и рукописи, которыя не требовали и не потребуютъ отопленія.

Результатомъ всѣхъ этихъ просьбъ и обращеній было лишь то, что Вольская земская управа выслала Комиссіи 50 р. „единовременной субсидіи“ и столько же ассигновало (30 окт. 1895 г.) Саратовское очередное уѣздное земское собраніе; въ дѣйствительности же, какъ выяснила ревизіонная комиссія, въ теченіе всего 1895 года въ Комиссію поступило только 83 р. 20 коп. Между тѣмъ какъ расходы Комиссіи въ этомъ (1895) году равнялись 559 р. 94 к., такъ что къ январю 1896 г. у Комиссіи образовался перерасходъ въ 461 р. 3 к., а къ 15 іюня того же года перерасходъ возросъ до 490 р. 98 к.

Такое печальное положеніе Комиссіи служило предметомъ обсужденія на состоявшемся въ этомъ, 1896, году X Археологическомъ Съѣздѣ въ Ригѣ, на которомъ депутатомъ отъ Саратовской Комиссіи былъ г. Смольяниновъ. Но изъ дебатовъ на Съѣздѣ выяснилось, что Саратовская Комиссія въ этомъ отношеніи не представляетъ исключенія, почему Съѣздъ и постановилъ: „въ виду печальнаго положенія многихъ Архивныхъ Комиссій, не имѣющихъ ни опредѣленнаго помѣщенія, ни опредѣленныхъ денежныхъ средствъ, обратить вниманіе министерства внутреннихъ дѣлъ на большую государственную пользу, которую приносятъ Комиссіи, и ходатайствовать, чтобы имъ была оказываема помощь и субсидія при посредствѣ губернаторовъ“ [33])

Но таковое постановленіе Съѣзда никакихъ практическихъ результатовъ, по крайней мѣрѣ, для Саратовской Комиссіи не имѣло: положеніе ея нисколько не улучшилось и въ слѣдующемъ 1897 году, что ясно видно изъ отчета ревизіонной комиссіи, которая на общемъ собраніи Комиссіи 29 ноября этого года доложила, что „28 октября 1897 года “она разсматривала „документы по приходу и расходу суммъ съ 1 января 1895 по 28 октября 1897 года“ и нашла, что „къ 28 октября 1897 года получилась передержка въ 36 р. 36 коп., каковая сумма израсходована Смольяниновымъ изъ своихъ средствъ, и что въ кассѣ (Комиссіи) ничего не оказалось“.

При такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ Комиссіи, конечно, нечего было и думать объ изданіи своихъ „Трудовъ“ и о какихъ бы то ни было пріобрѣтеніяхъ покупкою вещей для музея или библіотеки своей, не было даже возможности получать изъ уѣздныхъ учрежденій архивныя дѣла для комплектованія своего Историческаго архива, и дѣла эти безслѣдно исчезали. Такъ было, напримѣръ, съ дѣлами Полицейскаго Управленія въ городахъ Петровскѣ и Кузнецкѣ и отчасти въ посадѣ Дубовкѣ. А дѣлъ было тамъ много: въ одномъ Полицейскомъ

[33]) См. протоколъ Общаго Собранія Комиссіи 19 декабря 1896 года.

Управленіи г. Кузнецка ихъ скопилось до 400 пудовъ. Часть ихъ взята была для просмотра проживавшимъ въ Кузнецкѣ членомъ Комиссіи В. В. Трироговымъ, судьба же остальныхъ дѣлъ Комиссіи неизвѣстна.

Въ теченіе двухъ послѣдующихъ лѣтъ (1898—9) положеніе Комиссіи не измѣнилось къ лучшему: за эти два года она получила всего 200 р. отъ Аткарскаго, Балашовскаго, Вольскаго и Кузнецкаго земскихъ собраній. Конечно, такихъ средствъ ей было слишкомъ недостаточно.

Потерявъ надежду на помощь отъ мѣстныхъ учрежденій, она рѣшилась на крайнее средство—обратиться непосредственно къ министру внутреннихъ дѣлъ съ мотивированнымъ ходатайствомъ и подробнымъ описаніемъ своего отчаяннаго положенія, которое не даетъ ей возможности исполнять прямыя обязанности, налагаемыя на нее „Положеніемъ“ объ учрежденіи Ученыхъ Архивныхъ Комиссій: „Не имѣя—писалось въ этомъ ходатайствѣ, ни помѣщенія для храненія дѣлъ, ни средствъ на перевозку ихъ (почтой или по желѣзной дорогѣ), Комиссія въ этомъ отношеніи вынуждена *на полное бездѣйствіе* и серьезно озабочена участью собранныхъ ею музейныхъ вещей, библіотеки и архива, находящихся въ разныхъ мѣстахъ, временно ей предоставленныхъ; въ виду чего они не могутъ быть приведены въ должный порядокъ, не могутъ быть наблюдаемы, какъ слѣдуетъ, не смотря на ихъ имущественную и научную цѣнность“.

Но министерство внутр. дѣлъ не тронулось таковой слезницей Комиссіи: оно даже не сочло нужнымъ отвѣтить на ея ходатайство... Неуспѣхъ Комиссіи въ денежномъ отношеніи нѣкоторые изъ ея членовъ одно время склонны были объяснять нераспорядительностью самой Комиссіи. Такъ, членъ Комиссіи А. Н. Минхъ въ письмѣ отъ 21 февраля 1900 года говоритъ, что многіе земскіе гласные высказывали ему, что уѣздныя собранія не ассигнуютъ Комиссіи субсидій потому, что къ нимъ не поступаетъ отъ нея заявленій; а въ другомъ письмѣ (отъ 28 того же февраля) г. Минхъ признавалъ виновными въ этой нераспорядительности кн. Голицына и

А. А. Прозоровскаго (правителя дѣлъ Комиссіи), которые, по его словамъ, „ни въ прошломъ, ни въ нынѣшнемъ годахъ не посылали ни въ уѣздныя, ни въ губернское собранія ходатайствъ объ ассигнованіи суммъ для Архивной Комиссіи, безъ чего земства не могутъ дѣлать ассигновокъ".

Но на засѣданіи Комиссіи 29 февраля того же 1900 года, когда читались эти письма А. Н. Минха, выяснилось, что кн. Голицынъ и г. Прозоровскій тутъ не причемъ: Комиссія не только просила всѣ уѣздныя и губернское собранія, но, можно сказать, надоѣдала имъ своими повторными просьбами.

Въ критическія минуты Комиссія обращалась за помощью не только къ мѣстнымъ учрежденіямъ, но и къ иногороднымъ, напр.: къ Московскому Географическому Обществу, Московской Археологической Комиссіи, С.-Петербургскому Археологическому Институту и даже къ Великому Князю Константину Константиновичу, какъ президенту Академіи Наукъ. Но изъ всѣхъ этихъ обращеній ровно ничего не вышло, кромѣ платоническаго сожалѣнія о безвыходномъ положеніи Комиссіи, которое продолжалось вплоть до 1908 года, причемъ особенно тяжелыми для Комиссіи годами были 1905—1907.

Начавшееся въ 1905 году „освободительное движеніе" выдвинуло на первый планъ животрепещущіе политическіе и общественные вопросы, породило партіи не только въ общественныхъ учрежденіяхъ, но даже въ семьяхъ, гдѣ кровные родные, въ силу несходства политическихъ воззрѣній, вдругъ стали другъ другу чужими и даже врагами...

Въ это бурное время даже истинные очаги науки—высшія учебныя заведенія—подвергались переоцѣнкѣ и найдены были чуть ли не подлежавшими уничтоженію... Конечно, такое общественное настроеніе не могло не отразиться и на жизни и дѣятельности Ученыхъ Архивныхъ Комиссій и, дѣйствительно, отразилось какъ крайнимъ оскудѣніемъ у нихъ матеріальныхъ средствъ, такъ и отсутствіемъ моральной поддержки со стороны мѣстнаго

общества и учрежденій разнаго рода. Такъ, о Саратовской Комиссіи намъ приходилось не разъ слышать такой жестокій приговоръ: „Мѣсто Архивной Комиссіи на кладбищѣ!“ И это говорили не какой-нибудь лобазникъ или торговецъ хоть бы и съ титуломъ „коммерціи совѣтника“, а интеллигентные, съ высшимъ образованіемъ, гласные Городской Думы, которые, въ дореволюціонное время находили въ дѣятельности нашей Комиссіи громадную пользу для мѣстнаго края... Отъ интеллигентовъ не отставала и мѣстная прогрессивная печать, посылавшая по адресу Комиссіи такія жестокія строки, какъ „въ Саратовѣ существуетъ Архивная Комиссія—учрежденіе никому и ни на что ненужное!“

Если же такъ, если мѣсто Архивной Комиссіи, учрежденію никому и ни на что ненужному, на кладбищѣ, то стоитъ ли она матеріальной и моральной поддержки?! Ни той, ни другой поддержки и не было, хотя Комиссія и заявляла (4 ноября 1906 г.) кому слѣдуетъ о свсей нуждѣ въ матеріальныхъ средствахъ, „безъ чего она не можетъ дальше существовать и издавать „Трудовъ“.[34])

И дѣйствительно, теперь насталъ для Комиссіи самый критическій моментъ, какого она еще не переживала за все время своего существованія—съ 12 дек. 1886 г.

Достаточно сказать, что ея имущество было описано судебнымъ приставомъ за долги В. И. Миловидову за печатаніе въ его Аткарской типографіи „Историко-географическаго Словаря Саратовской губерніи“. Если продажа съ торговъ имущества не состоялась, то только потому, что оно (столы, стулья, витрины и пр.) было невелико и малоцѣнно и во всякомъ случаѣ не покрыло бы долга ему, Миловидову, въ 407 р. 25 к., описывать же и продавать прочее имущество Комиссіи (музей, библіотеку и архивъ) нельзя было потому, что оно, согласно волѣ жертвователей, не подлежитъ отчужденію.

Положимъ, что продажа имущества Комиссіи не состоялась, но здѣсь важно самое, такъ сказать, покушеніе на продажу: не подтверждаетъ ли оно тѣхъ взглядовъ

[34]) См. Отчетъ о дѣят. Сарат. Учен. Арх. Ком. за 1906 г.

на Комиссію, что ей, какъ учрежденію никому и ни на что ненужному, мѣсто на кладбищѣ?

Между тѣмъ сама Комиссія не собиралась умирать такъ рано и не торопилась идти на кладбище, хотя и была уже въ агоніи. Она и въ агоніи продолжала изыскивать средства къ сохраненію своей жизнедѣятельности. Такъ, она ухватилась было за мысль устроить археологическую выставку изъ предметовъ своего музея, архива и библіотеки и прочитать лекцію. Для послѣдней предполагалось пригласить въ Саратовъ проф. Московскаго университета С. А. Котляревскаго, у котораго имѣлась обработанная и еще нигдѣ не напечатанная лекція подъ заглавіемъ „Законъ Хаммураби".

Мысль о такой лекціи впервые явилась у членовъ Комиссіи еще на общемъ собраніи 24 сентября 1905 года и затѣмъ много разъ обсуждалась на общихъ собраніяхъ въ 1906—7 г.; но, въ концѣ-концовъ, рѣшено было пока удержаться отъ чтенія лекцій и устройства археологической выставки, такъ какъ, по справкамъ, оказалось, что опыты въ этомъ отношеніи Архивныхъ Комиссій въ другихъ городахъ имѣли жалкіе результаты. Саратовъ, по многимъ даннымъ, не могъ представлять исключенія, въ чемъ Комиссія, годъ спустя, убѣдилась самымъ положительнымъ образомъ.

Но и оставаться при „копѣечномъ бюджетѣ" Комиссія тоже не хотѣла: кромѣ стремленія уплатить долги, чего отъ нея такъ настойчиво требовали, ей хотѣлось подѣлиться съ обществомъ и учрежденіями своими работами, которыхъ къ этому времени у нея накопилось не малое количество и которыя громко могли бы сказать всѣмъ и каждому, что она—учрежденіе нужное, прежде всего, мѣстному краю и что мѣсто ея—быть среди живого культурнаго общества, а не на кладбищѣ.

Но переходя отъ желанія къ дѣлу, Комиссія встрѣтила непреодолимое препятствіе къ осуществленію этого желанія въ денежныхъ средствахъ, добыть которыя рѣшено было на общемъ собраніи 14 ноября 1907 года при посредствѣ мѣстнаго губернатора гр. С. С. Татищева.

Къ нему, какъ непремѣнному попечителю Комиссіи, отправлена была 22 ноября, состоявшая изъ предсѣдателя Комиссіи В. П. Соколова, его товарища Л. В. Зайковскаго и дѣйствительнаго члена прот. І. П. Кречетовича, депутація, которая, выяснивъ гр. Татищеву безвыходное положеніе Комиссіи, просила его возбудить предъ Государственной Думой и П. А. Столыпинымъ ходатайство о правительственной субсидіи Комиссіи, безъ чего она существовать не можетъ. Гр. Татищевъ выслушалъ депутатовъ очень внимательно, принялъ отъ нихъ особую докладную записку и обѣщалъ помочь Комиссіи выйти изъ ея жалкаго положенія, обѣщалъ ей и обширное помѣщеніе Казенной Палаты, имѣвшее чрезъ полтора-два года освободиться съ переходомъ Палаты въ собственный домъ, уже начатый въ то время постройкой; относительно же средствъ на текущіе расходы обѣщалъ Комиссіи содѣйствіе со стороны своей супруги, въ видѣ устройства концерта или спектакля.

Благодаря ли содѣйствію гр. Татищева или благодаря воплю Комиссіи, или же благодаря тому и другому вмѣстѣ, но Губернская Земская Управа внесла въ свою смѣту на 1908 годъ 500 р. пособія Комиссіи. На это пособіе изданъ былъ въ этомъ же году XXIV выпускъ „Трудовъ“. На первой страницѣ выпуска напечатано было воззваніе къ мѣстному обществу и учрежденіямъ подъ заглавіемъ „Отъ Высочайше учрежденной Саратовской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.“ Въ воззваніи, между прочимъ, сказано слѣдующее: „Саратовская Ученая Архивная Комиссія является единственнымъ въ нашемъ краѣ учрежденіемъ, которому ввѣрены заботы по розысканію, охранѣ и описанію памятниковъ старины. За двадцать лѣтъ своего существованія Комиссія издала 23 выпуска своихъ „Трудовъ“, разобрала десятки тысячъ дѣлъ и документовъ, предназначенныхъ къ уничтоженію, организовала цѣнную библіотеку изъ 8000 томовъ и создала историко-археологическій музей, состоящій изъ 4280 предметовъ: остатковъ допотопныхъ животныхъ, окаменѣлостей, издѣлій каменнаго и

бронзоваго вѣка, татарской эпохи, времени заселенія края русскими колонистами".

„Въ 1904 году Комиссія открыла свой музей, по воскресеньямъ, для безплатнаго обозрѣнія публики, причемъ хранитель музея или дежурный членъ давалъ интересующимся необходимыя объясненія. Въ первое время число посѣтителей было не велико, человѣкъ 5—6 въ пріемный день, но уже въ слѣдующемъ году оно стало замѣтно возрастать и теперь достигло 80 человѣкъ въ день, преимущественно учащихся, для которыхъ музей служитъ полезнымъ пособіемъ при прохожденіи курса всеобщей и русской исторіи. По годамъ число посѣщеній музея выразилось въ слѣдующихъ цифрахъ: въ 1904 г. —262, въ 1905—595, 1906 —642, 1907 г.—828 и съ 1 янв. по 9 іюня 1908 г.—641. Музей, видимо, завоевываетъ симпатіи юношества, объясненія принимаютъ характеръ научныхъ бесѣдъ, многіе учащіеся приносятъ въ даръ (Комиссіи) старинныя вещи и монеты". „Поощренная достигнутымъ успѣхомъ, Комиссія не желала бы остановиться на полъ-пути; у нѣкоторыхъ ея членовъ зародилась мысль объ организаціи популярныхъ чтеній по исторіи Россіи и, въ частности, по исторіи Саратовскаго края. Къ глубокому сожалѣнію, дѣятельность Комиссіи наталкивается на непреодолимыя преграды". „Прежде всего, Комиссія не имѣетъ собственнаго помѣщенія. Она ютится чуть-ли не на чердакѣ, въ двухъ небольшихъ, плохо освѣщаемыхъ (днемъ) комнатахъ, надъ городской публичной библіотекой. Въ одной комнатѣ находится архивъ и библіотека, въ другой—музей. Въ музеѣ невообразимая тѣснота. За неимѣніемъ свободнаго мѣста, многіе предметы лежатъ на полу, на шкафахъ, подъ витринами, безъ всякой системы, вслѣдствіе чего теряютъ свое научное значеніе и недоступны для обозрѣнія. Музей можетъ вмѣстить не болѣе 10—12 человѣкъ; потому, когда бываетъ 80 посѣтителей въ день (съ 11 до 2 часовъ), публикѣ приходится ждать на лѣстницѣ, и многіе, не дождавшись очереди, уходятъ съ тѣмъ, чтобы болѣе не возвращаться. Члены Комиссіи, доб-

ровольцы труда, не имѣютъ возможности работать въ этомъ помѣщеніи по вечерамъ, а днемъ они заняты своими служебными обязанностями". „Затѣмъ, Комиссія не пользуется никакой субсидіей отъ правительства и не имѣетъ постояннаго бюджета. Средства ея слагаются изъ случайныхъ пособій отъ нѣкоторыхъ земствъ и городовъ и изъ трехъ-рублевыхъ сборовъ (взносовъ), которыми члены облагаютъ сами себя. Въ послѣдніе годы общественныя учрежденія совершенно перестали субсидировать Комиссію, вслѣдствіе чего на 1 января 1908 г. наличность ея средствъ равнялась 120 р. при долгѣ въ 360 руб".

„Если принять во вниманіе, что изданіе „Трудовъ„ стоитъ 400—500 р. въ годъ, что обширная переписка съ лицами и учрежденіями, веденіе книгъ, составленіе каталоговъ и описи требуютъ приглашенія платнаго письмоводителя, что научныя экскурсіи и раскопки немыслимы безъ денегъ, то окажется, что учрежденіе, у котораго нѣтъ средствъ, даже на марки и на уплату сторожамъ за мытье половъ, продолжать свое существованіе не можетъ".

„И вотъ передъ Комиссіей встаетъ роковой вопросъ: быть или не быть? Въ настоящемъ году Саратовское губернское земство ассигновало въ распоряженіе Комиссіи 500 р. Полагая, что безучастное отношеніе общества объясняется въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что Архивная Комиссія послѣдніе годы, по недостатку средствъ, не печатала своихъ „Трудовъ", вслѣдствіе чего со стороны могло казаться, что она ничего не дѣлала, а также, что преслѣдуемыя Комиссіей задачи мало извѣстны не только широкой публикѣ, но и мѣстной интеллигенціи, Архивная Комиссія рѣшила обратить пособіе Губернскаго земства полностью на изданіе настоящаго выпуска и, пользуясь этимъ, сказать совершенно откровенно, что дальнѣйшее ея существованіе будетъ зависѣть всецѣло отъ того, какъ къ ней отнесется общество".

„Если общество симпатизируетъ вышеупомянутымъ цѣлямъ Комиссіи, окажетъ ей матеріальную поддержку, Ко-

мьссія будетъ работать на пользу родного края съ удвоенной энергіей; въ противномъ случаѣ, ей не останется другого исхода, какъ закрыть музей и прекратить свою дѣятельность до болѣе благопріятнаго времени".

„Члены Саратовской Ученой Архивной Комиссіи двадцать лѣтъ работали молча и безкорыстно; теперь они считаютъ своимъ нравственнымъ долгомъ освѣдомить общество о дѣйствительномъ положеніи вещей и снять съ себя отвѣтственность за дальнѣйшую судьбу дорогого имъ учрежденія".

Послѣднія строки воззванія занимаютъ адреса предсѣдателя Комиссіи, его товарища и правителя дѣлъ на случай, еслибы кто-нибудь пожелалъ„ войти въ письменныя или личныя сношенія съ Комиссіей", другими словами, если-бы кто-нибудь пожелалъ сдѣлать Комиссіи пожертвованія.

Воззваніе это одновременно съ выходомъ изъ печати XXIV выпуска „Трудовъ" было напечатано отдѣльными оттисками въ количествѣ 5000 экземпляровъ и разослано разнымъ лицамъ и учрежденіямъ.

Воззваніе возымѣло свое дѣйствіе. Первымъ, кто на него откликнулся, былъ драматическій кружокъ любителей, игравшій преимущественно въ клубѣ велосипедистовъ, что помѣщался въ домѣ Каткова, противъ Маріинской женской гимназіи. Кружокъ выразилъ готовность дать въ пользу Комиссіи въ этомъ клубѣ или въ другомъ мѣстѣ спектакль на условіи—подѣлить валовой сборъ пополамъ. Со стороны Комиссіи требовалась только санкція на спектакль, но она не рѣшилась, по нѣкоторымъ соображеніямъ, на это, и спектакль не состоялся.

Затѣмъ, на воззваніе откликнулся губернаторъ гр. Татищевъ. 29 сентября 1908 года предсѣдатель Комиссіи В. П. Соколовъ лично вручилъ гр. Татищеву XXIV выпускъ „Трудовъ" и освѣдомился о судьбѣ ходатайства Комиссіи предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Столыпинымъ, на что получилъ отвѣтъ, что гр. Татищевъ, въ бытность свою передъ этимъ въ Петербургѣ, справлялся во всѣхъ высшихъ правительственныхъ уч-

режденіяхъ, нѣтъ ли у нихъ какихъ-либо свободныхъ суммъ, но ихъ не оказалось, и въ текущемъ году наша Комиссія никакого пособія отъ казны не получитъ, въ будущемъ же 1909 году назначеніе ей, какъ и другимъ Комиссіямъ, субсидіи будетъ зависѣть отъ Государственныхъ Думы и Совѣта, на заключеніе которыхъ уже внесенъ проектъ о преобразованіи Ученыхъ Архивныхъ Комиссій и о ежегодномъ пособіи имъ. При этомъ гр. Татищевъ обѣщалъ оказать нашей Комиссіи свое содѣйствіе предъ земствами и городами путемъ личныхъ переговоровъ съ общественными дѣятелями и вновь обѣщалъ отдать въ ея распоряженіе тогдашнее помѣщеніе Казенной Палаты—не позднѣе 1910 года.

Впечатлѣніе, произведенное на членовъ Комиссіи этимъ разсказомъ ихъ предсѣдателя, можно было сравнить развѣ только съ впечатлѣніемъ, какое испытываютъ истомленные жизнью бѣдняки, когда имъ неожиданно объявляютъ, что ихъ богатый родственникъ жертвуетъ имъ солидную сумму для безбѣднаго впредь существованія! Да иначе и быть не могло: вѣдь этотъ разсказъ предсѣдателя предвѣщалъ конецъ тому печальному положенію Комиссіи, которое она переживала столько лѣтъ! Шутка сказать: у нея скоро будетъ постоянное обширное помѣщеніе, будетъ постоянная правительственная субсидія, а земства и города впредь, по заступничеству губернатора, не будутъ относиться къ ней, какъ мачеха. Пусть эта радость была преждевременна, даже сильно преувеличена, но людямъ, пережившимъ, ради идеи, столько невзгодъ, отрадно было помечтать о пріятномъ будущемъ.

Въ этой мечтѣ Комиссію поддерживали земства и города, почти всѣ (за исключеніемъ Вольскаго земства) обѣщавшіе ей субсидіи отъ 15 до 100 р. на 1909 годъ, а также и нѣкоторыя частныя лица и болѣе состоятельные изъ членовъ Комиссіи, жертвовавшіе на ея нужды изъ своихъ сбереженій.

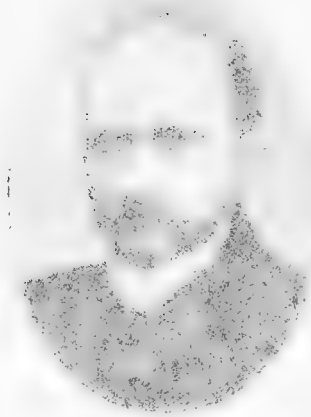
Изъ числа послѣднихъ наиболѣе существенную поддержку Комиссіи оказалъ почетный членъ-учредитель

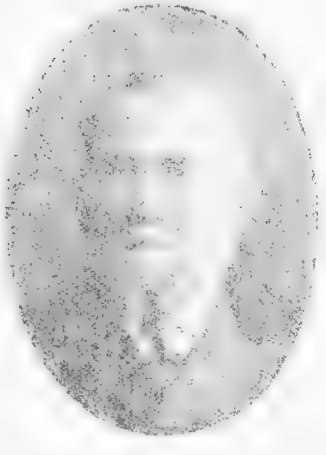
А. А. Тилло, въ короткое время пожертвовавшій нѣсколько сотъ рублей.

Совокупность пособій и пожертвованій поставила Комиссію въ положеніе „матеріальнаго довольства“, и она на общемъ собраніи своемъ 9 ноября 1908 года могла съ отраднымъ чувствомъ констатировать это въ лаконическомъ заявленіи: „средства у Комиссіи есть“. А именно: на 22 ноября ихъ было 1210 р. 74 к., а долговъ (двумъ типографіямъ—Миловидова и Ѳеокритова)—только 188 р.; такъ что, за уплатой ихъ и за покрытіемъ другихъ расходовъ, у Комиссіи имѣлся небольшой остатокъ (38 р.) на 1909 годъ. Въ общемъ, 1908 годъ, особенно его конецъ, надо признать однимъ изъ самыхъ благопріятныхъ годовъ и въ матеріальномъ отношеніи, и въ сочувствіи къ Комиссіи со стороны разныхъ лицъ и учрежденій, и по продуктивности дѣятельности Комиссіи.

Имѣя все это въ виду, предсѣдатель Комиссіи В. П. Соколовъ произнесъ на послѣднемъ въ этомъ году засѣданіи (12 декабря) слѣдующую рѣчь:

„Сегодня день рожденія нашей Комиссіи. Нынѣ въ два часа дня ей исполнилось 22 года отъ рожденія. 22 года—возрастъ далеко не старческій, но для нашей Комиссіи все же довольно почтенный, особенно—если вспомнить, что временами переживала Комиссія. Вамъ, господа, извѣстно, что послѣ нѣсколькихъ благополучныхъ годовъ существованія, когда годовой бюджетъ Комиссіи достигалъ двухъ и болѣе тысячъ рублей, а дѣятельность ея широко развернулась, наступили „черные“ дни и цѣлые годы, когда Комиссія, не имѣя и двухъ сотъ рублей въ годъ и странствуя съ мѣста на мѣсто при полномъ равнодушіи со стороны общества, буквально не имѣла, гдѣ главу свою преклонить. Дни и годы эти намъ особенно памятны... И что же? Погибла-ли Комиссія?- Нѣтъ. Въ то время какъ другія мѣстныя культурныя общества закрывались, по недостатку средствъ одно за другимъ, наша Комиссія, при одинаковыхъ съ ними матеріальныхъ условіяхъ, продолжала жить и дѣйствовать. Почему? Да, очевидно, потому, что въ составѣ ея чле-





...ный членъ и пред-
...ѣлатель
...ни Павловичъ
...ОЛОВЪ.

А. А. Тилло, въ короткое время [illegible] нѣсколько сотъ рублей.

Совокупность [illegible] и пожертвований поставила Комиссію въ положеніе „матеріальнаго [illegible]“, и она на общемъ собраніи членовъ 9 ноября [illegible] могла съ отраднымъ чувствомъ констатировать [illegible] лаконическомъ заявленіи: „средства у Комиссіи [illegible] именно: на 22 ноября ихъ было 1210 р. 74 к., [illegible] типографіямъ — Миловидова и Феокритова — [illegible] р.; такъ что, за уплатой ихъ и за покрытіемъ другихъ [illegible] ковъ, у Комиссіи имѣлся [illegible] годъ. Въ общемъ, 1906 [illegible] признать однимъ изъ самыхъ [illegible] и въ матеріальномъ отношеніи, и въ сочувствіи къ Комиссіи со стороны разныхъ лицъ и учрежденій, и по продуктивности дѣятельности Комиссіи.

Имѣя все это въ виду, предсѣдатель Комиссіи В. П. Соколовъ произнесъ на послѣднемъ въ этомъ году засѣданіи (12 декабря) слѣдующую рѣчь:

„Сегодня день рожденія нашей Комиссіи. Нынѣ въ два часа дня [illegible] исполнилось 22 года отъ рожденія. 22 года — возрастъ [illegible] не старческій, [illegible] мнить, что временемъ [illegible] Комиссія. Вамъ, господа, извѣстно, что [illegible] благополучныхъ годовъ существованія, [illegible] бюджетъ Комиссіи достигалъ двухъ и [illegible] тысячъ рублей, а дѣятельность [illegible] широко развернулась, наступили „черные“ дни и [illegible] годы, когда Комиссія, не имѣя и двухъ [illegible] странствуя съ мѣста на [illegible] стороны общества, [illegible] не имѣла, [illegible] намъ особенно [illegible]. Нигдѣ, [illegible] культурныя общества [illegible] одно за другимъ, [illegible] съ ними матеріальныхъ [illegible] жить и дѣйствовать. Почему? Да, [illegible] потому, что въ составѣ ея чле-

Предсѣдатель
Дмитрій Адамовичъ
графъ ОЛСУФЬЕВЪ.

Предсѣдатель
Николай Николаевичъ
ЛЬВОВЪ.

Почетный членъ и предсѣдатель
Левъ Львовичъ
князь ГОЛИЦЫНЪ.

Почетный членъ и предсѣдатель
Василій Павловичъ
СОКОЛОВЪ.

Основатель и предсѣдатель
Николай Николаевичъ
М И Н Х Ъ.

новъ и тогда, какъ и теперь, были идейные работники, при наличности которыхъ не могло и не можетъ погибнуть ни одно учрежденіе".

„Эти работники, переживая тяжелыя обстоятельства въ настоящемъ, надѣялись на лучшія условія въ будущемъ, надѣялись и продолжали работать. И дождались-таки возврата симпатій къ Комиссіи со стороны мѣстнаго общества въ лицѣ разныхъ учрежденій и отдѣльныхъ лицъ.

„Теперь объ этомъ можно говорить, какъ о фактѣ. Особенно утѣшительно констатировать фактъ симпатичнаго отношенія къ Комиссіи со стороны одного лица, которое присутствовало при самомъ открытіи ея, которое давало потомъ общее направленіе ея дѣятельности, которое и само любило эту ея дѣятельность и другихъ располагало къ тому же. Я говорю о нашемъ почетномъ членѣ—учредителѣ А. А. Тилло. Онъ реально выразилъ свое сочувствіе къ задачамъ и дѣятельности Комиссіи и впредь обѣщается поощрять реально же эту дѣятельность до того предѣла, когда она, наша Комиссія, не будетъ нуждаться ни въ средствахъ, ни въ помѣщеніи. Это съ одной стороны. А съ другой—у Комиссіи есть надежда, что и законодательныя учрежденія въ скоромъ времени придутъ къ ней на помощь".

„Уже въ виду одного этого намъ не слѣдуетъ предаваться пессимизму: пессимизмъ не къ лицу добровольцамъ труда. Напротивъ, такіе работники по самой идеѣ, по самой сути дѣла, должны быть оптимистами. Будемъ же вѣрить и надѣяться, что черные дни и годы для нашей Комиссіи не возвратятся, что лучшее будущее для Комиссіи впереди: тамъ ее ждетъ и матеріальная обезпеченность, и вполнѣ продуктивная дѣятельность, тамъ ея—„золотой вѣкъ". Ожиданіе этого вѣка пусть будетъ для всѣхъ насъ путеводною нитью въ нашей трудной работѣ. Jta fiat! Да здравствуетъ наша именинница!"

Этимъ мы заканчиваемъ свое повѣствованіе о скорбныхъ страницахъ въ жизни нашей Комиссіи: „черные дни"

дѣйствительно, болѣе не повторялись, отойдя въ концѣ 1908 года въ область „свѣжихъ преданій“. Но для полноты картины этихъ страницъ мы просимъ читателей припомнить раньше нами сказанное о злополучныхъ скитаніяхъ съ мѣста на мѣсто нашей Комиссіи и ея цѣннаго имущества—архива, библіотеки и музея. Мы увѣрены, что читатели, припомнивъ это, скажутъ вмѣстѣ съ нами словами знаменитаго поэта: „свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“...

XII

Научно—издательская дѣятельность Саратовской Комиссіи, какъ и всѣхъ остальныхъ Комиссій, всегда, т. е. всѣ 25 лѣтъ ея существованія, стояла въ тѣсной связи съ ея матеріальною обезпеченностью: были у нея средства, она развивала свою дѣятельность какъ научную, такъ и издательскую; не было средствъ, она „молчала“. Исключеніе изъ этого „правила“ представляетъ лишь одинъ первый годъ ея существованія (12 дек. 1886—1 янв. 1888 год.), когда у Комиссіи были средства, выражаясь словами составителя перваго отчета объ ея дѣятельности, „болѣе, чѣмъ удовлетворительны“, научно-издательская же дѣятельность ограничивалась печатаніемъ лишь семи протоколовъ въ видѣ тощихъ брошюръ, представлявшихъ собой общую схему-картину семи общихъ засѣданій Комиссіи. И только съ 4 протокола начинаютъ печататься самостоятельныя работы членовъ Комиссіи въ видѣ рефератовъ, докладовъ и „описаній“: „О значеніи названія „Саратовъ“—М. В. Готовицкаго; „Памятники старины въ Саратовскомъ краѣ“—Н. С. Соколова; „Описаніе дѣлъ Саратовскаго Историческаго архива“—его же; „Приговоры Аткарскаго купеческаго и мѣщанскаго общества съ 1811 до 1823 г.“—А. Н. Минха; „Списокъ матеріаловъ по археографіи Саратовскаго края“—И. Ф. Токмакова; „Описаніе дѣлъ архива Вольской городской Думы“—В. Г. Еланскаго; „Архивъ упраздненной Аткарской градской Думы съ 1782 по 1850 г.“—А. Н. Минха; „Къ вопросу о значеніи названія „Саратовъ“—М. А. Гамазова

и г. Баязитова; „Таблица документовъ... изъ Московскаго Архива мин. юстиціи“; „Первая попытка къ составленію описанія Саратовской губерніи“—Н. С. Соколова; „Древніе обитатели Саратовской губерніи“—Ѳ Ѳ. Чекалина.

Всѣ эти работы, конечно, были цѣнны для своего времени, когда Комиссія только успѣла „прикоснуться“ къ архивнымъ дѣламъ и извлечь изъ нихъ только то, что ей въ данный моментъ казалось интереснымъ и подходящимъ къ этому моменту. Но, судя уже по тому, что работы эти печатались въ видѣ „приложеній“ къ протоколамъ общихъ собраній Комиссіи, можно думать, что сама Комиссія придавала имъ второстепенное значеніе, что и понятно: Комиссіи надо было, прежде всего, выработать себѣ инструкцію и директивы, которые были ей на первыхъ порахъ такъ необходимы. Съ этой точки зрѣнія она, конечно, и смотрѣла на свою созидательную работу, всѣ же остальныя работы оцѣнивала лишь какъ придатокъ, какъ „роскошь“, которая отъ ея рукъ никогда не уйдетъ.

Съ внѣшней стороны протоколы были далеки отъ изящества: что ни протоколъ, то особый форматъ; обложка на нихъ была также разнаго цвѣта: блѣдно-розоваго, зеленаго, сѣраго, свѣтлаго, причемъ цвѣта были настолько неустойчивы, что теряли свой видъ, почти что не выходя изъ типографіи; счетъ страницъ (пагинація) протоколовъ и „приложеній“ былъ отдѣльный и обозначался то римскими, то арабскими цифрами (протоколы), а на „чистой“, оборотной, сторонѣ обложки печаталось то: „Печатано съ разрѣшенія Саратовскаго Губернатора“, или „и. д. Саратовскаго Губернатора“; то: „Печатано по постановленію Комиссіи“, а на одномъ (3) протоколѣ ничего не напечатано На самыхъ обложкахъ протоколовъ напечатано: „Подъ редакціей члена Комиссіи“, или просто: „Подъ редакціей правителя дѣлъ Н. С. Соколова“ (2-й протоколъ). Лицевая страница всѣхъ протоколовъ обведена незатѣйливой „рамкой“ съ изображеніемъ вверху, на серединѣ страницы, герба Саратовской губерніи

—три стерляди, расположенныя въ видѣ не то славянской буквы „ижицы“, не то—вазы.

Все это, повторяемъ, было далеко отъ изящества, на что уже въ концѣ перваго года своего существованія (7 дек. 1887 г.) Комиссія обратила вниманіе и постановила: „Съ начала будущаго 1888 года примѣнить такой порядокъ относительно улучшенія и упорядоченія внѣшняго вида изданій Комиссіи: печатать протоколы общихъ собраній Комиссіи въ одинаковомъ форматѣ, съ обложкой одного цвѣта на всѣхъ протоколахъ и съ годовой пагинаціей какъ самыхъ протоколовъ, такъ и приложеній къ нимъ“.

Постановленіе это было въ точности исполнено, причемъ книжки (5 выпусковъ), печатавшіяся въ 1888 г. „по постановленію Комиссіи, подъ редакціей члена Комиссіи Н. С. Соколова“, вложены въ обложку сѣраго, какъ болѣе устойчиваго, цвѣта, съ болѣе изящною рамкой, но безъ герба, и называются „Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссіи“. Названіе это болѣе, чѣмъ „протоколы“ съ „приложеніями“, соотвѣтствуетъ содержанію выпусковъ: съ начала 1888 года Комиссія издаетъ именно „Труды“, и имъ, а не протоколамъ, отдается предпочтеніе, хотя послѣдніе, въ силу обычая, еще продолжаютъ занимать первыя страницы выпусковъ.

Въ этихъ пяти выпускахъ помѣщены слѣдующія работы членовъ Комиссіи: Н. С. Соколова: „Отчетъ о дѣятельности Комиссіи“ за первый годъ ея существованія; „Каталогъ документовъ Комиссіи“; „Археологическая экскурсія“; „Списокъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Саратовскаго Губернскаго Правленія“; „Документы къ исторіи г. Петровска“; Краснодубровскаго: „Наши архивныя Комиссіи“; „Копія съ „Доношенія Саратовскаго духовнаго правленія епископу Меѳодію“ (о Пугачевѣ); А. Н. Минха: „Архивъ упраздненной Аткарской градской думы“ (продолженіе); его же: „Замедвѣдицкій край до р. Карамыша“; В. Г. Еланскаго и А. В. Смирнова: „Описаніе архива бывшаго Вольскаго духовнаго правленія“, С. А. Харизоменова: „Матеріалы по исторіи заселенія Саратовской губерніи“; И. А. Волкова: „Больше-Дмитріев-

скіе курганы"; Вас. П. Соколова: „Каталогъ документовъ Комиссіи"; Ѳ. Ѳ. Чекалина: „Какому изъ древнихъ народовъ принадлежитъ каменное городище на Волгѣ близъ посада Дубовки"; А. А. Голомбіевскаго: „Грамоты по Саратову, хранящіяся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи"; М. С. Кропотова: „Разныя замѣтки о старинахъ саратовскихъ".

Всѣ эти работы, занимающія 611 страницъ текста (протоколы умѣстились на XLI стр.), какъ можно судить по самымъ заглавіямъ ихъ, имѣютъ своимъ содержаніемъ прошлое мѣстнаго края, а цѣлью своею—ознакомить съ этимъ прошлымъ саратовцевъ и всѣхъ, интересующихся имъ и желающихъ знать „земли родной минувшую судьбу". Пусть это прошлое, эта „судьба" затронуты здѣсь не глубоко и не въ широкомъ масштабѣ, но важно уже то, что начало отечествовѣдѣнію положено и потому здѣсь ipsa voluntas est laudanda.

Съ иною мѣркой слѣдуетъ подходить къ „Трудамъ" Комиссіи за 1889 годъ.

Въ этомъ году вышли въ свѣтъ два выпуска, составившіе собой II томъ „Трудовъ". Въ выпускахъ, на 472 стр. кромѣ шести протоколовъ (23 янв., 21 февр. 1889 г., 8 марта, 2 мая, 24 авг. и 6 окт. 1889 г.), занявшихъ вмѣстѣ съ приложеніями къ нимъ LXXXVII страницъ и кромѣ алфавитнаго каталога книгъ Комиссіи, напечатаны слѣдующія работы:

а) въ первомъ выпускѣ: кн. Л. Л. Голицына и С. С. Краснодубровскаго: „Проектъ программы „Саратовскаго Историческаго Сборника"; Ѳ. Ѳ. Чекалина: „Саратовское Поволжье въ XIV вѣкѣ по картамъ того времени и археологическимъ даннымъ (съ двумя картами)"; А. Н. Минха: „Матеріалы для исторіи заселенія Саратовскаго уѣзда"; А. А. Голомбіевскаго: „Опись дѣлъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи"; его же: „Росписной списокъ г. Петровска 1751 г."; А. В. Смирнова: „Архивъ Вольскаго нижняго земскаго суда"; В. Г. Еланскаго: „Описаніе бумагъ, извлеченныхъ изъ архива Вольскаго нижняго земскаго суда

(1818—1842)"; В. И. Холмогорова: „Изъ документовъ архива Министерства Юстиціи"; С. А. Харизоменова:„ Матеріалы по исторіи заселенія Саратовской губерніи" (продолженіе); С. И. Кедрова: „Изъ собранія бумагъ С. А. Панчулидзева"; „Библіографическія справки по археологіи Саратовской губерніи"—NN; Н. Н. Неелова: „Свѣдѣнія о количествѣ поселившихся въ 1769 г. колонистахъ въ Саратовской губерніи"; К. Г. Рыбина: „Архивъ Саратовской духовной консисторіи"; Ѳ. Ѳ. Чекалина: „Дополненіе къ статьѣ „Саратовское Поволжье въ XIV в."

б) во второмъ выпускѣ: Ѳ. Ѳ. Чекалина: „Нижнее Поволжье по картѣ космографа XV вѣка Фра-Мауро (съ картою)"; А. А. Голомбіевскаго: „Петровскій уѣздъ по „Переписнымъ книгамъ" переписи 1723—5 гг. и генеральной ревизіи 1744—7 гг. (съ картою)"; его же: „Эпизодъ изъ прошлаго г. Саратова"; А. Н. Минха: „Историческій очеркъ начала заселенія Саратовскаго уѣзда"; его же: „Матеріалы для исторіи заселенія Саратовскаго края"; В. Г. Еланскаго: „Описаніе бумагъ, извлеченныхъ изъ Архива бывшаго Вольскаго нижнеземскаго суда"; В. П. Соколова: „Отзывъ о „Запискѣ" Якубовскаго"; С. И. Кедрова: „Изъ бумагъ С. А. Панчулидзева"; С. С. Краснодубровскаго: „Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта"; его-же: „Годъ основанія Саратова"; его-же: „На раскопкахъ „Кудеярова Обрыва"; С. А. Харизоменова: „Матеріалы по четвертному землевладѣнію Саратовской губерніи".

Выше мы сказали, что къ „Трудамъ" Комиссіи этого года надо подходить съ иною мѣркой. И правда: работы членовъ Комиссіи этого года и количественно и качественно значительно выше работъ предыдущаго года. Мы не беремъ на себя задачи рѣшить, какія изъ этихъ работъ болѣе и какія менѣе важны, потому что онѣ, строго говоря, не соизмѣримы: каждая изъ нихъ захватываетъ извѣстный предметъ и обслѣдываетъ его въ ширь и въ глубину, и въ общемъ получается такое впечатлѣніе, что въ работахъ Комиссіи за этотъ годъ про-

шлое нашей губерніи вырисовывается значительно яснѣе сравнительно съ предыдущимъ годомъ. Этому „вырисовыванью“ больше всего способствовали вполнѣ солидныя работы гг. Голомбіевскаго, Минха, Еланскаго, Краснодубровскаго, Холмогорова и Чекалина. Желающимъ ближе знать достоинство работъ этихъ авторовъ рекомендуемъ прочитать ихъ въ подлинникѣ и увѣрены, что сѣтованія на трату времени мы отъ нихъ не услышимъ

Въ 1890 году напечатаны Комиссіей тоже два выпуска III тома.

Въ первомъ выпускѣ напечатаны работы: кн. Л. Л Голицына: „Архивы и порядокъ ихъ разбора“; А. А. Голомбіевскаго: „Матеріалы для исторіи колонизаціи Саратовской губерніи“; его-же: „Нѣкоторыя свѣдѣнія о Саратовскихъ монастыряхъ“; Н. Ѳ. Хованскаго: „Сообщеніе о поступившихъ въ распоряженіе.... Комиссіи черновыхъ рукописяхъ и бумагахъ бывшаго Саратовскаго губернатора А. М. Фадѣева“; В. П. Соколова: „Описаніе архива Саратовской Троицкой церкви (Стараго собора); (П. Юматова): „Воспоминаніе ветерана 1813—14 гг.“; М. В. Готовицкаго: „Вопросъ объ Ученыхъ Архивныхъ Комиссіяхъ на VIII Археологическомъ Съѣздѣ“; его-же: „Задачи Археологіи въ Саратовскомъ краѣ по сообщеніямъ, сдѣланнымъ на VIII Археологическомъ Съѣздѣ“; С. А. Харизоменова: „Значеніе Архивныхъ Комиссій для русской исторической науки и для русскаго общества“.

Во второмъ выпускѣ напечатаны статьи: С. С. Краснодубровскаго: „Археологическая экскурсія на Саратовское городище и Укекъ“; кн. Л. Л. Голицына: „Одна изъ неотложныхъ задачъ Ученой Комиссіи“; его-же и С. С. Краснодубровскаго: „Укекъ“ и „Указатель къ Укеку именъ личныхъ и географическихъ“; А. А. Голомбіевскаго: „Матеріалы для исторіи колонизаціи Саратовской губерніи“ (продолженіе); В. Г. Еланскаго: „Описаніе бумагъ, извлеченныхъ изъ архива Вольской градской полиціи“; В. И. и Г. И. Холмогоровыхъ: „Матеріалы для исторіи колонизаціи Саратовскаго сѣверо-восточнаго края до второй по-

ловины XVIII вѣка"; А. В. Барышова: „Что я помню" (замѣтка старожила—въ отдѣлѣ „Смѣсь").

Всѣ эти статьи (обоихъ выпусковъ) занимаютъ 629 стр. Важное значеніе ихъ (статей) для исторіи мѣстнаго края неоспоримо: онѣ значительно подвинули впередъ дѣло изученія исторіи этого края, такъ какъ благодаря имъ приведена въ извѣстность почти вся литература о жизни нашихъ предшественниковъ, обитателей нашего края, и почти дословно напечатано весьма многое изъ того, что говорили объ этихъ обитателяхъ греческіе, римскіе и арабскіе писатели, начиная съ V вѣка до Р. Хр. и кончая XI вѣкомъ по Р. Хр. Какъ сводъ матеріаловъ историческихъ, эти работы не могутъ пройти безслѣдно для всѣхъ, кто занимается и будетъ заниматься исторіею Саратовскаго края, особенно исторіею XVIII вѣка, для которой богатый матеріалъ сконцентрированъ въ работѣ В. И. и Г. И. Холмогоровыхъ и А. А. Голомбіевскаго, гдѣ будущій историкъ найдетъ для себя важныя свѣдѣнія по исторіи колонизаціи почти всѣхъ уѣздовъ Саратовской губерніи, особенно же сѣверовосточной ея половины.

Кромѣ этихъ работъ, въ выпускахъ напечатаны (на 84 страницахъ) протоколы Комиссіи: 30 ноября и 12 декабря 1889 г., 15 февраля, 10 марта, 13 и 20 апрѣля, 10 сентября и 15 октября 1890 г. и три доклада члена Комиссіи В. П. Соколова, въ которыхъ авторъ даетъ отзывы а) о рукописи изъ архива кн. Куракина „ Описаніе соляного озера Ёлтона"; б) О старинномъ (начала XVIII в.) календарѣ и в) о „Выпискѣ изъ разныхъ источниковъ къ исторіи г. Саратова и саратовскихъ градскихъ церквей". Но протоколы и эти отзывы г. Соколова имѣютъ совсѣмъ другое назначеніе: они важны лишь въ отношеніи характеристики жизни и дѣятельности самой Комиссіи, а потому въ данное время не входятъ въ нашу задачу.

Въ 1891 году издательская дѣятельность Комиссіи выразилась въ напечатаніи I тома „Саратовскаго Исто-

рическаго Сборника“ въ память 300-лѣтія существованія г. Саратова. „Сборникъ“ изданъ подъ редакціей члена Комиссіи В. И. Соколова. Въ составъ „Сборника“ вошли: двѣ, составленныя редакторомъ, біографіи свящ. Г. А. и прот. Н. Г. Скопиныхъ; 2) „Дневникъ происшествій“ (1762—1796 г.) Г. А. Скопина; 3) „Дневная записка пѣшеходца, Саратовскаго церковника, изъ Саратова до Кіева по разнымъ городамъ и селамъ. Бытіе въ Кіевѣ и обратно до Саратова въ 1787 г.“, его-же; 4) „Записки дневныя о дѣлахъ и вещахъ достопамятныхъ“ (1794—1826 г.) Н. Г. Скопина; и 5) „Журналъ для записи дѣяній и иныхъ поступковъ, до духовнаго причта Саратовскаго касающихся“ (съ 10 февраля 1806 по 14-е ноября 1813 года), его же.

Устраняясь, какъ редакторъ этого „Сборника,“ отъ его оцѣнки, мы приводимъ отзывъ о немъ лица намъ посторонняго, нынѣ покойнаго, директора С.-Петербургскаго Археологическаго Института, извѣстнаго археолога и историка по призванію. А. Н. Труворова. Характеризуя „Сборникъ“, Труворовъ пишетъ въ своемъ отчетѣ о дѣятельности Ученыхъ Архивныхъ Комиссій за 1892—3 годъ: „Богатствомъ главнѣйше метереологическихъ записей отличаются оба дневника. Драгоцѣнны для исторіи мѣстнаго края записи о событіяхъ въ Саратовѣ и Астрахани“. Потомъ, повторивъ слова редактора „Сборника“, что мѣстный историкъ А. Ф. Леопольдовъ многое, по его собственному признанію, заимствовалъ изъ „Дневника дьячка Скопина“ для своихъ работъ, между прочимъ, по Пугачевскому бунту,—Труворовъ продолжаетъ: „Высокую занимательность представляетъ... „Дневникъ“ дьячка и въ бытовыхъ тогдашнихъ отношеніяхъ, о которыхъ не найдемъ свѣдѣній какъ по отдаленности во времени, такъ и по отсутствію въ литературныхъ источникахъ. Для доказательства въ этомъ, можно позаимствовать изъ „Дневника“ запись о въѣздѣ Императрицы Екатерины II въ Курскъ, куда Г. А. Скопинъ прибылъ по пути изъ Саратова въ Кіевъ 1 числа іюня 1787 года и остановился на двѣ недѣли, чтобъ видѣть этотъ въѣздъ“...

На это могутъ сказать, что эти свѣдѣнія не относятся къ Саратовскому краю. Да, не относятся; но они касаются событія, интереснаго для всей Россіи, и притомъ являются въ этомъ отношеніи единственнымъ источникомъ. Да и Комиссія наша должна работать главнымъ образомъ, но не исключительно для мѣстнаго края. На этой точкѣ зрѣнія стоялъ и самъ Труворовъ, которому „Сборникъ“ пришелся настолько по душѣ, что онъ выписалъ (за плату) 10 экз. „для раздачи лицамъ, интересующимся успѣхами Ученыхъ Архивныхъ Комиссій“ [35]).

Кромѣ „Сборника“, по порученію Комиссіи, составлены были и напечатаны ея членами: А. И. Шахматовымъ—„Историческіе очерки города Саратова“, вып. I. Н. Ф. Хованскимъ—„О прошломъ города Саратова“ и С. С. Краснодубровскимъ—„Разсказъ про старые годы Саратова“. Но такъ какъ эти работы не были изданіемъ Комиссіи[36]). то мы на нихъ не останавливаемся.

Въ теченіе 1892 года, за полнымъ отсутствіемъ матеріальныхъ средствъ Комиссія поставлена была въ полную невозможность приступить къ печатанію слѣдующаго очереднаго выпуска своихъ „Трудовъ“.

Въ 1893 году напечатаны Комиссіей два выпуска IV тома „Трудовъ“.

Въ первомъ выпускѣ напечатаны работы: А. А. Голомбіевскаго: „Вотчины Московскихъ монастырей въ Саратовскомъ краѣ по описямъ Коллегіи Экономіи 1763—1764 г.г.“; А. Н. Минха: „Къ исторіи переселенія малороссіянъ въ Саратовскій край“; З. Г. Еланскаго: „Краткая записка объ историческомъ происхожденіи Вольской военной школы“; А. А. Васильчикова: „Матеріалы къ исторіи Увека“; А. и З. Чеботаревыхъ: „Воспоминаніе объ исчезнувшемъ рыболовствѣ въ Волгѣ въ предѣлахъ Саратовской губерніи“; Е. А. Шахматовой: „Къ исторіи

[35]) См. Протоколъ экстрен. засѣд. Ком. 7 апрѣля 1893 г.

[36])„Историч. очерки города Саратова“ изданы были авторомъ на свои средства; брошюры же г. Хованскаго и г. Краснодубровскаго изданы Городскимъ Управленіемъ. См. выше.

Саратовскаго края изъ Донскихъ дѣлъ"; Л. В. Вейнберга: „Матеріалы по исторіи Саратовской и сосѣднихъ губерній за вторую половину XVIII в."; А. Ив. Соколова: „Списокъ съ отказныхъ книгъ 1697 года"; В. П. Соколова: „Описаніе архива Саратовской Троицкой церкви (Стараго Собора)"; А. О. Лебедева: „Указъ 1772 г. Саратовскому купцу Мѣщанинову объ устройствѣ канатной фабрики въ гор. Саратовѣ".

Въ отдѣлѣ Saratoviana (библіографія Саратовскаго края) напечатаны работы: К. Г. Рыбина: „Саратовскія Епархіальныя Вѣдомости" и Н. Ф. Хованскаго: „Саратовскія Губернскія Вѣдомости".

Во второмъ выпускѣ IV тома напечатаны работы: Н. Ф. Хованскаго: „Къ исторіи организаціи врачебнаго дѣла въ Саратовской губерніи"; А. Н. Минха: „Древній могильникъ Аткарскаго уѣзда. „(Съ чертежомъ)"; Ф. В. Духовникова: „Первыя страницы Саратовской мужской гимназіи"; его-же: „Рѣчь Н. Г. Скопина при открытіи гимназіи въ Саратовѣ"; его-же: „Къ исторіи пугачевскаго бунта (выписки изъ воспоминаній А. М. Ченыкаева)"; Е. А. Шахматовой: „Жалованная грамота царя Ивана IV Грознаго Ивану Тимашеву на землю въ Мещерахъ, 1572 года"; іеромонаха Арсенія: „Царская жалованная грамота Троицкому Сергіеву монастырю о безпошлинной рыбной ловлѣ на Волгѣ ниже Казани, Тетюшъ, Самары и Саратова, 1616 г. марта 4 дня"; А. О. Лебедева: „Царь Петръ Алексѣевичъ—генералъ-майору NN"; его-же: „4 грамоты, относящіяся къ роду дворянъ Шахматовыхъ"; С. Л. Никольскаго: „Опись дѣлъ Астраханской духовной консисторіи, касающихся исторіи г. Саратова и Саратовскихъ градскихъ церквей"; А. А. Голомбіевскаго: „Узинскій станъ Пензенскаго уѣзда"; его-же: „Завальный станъ Пензенскаго уѣзда".

Въ отдѣлѣ Saratoviana напечатаны работы: К. Г. Рыбина: „Саратовскія Епархіальныя Вѣдомости"; Н. Ф. Хованскаго: „Саратовскія Губернскія Вѣдомости"; Ф. В. Духовникова: „Указатель статей о губернаторѣ А. Д. Панчулидзевѣ"; его-же: „Указатель по біографіи Н. Г. Скопина";

Кромѣ статей, напечатаны протоколы Общихъ собраній Комиссіи—въ первомъ выпускѣ: 7 и 11 декабря 1890 года, 12 апрѣля, 12 ноября 1 и 20 декабря 1891 года: во второмъ выпускѣ: 26 и 31 марта, 10 мая, 3 іюня, 15 и 22 сентября, 7 и 21 ноября 1892 года. Въ этомъ же выпускѣ напечатанъ отчетъ о дѣятельности Комиссіи за 1891—2 г.

Въ общемъ, по достоинству своему, эти два выпуска ниже выпусковъ 1890 года, въ частности же и въ нихъ есть работы, которыя будущіе исторіографы найдутъ заслуживающими вниманія. Къ таковымъ надо отнести работы Голомбіевскаго, Минха, Вейнберга, Лебедева, Хованскаго, Духовникова, іером. Арсенія, бр. Чеботаревыхъ. Въ нихъ, этихъ работахъ, авторы даютъ свѣдѣнія по исторіи колонизаціи Саратовскаго края и организаціи школьнаго и медицинскаго дѣла (Духовниковъ и Хованскій) и зачатковъ фабричнаго производства въ г. Саратовѣ, и рыболовства въ его окрестностяхъ по теченію Волги. Свѣдѣнія о построеніи церквей въ Саратовской губерніи, о первыхъ архіереяхъ, духовенствѣ, его бытѣ и т. п, будущіе исторіографы найдутъ въ работахъ гг. Никольскаго, Рыбина и Соколова.

Въ 1894 году Комиссія напечатала одинъ выпускъ—III тома IV.

Въ этомъ выпускѣ напечатаны работы: Н. Ф. Хованскаго: „Аскалонъ Николаевичъ Труворовъ“; Ф. В. Духовникова: „Губернаторъ П. У. Бѣляковъ (1802—1807 г.)“; его-же: „Библіографическія указанія о П. У. Бѣляковѣ“; Н. Ф. Хованскаго: „Обзоръ дѣлъ, доставленныхъ въ Саратовскую Ученую Архивную Комиссію сенаторомъ Рѣпинскимъ, изъ судебно-межевого департамента Правит. Сената“; А. О. Лебедева: „Жалованная грамота г. Саратову 1701 г.“; его-же: „Вѣдомость состоящимъ по Саратовской губерніи казеннымъ и владѣльческимъ землямъ, обмежеваннымъ въ бывшее опекунское межеваніе. Саратовскій уѣздъ“; В. П. Юрьева: „Матеріалы къ исторіи городского землевладѣнія. Дѣло о размежеваніи Саратов-

скихъ городскихъ земель“ и пр. „Съ приложеніемъ Вѣдомостей отъ 1800 г. о числѣ крестьянъ, жившихъ въ Саратовѣ и его округѣ, и грамотъ отъ 1693 и 1702 г.г.“.

Важное значеніе по исторіи землевладѣнія имѣютъ только „Обзоръ дѣлъ“ г. Хованскаго и свѣдѣнія, собранныя г.г. Лебедевымъ и Юрьевымъ, остальныя же статьи имѣютъ чисто біографическій интересъ.

Кромѣ перечисленныхъ статей, въ этомъ выпускѣ напечатаны: отчетъ о дѣятельности Комиссіи за 1892—3 годъ, протоколы собраній Комиссіи 22 января, 9 и 14 февраля, 7 апрѣля и 18 ноября 1893 года, и доклады библіотекаря и хранителя историческаго архива.

Въ выпускѣ 303+46 страницъ. Печатанъ въ типографіи Губернскаго Правленія „по опредѣленію Саратовской Ученой Архивной Комиссіи и подъ наблюденіемъ ея редакціоннаго отдѣла“.

Въ 1895 году напечатанъ одинъ выпускъ, который по счету названъ „20-мъ“, причемъ въ сноскѣ къ этой цифрѣ сказано слѣдующее: „Первые 7 выпусковъ напечатаны подъ названіемъ „Протоколовъ“; затѣмъ въ I т. „Трудовъ“ вошло 5 вып.; во II. т.—2 вып.; въ III т.—2 вып.; въ IV т.—3 вып. Годовые отчеты, изданные отдѣльными брошюрами, каталогъ музея и „Саратовскій Историческій Сборникъ“ т. I—въ этотъ счетъ не входятъ“.

Сносокъ необходимъ, иначе было-бы непонятно, откуда появился выпускъ 20-й, когда ни 10, ни 15, ни 19 выпуска не было. Самое дѣленіе книжекъ „Трудовъ“ на выпуски, безъ упоминанія томовъ, сдѣлано Комиссіей для удобства тѣхъ, кто сталъ бы пользоваться и цитировать статьи „Трудовъ“.

Итакъ, въ 1895 году Комиссія выпустила въ свѣтъ 20-й выпускъ, въ которомъ напечатаны работы: А. И. Шахматова: „Выписка изъ дѣла о рыбныхъ на рѣкѣ Волгѣ ловляхъ, пожалованныхъ въ 1658 году царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ жителямъ г. Саратова, „чѣмъ имъ сытымъ быть“; Н. Ѳ. Иванова: „Опись дѣлъ, принадлежащихъ архиву уѣзднаго казначейства въ г. Пет-

ровскѣ"; его-же: „Выписки изъ указовъ Саратовской Казенной Палаты Петровскому уѣздному казначейству 1787—1790 г.г."; его-же: „Указы Саратовской Казенной Палаты 1783—1800 г.г."; С. И. Кедрова: „Наказъ воеводѣ Ильѣ Яковлевичу Дмитріеву, посланному на Государеву службу на Черный Яръ, на мѣсто воеводы Саввы Мустафина, 1683 г."; А. О. Лебедева: „Челобитныя жильца Гришки Рѣзанова по иску къ мурзѣ Алмокаеву о бѣжавшихъ крестьянахъ 1665 г.... и объ отводѣ земли въ Пензенскомъ уѣздѣ 1701 г."; его-же:„ Вѣдомость состоящимъ по Саратовской губерніи казеннымъ и владѣльческимъ землямъ, обмежеваннымъ въ бывшее опекунское межеваніе. Аткарскій уѣздъ"; В. Н. Смольянинова: „Нападеніе шайки разбойниковъ на село Борисоглѣбское.... въ 1776 г."; Н. Ф. Хованскаго: „Къ библіографіи Саратовскаго края"; К. Трофимова: „Указъ Дмитріевской гражданской канцеляріи казаку Маслову на построеніе дома въ гор. Дмитріевскѣ (Камышинѣ)"; Е. А. Шахматовой: „Выписка изъ писцовыхъ мурзинскихъ книгъ 1617 г."; А. А. Голомбіевскаго: „Объ археологической находкѣ въ Сердобскомъ уѣздѣ"; В. П. Юрьева: „Жалованныя грамоты на рыбныя ловли и другія угодія межъ Самары и Саратова, данныя Чудову монастырю съ братіею въ 1673, 1699 и 1700 г.г.".

Въ отдѣлѣ Saratoviana напечатана работа К. Г. Рыбина: „Саратовскія Епархіальныя Вѣдомости".

Въ выпускѣ 277 страницъ; печатанъ въ типографіи Губернскаго земства „по опредѣленію Саратовской Ученой Арх. Комиссіи и подъ наблюденіемъ члена Редакціоннаго отдѣла И. Я. Славина" Статьи, помѣщенныя въ этомъ выпускѣ, въ общемъ, мелкія, но это не мѣшаетъ имъ быть важными въ разныхъ отношеніяхъ. Такъ, „Выписка изъ дѣла о рыбныхъ на рѣкѣ Волгѣ ловляхъ" сообщаетъ намъ свѣдѣнія о томъ, какъ въ старину попирались права „мірскихъ людей", жившихъ въ Саратовѣ и владѣвшихъ „по указамъ", рыбными ловлями—„чѣмъ имъ сытымъ быть", и какъ эти, права возстанавливались „по указу Великихъ Государей", а захватчикамъ „по прежъ-

нему въ тѣ ихъ мірскія градскія жалованныя воды насильствомъ въѣзжать и рыбу ловить, и становъ ставить не велѣно.“ „Выписки изъ указовъ Сарат. Казенной Палаты“ и „Опись дѣлъ“ архива казначейства г. Петровска знакомятъ насъ, между прочимъ, съ учрежденіемъ, по Высочайшему указу отъ 7 ноября 1780 г.; въ началѣ будущаго (1781) года“ въ Саратовѣ намѣстничества, которое повелѣно составить „изъ девяти уѣздовъ“... Вслѣдствіе чего, дворцовыя села: Сосновый Островъ, Малыково, Нарышкино и Балашово; пахотныхъ солдатъ селенія: Еткару и Большую Сердобу повелѣно „устроить городами“ подъ названіемъ: Хвалынскъ, Вольскъ, Кузнецкъ, Балашовъ, Аткарскъ и Сердобскъ; а городъ Дмитріевскъ „переименовать Камышиномъ“. „А впрочемъ назначеніи границъ сей губерніи съ прикосновенными, говорится далѣе въ указѣ,—препоручаемъ на соглашеніе нашихъ генералъ-губернаторовъ и правящихъ ту должность, о которыхъ такъ какъ и ежели еще для удобнѣйшаго округленія сего намѣстничества нужно будетъ присоединить къ нему отъ ближнихъ губерній какія-либо селенія, имѣютъ они по исполненіи подать вѣдомости въ Нашъ Сенатъ“. Не характеризуя остальныхъ работъ, отсылаемъ читателей къ самому выпуску: польза отъ чтенія его для нихъ будетъ несомнѣнна.

Въ теченіе 1896 и 1897 годовъ Комиссія не напечатала ни одного выпуска „Трудовъ“, такъ какъ всѣ ея средства въ это время были „поглощены“ печатаніемъ „Историко-Географическаго Словаря Саратовской губерніи“. Но объ этомъ будетъ сказано ниже.

Въ 1898 году вышелъ въ свѣтъ 21 выпускъ. Въ немъ напечатаны слѣдующія работы: А. Н. Минхъ: „Курганы Тюринской балки Царицынскаго уѣзда“; его же: „Ключевская каменная баба Аткарскаго уѣзда“; Ф. В. Духовникова: „Перечень пещеръ Саратовской губерніи“; N: „Историческіе матеріалы по топографіи г. Саратова и его окрестностей—Изъ фамильнаго архива Шахматовыхъ“;

Н. А. Соловьева: „Изъ дѣлъ архива Царицынской городской Думы“; А. Т. Тянкова: „По поводу неправильнаго опредѣленія барономъ Тизенгаузеномъ трехъ рѣдкихъ восточныхъ монетъ“; Н. А. Бундаса: „Изъ дѣлъ Саратовскаго Окружнаго Суда“; С. В. Дегенъ: „Библіографическій указатель трудовъ Леопольдова“; N: „Изъ фамильнаго архива гр. А. Д. Несельроде“.

Въ концѣ выпуска помѣщены, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ, протоколы собраній Комиссіи: 23 апрѣля и 1 ноября 1894 года; 14 марта, 3 мая и 28 ноября 1895 г.; 19 декабря 1896 г.; 29 ноября 1897 года. Въ выпускѣ 137+56 страницъ; печатанъ въ типографіи Губернскаго Земства „на основаніи постановленій Общихъ Собраній гг. членовъ Саратовской Уч. Арх. Комиссіи 14 марта, 3 мая и 28 ноября 1895 года“.

Важное значеніе для археологіи вообще, а не мѣстной только, имѣетъ статья г. Минха о курганахъ Тюринской балки: при раскопкѣ одного изъ кургановъ найдены горшки грубой работы, съ грубо нацарапанными и вдавленными узорами; около другого кургана найдены цѣлыхъ семъ горшковъ и большой человѣческій черепъ и кости рукъ, ногъ и остального костяка, очень толстыя. Что касается горшковъ, то они являются представителями глубокой древности—палеолитическаго періода. Выходитъ, что Царицынскій уѣздъ былъ заселенъ уже въ очень отдаленное отъ насъ время. Далѣе, курганы Тюриной балки находятся около деревни Оленьи (Олени, Дьоринка—тожъ), которая получила свое названіе отъ находимыхъ здѣсь въ большомъ количествѣ череповъ и костей оленей. А это какъ будто указываетъ на то, что когда-то здѣсь водились олени...

Въ историко-бытовомъ отношеніи имѣютъ важное значеніе „Историческіе матеріалы“ изъ архива Шахматовыхъ: здѣсь мы находимъ указъ Саратовской Воеводской Канцеляріи 1757 года, выданный Саратовской Троицкой соборной церкви (старому собору) на право владѣнія землей и уметомъ (постоялымъ дворомъ), находившимися при рѣчкѣ Курдюмѣ „по Московской большой доро-

гѣ“ и пожертвованными „въ давнихъ годѣхъ“ этой церкви однимъ изъ дворянъ Шахматовыхъ „на церковные потребности ради наилутчего соборной церкве украшенія“. Изъ другого указа мы узнаемъ, какія въ старину существовали цѣны на землю, пожни и сѣнокосы вблизи Саратова: за три рубля можно было купить большую полосу сѣнокоса, а землю въ количествѣ 2700 кв. саж. арендовать „погодно по 25 коп.“ И земля эта находилась не гдѣ-нибудь въ отдаленности, а почти въ самомъ Саратовѣ, „за Московскими вороты, противъ часовни (нынѣ церковь киновійская) четырехсвятскаго монастыря, чрезъ большую Московскую дорогу въ пятнадцати саженяхъ идучи въ поле изъ Московскихъ воротъ“ и въ 25 саженяхъ отъ „городового земляного валу“. Изъ третьяго указа узнаемъ, какъ въ старину жили въ Саратовѣ разночинцы средняго достатка, зажиточные служилые и „отставные“ дворяне: „хоромное строеніе“ разночинцевъ составляли: „изба бревенная сосновая съ чуланомъ; въ немъ поставъ новый (или старый) липовый (или изъ иного дерева); передняя клѣть съ чуланомъ же, сѣни съ подволокою, баня брусяная съ печкой... Протчей пажити: столъ дубовый, сундукъ дубовый... кафтанъ синій, штаны суконные немѣцкіе“ и пр. „Хоромное строеніе“ дворянъ было много лучше: „ворота створныя, сосновыя, фигурныя, столбы дубовые съ калиткою, по обѣ стороны заборы сосновые, крашеные краскою; четыре горницы жилыя, бревенныя, пятая кладовая; въ передней горницѣ., также и въ спальной—печи муравленыя; въ сѣняхъ одинъ чуланъ съ нужникомъ; чрезъ сѣни въ горницу—печь муравленая, въ задней горницѣ—печь кирпичная; въ заднихъ сѣняхъ съ чуланомъ нужникъ же; на нихъ чердаки двойные, крыты лубьями и тесомъ кругомъ, ихъ балясы крашеные и притомъ на верху нужникъ. И крашены оные хоромы краскою... которыя мѣрою 11 саж., поперекъ 5 саж.; $2^1/_2$ ар.; при воротнѣ три избы, сосновыя бревенныя съ сѣньми, крыты лубьями и драньемъ; въ нихъ три печи кирпичныя; баня съ передбанникомъ бревенная, мѣрою длины 3 саж.; поперекъ

2 саж.; покрыта лубьями и драньемъ; въ ней печь кирпичная". Дальше описываются: кухня, амбары, погреба, кладовыя, конюшня съ сѣнницей, сараи и пр. Конечно, не всѣ разночинцы и дворяне имѣли *такія* „хоромныя" и пр. строенія—могли имѣть ихъ и больше и меньше, но *типъ* построекъ всегда былъ одинаковъ. Изъ этого же (3) указа узнаемъ, что въ дѣлахъ земельныхъ, усадебныхъ и др. Саратовская воеводская канцелярія въ половинѣ 18 вѣка все еще руководствовалась „Соборнымъ Уложеніемъ" Алексѣя Михаиловича, въ одномъ изъ пунктовъ 10 главы котораго изложено: „а будетъ кто у кого насильствомъ отниметъ землю. или межи или грани передѣлаетъ, а сыщется про то допряма у того, кто такъ учинитъ, та чужая земля взявъ отдати тому, у кого отнялъ, да на немъ же доправить владѣнье по Государеву указу, а за насильство учинити наказаніе, что Государь укажетъ".

Дѣла архива Царицынской городской Думы и Управы начала XIX стол. также даютъ намъ много важныхъ топографическихъ и др. свѣдѣній, которыя только отсюда можно почерпнуть.

Въ этомъ же выпускѣ напечатана часть архива гр. Нессельроде, которому, конечно, болѣе умѣстно было бы появиться въ общемъ историческомъ журналѣ. Объясненіе этому одно: гр. Нессельроде имѣлъ въ Саратовской губ. помѣстье и здѣсь же проживалъ его потомокъ.

Въ 1899, 1900, 1901 годахъ не было напечатано ни одного выпуска, по недостатку у Комиссіи средствъ.

Въ 1902 году напечатанъ одинъ 22-й выпускъ. Въ немъ помѣщены статьи: В. М. Покровскаго: „Матеріалы для исторіи Саратовской Духовной Семинаріи"; А. Н. Минха: „Бронзовая древняя стрѣла, найденная на пашнѣ Сердобскаго уѣзда, близъ сельца Уваровки"; В. И. Холмогорова: „Матеріалы для исторіи Саратовскаго края, собранные изъ документовъ Московскаго Архива министерства Юстиціи"; С. А. Щеглова: „Выкопировки древнихъ столбцовъ, хранящихся въ Архивной Комиссіи";

его же: „Сообщеніе“ о монетахъ пр.; „Изъ фамильнаго архива гр. А. Д. Нессельроде“ (съ особымъ счетомъ страницъ 1—47).

Здѣсь же напечатаны: а) протоколы засѣданій Комиссіи: 12 декабря 1898 г., 23 января и 13 февраля 1899 г., 29 февраля 1900 г., 27 апрѣля, 24 октября и 27 ноября 1901 года; б) Отчетъ о дѣятельности Комиссіи за 1898—1901 годы.

Въ выпускѣ 190+47 страницъ; печатанъ съ 1 по 62 страницу въ типографіи Саратовскаго Губернскаго Земства, съ 63 по 190 стр.—въ „Аткарской Типографіи,“ т. е. въ г. Аткарскѣ, въ типографіи В. И. Миловидова, а „архивъ“ Нессельроде—въ типо-лит. Киммель, „на основаніи постановленій Общихъ Собраній г.г. Членовъ Саратовской Уч. Арх. Комиссіи 14 марта, 3 мая и 28 ноября 1895 г.“

Лучшія статьи въ выпускѣ—„Матеріалы“ г.г. Покровскаго и Холмогорова. „Матеріалы“ перваго, въ виду ихъ хорошей обработки, было бы вѣрнѣе назвать „очеркомъ“, тѣмъ болѣе, что „Матеріалы“ обнимаютъ собой 10—лѣтній періодъ существованія семинаріи (1830—1840 г.) и являются пока единственнымъ источникомъ, изъ котораго мы узнаемъ какъ исторію вопроса объ открытіи семинаріи, такъ и первые шаги ея жизни и дѣятельности.— „Матеріалы“ Холмогорова очень цѣнны въ отношеніи построенія по селамъ Саратовской губерніи церквей и способовъ содержанія причтовъ церковныхъ. „Матеріалы“ обнимаютъ собой періодъ времени съ 1713 по 1749 годъ.

Въ 1903 году вышелъ въ свѣтъ 23-й выпускъ.

Въ немъ напечатаны статьи: М. А. Лакомте: „Воспоминанія о Саратовской гимназіи“; А. Н. Минха: „Снохачество и снохачи“; его же: „Наша статистика (изъ недавняго прошлаго)“; „Два выкопированныхъ раскольничьихъ стиха, присланные Хвалынскимъ исправникомъ г. Тифловымъ„; „О расколѣ въ Саратовской епархіи, по рукописи А. Ф. Леопольдова;“ „Вѣдомость качествамъ и количеству земли Саратовской губерніи въ 1840 году,

сообщенная Я. П. Мошинскимъ". Здѣсь же помѣщены: отчетъ о дѣятельности Комиссіи за 1902 годъ съ приложеніями: списка личнаго состава Комиссіи, музейныхъ вещей и книгъ, поступившихъ въ Комиссію; затѣмъ доклады С. А. Щеглова объ археологическихъ экскурсіяхъ и протоколы засѣданій Комиссіи 16 ноября и 16 декабря 1902 года; а въ приложеніи помѣщено „Оглавленіе всѣхъ 23 выпусковъ „Трудовъ" Комиссіи (1886—1902 г.)".

Въ выпускѣ 331+X страницъ; печатанъ въ типографіи Губернскаго Земства, „по постановленію Саратовской Ученой Архивной Комиссіи".

Здѣсь, при чтеніи этого выпуска, вниманіе наше должно остановиться на „Вѣдомости" о земляхъ въ Саратовской губерніи въ 1840 году, составленной землемѣромъ М. Патрикѣевымъ. Вѣдомость—очень коротенькая: въ ней всего 4 странички, но къ ней вполнѣ приложимо изреченіе non multum, sed multa. Она говоритъ намъ слѣдующее: пространство всей Саратовской губерніи въ 1840 году занимало площадь въ 3480 географическихъ квадратныхъ миль, или 170,520 кв. верстъ, на которыхъ умѣщалось 17,763,370 дес. земли; въ томъ числѣ: подъ усадьбами и выгонами было 69161 дес.,[37]) пашенной земли—2,666845 дес.; сѣнокосовъ и степей—5,884755 дес.; подъ садами—1546 дес.; солонца—2,094480 дес.; неудобной—5,800348 дес.; подъ лѣсами: казенныхъ земель—33,405 дес.; казенныхъ крестьянъ—491,880 дес.; владѣльческихъ—544,370 дес.; общаго владѣнія—176,575 дес.; а всего (считая и сажени) подъ лѣсомъ—1,246,232 десятины. Народонаселенія было 1539090 чел; въ томъ числѣ—764178 мужскаго пола и 774912 женскаго; купцовъ всѣхъ гильдій было 6229 муж. пола и 5742 жен.; мѣщанъ и цеховыхъ 33859+32232; мурзъ, татаръ, чувашъ—26706+27209; ясашныхъ крестьянъ—63107+63105; государственныхъ крестьянъ—86698+99025; экономическихъ крестьянъ—69020+70005; свободныхъ хлѣбопашцевъ—4923+4977; однодворцевъ—56328+54011; колонистовъ—55508+55760; удѣльныхъ кресть-

[37]) Для круглаго счета, сажени вездѣ отбрасываемъ.

янъ—33972+38543; помѣщичьихъ—327112+322581; Маріинскихъ питомцевъ—816+722.

Въ „Вѣдомости“ количество земли, лѣса и пр. показано по уѣздамъ; желающіе знать такія частности пусть обратятся къ самой „Вѣдомости“.

Интересующіеся расколомъ и сектантами (хлыстами скопцами и молоканами) въ 1830-хъ годахъ, удовлетворятъ свое знаніе или любопытство, прочитавъ работу Леопольдова „Расколъ въ Саратовской епархіи“. Здѣсь они найдутъ свѣдѣнія о старообрядческихъ часовняхъ, попечителяхъ, наставникахъ и уставщикахъ, о мѣрахъ противъ раскола и пр.

Въ теченіе 1904, 1905, 1906 и 1907 годовъ Комиссія, за полнымъ отсутствіемъ средствъ, не сдѣлала ни одного выпуска „Трудовъ“.

Въ 1908 году напечатанъ XXIV выпускъ „Трудовъ“,

Въ немъ помѣщены (въ отдѣлѣ первомъ): „Воззваніе“ Комиссіи къ учрежденіямъ и лицамъ, сочувствующимъ ея задачамъ, о поддержаніи ея матеріальными средствами; а послѣ „Воззванія“—статьи: Д. Л. Мордовцева: „Люди, ихъ слова и дѣла“; М. Е. Соколова: „О дулѣбахъ“; И. П. Горизонтова: „Раскопка кургана близъ гор. Саратова“; Ф. Чернова: „Раскопка кургана въ гор. Царицынѣ“; Б. Зайковскаго: „Къ докладамъ И. П. Горизонтова и Ф. И. Чернова“; его же: „Каменныя бабы въ Саратовскомъ Поволжьи“; его же: „Городище Бельджаменъ“; его же: „Бугоръ Стеньки Разина“; А. Н. Минха: „Бытъ духовенства Саратовскаго края въ XVIII и началѣ XIX столѣтій“; его же: „Дѣло мордвы селеній Захаркина и Славкина, Петровскаго уѣзда, о землѣ, 1703—1798 г.;“ М. А. Соколова: „Объ участіи духовенства въ Пугачевскомъ возстаніи въ предѣлахъ Астраханской епархіи“; „Проектъ учрежденія Саратовскаго учебнаго округа въ 1862 г. (изъ бумагъ А. И. Шахматова)“; М. Е. Соколова: „Фонетическая запись сказки объ Ильѣ Муромцѣ;“ его-же: „О языкѣ сказокъ, пѣсенъ и областныхъ словаряхъ;“ егоже: „Великорусскія пѣсни, записанныя фонетически;“

его-же: „Историческія пѣсни Саратовской губерніи“; Б. Зайковскаго: „Новый варіантъ Царицынской легенды“.

Въ „Смѣси“ помѣщены мелкія статьи: „Преданія о Стенькѣ Разинѣ и Емелькѣ Пугачевѣ“.—„Казнь Березина“.—„Мѣры противъ холеры“.—„Почему хохловъ дразнятъ: „наставная башка“.—„Изобрѣтеніе счетовъ“.

Во второмъ отдѣлѣ помѣщены:„Высочайше утвержденное Положеніе объ учрежденіи ученыхъ архивныхъ Комиссій и губернскихъ историческихъ архивовъ“; „Узаконенія, циркуляры, инструкціи и разъясненія“; „Проектъ новаго Положенія о губернскихъ ученыхъ архивно-археологическихъ Комиссіяхъ“; „Губернскія ученыя архивныя Комиссіи; ихъ матеріальное положеніе и внутренній распорядокъ дѣятельности“—ст. В. П. Соколова; „Сборникъ постановленій Саратовской Ученой Архивной Комиссіи“—ст. А. Кроткова; „Алфавитный указатель статей и авторовъ, помѣщавшихъ свои статьи и замѣтки въ „Трудахъ“ Сарат. Арх. Комиссіи за 1887—1903 г.г.“—его-же.

Въ концѣ этого отдѣла напечатаны: протоколы засѣданій Комиссіи въ 1903—7 годахъ; отчеты о дѣятельности Комиссіи за тѣ же годы, списокъ членовъ Комиссіи на 1-е іюля 1908 г. и объявленія отъ Нижегородской Комиссіи и Академіи Наукъ.

Въ выпускѣ 303 страницы; печатанъ въ типо-литографіи П. С. Феокритова, „по постановленію общаго собранія Саратовской Ученой Архивной Комиссіи“.

Выпускъ, какъ видно изъ самаго оглавленія помѣщенныхъ въ немъ статей и замѣтокъ, очень содержателенъ и разнообразенъ, что въ свое время и было отмѣчено въ прессѣ какъ мѣстной, такъ и столичной; но чтобы получилось полное и соотвѣтствующее дѣйствительности впечатлѣніе, для этого надо чнтать самый выпускъ. Вотъ почему мы и воздерживаемся отъ характеристики какой либо отдѣльной статьи или замѣтки, помѣщенныхъ въ этомъ выпускѣ.

Въ 1909 году Комиссія издала 25-й выпускъ, въ которомъ, въ отдѣлѣ первомъ, напечатаны работы: А. Ге-

раклитова: „Столбцы изъ историческаго архива Саратовской Ученой Архивной Комиссіи“; П. Черняева: „Матеріалы для исторіи Саратовской I гимназіи. Біографическіе очерки директоровъ. 1820—1851 г.“; В. Серебрякова: „Выдержки изъ дневника г.г. Вакуровыхъ“; А. Минха: „Археологическія находки и раскопки въ Аткарскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи“; Ф. П. Коновалова: „Сообщеніе о раскопкѣ кургана близъ Аткарска“; Б. Зайковскаго: „Впечатлѣнія изъ поѣздки въ Елань—Аткарскую“; М. Е. Соколова: „Былины, преданія и пѣсни, записанныя въ Саратовской губерніи“; Б. Зайковскаго: „Находки въ Колышлеѣ“; С. Щеглова: „Городъ Петровскъ. Отрывки изъ воспоминаній“; А. Лебедева: „Рукописныя собранія въ Саратовѣ“.

Въ отдѣлѣ „Смѣсь“ помѣщены: „Могила съ останками саратовскаго воеводы В. П. Беклемишева“.—„Калмыцкій ханъ Аюка“.—„Просьба, принесенная отъ крестьянъ на земскій судъ“.

Во второмъ отдѣлѣ помѣщены: „Выписка изъ стенографическаго отчета Государственной Думы засѣданія 1 мая 1909 года“; „Соображенія Саратов. Учен. Арх. Комиссіи по содержанію выработаннаго при Императорскомъ Археологическомъ Институтѣ проекта новаго Положенія о Губернскихъ Архивно-Археологическихъ Комиссіяхъ“; „Временныя правила внутренняго распорядка Саратовской Ученой Архивной Комиссіи“; протоколы собраній Комиссіи: 15 и 23 марта, 18 апрѣля, 8 іюня, 20 и 30 сентября; 5, 11, 18 и 26 октября; 8, 9, 10 и 22 ноября и 12 декабря 1908 г.; 4, 11, 19 и 25 января; 1, 5, 8 и 22 февраля; 1, 4, 8 и 22 марта, 18 и 19 апрѣля, 8, 10, 14, 18, 21, 25 и 31 мая, и 20 іюня 1909 года; отчетъ о дѣятельности Комиссіи за 1908 годъ; приходо-расходная смѣта на 1909 годъ и составъ Комиссіи со спискомъ членовъ на 1-е іюля 1909 года.

Въ выпускѣ 446 страницъ; печатанъ въ типографіи Общества книгопечатниковъ, по „постановленію общаго собранія Комиссіи“.

Судя по оглавленіямъ статей, въ выпускѣ преобла-

дают работы археологическаго, мемуарнаго и бытового характера и представляютъ большой интересъ даже для рядового читателя. Таковы статьи гг. Черняева, Серебрякова, Щеглова и Лебедева. Авторы, изрѣдка только критикуя или морализируя, разсказываютъ намъ, какъ еще сравнительно недавно жили люди въ глухой провинціи, каковы были ихъ „свычаи и обычаи", чѣмъ отъ бездѣлья развлекались, какой вели modus vivendi люди интеллигентные, стоявшіе во главѣ школы или бывшіе ея руководителями, какъ отражалось ихъ руководство на руководимыхъ, а также—чѣмъ было занято наше духовенство и его руководители—архіереи, особенно такіе ученые архіереи, какъ Іаковъ, задумавшій сдѣлать полное описаніе Саратовской губерніи въ историческомъ, археологическомъ и топографическомъ отношеніяхъ и т. д. Что касается археологическаго характера статей гг. Минха, Коновалова и Зайковскаго, то онѣ, конечно, не такъ легко могутъ быть восприняты читателями, несвѣдущими въ археологіи, но зато эти статьи поднимаютъ завѣсу глубокой древности и опредѣляютъ расы древнихъ обитателей Саратовскаго края.

Въ 1910 году Комиссія напечатала 26-й выпускъ.

Въ выпускѣ помѣщены работы: Н. Хованскаго: „Къ исторіи учрежденія Университета въ Саратовѣ"; А. Гераклитова: „Столбцы изъ Историческаго Архива Сарат. Учен. Арх. Комиссіи"; его же: „Документы XVII в. Саратовскаго Радищевскаго музея"; его же: „Очерки изъ жизни и быта Эльтонскихъ соляныхъ ломщиковъ и возчиковъ второй половины XVII в."; А. Кроткова и П. Шишкина: „Сообщеніе о поѣздкѣ въ село Чардымъ, Сарат. уѣзда"; ихъ же: „Объ Усть-Курдюмскомъ городкѣ"; Б. Зайковскаго: „Штемпель на золотоордынскомъ сосудѣ"; С. Щеглова: „Докладъ объ Ахматскомъ городищѣ"; А. Кроткова и П. Шишкина: „Городище и курганы близъ села Квасниковки, Самар. губ."; Л. Зинченко и Б. Зайковскаго: „Выписки изъ памятной книги О. М. Скрыни о старинныхъ находкахъ и кладахъ въ Новоузенскомъ уѣздѣ,

Самар. губ.“; Г. Бератцъ: „Сообщеніе объ археологическихъ находкахъ въ колоніи Березовкѣ, Новоузенскаго уѣзда. Самар. губ.“; „Письмо свящ. П. Розаліева къ Б. В. Зайковскому, съ добавленіемъ послѣдняго о памятникахъ древности и о находкахъ предметовъ близъ с. Узморья, Новоузенскаго уѣзда, Самарской губ.“; М. Е. Соколова: „Великорусскія шуточныя пѣсни, записанныя въ Саратовской губ.“; его же: „Великорусскія сатирическія пѣсни, записанныя въ Саратов. губ.“, С. Д. Соколова: „Источники и пособія для изученія Саратовскаго края. Указатель книгъ, брошюръ, журналовъ и газетныхъ статей и замѣтокъ, напечатанныхъ внѣ саратовскаго края. Изд. второе.“; В. К. Ѳеоктистова: „Лекціи по Русской Генеалогіи, читанныя въ Москов. Археол. Институтѣ преподавателемъ .. Л. М. Савеловымъ“ и пр.; Н—ича: „Церковно-археологическій музей С.-Петербургской духовной Академіи“; Е. Н. Прозрителева: „XIII т. Сенатскаго Архива“.

Въ отдѣлѣ „Смѣсь“ напечатаны: С. Щеглова: „Судьба реликвій Императора Петра I, хранившихся до 1872 года въ соборной церкви гор. Петровска“; его же: „Купчая на продажу бѣглой Маріи Терентьевой“; А. Геракли-това: „Фамильныя бумаги дворянъ Жуковыхъ“.

Во второмъ отдѣлѣ помѣщены: Объ отнесеніи къ числу обязательныхъ для городовъ расходовъ издержекъ на поддержаніе памятниковъ древности, въ томъ числѣ и древнихъ церквей; протоколы общихъ собраній Комиссіи: 25 сент.; 7 и 28 ноября и 12 декабря 1909 года; 9 января, 9 апрѣля и 13 мая 1910 года; кассовый отчетъ за 1909 годъ, приходо-расходная смѣта на 1910 годъ, общій отчетъ о дѣятельности Комиссіи за 1909 годъ, отчеты по Историческому архиву, библіотекѣ и музею за 1909 годъ, списокъ членовъ Комиссіи на 1-е іюля 1910 года; отзывы печати о 25 выпускѣ „Трудовъ“ Комиссіи и объявленія.

Въ выпускѣ 353 страницы; печатанъ въ электро-типографіи Общества книгопечатниковъ, „по постановленію общаго собранія Саратовской Ученой Архивной Комиссіи“.

Объ этомъ выпускѣ надо сказать тоже самое, что

сказано нами выше о выпускѣ 24-мъ: онъ очень разнообразенъ и содержателенъ.

Въ 1911 году напечатанъ 27 выпускъ. Въ немъ, кромѣ журнала чрезвычайнаго собранія 25 сент. 1910 года и общаго отчета о дѣятельности Комиссіи за тотъ же годъ, напечатаны статьи: В. П. Соколова: „Николай Васильевичъ Калачовъ. Біографія и перечень его трудовъ. Ученая и общественная его дѣятельность"; А. А. Гераклитова: „Перечень книгъ Н. В. Калачова, доставленныхъ въ Комиссію, и краткая опись „Калачовскаго фонда Архива Комиссіи"; Г. Г. Дыбова—„Ecce Homo!" (съ рисунками); „Опись Архива Комиссіи. Серія 1-я"; „Грамоты, касающіяся Сарепты"; А. Н. Минха: „Археологическія раскопки и находки въ Аткарскомъ уѣздѣ (съ рисунками)"; А. А. Гераклитова: „По поводу находки въ Саратовѣ каменнаго креста (съ рисунками)"; П. Н. Черняева: „Изъ прошлаго Саратовской гимназіи"; А. Лебедева: „О рукописяхъ преосвящ. Іакова (Вечеркова)".

Въ выпускѣ 300 страницъ; печатанъ въ типографіи Союза Печатнаго Дѣла, „по постановленію Общаго Собранія 25 октября 1910 года" и посвященъ „памяти незабвеннаго архивиста и археолога Николая Васильевича Калачова", учредителя въ Россіи Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Комиссій и Губернскихъ Историческихъ архивовъ.

Общее собраніе Комиссіи 25 окт. 1910 года было пріурочено ко днк 25—лѣтія кончины Н. В. Калачова и носило задушевный характеръ, а залъ городской публичной библіотеки обращенъ былъ въ выставку болѣе интересныхъ для публики предметовъ, представлявшихъ собой: оружіе и издѣлія до—исторической эпохи, сосуды и орудія бронзоваго вѣка, голову каменной бабы, предметы, собранные на городищѣ древняго Увека—монеты, остатки домашней утвари и пр.; и вещи, относящіяся ко времени колонизаціи Саратовскаго края русскими—кольчуга, оружіе, утварь, рисунки и карты по мѣстной археологіи, столбцы, рукописи и рѣдкія книги, цѣнныя из-

данія, въ разное время поступившія въ библіотеку Комиссіи. Все это было осмотрѣно публикой съ полнымъ вниманіемъ; затѣмъ, когда публика заняла мѣста, предсѣдатель Комиссіи, объяснилъ цѣль собранія и просилъ выслушать панихиду по Н. В. Калачовѣ, что и было сдѣлано. Послѣ панихиды прочитаны были довольно многочисленныя письма и телеграммы, выражавшія сочувствіе чествованію Комиссіей памяти Н. В. Калачова. Потомъ публика выслушала два реферата почетнаго члена Комиссіи В. П. Соколова, который, кромѣ того, сдѣлалъ предложеніе—слѣдующій очередной выпускъ „Трудовъ“ Комиссіи посвятить имени Н. В. Калачова. Другіе члены Комиссіи также сдѣлали свои предложенія, которыя, какъ и предложеніе г. Соколова, были приняты, а одинъ изъ членовъ (А. А. Мироновъ) сказалъ краткую рѣчь, въ которой оттѣнилъ заслугу Н. В. Калачова, какъ популяризатора архивнаго дѣла въ Россіи, на которое какъ и на самихъ архивистовъ, до него, Калачова, смотрѣли чуть не съ презрѣніемъ. На этомъ и закончилось засѣданіе. Но публика не сразу оставила залъ засѣданія: она еще нѣкоторое время обозрѣвала „выставку“ предметовъ Комиссіи и большой, въ рамкѣ, портретъ Н. В. Калачова, стоявшій за предсѣдательскимъ мѣстомъ, у стѣны (сѣверной, обращенной къ Московской улицѣ) и утопавшій въ тропической зелени и цвѣтахъ.

Кромѣ „Калачовскаго“ выпуска, Комиссія напечатала въ томъ же 1911 году 28-й выпускъ, въ которомъ помѣщены работы: А. А. Гераклитова: „Учрежденіе въ Саратовѣ Соляного Коммиссарства“; его же: „Мелочи изъ прошлаго Саратовскаго края“; его-же: „Изъ быта Саратовскаго чиновничества половины XVIII в.“; Г. Н. Минха: „О городищѣ близъ с. Неклюдовки, Кузнецкаго уѣзда“; С. А. Щеглова: „Ахматскій и Увекскій синодики и помянникъ Саратовской Троицкой церкви“; С. А. Щеглова и А. А. Кроткова: „Вторая поѣздка въ с. Чардымъ. Саратов. у. 14—16. мая 1910 г.“; А. Н. Минха: „Свадебныя, хороводныя и другія пѣсни Полчаниновской воло-

сти, Саратов. у.“; В. А. Шахматова: „ О замѣчательной святынѣ въ родѣ гг. Шахматовыхъ“; Н. Ф. Хованскаго: „Проектъ Николаевскаго дома инвалидовъ въ Саратовѣ“; его-же: „Къ характеристикѣ положенія у насъ архивнаго дѣла“.

Въ отдѣлѣ „Смѣсь“ напечатаны замѣтки и сообщенія: „Сказка А. Т. Шахматова 1722 г.“, „Мѣновная запись 1673 года“; „Грамота на поимку бѣглыхъ вотчинныхъ крестьянъ 1689 года“; „Отказная грамота 1694 г.“; „Выпись съ переписныхъ книгъ Арзамаскаго уѣзда“, 1678—1680 г.“; „Рядная запись 1753 г.“ и др.

Въ выпускѣ, кромѣ того, помѣщены: а) протоколы собраній Комиссіи: 4 и 11 сентября, 2 октября, 4 и 20 ноября и 12 декабря 1910 года; 1 и 26 февраля, 26 марта, 16 апрѣля и 10 мая 1911 года; б) кассовый отчетъ Комиссіи за 1910 годъ; в) приходо-расходная смѣта Комиссіи на 1911 годъ; г) докладъ Ревизіонной Комиссіи; д) записка хранителя Историческаго архива А. А. Гераклитова (съ отчетомъ о положеніи архива въ 1910 году); е) отчетъ о положеніи музея Комиссіи въ томъ же году (съ перечнемъ цѣнныхъ пожертвованій въ музей); ж) отчетъ по библіотекѣ за тотъ же годъ и списокъ членовъ Комиссіи къ 1 числу іюля 1911 года.

Въ выпускѣ 181 страница; печатанъ въ типографіи Союза печатнаго дѣла.

Очень цѣнною работой въ выпускѣ надо признать „Учрежденіе въ Саратовѣ Соляного Коммиссарства“ въ 1747 году. Впослѣдствіи (въ 1754 г.) „коммиссарство“ замѣнено было „Низовой Соляной Конторой“, которая въ свое время сыграла очень большую роль въ отношеніи благосостоянія Саратова и поднятія его престижа въ торговомъ и административномъ отношеніяхъ, такъ какъ Саратовъ лежалъ на перепутьи между центральной Россіей и низовымъ Поволжьемъ и въ силу этого положенія своего болѣе чѣмъ въ теченіе столѣтія былъ пунктомъ распредѣленія соли съ Элтонскаго озера на цѣлую треть Европейской Россіи, а благодаря нахожденію въ немъ „Соляного Комиссарства“, потомъ „Соляной Конторы“, онъ былъ резиденціей

этого учрежденія, по тому времени весьма высокаго по рангу и по обширности круга вѣдомства.

Другая работа того же автора (г. Гераклитова), названная имъ „Мелочи“, имѣетъ своимъ предметомъ совсѣмъ не мелочи (пожары), такъ какъ нельзя считать едва стоющими нашего вниманія—“мелочами“—такія въ старину стихійныя бѣдствія, какими тогда были пожары, въ конецъ раззорявшіе большую часть населенія Саратова. Быстрому распространенію пожаровъ способствовалъ горючій матеріалъ строеній—исключительно дерево—и полное отсутствіе противопожарныхъ мѣропріятій. Послѣднія стали вводиться въ Саратовѣ по предписаніямъ изъ Петербурга и по указамъ Сената отъ 13 окт. 1748 г.; 30 ноября 1851 г. и др.; коими предписывалось „имѣть во всѣхъ мѣстахъ, „гдѣ пожары были“ и „гдѣ (ихъ) не было“, нарочные караулы „отъ воинскихъ людей„и „изъ гражданскихъ чиновъ“; имѣть также „принадлежащіе инструменты“—крючья, вилы, лѣстницы, ушаты, ведра, щиты, паруса, и „свободные“ колодези, чтобъ „возможно было воду изъ нихъ доставать вдругъ бадей или кошелей въ шесть“, и, наконецъ, пріобрѣсть большія заливныя трубы „съ принадлежащими инструментами“. Въ 1754 г. все это было сдѣлано и пріобрѣтено и, так. обр., въ этомъ году появилась въ Саратовѣ первая пожарная команда. Но и команда не спасала Саратова отъ частыхъ и опустошительныхъ пожаровъ. Такъ, въ 1754 и 1757 г.г. сгорѣли множество обывательскихъ домовъ, всѣ присутственныя мѣста и шесть каменныхъ церквей....

Въ бытовомъ отношеніи имѣютъ несомнѣнный интересъ работы: „Изъ быта чиновниковъ,“ “Свадебныя“ и др. пѣсни и нѣкоторыя замѣтки въ „Смѣси“. Научное значеніе надо признать за работами „Городище близь с. Неклюдовки“, „Вторая поѣздка въ с. Чардымъ“ и „О замѣчательной святынѣ въ родѣ Шахматовыхъ“.

Кромѣ 28 очередныхъ выпусковъ, въ томъ числѣ и „Калачовскаго“, Комиссія, внѣ очереди, издала особый

„Сборникъ„ по крѣпостному праву, подъ заглавіемъ „Матеріалы по крѣпостному праву. Саратовская губернія“.

Въ составъ „Сборника“ вошли: 1) Высочайшее повелѣніе Императора Александра II отъ 9 марта 1858 года объ открытіи въ Саратовѣ особаго комитета для составленія проекта положенія объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ и 2) статьи членовъ Комиссіи: А. П. (Прибыткова): „Императоръ Александръ II и освобожденіе крестьянъ“; А. Лебедева: „Съ какого года въ Россіи началось крѣпостное право?“; Н. Ф. Хованскаго: „Помѣщики и крестьяне Саратовской губерніи“; А. Н. Минхъ: „Изъ записокъ мирового посредника 1861—66 гг.“; Ф. П. Коновалова: „Матеріалы изъ архива мировыхъ посредниковъ Аткарскаго уѣзда“; К. Веселовскаго: „Хозяйство и распорядки крупныхъ Саратовскихъ помѣщиковъ въ старину.“

Изданіе „Сборника“ было пріурочено ко дню пятидесятилѣтія великаго въ лѣтописяхъ Россіи событія—къ 19 февраля 1911 года.

Въ день празднованія 50—лѣтія этого событія въ Саратовѣ, когда къ подножію недавно воздвигнутаго здѣсь памятника Царю-Освободителю складывались въ изобиліи разной формы, матеріала и цѣнности вѣнки, Комиссія, съ своей стороны, сочла болѣе цѣлесообразнымъ и идейнымъ присоединить къ грудѣ вѣнковъ одинъ экземпляръ этого „Сборника“ (въ хорошей папкѣ). Своимъ подношеніемъ Комиссія какъ-бы подчеркивала значеніе громадной важности событія, совершившагося 50 лѣтъ назадъ, какъ бы такъ говорила: „Государь! въ этомъ „Сборникѣ“ рисуются картины крѣпостного права, которое Ты 50 лѣтъ назадъ отмѣнилъ, какъ зло. Если Ты въ свое время не зналъ, въ какую, иногда жесткую и уродливую, форму отливалось это право въ Саратовской губерніи, то узнай хоть теперь. Узнай вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ благодарныя чувства, что питаютъ къ Тебѣ потомки крѣпостныхъ и сами крѣпостные, доселѣ оставшіеся въ живыхъ и нерѣдко содрогающіеся при разсказахъ своимъ внукамъ и дѣтямъ о тогдашнемъ недобромъ времени“....

Слѣдуетъ отмѣтить, что „Сборникъ", встрѣченный мѣстною, столичною[38]) и провинціальною[39]) печатью съ полнымъ одобреніемъ, составленъ по оффиціальнымъ бумагамъ, хранящимся въ архивахъ разныхъ учрежденій Саратова, а потому въ отношеніи вѣрности заключающихся въ немъ свѣдѣній по крѣпостному праву не можетъ быть никакихъ сомнѣній.

Въ „Сборникѣ" 328 страницъ; печатанъ въ типографіи Союза печатнаго дѣла.

Наконецъ, Комиссія, внѣ очереди же, издала въ теченіе 1896—1902 гг. 4 выпуска (въ 5 книгахъ), „Историко-Географическаго Словаря Саратовской губерніи."

Идея этого изданія, равно какъ и осуществленіе ея принадлежитъ члену—учредителю Комиссіи Александру Николаевичу Минху.

Въ своихъ письмахъ въ Комиссію, отъ 7 мая и 4 августа 1894 года, А. Н. Минхъ просилъ послѣднюю оказать ему свое содѣйствіе въ составленіи задуманнаго имъ „Историко-географическаго Словаря Саратовской губерніи", а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, присутствуя на общемъ собраніи Комиссіи (3 мая 1895 г.), г. Минхъ лично сообщилъ послѣдней, въ чемъ, будетъ заключаться его работа по составленію „Словаря", а именно: „Словарь" не будетъ представлять собой полнаго и всесторонняго описанія губерніи. Матеріаловъ для „Словаря" имѣется достаточно: „Губернское Земство издаетъ свои работы по статистиче-

---

[38]) „Журналъ Мин. Нар. Просв.", августъ 1911 г., стр. 335-6. Свой отзывъ о „Сборникѣ" „Журналъ" заключаетъ такъ: „Остается только пожелать, чтобы другія архивныя Комиссіи, слѣдуя ея (т. е. Саратовской Комиссіи) примѣру, постарались поскорѣе опубликовать несомнѣнно имѣющіеся и у нихъ подобные матеріалы".—Почти тоже говоритъ и „Русская Старина"—:„Новое изданіе Саратовской архивной Комиссіи—прекрасный поощрительный примѣръ для всей провинціи, вообще скупо и вяло отозвавшейся на юбилей крестьянской реформы". См. майскую книжку 1911 г.

[39]). Изъ многихъ отзывовъ о „Сборникѣ" въ провинц. печати, приводимъ, за недостаткомъ мѣста, только одинъ: „Въ общемъ, солидное изданіе Саратовской ученой архивной Комиссіи является цѣннымъ вкладомъ въ исторію крѣпостного права въ Россіи; во многихъ мѣстахъ это изслѣдованіе изобилуетъ характерными эпизодами и интересными бытовыми картинами и потому можетъ служить даже занимательной книгой для чтенія", „Варшавскій Дневникъ" 19 февр. (4 марта) 1911 г., № 50.

скому отдѣлу, служащія богатымъ матеріаломъ для ознакомленія съ хозяйствомъ и статистикой крестьянъ; Губернскій Статистическій Комитетъ давно уже печатаетъ статистическія свѣдѣнія по всѣмъ селеніямъ губерніи; въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ часто появляются подробныя описанія селъ и городовъ; Саратовская Архивная Комиссія въ своихъ „Трудахъ“ собираетъ интересные историческіе матеріалы края“. До 1895 года былъ большой пробѣлъ въ свѣдѣніяхъ по частному землевладѣнію и казачьимъ землямъ, но теперь и этотъ недостатокъ устраненъ: съ 1895 года Губернской земской Управой составляются подробные списки населенныхъ мѣстъ губерніи, которые (списки) уже поступили къ г. Минху во временное пользованіе, а отъ уѣзднаго духовенства, по распоряженію епископа Николая, поступаютъ полныя описанія сельскихъ приходовъ Руководствуясь всѣми эти данными, а также благодаря многимъ сотрудникамъ и ранѣе собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, онъ, г. Минхъ, приступилъ съ 1894 года къ составленію подробнаго „Историко-Географическаго словаря Саратовской губерніи“. Взяться сразу за всѣ 10 уѣздовъ не было, по его словамъ, никакой возможности, почему онъ и предположилъ составить послѣдовательно отдѣльныя группы уѣздовъ, съ отдѣльнымъ алфавитомъ, соединяя не болѣе какъ по 2—3 смежныхъ уѣздовъ, носящихъ почти однородный характеръ. Такъ, Камышинскій и Царицынскій уѣзды, составляющіе южную часть губерніи и вдвинувшіеся по берегу Волги клиномъ между землей Донскаго Войска и Астраханской губерніей, сходны между собой, въ большинствѣ, по своему типу и исторіи

Затѣмъ А. Н. Минхъ прочиталъ нѣсколько выдержекъ изъ рукописи своей на букву „А“ и далъ Комиссіи свое согласіе печатать „Словарь“ въ ея „Трудахъ“, въ видѣ особаго приложенія къ нимъ, и съ тѣмъ условіемъ, чтобы ему были предоставлены 100 экз. отдѣльныхъ оттисковъ и чтобы послѣдняя корректура, для просмотра, посылалась къ нему въ Аткарскъ, гдѣ онъ постоянно проживаетъ.

Комиссія, принявъ эти условія, предоставила, съ своей стороны, въ распоряженіе г. Минха всѣ имѣвшіеся въ ея портфелѣ матеріалы для составленія археологической карты Саратовской губерніи, а для редактированія „Словаря", т. е. для необходимыхъ сокращеній или дополненій, тутъ же, на собраніи (3 мая 1895 г.), была избрана особая подкомиссія въ составѣ 6 членовъ: Н. И. Бѣлянина, А. М. Добровольскаго, Ф. В. Духовникова, К. П. Медоксъ, В. П. Соколова и И. И. Штаубъ.

Эта подкомиссія собиралась нѣсколько разъ, читала и обсуждала рукопись г. Минха и въ результатѣ—г. Минхъ взялъ (въ августѣ и октябрѣ 1895 года) свою рукопись обратно „для пополненія вновь найденными матеріалами". Затѣмъ работа по составленію „Словаря" пошла довольно успѣшно, и г. Минхъ писалъ 2 сентября 1897 года Комиссіи, что „I-й томъ... „Словаря," обнимающій собой уѣзды Камышинскій и Царицынскій, заканчивается, и осталось немного буквъ." Но это „немного" затянуло печатаніе на очень долго, на что болѣе всего сѣтовалъ самъ г. Минхъ: въ письмѣ, отъ 14 ноября 1897 года, на имя предсѣдателя Комиссіи кн. Голицына, онъ, между прочимъ, писалъ, что типографія Губернской земской Управы въ теченіе года изъ 3000 страницъ рукописи напечатала всего лишь 183 страницы и что при подобномъ ходѣ дѣла одинъ первый томъ „Словаря" будетъ законченъ печатаніемъ черезъ 15—18 лѣтъ! „Стоитъ ли, сокрушается авторъ „Словаря", продолжать громадную и трудную работу при такой обстановкѣ, когда предстоитъ разработать остальные шесть уѣздовъ не менѣе какъ еще въ пяти томахъ?!"

Тѣмъ не менѣе, печатаніе „Словаря" продолжалось сначала въ Саратовѣ, потомъ, для ускоренія, въ Аткарскѣ. За Комиссіей по печатанію „Словаря" накопилось 1131 р. долгу типографіямъ Губернскаго Земства и Миловидова (въ Аткарскѣ). Въ виду этого долга, платить который было не изъ чего, Комиссіи ничего другого не оставалось дѣлать, какъ пріостановить печатаніе „Словаря" до болѣе благопріятнаго времени. Къ великому при-

скорбію, это время не скоро наступитъ, такъ какъ самъ составитель „Словаря“ А. Н. Минхъ въ 1903 году лишился зрѣнія и потому не можетъ лично продолжать работу по составленію дальнѣйшихъ выпусковъ „Словаря.“

Что касается напечатанныхъ 4 выпусковъ, составившихъ I томъ „Словаря“, то въ нихъ описаны только два уѣзда —Камышинскій и Царицынскій.

Въ работахъ по составленію „Сборника“ принимали участіе, по признанію самого А. Н. Минха, Е. А. и А. А. Шахматовы, В. Н. Смольяниновъ „и многіе сотрудники“ изъ членовъ и не членовъ Комиссіи; наблюдали за печатаніемъ выпусковъ „Словаря“ члены Комиссіи В. Н. Смольяниновъ, К. А. Военскій, А. А. Прозоровскій и С. А. Щегловъ.

Въ „Словарѣ“—1384 страницы; печатанъ въ типографіи Губернскаго Земства (1—3 выпуски) и въ „Аткарской типографіи“ В. И. Миловидова (4-й выпускъ), „на основаніи постановленія Общаго Собранія гг. членовъ Сарат. Ученой Арх. Комиссіи 3 мая 1895 и 21 апрѣля 1900 г.“

О прекращеніи печатанія „Словаря“, конечно, слѣдуетъ пожалѣть: такія изданія крайне необходимы и одинаково полезны какъ для интеллигентнаго, такъ и малограмотнаго читателя, интересующагося своимъ роднымъ краемъ; для занимающихся же исторіей, этнографіей и археологіей этого края они необходимы и какъ справочная книга. Извѣстный (нынѣ покойный) писатель, саратовецъ, Дан. Лук. Мордовцевъ въ письмѣ своемъ на имя Комиссіи въ 1898 году такъ отозвался о „Словарѣ“: „Подобныя изданія имѣютъ право на признательность всей Россіи. Если бы подобные труды исполнены были всѣми нашими Архивными Комиссіями, то въ область нашего отечествовѣдѣнія внесены были бы неоцѣненные вклады“. Мордовцевъ имѣлъ въ виду только-что вышедшій изъ печати первый выпускъ „Словаря“, который, однако, менѣе содержателенъ, чѣмъ выпуски послѣдующіе, особенно— 3-й и 4-й, а потому его отзывъ, конечно, приложимъ и къ этимъ выпускамъ.

Итакъ, Саратовская Ученая Архивная Комиссія, за 25 лѣтъ своего существованія, издала 28 очередныхъ выпусковъ и шесть выпусковъ внѣ-очередныхъ, а всего 34 выпуска, въ которыхъ заключается около 8000 страницъ, или около 500 печатныхъ листовъ.

Выше, передавая оглавленіе каждаго выпуска, мы пытались хоть немного освѣтить значеніе для науки помѣщенныхъ въ этихъ выпускахъ работъ.

На это „освѣщеніе“ мы просимъ смотрѣть, какъ на наше личное мнѣніе, ни для кого, конечно, не обязательное. Но нельзя скрывать и того, что къ оцѣнкѣ издательской дѣятельности Архивныхъ Комиссій нельзя подходить съ шаблонною мѣркой, нельзя предъявлять къ ней maximum научныхъ требованій, что умѣстно по отношенію къ издательской дѣятельности высшихъ ученыхъ учрежденій, напримѣръ, Академіи Наукъ, Археологическаго Института, университетовъ и др., которые всѣ имѣютъ свои печатные органы, гдѣ помѣщаются научные труды профессоровъ-спеціалистовъ *за плату*. Архивныя Комиссіи въ этомъ случаѣ занимаютъ исключительное положеніе: всѣ онѣ тоже имѣютъ свои печатные органы подъ названіями: „Труды“, „Извѣстія“, „Журналы“ и т. д., въ которыхъ члены Комиссій печатаютъ свои труды всегда *безплатно*. А вѣдь большая разница—вознаграждается трудъ или сопровождается только платоническимъ „спасибо“, изъ котораго „шубы не сошьешь“! Затѣмъ, слѣдуетъ принять во вниманіе и самыя условія, при наличности которыхъ приходится членамъ Комиссій работать: всѣ они, за весьма рѣдкими исключеніями,—люди малообезпеченные, живутъ исключительно на скромное жалованье за свою службу въ разныхъ учрежденіяхъ и обществахъ, причемъ служба отнимаетъ у нихъ массу времени—отъ 9 ч. утра до 3 ч. дня, а временами и отъ 7 до 10—11 ч. вечера, такъ что имъ, за недостаткомъ свободнаго времени, приходится урывать часы у сна, чтобы приготовить ту или другую работу для „Трудовъ“ Комиссіи. Тутъ, какъ видите, положеніе совсѣмъ не то, чѣмъ тамъ, гдѣ *читаютъ* 3—5 лекцій въ

недѣлю и получаютъ за это minimum полуторатысячное жалованье, гдѣ лекціи являются въ то же время и учеными работами, или же служатъ канвой для таковыхъ работъ. Поставьте добровольцевъ Архивныхъ Комиссій въ такія же условія, въ какихъ стоятъ профессора высшихъ учебныхъ заведеній, и тогда требуйте отъ нихъ вполнѣ обстоятельныхъ научныхъ работъ; пока же такихъ условій не создано, нельзя, повторяемъ, подходить къ ихъ работамъ съ шаблонною мѣркой: высокомѣрное отношеніе къ нимъ будетъ всегда несправедливо и ничего, кромѣ вреда для дѣла, не принесетъ. Напротивъ, надо цѣнить и поощрять дѣятельность скромныхъ, но полезныхъ добровольцевъ труда. Согласны, что эта дѣятельность не блещетъ грандіозными замыслами, не поражаетъ удивительными открытіями, но она, несомнѣнно, накопляетъ цѣнный матеріалъ для науки, а, быть можетъ, и для грандіозныхъ открытій. Надо имѣть въ виду и то, что ученыя силы высшихъ учебныхъ заведеній уже достигли наибольшаго напряженія; настало время возбужденія и развитія мѣстныхъ, провинціальныхъ силъ для изслѣдованія мѣстнаго края. Эти мѣстныя силы и появились въ лицѣ Ученыхъ Архивныхъ Комиссій, и не только появились, но, по мѣстамъ, уже широко развернулись и для большей широты ждутъ лишь матеріальной поддержки со стороны правительства и мѣстныхъ обществъ.

XIII.

Двадцатипятилѣтнее существованіе Саратовской Комиссіи доказало фактически, что она, какъ учрежденіе областное, въ общемъ, стояло и стоитъ прочно, и теперь настало время опредѣлить то мѣсто, которое она занимаетъ и должна занимать въ ряду другихъ культурныхъ учрежденій мѣстнаго края.

Выше было сказано, что въ жизни нашей Комиссіи были и положительныя (свѣтлыя), и тѣневыя стороны. Къ послѣднимъ мы отнесли, между прочимъ, скеп-

тическое и даже пренебрежительное отношеніе нѣкоторыхъ лицъ къ жизнедѣятельности Комиссіи.

Само собой понятно, что такіе взгляды были послѣдствіемъ полнаго непониманія задачъ и дѣятельности Архивныхъ Комиссій вообще, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ —послѣдствіемъ чрезмѣрнаго, нарушающаго границы всякой справедливости высокомѣрія мнящихъ себя учеными...

Справедливость требуетъ сказать, что совсѣмъ иной взглядъ на Архивныя Комиссіи установился въ послѣднее время и въ обществѣ, и въ наукѣ. И теперь тѣ самыя лица, которыя раньше считали ниже своего достоинства вступать въ члены Комиссіи [40]), уже охотно идутъ въ нее и за избраніе свое въ ея члены благодарятъ, какъ „за высокую честь.“ И не только благодарятъ, но и всячески охраняютъ честь самой Комиссіи, стараясь не впускать въ нее сомнительнаго достоинства личностей. Sic tempora mutantur et nos mutamur in illis! Чтоже, однако, произвело такую перемѣну во взглядѣ на Архивныя Комиссіи? Могла - ли она, эта перемѣна, явиться, какъ deus ex machina? Конечно, нѣтъ. Надо, прежде всего, имѣть въ виду, что учредитель Архивныхъ Комиссій въ Россіи, Н. В. Калачовъ, въ основаніе своего плана объ учрежденіи послѣднихъ положилъ не корыстные расчеты, а любовь къ отечеству, неразрывно связывавшуюся у него съ любовію къ наукѣ, тою любовью къ истинѣ, которая была украшеніемъ этого ученаго археолога и вызывала къ нему справедливое и все возрастающее уваженіе со стороны всѣхъ, кому дороги минувшія судьбы отечества.

Вотъ эта любовь къ отечеству, наукѣ и искомой

---

[40]) Такъ, одно лицо, усиленно хлопотавшее вмѣстѣ съ А. И. Шахматовымъ объ учрежденіи въ Саратовѣ „Общества исторіи, археологіи и этнографіи“, писало ему, Шахматову, 24 октября 1885 года: „Очень боюсь, что, по открытіи ѣдущимъ сюда (въ Саратовъ) Калачовымъ архивной Комиссіи, *въ которую, по моему, и поступать—то намъ не стоитъ*, открытіе общества затормазится“. (Изъ переписки А. И. Шахматова).—Это писалъ (не совсѣмъ грамотно!) Саратовскій интеллигентъ, дворянинъ, считавшій Архивную Комиссію учрежденіемъ не-дворянскимъ, въ которое дворянамъ „и вступать-то не стоитъ!“ Можно бы„ раскрыть“ смыслъ этого выраженія, но читатель, полагаемъ, поймете насъ и безъ этой „операціи“...

истинѣ и двинула учрежденныя Калачовымъ Комиссіи впередъ и притомъ съ такою поступательною силой, что и самъ Калачовъ и его преемникъ Ив. Еф. Андреевскій въ своихъ отчетахъ о дѣятельности Комиссій, отмѣтили послѣднюю, какъ „утѣшительное явленіе“, и констатировали всенародно „что эти новыя установленія не только продолжаютъ дѣйствовать, но сознательно крѣпнутъ въ выполненіи принятыхъ на себя немаловажныхъ функцій для дѣла науки.“ Въ частности, И. Е. Андреевскій говоритъ: „Представляя отчетъ въ прошедшемъ (1886 за 1885 г.) году о первыхъ шагахъ дѣятельности Комиссій, мы, конечно, должны были имѣть въ виду мнѣнія скептиковъ, что эти Комиссіи, какъ и многія полезныя учрежденія, совершенно искусственны, что энергія собравшихся членовъ возможна только на первыхъ порахъ, что очень скоро она потухнетъ, какъ тухнетъ многое, касающееся науки, что нѣтъ возможности пробудить въ глухихъ уголкахъ Россіи стремленія къ истинѣ, труду и т. д. Но вотъ и второй годъ дѣйствуютъ Комиссіи, темныя предсказанія не оправдываются, энергія членовъ не потухла; напротивъ, крѣпнетъ, и въ глухихъ уголкахъ Россіи оказывается спросъ на образованіе, спросъ на научныя работы и на стремленіе къ истинѣ“.

„Въ выполненіи важнѣйшихъ изъ функцій, возложенныхъ на Ученыя Архивныя Комиссіи—въ составленіи губернскихъ историческихъ архивовъ—продолжаетъ Андреевскій,—не только не ослабѣла энергія Комиссій, но, напротивъ, скромно намѣченные пути въ первый годъ теперь освѣтились, окрѣпли и ведутъ къ ясно намѣченной цѣли. Этой цѣли Комиссіи достигаютъ: 1) путемъ просмотра описей губернскихъ присутственныхъ мѣстъ и выдѣленія дѣлъ, документовъ и бумагъ, имѣющихъ значеніе для отечественной исторіи и права; 2) путемъ пополненія историческихъ архивовъ актами и документами изъ частныхъ архивовъ; 3) путемъ командировки своихъ членовъ въ центральные архивы для выборки изъ нихъ документовъ, касающихся мѣстной губерніи; 4) путемъ собиранія свѣдѣній о древностяхъ края, равно

какъ и путемъ пріобрѣтенія ихъ покупкой... 5) путемъ раскопокъ, которыя всѣмъ Комиссіямъ дали важные результаты; 6) путемъ собиранія пожертвованій, пополняющихъ музеи при Комиссіяхъ".

Вотъ чѣмъ занимались на первыхъ порахъ и доселѣ занимаются Ученыя Архивныя Комиссіи—всѣ безъ исключенія. Но заслуживаютъ-ли вниманія такія занятія? Къ чему они ведутъ?—27 лѣтній опытъ Комиссій показалъ, что заслуживаютъ: за время своего существованія Комиссіи собрали огромный матеріалъ по исторіи, географіи, геологіи, этнографіи, обычному праву, статистикѣ, сельскому хозяйству и, конечно, археологіи и исторіографіи. Этотъ матеріалъ, заключающій въ себѣ сотни тысячъ „дѣлъ" съ цѣнными свѣдѣніями, занялъ пустовавшія до учрежденія Комиссій мѣста въ сокровищницѣ русской науки и сталъ доступенъ всякому, кто интересуется минувшими судьбами своего отечества. По первоисточникамъ, по документамъ, бумагамъ и запискамъ современниковъ Комиссіи возстановляютъ прошлое своего края въ конкретныхъ подробныхъ чертахъ, описанныхъ современниками-очевидцами; затѣмъ, открывая въ разрытыхъ могилахъ. курганахъ, городищахъ, монетахъ, черепкахъ, остаткахъ быта, въ названіяхъ мѣстечекъ, урочищъ, рѣкъ и пещеръ слѣды древнѣйшихъ обитателей края и слѣдя, по памятникамъ древней письменности, за жизнью и опасностями первыхъ колонизаторовъ края, за ихъ невзгодами, за успѣхами въ той или другой области, за ихъ культурными или иными учрежденіями, Комиссіи тѣмъ самымъ связываютъ насъ тѣсными духовными узами съ этимъ краемъ. И эта духовная связь не порывается въ насъ съ оставленіемъ нами родного края и становится тѣмъ прочнымъ фундаментомъ, на которомъ развивается наше національное самосознаніе и сердечная, чуждая отвлеченныхъ теорій, любовь къ родинѣ, та благородная національная гордость, которая составляетъ необходимый аттрибутъ могущественныхъ государствъ, призванныхъ играть великую культурную роль во всемірной исторіи.

Согласитесь, господа, съ нами, что культурное учрежденіе, пробуждающее въ насъ національное самосознаніе, оказываетъ и обществу, и государству громадную услугу, и это надо ему поставить въ громадный „плюсъ".

Но пойдемъ дальше. Пробужденіемъ національнаго сознанія не ограничиваются, однако, заслуги Архивныхъ Комиссій, какъ областныхъ историческихъ обществъ. Патентованные ученые, какъ и всякая другая профессія и сословіе, не чужды извѣстной доли высокомѣрія и исключительности, приводящей нерѣдко къ кастовой замкнутости, вредной для науки, такъ какъ замкнутость ведетъ къ узкимъ теоріямъ, создающимъ кабинетныхъ доктринеровъ, и отрываетъ науку отъ общества съ его практическими запросами. Совсѣмъ не то—Архивныя Комиссіи. Какъ учрежденіе областное, работники котораго не принадлежатъ къ присяжному цеху спеціалистовъ—археологовъ и историковъ, эти Комиссіи являются могучимъ орудіемъ для популяризаціи науки и для объединенія ея съ жизнью и обществомъ. Какъ мѣстные жители, хорошо знакомые съ своимъ краемъ, съ его топографіею и населеніемъ, работники Комиссій скорѣе могутъ избѣжать въ своихъ работахъ тѣхъ ошибокъ, въ которыя зачастую поневолѣ впадаютъ кабинетные ученые, такъ какъ послѣдніе не имѣютъ другихъ средствъ для провѣрки своихъ выводовъ, кромѣ печатныхъ или письменныхъ матеріаловъ.

Подробное изученіе историческихъ матеріаловъ въ Комиссіяхъ нерѣдко оказываетъ услуги мѣстнымъ дѣятелямъ, чего, конечно, не могутъ сдѣлать труды столичныхъ ученыхъ. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ. Общее собраніе нашей Комиссіи 30 октября 1889 года заслушало просьбу Саратовскаго уѣзднаго земскаго санитарнаго Совѣта о дозволеніи ему, Совѣту, перепечатать изъ I вып. II тома „Трудовъ" Комиссіи списокъ церквей Саратовской губерніи, съ обозначеніемъ времени ихъ постройки. Комиссія не только охотно согласилась на это, но и обѣщала Совѣту и впредь давать всѣ необходимыя для него историческія свѣдѣнія по Саратовской

губерніи. Просимыя же свѣдѣнія нужны были Совѣту для опредѣленія времени колонизаціи Саратовскаго уѣзда, а это нужно было ему для опредѣленія времени и степени загрязненія почвы въ уѣздѣ. А вотъ другой случай. Присяжный повѣренный А. А. Токарскій, состоя повѣреннымъ по дѣлу Котуковыхъ, предъявилъ въ Саратовскій окружный судъ искъ, который основывался на жалованной грамотѣ конца XVIII вѣка, но судъ не могъ прочитать грамоту и обязалъ г. Токарскаго сдѣлать переводъ грамоты и написать ея текстъ современнымъ почеркомъ, чего г. Токарскій самъ сдѣлать не смогъ и обратился къ нашей Комиссіи, одинъ изъ членовъ которой сдѣлалъ все ему нужное.

Какъ видно изъ этихъ двухъ случаевъ, Архивныя Комиссіи проливаютъ свѣтъ на вопросы колонизаціонные и связанные съ ними вопросы санитарные, на вопросы земельные и связанные съ ними юридическіе споры, которые разбираются въ нашихъ судахъ и административныхъ учрежденіяхъ, и свѣтъ этотъ проливается отъ разбора архивныхъ бумагъ и документовъ, давно похороненныхъ на днѣ пыльныхъ, сырыхъ „казематовъ“.

Эти же бумаги и документы, трактуя о колонизаціи и эксплоатаціи земли, проливаютъ свѣтъ и на агрономію, понимаемую, конечно, въ смыслѣ способа вспахиванія земли, удобренія послѣдней, степени ея урожайности и т. п. Скептики могутъ, пожалуй, усумниться въ правдивости этого: „какая, скажутъ они, связь между разборомъ архивныхъ бумагъ и агрономіей“?. Но такая связь все же существуетъ. Еще Виргилій, передовой поэтъ въ хорѣ Августова вѣка, излагая въ первой книгѣ своихъ „Георгикъ“ правила земледѣлія, начиная съ того момента, когда пахарь весной долженъ взяться за соху, даетъ совѣтъ внимательно наблюдать за солнцемъ, луной и звѣздами, по которымъ можно предугадывать приближеніе метеорологическихъ явленій, имѣющихъ вліяніе на сельское хозяйство; затѣмъ указываетъ на то, что нужно приноравливаться къ почвѣ и климату и сооб-

разно съ этимъ заниматься тѣмъ или другимъ видомъ хозяйства.

Но прежде чѣмъ плуга желѣзо заблещетъ
Въ незнаемой почвѣ, внимательно должно
Извѣдать вліяніе тамъ дующихъ вѣтровъ
И климата свойства и то, что самими
Испытано было, а также *преданья*
Той мѣстности самой: какіе продукты
Земля производитъ, и что не родится [41])

Эту книгу „Георгикъ“ Виргилій написалъ (въ стихахъ) въ 37 году до Р. Хр., т. е. почти $19^1/_2$ вѣковъ тому назадъ; цѣль ея—очевидна: дать своимъ современникамъ руководство по сельскому хозяйству. Для успѣшности этого хозяйства Виргилій совѣтуетъ „извѣдать преданья мѣстности“ обрабатываемой. А, вѣдь, это, выражаясь по современному, значитъ: „справиться въ архивныхъ дѣлахъ“, какой существовалъ способъ обработки извѣстной мѣстности, что и когда она производила или не производила. Не очевидна ли связь между сельскимъ хозяйствомъ и разборомъ архивныхъ бумагъ? По нашему мнѣнію, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Вотъ почему наша Архивная Комиссія съ большою охотой извлекаетъ изъ старинныхъ документовъ и мемуаровъ метеорологическіе бюллютени и указанія на системы сельскаго хозяйства и способы обработки земли, и не только извлекаетъ, но и печатаетъ въ твердомъ упованіи, что все это небезинтересно для современной агрономіи, что на знаніи прошлаго нашей почвы и земледѣльческой культуры нашихъ предковъ вырастетъ благонолучіе потомковъ.

Вотъ гдѣ кроется основаніе того, почему областная наука, разрабатываемая мѣстными тружениками, имѣетъ такое же законное право на свое существованіе, какъ и наука университетская, тѣмъ болѣе, что областные вопросы не могутъ интересовать представителей университетской науки въ такой же мѣрѣ, какъ пред-

---

[41]) Буколики и Георгики Виргилія. Перев. Сосненкаго. Москва. 1873 г.

ставителей областной науки, которая и даетъ намъ больше, чѣмъ наука университетская, подобныхъ указаній, при помощи которыхъ могутъ быть разрѣшены мѣстные вопросы и нужды.

Если университетская наука не чужда кастовой замкнутости и аристократической исключительности, то областная наука чужда той и другой: она—наука демократическая, и эта ея демократизація касается сколько ея работниковъ, столько же и самаго содержанія исторической науки. У представителей университетской науки мы видимъ подвиги героевъ, битвы, біографіи выдающихся политическихъ дѣятелей, ихъ обстановку, среди которой они жили и дѣйствовали, но почти не видимъ народа съ его бытомъ. Несомнѣнно, что герои были представителями и выразителями нуждъ и настроеній своего народа, но, тѣмъ не менѣе, народъ имѣлъ и имѣетъ *свою* исторію независимо отъ исторіи его героевъ съ ихъ подвигами. И если мы до сихъ поръ не имѣемъ исторіи своего народа, то это потому, что патентованные жрецы науки не имѣли подъ руками достаточно скопленнаго для этого матеріала.

Пробѣлъ этотъ теперь пополняютъ Ученыя Архивныя Комиссіи, областныя изысканія которыхъ обнаруживаютъ именно народъ, его жизнь, его общественные, юридическіе и административные устои, которые постепенно раздвигаютъ предъ нами тѣ деревья, изъ-за которыхъ раньше, при описаніи подвиговъ героевъ, не было видно лѣса, того самаго лѣса-народа, который создалъ великую святую Русь, далъ намъ возможность пользоваться благами современной жизни, самъ же канулъ въ вѣчность, незамѣченный изъ-за деревьевъ, представлявшихъ собой не болѣе, какъ только кучу великановъ, которые безъ него, лѣса—народа, и расти-то не могли.

Надѣяться на пополненіе сказаннаго пробѣла слѣдуетъ, между прочимъ, еще и потому, что областныя изысканія, уже въ силу ограниченности круга своихъ районныхъ дѣйствій, носятъ исключительно мѣстный

характеръ: въ провинціи, особенно—въ глухихъ уголкахъ въ любой періодъ русской исторіи не могло быть много гигантовъ - героевъ, и областному работнику поневолѣ приходится изучать жизнь и бытъ простого народа, въ массѣ далекаго отъ героизма, хотя, съ другой стороны, нельзя отрицать, что и среди него никогда не переводились полныя предпріимчивости и отваги личности, увѣковѣчившія себя въ потомствѣ въ качествѣ собирателей земли, колонизаторовъ дикихъ полей, лѣсовъ, дебрей, устроителей мирной, культурной жизни, ведшихъ ради нея часто отчаянную борьбу не съ природою только, а и съ дикими звѣрями, свирѣпыми кочевниками, нарушавшими теченіе мирной, культурной жизни первыхъ насельниковъ края, о которыхъ доселѣ говорятъ старинныя народныя былины, но которые доселѣ невѣдомы нашимъ патентованнымъ историкамъ, увлеченнымъ блестящей и шумной жизнью и дѣятельностью героевъ—побѣдителей царствъ и народовъ.

Но и этимъ значеніе Ученыхъ Архивныхъ Комиссій, какъ областныхъ учрежденій, не ограничивается. Къ заслугамъ ихъ надо прибавить еще одинъ фактъ. Въ послѣднія два десятилѣтія въ провинціи возрастаетъ интересъ и уваженіе къ археологіи, которая завоевываетъ вниманіе и уваженіе просвѣщенныхъ людей. Читая „Труды“ Комиссій, въ которыхъ послѣднія дали и продолжаютъ давать массу историческихъ и юридическихъ документовъ, важныхъ для исторіи и быта мѣстнаго края, а иногда и присутствуя на засѣданіяхъ Комиссій, публика видитъ, что здѣсь время проходитъ только въ научныхъ бесѣдахъ о дѣлахъ и событіяхъ, давно прошедшихъ, и невольно, по законамъ психики, сама получаетъ склонность къ такимъ бесѣдамъ, а затѣмъ вступаетъ въ члены Комиссіи, увеличивая такимъ образомъ, собой кадры добровольцевъ труда. Вслѣдствіе чего расширялись рамки труда, и самое званіе „членъ Комиссіи“ начинало пріобрѣтать почетъ и уваженіе, что и естественно, если принять во вниманіе, сколько новаго внесено безкорыстными тружениками въ область научную, сколько но-

выхъ и важныхъ документовъ ими напечатано, сколько сдѣлано для созданія новыхъ по губерніямъ историческихъ архивовъ, сколько проявлено стремленій по охранѣ родной старины, сколько вызвано вниманія къ вопросамъ историческимъ! Безкорыстныя научныя работы и заключаютъ въ себѣ то чарующее начало, что не только самихъ работниковъ-добровольцевъ поднимаетъ изъ области мелкихъ матеріальныхъ интересовъ въ высокія области мысли и анализа, но вмѣстѣ съ ними поднимаетъ и общество, среди котораго идутъ такія работы: внимая послѣднимъ, съ уваженіемъ смотря на воздвигаемое ими дѣло, общество незамѣтно для самого себя и вмѣстѣ съ ними движется въ томъ же направленіи впередъ. И размышляя объ этихъ скромныхъ, но уже видныхъ научныхъ работахъ, и проникаясь сознаніемъ важности областного труда и науки, мы невольно вспоминаемъ избранный Петербургскимъ университетомъ своимъ девизомъ стихъ пѣвца Подолинскаго:

Гдѣ высоко стоитъ наука,
(Тамъ) стоитъ высоко человѣкъ.

Этотъ, выражающій собой непререкаемую истину, стихъ, должно избрать своимъ девизомъ и Саратовское общество.

Если мы перейдемъ отъ общаго обзора Ученыхъ Архивныхъ Комиссій къ Саратовской Комиссіи, то увидимъ, что, кромѣ общихъ, присущихъ всѣмъ Комиссіямъ, чертъ дѣятельности, она имѣетъ и свои специфическія особенности, „свое самостоятельное“, по выраженію Андреевскаго; увидимъ, что 25-ти лѣтняя ея дѣятельность не прошла даромъ для областной науки вообще и для Саратовскаго общества въ частности.

Изъ заслугъ Комиссіи для областной науки наиболѣе важное значеніе имѣетъ ея забота объ охранѣ памятниковъ мѣстной старины. Остановиться на этой сторонѣ дѣятельности Комиссіи мы считаемъ необходимымъ, между прочимъ, потому, что на Комиссію въ разное время въ мѣстной прессѣ и обществѣ раздавались сѣтованія, что древности въ окрестностяхъ Са-

ратова и по губерніи расхищаются, а Архивная Комиссія относится къ этому безучастно: точно не ея дѣло принять мѣры къ охранѣ памятниковъ!

Что русскія древности исчезаютъ, гибнутъ, искажаются и расхищаются, объ этомъ всѣ давно знаютъ, а ревнители отечественной старины несмолкаемо вопятъ... Допустимъ, что ихъ вопль раздается не всегда подъ вліяніемъ фактовъ и значительно преувеличенъ, но на повѣрку все же выйдетъ, что русскіе люди дѣйствительно мало оберегаютъ историческое наслѣдіе своихъ отдаленныхъ предковъ, насадителей культуры своего времени, и равнодушно смотрятъ на исчезновеніе этого наслѣдія, точно оно имъ въ самомъ дѣлѣ не нужно или даже враждебно!...

Но не надо скрывать и того, что рядомъ съ этимъ и уже давно раздается по Россіи призывъ къ охранѣ отечественной старины. И много составлено проектовъ въ этомъ направленіи. Среди нихъ есть, между прочимъ, такіе проекты, которые сосредоточиваютъ охрану памятниковъ въ особыхъ учрежденіяхъ—центральныхъ, областныхъ, вѣдомственныхъ: церковныхъ, судебныхъ и т. д. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (проектовъ) заключаются градаціи наказаній за порчу и уничтоженіе памятниковъ до заключенія въ тюрьму включительно. „Но всѣ эти проекты и мѣропріятія, говоритъ маститый археологъ-проф. Н. В. Покровскій, отчасти останавливались на первыхъ стадіяхъ ихъ канцелярскаго движенія, отчасти, будучи примѣнены къ дѣлу, оказывались недѣйствительными, и расхищеніе и порча національнаго достоянія не прекращаются.“ [42]) Объясняется это ненормальное явленіе, по мнѣнію Н. В. Покровскаго, прежде всего, тѣмъ, что „планоначертанія охраны памятниковъ имѣютъ характеръ теоретическій и не сообразованы съ потребностями жизни, не имѣютъ настоящей опоры. Не трудно написать проектъ охраны, дать правила и приказы по охранѣ, но *кто* будетъ охранять старину? да и что такое эта старина, понятія о которой безконечно разнообразны количественно и качественно и

[42]) Н. В. Покровскій. Губернскія Ученыя Архивныя Комиссіи. С-Петербургъ 1908 г. Отд. изд. стр. 3.

служатъ предметомъ разногласій даже въ средѣ спеціалистовъ? И возможенъ ли, поэтому, какой—либо учетъ въ области недостаточно ясной и опредѣленной, гдѣ нѣтъ ни устойчивыхъ методовъ изслѣдованія, ни точныхъ критеріевъ распознаванія и различенія цѣннаго и важнаго, гдѣ даже не приведенъ въ полную ясность наличный инвентарь предметовъ?"

„Въ самомъ дѣлѣ", продолжаетъ Н. В., „чѣмъ объяснить то странное явленіе, что иногда даже лица, выдающіяся по своему общественному положенію, высокообразованныя, такъ легко смотрятъ на расхищеніе старины, а въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ sensu tacito облегчаютъ его?... Полагаемъ, что корень зла заключается не столько въ недостаткѣ мѣропріятій и законовъ, ограждающихъ цѣлость памятниковъ старины, сколько въ недостаткѣ знанія старины и уваженія къ ней". [43])

Мы думаемъ, что сама истина говоритъ устами маститаго археолога. Правда, внѣшнія воздѣйствія—до тюрьмы включительно могутъ до нѣкоторой степени обуздать расхищеніе старины, но старина все же будетъ безслѣдно для науки исчезать, пока общество и отдѣльныя лица не проникнутся сознаніемъ важнаго значенія старины и уваженіемъ къ ней. А этого можно достигнуть только однимъ путемъ—если въ число изучаемыхъ въ нашихъ низшихъ, среднихъ и высшихъ школахъ предметовъ будетъ введено, какъ самостоятельный предметъ, изученіе памятниковъ русской древности, на чемъ настаивалъ болѣе 40 лѣтъ тому назадъ первый всероссійскій Археологическій съѣздъ въ Москвѣ (въ 1869 году), но чего, къ сожалѣнію, не сдѣлано и до сихъ поръ.

Если такъ обстоитъ дѣло съ стариной во всей Россіи, другими словами: если во всѣхъ углахъ Россіи предметы старины исчезаютъ, расхищаются и искажаются, то, конечно, и Саратовская губернія въ этомъ отношеніи исключенія не представляетъ, такъ какъ культурность ея населенія нисколько не выше культурности населенія другихъ губерній. Далѣе, положимъ, что Ученыя Архивныя Комиссіи, въ томъ числѣ и Саратовская, поставятъ

[43]) Тамъ же, стр. 4.

своей задачей и нравственнымъ долгомъ не только охрану памятниковъ мѣстной старины, но и изученіе ихъ и распространеніе въ русскомъ обществѣ древлевѣдѣнія, но гдѣ у нихъ полнота внѣшней власти, въ силу которой они могли бы „принять мѣры“ противъ экспропріаторовъ старины? Гдѣ взять столько „охранниковъ“ старины, которой буквально усѣяна Саратовская губернія, особенно берегъ Волги отъ Камышина до Царицына? Для одной этой линіи потребовался бы, по крайней мѣрѣ, полкъ охранниковъ, содержать которыхъ жалованьемъ было бы чувствительно и для государственнаго казначейства, а для Комиссіи нашей, существующей на гроши, конечно, и немыслимо. Остается, слѣдовательно, одинъ путь къ охранѣ—распространеніе въ Саратовскомъ обществѣ и населеніи губерніи древлевѣдѣнія, уваженія къ родной старинѣ,—распространенія путемъ чтенія, такъ сказать, передвижныхъ лекцій. Въ Саратовѣ это возможно, и, какъ увидимъ, начало этому уже положено; но мыслимо ли объѣхать для лекцій всѣ села, деревни, поселки, хутора губерніи? гдѣ взять на это средства? гдѣ взять столько лекторовъ? Вѣдь всѣ члены Комиссіи заняты, прежде всего, службой, которая ихъ кормитъ, да притомъ же ихъ и немного. Вотъ почему Комиссіи, безсильной предпринять что-либо рѣшительное къ охранѣ памятниковъ старины, остается одно—„покорнѣйше“ да „почтительнѣйше“ просить власти, начиная съ губернатора и исправниковъ и кончая становыми приставами, урядниками и волостными правленіями, „принять зависящія отъ нихъ мѣры“, чтобы... и т. д. Комиссія это и дѣлала, и продолжаетъ дѣлать.. Прочитайте ея протоколы и вы увидите, сколько затрачено ею времени и труда на разсылку этимъ властямъ ходатайствъ, просьбъ, воззваній, обращеній съ предложеніями щадить памятники старины и отсылать ихъ, для вѣчнаго храненія, въ Комиссію. Очень часто Комиссія платила деньги за высланныя ей вещи, оставляя ихъ у себя, или же отсылала (ихъ) въ Московскую Археологическую Комиссію, которой, одной, по закону, предоставлена привиллегія требовать себѣ

всѣ находимые въ Россіи предметы древности и оплачиваемые ею „по справедливой оцѣнкѣ“.

Но въ особенности озабочивалъ Комиссію нашу Увекъ. Этому знаменитому городищу, находящемуся въ 12—13 верстахъ отъ Саратова, Комиссія посвятила цѣлое изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Укекъ. Доклады и изслѣдованія по археологіи и исторіи Укека“. Основная мысль этого изслѣдованія заключается въ томъ, чтобы убѣдить кого слѣдуетъ въ неотложности приступить къ раскопкамъ Укека. Но перейти отъ слова къ дѣлу оказалось невозможнымъ: у Комиссіи не было и теперь нѣтъ на это средствъ. А средства потребовались бы громадныя, такъ какъ подъ словомъ „Укекъ“ разумѣется не просто развалина, которую можно раскопать на сотню рублей, а цѣлый городъ, занимавшій площадь, какъ думаютъ, до сотни десятинъ. Улицы, площади, фундаменты зданій и пр. этого города находятся подъ налегшими на него въ теченіе почти семи (а быть можетъ трижды семи)[44]) вѣковъ космическими, земельными, песчаными, растительными и иными осадками, толщина коихъ еще не изслѣдована, такъ какъ первичная почва, на которой стоятъ уцѣлѣвшіе остатки Увека, еще не обнаружена, вслѣдствіе чего доселѣ точно неизвѣстно пространство занимаемой имъ площади земли, которую до начала раскопокъ надо пріобрѣсть въ собственность, на что также нужны немалыя средства, которыхъ у Комиссіи, повторяемъ, нѣтъ. Хорошо сознавая все это, Комиссія лишь изъ научнаго любопытства дѣлала иногда мизерныя по размѣрамъ раскопки площади Увека; главную же заботу свою сосредоточила на томъ, чтобы спасти Увекъ отъ самовольныхъ раскопокъ и расхищеній, въ особенности такихъ, какія совершались еще сравнительно недавно саратовцами, вывозившими съ Увека камни и плиты для мощенія въ Саратовѣ улицъ, что, впрочемъ, по горячей просьбѣ Н. В. Калачова, вскорѣ было запрещено министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

---

[44]) Есть предположеніе, что площадь нынѣш. Увека населена была задолго до нашествія на Россію татаръ.

Но и мизерныя раскопки дали хорошіе результаты: добытыя, благодаря имъ, вещи въ огромномъ количествѣ вполнѣ опредѣленно говорятъ, что Увекъ былъ мѣстомъ населенія народа, стоявшаго на значительной высотѣ культуры. Такъ, тамъ откопаны стѣны съ великолѣпной облицовкой бирюзоваго цвѣта, водопроводныя трубы, остатки когда-то изящной домашней утвари, масса золотоордынскихъ и другихъ монетъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что населеніе Увека вело торговлю и т. д. Все это заставляло Комиссію возможно чаще посѣщать Увекъ и просить власти всѣхъ ранговъ принять мѣры къ охранѣ его сокровищъ, скрытыхъ подъ спудомъ. Благодаря этимъ мѣрамъ, особенно-же частымъ посѣщеніямъ Увека членами Комиссіи, не миновала рукъ послѣдней ни одна цѣнная вещь, въ томъ числѣ рѣдкія христіанскія древности XIII—XIV столѣтій.

Изъ другихъ городищъ Саратовской губерніи обслѣдованы слѣдующія: 1) городище лѣвобережнаго Саратова, откуда добыто нѣсколько остатковъ домашней утвари и другихъ вещей въ видѣ татарскихъ монетъ и издѣлій XIII—XIV столѣтій, а также обнаружены слѣды древнихъ стоянокъ; 2) городища Пристанское и Курдюмское, близъ Саратова, въ которыхъ обнаружено погребеніе золотоордынской эпохи съ бытовыми предметами и монетами XIV столѣтія; 3) городище Чардымское, гдѣ 15 іюля 1910 года раскопанъ былъ могильникъ, въ которомъ найдены погребеніе въ сидячемъ положеніи, метиковыя бусины, мѣдная пряжка, металлическое зеркало, желѣзныя ножницы и др. вещи; 4) городище близъ д. Шахматовки, гдѣ найдены слѣды ордынскаго поселенія; 5) городище Ахматское, Камышинскаго уѣзда, громадныхъ размѣровъ; подъ спудомъ его найдены предметы съ архаической керамикой, экспертиза коей еще не произведена; 6) Даниловское городище, того же уѣзда, гдѣ найдены въ 1907 году предметы разныхъ эпохъ и произведено вскрытіе могилъ; а въ 1908—9 годахъ открыто мѣстонахожденіе множества каменныхъ орудій безъ слѣдовъ шлифовки и сверленія, что, по увѣренію проф. А. А.

Спицына, встрѣчено еще въ первый разъ. Древности эти относятся къ эпохѣ „старшаго мѣднаго вѣка". Въ этой же мѣстности собрана коллекція кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ и копій—предметовъ мѣднаго и бронзоваго вѣка. Особенно замѣчателенъ наконечникъ ножны меча, который проф. Арно призналъ норманскимъ X—XI вѣка и который демонстрировалъ на всероссійскомъ XV Археологическомъ Съѣздѣ въ Новгородѣ въ августѣ 1911 года. Въ этой же мѣстности (въ 15 верстахъ отъ села Даниловки) находится громадный (83 саж. въ окружности), весь каменный (безъ примѣси земли) курганъ „Бѣлый маръ", въ которомъ найдено погребеніе (въ колодѣ) съ конемъ, датированное монетой хана Токтогу 1290 года. Изъ вещей въ могилѣ найдены: желѣзные наконечники стрѣлъ и ножи, стремена, принадлежности сѣдла. Не вдали отъ „Бѣлаго мара" находятся каменный курганъ меньшихъ размѣровъ (43 сажени въ окружности), „Чертихинскій оврагъ" и озеро „Черный Лиманъ". Въ оврагѣ и по берегамъ озера часто находятъ орудія изъ камня въ видѣ толчей, молотковъ, топоровъ, кирокъ и т. д; находятъ и орудія изъ бронзы. Многіе (15) изъ этихъ предметовъ поступили въ музей нашей Комиссіи; 7) городище Терновское въ 17 верстахъ отъ г. Камышина; оно открыто въ 1908 году членомъ Комиссіи Б. В. Зайковскимъ. По количеству находокъ, слѣдовъ жилищъ и сохранности укрѣпленій городище можно считать однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ Саратовской губерніи. Здѣсь собрано свыше 300 предметовъ старины, часть которыхъ проф. А. А. Спицынъ относитъ къ очень древней эпохѣ—„старшаго мѣднаго вѣка", другую же часть—къ желѣзному вѣку, эпохѣ кочевниковъ, и третью—къ эпохѣ золотоордынской. Многіе изъ этихъ предметовъ г. Спицынъ намѣренъ помѣстить (описать и приложить рисунки) въ „Извѣстіяхъ" Императорской Археологической Комиссіи, для чего уже заготовлены клише. Увѣряютъ, что въ нижнихъ слояхъ земли этого городища находятся кости мамонта; 8) городище Бэльджаменъ около посада Дубовки, занимающее нѣсколько десятинъ земли, на которой ког-

да-то былъ городъ осѣдлаго народа, стоявшаго на значительной высотѣ культуры, на что указываютъ каменныя постройки, изящно отдѣланная домашняя утварь, мраморныя колонны, водопроводъ и пр.; а множество находимыхъ здѣсь восточныхъ монетъ говоритъ о томъ, что народъ этого города велъ торговлю съ Востокомъ; исчезъ же городъ, надо полагать, внезапно, на что указываетъ повсемѣстное нахожденіе на городищѣ угля. Кромѣ предметовъ золотоордынской эпохи, здѣсь найдены: въ 1907 году монета Константина Великаго, въ 1909 году—стрѣлы скифо-сарматской эпохи, въ 1910 году—тѣ же предметы въ очень большомъ количествѣ, а также свинцовая пластинка формы сегмента съ обрывкомъ древне-греческой надписи, въ 1910 году—сосуды съ роскошными восточными рисунками, эмалированные изразцы, карнизы, мелкія издѣлія изъ металловъ, кости и глины, а также—перстни, браслеты, подвѣски и пр; изъ монетъ найдены—одна 1317 г.,—другая—послѣднихъ годовъ существованія Золотой Орды. Изъ всѣхъ найденныхъ здѣсь вещей наибольшую цѣнность представляетъ свинцовая пластинка: по опредѣленію академика Латышева, она относится къ IV столѣтію до Р. Хр. и, такимъ образомъ, является древнѣйшей изъ находокъ въ Саратовскомъ краѣ; 9) городище при рѣчкѣ Мечетной, выше (на 17 верстъ) г. Царицына. Это—татарское городище. Развалины его извѣстны были еще Олеарію, Стрюйсу и Палласу, а нашей Комиссіей обслѣдованы только въ 1910 году. Здѣсь найдены 6 серебряныхъ и 3 мѣдныхъ монеты 1347—1378 годовъ, чеканеныхъ въ Сараѣ, Новомъ Сараѣ и Гюлистанѣ ханами Узбекомъ, Джалибекомъ, Тахтамышемъ и др.; 10) городище Ахтубинское близь села Безроднаго, почти все застроенное крестьянскими дворами. Здѣсь встрѣчаются мозаичныя облицовки стѣнъ и изразцы, покрытые голубой восточной глазурью и имѣющіе вдавленныя надписи; находимы были и погребенія съ останками скелетовъ, лежавшихъ головой на югъ, а также бусы, монеты, ожерелья, расшитыя золотомъ туфли, кремневые наконечники копій и стрѣлъ. Здѣсь же (на

правомъ берегу Ахтубы) тянется масса кургановъ съ могилами. Отсюда нѣсколько вещей поступили въ музей нашей Комиссіи; 11); городище близъ села Рынокъ, Царицынскаго уѣзда, гдѣ 13 іюня 1910 года зарегистрированы 48 контуровъ древнихъ строеній и около 10 могильныхъ насыпей типа татарскихъ кургановъ XIII—XIV в. Здѣсь добыты образцы строительныхъ матеріаловъ, обломки сосудовъ и мѣдная монета 1351 года; 12) въ г. Камышинѣ обслѣдованы дюнныя стоянки до-исторической эпохи, причемъ найдены архаическіе черепки, кремневые наконечники стрѣлъ и пр.

Внутри губерніи тоже произведены были, по мѣстамъ, раскопки. Такъ, раскопаны были могильники около г. Аткарска, въ Пригородней Слободѣ, гдѣ найдены золотыя украшенія, вазы и др. предметы глубокой старины.—Раскопки производилъ членъ Археологической Комиссіи г. Гладковъ. Тамъ-же членами нашей Комиссіи, гг. Пискаревымъ и Поповымъ, подъ руководствомъ А. Н. Минха, были произведены изысканія и собраны цѣнныя коллекціи древностей, а также обнаружены мѣста древнихъ стоянокъ. Въ самомъ г. Аткарскѣ вскрыты курганы, и въ одномъ изъ нихъ, что находится на „Улицѣ Косича", найдено погребеніе со скорченными костяками, а въ долинѣ Колышлея, что невдали отъ Аткарска, найдены, при общественныхъ работахъ, мѣдныя и каменныя орудія. Въ Петровскомъ уѣздѣ, по мѣстамъ, обнаружены могильники, которые находятся и въ окрестностяхъ города, гдѣ раскопки дали нѣсколько предметовъ желѣзнаго вѣка. Есть тамъ и городища; одно изъ нихъ находится близъ села Старыхъ Бурасъ, около котораго изъ рѣки Медвѣдицы извлечена кость мамонта.

Могильники, городища и дюнныя стоянки обнаружены и въ Балашовскомъ уѣздѣ, но самыхъ раскопокъ здѣсь еще не было произведено. Въ Сердобскомъ уѣздѣ имѣется масса кургановъ, изъ которыхъ нѣкоторые были обслѣдованы въ 1910 году членами нашей Комиссіи С. А. Шегловымъ, А. А. Гераклитовымъ и Гр. Н. Минхомъ. Въ Кузнецкомъ уѣздѣ, по берегамъ рѣки Суры, обнаружено нѣсколько городищъ самыхъ разнообразныхъ формъ.

Не оставленъ безъ вниманія и лѣвый берегъ Волги. Здѣсь, кромѣ городища Стараго Саратова, раскопаны и обслѣдованы, между прочимъ, слѣдующіе курганы и городища: 1) подъ самой слободой Покровской раскопанъ древнѣйшей эпохи курганъ, въ которомъ найдено погребеніе со скорченнымъ костякомъ и предметами мѣднаго вѣка, причемъ костякъ оказался окрашеннымъ, что указываетъ на глубокую древность; 2) городище Квасниковское, близь села Квасниковки, что находится наискось Увека и называется въ народѣ „Мамаевъ городокъ". Здѣсь добыты, между прочимъ, 4 гончарныхъ водопроводныхъ трубы и много монетъ; а въ одномъ изъ разрытыхъ кургановъ типа XIV стол. найденъ окрашенный костякъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что почти всѣ эти изысканія, раскопки и пр. сдѣланы главнымъ образомъ въ послѣднія 4—5 лѣтъ: до 1907 года Комиссіей были изслѣдованы лишь три городища: Старый Саратовъ, Увекъ и Бэльджаменъ, и разрыто нѣсколько кургановъ: около деревни Нееловки и селъ Гремячки и Большой Дмитріевки, на Маруновой и Кудеяровой горахъ, въ г. Царицынѣ, на Рыбинской улицѣ, вблизи Саратова, около дачи „Родничекъ", и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ; всѣ же остальные вышесказанные курганы и городища обслѣдованы позднѣе 1907 года, причемъ до этого года вопросъ о слѣдахъ до-историческихъ насельниковъ Саратовскаго края въ Комиссіи рѣдко когда поднимался, и если въ музеѣ послѣдней имѣлось нѣсколько экземпляровъ неолитическихъ предметовъ (орудій), то это были лишь продукты случайныхъ находокъ, или же пожертвованія, имѣвшія небольшое значеніе для изученія первобытной исторіи края. Въ настоящее же время Комиссія имѣетъ значительную коллекцію матеріаловъ по до-исторической археологіи края, причемъ во многихъ мѣстахъ губерніи открыты слѣды древнѣйшихъ обитателей—эпохъ каменнаго и, такъ называемаго, „старшаго мѣднаго вѣка," такъ что можно категорически сказать, что 1907 годъ—новая эра въ археологической дѣятельности нашей Комиссіи, которая именно съ этого вре-

мени вступила на путь изученія до-исторической эпохи, и въ этомъ направленіи заслужила уже извѣстность въ ученомъ мірѣ, что твердо установлено экспертизой древностей ея музея, которой занимались такіе спеціалисты, какъ академикъ Латышевъ и профессора Самоквасовъ, Спицынъ, Городцовъ, Хвойко, Н. Ф. Катановъ и др.

Но особенную цѣнность представляютъ вещи, добытыя въ послѣднее время въ двухъ городкахъ близь селъ Березняковъ и Кошелей, Вольскаго уѣзда. Эти вещи—черепки съ отпечатками на нихъ разнаго рода плетеній, извѣстныхъ въ археологіи подъ названіемъ „сѣтчатый орнаментъ“, на основаніи котораго вышесказанные профессора-спеціалисты относятъ черепки къ древнему типу керамики ранней поры желѣзной эпохи. Въ частности, проф Спицынъ въ письмѣ своемъ въ Комиссію, отъ 19 іюня текущаго года, пишетъ слѣдующее: „Черепки Березниковскаго городка—архаичны, очень интересны и обѣщаютъ весьма любопытныя открытія при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Время ихъ пока не можетъ быть названо, такъ какъ сами по себѣ они представляютъ *полную новость въ наукѣ* и опредѣлятся лишь совмѣстными находками металлическихъ вещей. Доставленные мнѣ черепки производятъ впечатлѣніе однородныхъ, принадлежащихъ одной культурѣ. Поздравляю Саратовскую Архивную Комиссію съ открытіемъ этой культуры, сдѣлавшимъ новый шагъ въ изученіи мѣстной археологіи“.

Такая аттестація, конечно, не можетъ быть непріятна Комиссіи, особенно же тѣмъ ея членамъ, которые сдѣлали это открытіе. Мы говоримъ о членахъ С. А. Щегловѣ, А. А. Кротковѣ и Б. В. Зайковскомъ. Открытіе—ихъ личная заслуга передъ наукой и обществомъ, если, конечно, послѣднее склонно дорожить такого рода открытіями и самими „открывателями“. Имъ же, этимъ членамъ, принадлежитъ заслуга произведеннаго ими въ теченіе 1906—1911 годовъ обслѣдованія всѣхъ вышесказанныхъ городищъ и кургановъ, изъ которыхъ путемъ раскопокъ, добыта ими масса старинныхъ предме-

товъ, обогатившихъ музей Комиссіи, въ который только въ теченіе одного 1910 года поступило таковыхъ предметовъ около 3000 штукъ. Ими же, этими членами, намѣчены къ обслѣдованію и многіе другіе городища, курганы и дюнныя стоянки, въ изобиліи разсѣянные по Саратовской и отчасти по Самарской губерніямъ. Работа эта будетъ произведена весной и лѣтомъ будущаго 1912 года.

Насколько важны для мѣстнаго края и областной науки раскопки городищъ и кургановъ, объ этомъ едва ли нужно распространяться. Еще въ началѣ 1880-хъ годовъ проф. Д. Я. Самоквасовъ писалъ въ своей „Инструкціи для научнаго изслѣдованія кургановъ“ слѣдующее: „Каждый курганъ, каждая могила языческой эпохи представляетъ собой вещественный памятникъ нашей исторіи. Этотъ памятникъ дѣлается достояніемъ современной науки и сохраняется для будущихъ поколѣній... Раскопка и описаніе кургановъ, по своему значенію, подобны изданію писанныхъ историческихъ памятниковъ.“

Вотъ эти „вещественные памятники нашей исторіи“, исторіи Саратовскаго края, и старалась наша Комиссія накапливать въ своемъ музеѣ. Къ этой же цѣли были направлены и частыя, особенно въ послѣдніе годы, экскурсіи членовъ Комиссіи по разнымъ угламъ Саратовской, Самарской, отчасти Пензенской, Астраханской и Казанской губерній. И эти экскурсіи, а равно и щедрыя, по призывамъ Комиссіи, пожертвованія самыхъ разнообразныхъ вещей создали музей Комиссіи, въ которомъ почти каждая, повидимому, самая „пустая“ вещь является „вещественнымъ памятникомъ нашей исторіи“. По этимъ памятникамъ будущіе изслѣдователи возстановятъ картину былой жизни Саратовскаго края и, быть можетъ, добромъ помянутъ и нашу Комиссію, какъ собирательницу[45]) и охранительницу этихъ памятниковъ.

[45]) Въ поискахъ древностей, Комиссія обращалась ко всѣмъ, имѣющимъ при себѣ музеи, учрежденіямъ, какъ русскимъ, такъ и заграничнымъ, къ послѣднимъ—черезъ посредство русскихъ консуловъ, причемъ просила, между прочимъ, и о высылкѣ ей вещей—дублетовъ, въ разное время найденныхъ въ Помпеѣ, Вавилоніи, Египтѣ и т. д.; но отвѣты получены неутѣшительные: древностей Саратовскаго края ни въ русскихъ, ни въ заграничныхъ музеяхъ нѣтъ; предметы же изъ Помпеи и пр. вывозить за границу закономъ запрещено. См. протоколы Общ. Собр. Комиссіи: 18 и 19 апр. и 25 мая 1909 г.

Но охрана Комиссіей памятниковъ простиралась не на „ископаемые“ только предметы, а и на тѣ, которые еще не подверглись вандализму людскому и „злости стихій“.

Изъ многочисленныхъ случаевъ этого характера укажемъ только слѣдующіе: въ 1904 году Строительный Комитетъ по ремонту и благоукрашенію Стараго собора въ Саратовѣ, при сломкѣ крыши надъ открытой, окружающей соборъ, галлереей, обнаружилъ на стѣнахъ послѣдняго орнаменты (сандрики) типа конца XVII вѣка, изъ которыхъ большая часть была въ полуразрушенномъ состояніи, и Комитетъ недоумѣвалъ, что съ ними дѣлать —возстановить или уничтожить ихъ окончательно? А тѣмъ временемъ, въ виду появившихся въ мѣстной прессѣ замѣтокъ объ этомъ колебаніи Комитета, наша Комиссія сообщила С.-Петербургской Императорской Археологической Комиссіи о положеніи дѣла съ вопросомъ объ участи орнаментовъ, и Комиссія эта въ отношеніи своемъ отъ 23 іюня 1904 года на имя Саратовскаго Преосвященнаго Гермогена совѣтовала орнаменты сохранить, что и было сдѣлано.[46]) Аналогичный случай произошелъ съ Новымъ (каѳедральнымъ) Соборомъ: въ началѣ весны 1910 года составленъ былъ особый Комитетъ по перестройкѣ и капитальному ремонту этого собора, который (Комитетъ) и разсчитывалъ въ недалекомъ будущемъ приступить къ работамъ, не считаясь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что соборъ—памятникъ 1812 года и что планъ его былъ въ свое время (26 августа 1814 г.) Высочайше утвержденъ, а потому и измѣненъ можетъ быть только съ Высочайшаго же соизволенія; а такъ какъ Комитетъ не испросилъ послѣдняго, то въ дѣло вмѣшалась наша Комиссія, сообщивъ о намѣреніи Комитета той же Археологической Комиссіи, которая, по соглашенію съ Св. Синодомъ и Академіей Художествъ, наложила свое veto на проектъ Комитета по перестройкѣ собора. Третій случай касается тоже храма—Іоанна

[46]). См. нашу книгу: „Саратовскій Троицкій (старый) Соборъ“. Саратовъ. 1904 г. стр. 156.

Предтечи въ Царицынѣ [47]). Храмъ этотъ (каменный) очень древній (1664—5 г.) и въ настоящее время очень тѣсенъ, потому прихожане и рѣшили было или продать его на сломъ, или расширить, но теперь это намѣреніе ими оставлено: Археологическая Комиссія, по сообщенію нашей Комиссіи, и здѣсь наложила свое veto. Она же наложила свое veto и на ремонтъ и передѣлку домовъ Персидскихъ въ посадѣ Дубовкѣ, [48]) причемъ наша Комиссія, сообщая ей, Археологической Комиссіи, о готовящейся передѣлкѣ этихъ домовъ, указала на литературу и преданія, соединенныя съ ихъ существованіемъ, насчитывающихъ себѣ не менѣе 150 лѣтъ со времени постройки ихъ казачьимъ атаманомъ Персидскимъ и вилѣвшихъ въ своихъ стѣнахъ цѣлую плеяду историческихъ дѣятелей, а равно и бунтовщиковъ, кончая Пугачевымъ.

Не оставила безъ вниманія наша Комиссія и древнихъ церковныхъ вещей. Въ заботѣ своей объ охранѣ ихъ, Комиссія на общемъ собраніи 16 декабря 1907 года постановила: просить Преосвященнаго Гермогена и Духовную Консисторію сдѣлать распоряженіе, чтобы изъ церквей Саратовской епархіи, безъ предварительнаго сношенія съ ней, Комиссіей, ничего изъ церковныхъ древностей не продавалось и не уничтожалось. Постановленіе это состоялось по поводу того, что причтъ Никольской церкви въ Саратовѣ за безцѣнокъ, какъ „хламъ", продалъ татарамъ—старьевщикамъ старыя бархатныя ризы съ иконъ и облаченія, украшенныя жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Хотя постановленіе Комиссіи состоя-

---

[47]). Планъ и архитектура храма—древне-византійскіе; построенъ онъ первыми насельниками Царицына на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, былъ дворецъ Батыя; при немъ (храмѣ) нѣкоторое время находился „дѣвичій" монастырь. Храмъ довольно темный и можетъ вмѣстить не болѣе 150 молящихся. См. „Историко-географич. словарь Сарат. губ.," т. 1., вып. 4, стр. 1293—4. Аткарскъ. 1902 года.

[48]). Дома эти находятся на Персидскомъ взвозѣ, невдалекѣ отъ Волги. Построены они изъ дикаго камня въ царствованіе Анны Іоанновны. Нѣкогда они служили крѣпостями и были снабжены пушками; подъ домами много было секретныхъ, подземныхъ ходовъ, ведшихъ къ рѣчкѣ Дубовкѣ, къ берегу Волги и къ Успенскому собору, стоящему на площади. Ходы эти служили, какъ думаютъ, убѣжищемъ отъ непріятелей. Теперь ходы завалены землей. Съ ними, какъ и съ домами, соединена масса преданій, разсказовъ и воспоминаній.

лось post hoc и propter hoc, но на будущее время оно будетъ имѣть свое значеніе и, навѣрно, устранитъ подобные вышесказанному случаи.

Какъ бы то ни было, а Саратовская Ученая Архивная Комиссія—пока единственное[49]) въ цѣлой губерніи учрежденіе, выносящее на своихъ плечахъ тяжкое бремя охраны, описанія и изученія памятниковъ мѣстной старины. Здѣсь намъ невольно припоминаются грандіозные, составленные въ прошломъ, проекты по охраненію и описанію архивовъ. Проекты требуютъ милліонныхъ затратъ на постройку грандіозныхъ зданій, на подготовку архивистовъ-спеціалистовъ и обезпеченіе ихъ жалованьемъ, а также на учрежденіе областныхъ центральныхъ и административно-архивныхъ учрежденій съ многочисленными штатами служащихъ.... Но не скоро эти проекты дождутся своего осуществленія и къ тому же остаётся еще открытымъ вопросъ, будутъ ли эти грандіозныя предпріятія въ должной мѣрѣ работоспособными и цѣлесообразными. Между тѣмъ какъ Губернскія Ученыя Архивныя Комиссіи, не смотря на крайнюю недостаточность матеріальныхъ средствъ, выполняютъ дѣло охраны старины уже и теперь удовлетворительно, посвящая ему свои труды и лишь въ будущемъ ожидая правительственной поддержки,—но, конечно, не той 200 рублевой поддержки, что проведена законодательнымъ порядкомъ въ засѣданіи Государственной Думы 1 мая 1909 года: такой „поддержки“ Архивнымъ Комиссіямъ едва хватаетъ на канцелярскія принадлежности, и утѣшеніемъ для Комиссій служитъ не эта „поддержка“,

---

[49]) Жаль, что Комиссія, признавшая еще въ 1888 году „въ принципѣ желательнымъ“ учрежденіе въ уѣздныхъ городахъ Уѣздныхъ Архивныхъ Комиссій, доселѣ не осуществила этого своего пожеланія, подсказаннаго ей губернаторомъ А. И. Косичемъ.—См. Протоколъ Общ. Собр. Ком. 1888 г.—19 сен. Жаль также, что у нашей Комиссіи доселѣ нѣтъ членовъ—корреспондентовъ, хотя мысль о желательности имѣть ихъ возникла у нашей Комиссіи еще въ началѣ 1890-хъ годовъ. А между тѣмъ и Уѣздныя Архивныя Комиссіи. и члены—корреспонденты, существуй они на самомъ дѣлѣ, могли-бы значительно облегчить трудъ нашей Комиссіи по охранѣ памятниковъ древности, и а равно и по собиранію свѣдѣній по этнографіи и т. д.

а оффиціальное признаніе Думой пользы для государства отъ Комиссій, этого „единственнаго работника, который изучаетъ предметы русской старины". [50]).

А разъ дѣятельность Ученыхъ Архивныхъ Комиссій признана оффиціально и всенародно такимъ высокимъ и авторитетнымъ учрежденіемъ, какъ Государственная Дума, мы въ правѣ сказать и указать Саратовскому обществу на эту пользу для него отъ нашей Комиссіи.

Располагая массою цѣнныхъ для мѣстнаго края предметовъ по музею, библіотекѣ и архиву, Комиссія дѣлилась ими съ мѣстнымъ обществомъ, предоставляя членамъ его право не только безпрепятственно обозрѣвать эти предметы, но и заниматься въ любомъ ея отдѣлѣ. И вотъ тутъ-то многіе изъ непосвященныхъ въ археологію съ ея отвѣтвленіями, въ ея предметъ и задачи, впервые поняли, что предметомъ науки могутъ служить не небесныя только тѣла и явленія, что вѣдаютъ астрономы; не пласты только, залегающіе въ глубинѣ земли, что вѣдаетъ геологія; не повѣствованія только о подвигахъ государей и генераловъ - героевъ, что вѣдаетъ оффиціальная исторія; не сообщенія только о равнинахъ, горахъ, озерахъ, моряхъ и т. д., что вѣдаетъ географія; но и явленія, и предметы окружающей насъ теперь и окружавшей когда-то нашихъ предковъ обстановки, какъ одежда, обувь, принадлежности кухни, запряжки лошадей, обработки земли, дерева, камня, орудій охоты и борьбы съ дикими звѣрями и людьми-врагами и т. д.—все это также служитъ предметомъ науки и потому заслуживаетъ вниманія къ себѣ не въ меньшей степени, чѣмъ, напр., описаніе горъ, рѣкъ, движеніе небесныхъ свѣтилъ и т. д.

Когда это было понято, въ Комиссію начали поступать самые разнообразные предметы старины, что указывало на то, что жертвователи признаютъ эти предметы не лишенными значенія научнаго и потому подлежащими храненію, тѣмъ болѣе, что жертвователи иногда сопро-

[50]) См. стенографическій отчетъ засѣданія Государственной Думы 1 мая 1909 года, перепечатанный въ 25 вып. „Трудовъ" Сарат. Уч. Арх. Ком. за тотъ же годъ, стр. 1, отдѣлъ второй.

вождали свои пожертвованія такими словами въ своихъ письмахъ: „дома боязно держать: сгорѣть могутъ, или украдутъ, и выйдетъ по пословицѣ о собакѣ на сѣнѣ“.

А нѣкоторые, кромѣ предметовъ старины, присылали въ Комиссію свои научнаго характера трактаты. Такъ поступилъ, между прочимъ, инспекторъ народныхъ училищъ Харьковской губерніи Г. А. Ознобишинъ, приславшій въ 1891 году свой трудъ о торговыхъ путяхъ юго-востока Россіи; такъ поступили крестьяне села Саламатина, Камышинскаго уѣзда, К. А. Бондаренко и села Князевки, Петровскаго уѣзда, Г. Кир. Заварицковъ. Изъ нихъ Бондаренко еще въ 1905 г. собиралъ, кромѣ вещественныхъ памятниковъ старины, и письменные памятники по исторіи и этнографіи своего села и, какъ результатъ своихъ работъ, доставилъ Комиссіи записи пяти заговоровъ: „отъ крови“, „отъ ружейныхъ выстрѣловъ“, „отъ суда“, „отъ болѣзни скота“ и „отъ переполоху“ (испуга), а Заварицковъ собиралъ матеріалы по народной словесности и теперь составляетъ словарь разговорнаго языка.

Надо замѣтить, что ни Ознобишинъ, ни Бондаренко и Заварицковъ членами Комиссіи не состояли въ то время, какъ не состоятъ и теперь, и, такимъ образомъ, для Комиссіи они формально люди совершенно посторонніе, по занятіямъ же близкіе ей, тѣмъ болѣе, что они являются, можно сказать, крестниками Комиссіи, особенно —Бондаренко и Заварицковъ, у которыхъ любовь къ археологіи и этнографіи явилась плодомъ бесѣды съ ними экскурсантовъ—членовъ Комиссіи. Фактъ очень утѣшительный!

Не менѣе утѣшительнымъ фактомъ является и то обстоятельство, что архивъ, музей и библіотека Комиссіи пользуются солидной репутаціей среди ученыхъ столичныхъ профессоровъ, которые рекомендуютъ своимъ слушателямъ—студентамъ заняться областной исторіей, этнографіей и археологіей именно при Саратовской Комиссіи. Комиссія наша не разъ видѣла въ своемъ помѣщеніи группы студентовъ, усердно, подъ руководствомъ хранителей

музея и архива, изучавшихъ музейныя вещи и архивные документы, такъ что помѣщеніе Комиссіи служило для нихъ аудиторіей и лабораторіей вмѣстѣ. Нѣкоторые изъ студентовъ впослѣдствіи вступили въ члены Комиссіи и теперь энергично работаютъ для послѣдней. Укажемъ, для примѣра, на двоихъ: С. Н. Чернова и В. А. Пасенко. Первый работаетъ надъ вопросами по землевладѣнію и крѣпостному праву въ Саратовскомъ краѣ, второй собралъ уже заключающійся въ архивѣ Комиссіи богатый матеріалъ для своей ученой диссертаціи объ А. Н. Радищевѣ (1749—1802 г.).

Для ученой же диссертаціи пользовалось матеріалами Комиссіи и другое лицо—отст. подпоручикъ С. В. Кенигштетеръ. Въ письмѣ отъ 1 декабря 1910 года на имя хранителя музея Комиссіи Б. В. Зайковскаго г. Кенигштетеръ, между прочимъ, пишетъ: „будьте любезны передать г.г. членамъ Саратовской Ученой Архивной Комиссіи мою искреннюю благодарность за ихъ отзывчивость и за исполненіе моей просьбы. Ваши оба письма я получилъ и сообщенныя вами свѣдѣнія *драгоцѣнны для* моей *диссертаціи*“. Свѣдѣнія взяты, конечно, изъ архива Комиссіи.

Былъ й такой случай: за помощью къ Комиссіи обратился иностранецъ, французскій подданный, спеціалистъ-историкъ, Камиллъ Риффаттеръ, собиравшій свѣдѣнія о пребываніи въ Россіи до и послѣ 1812 года военноплѣнныхъ французовъ. Свѣдѣнія эти онъ нашелъ въ архивѣ Комиссіи, и именно свѣдѣнія о тѣхъ военноплѣнныхъ, которые проживали въ Саратовѣ и о которыхъ старожилъ Н. Г. Скопинъ говоритъ въ своихъ „Запискахъ дневныхъ“ подъ 6 декабря 1812 года: „Тѣмъ только и занимаются въ городѣ, что принимаютъ и выгоняютъ плѣнныхъ, не смотря на холодъ и метелицу“.

О другихъ случаяхъ (а ихъ были сотни, если не тысячи), когда Комиссія оказывала болѣе или менѣе важныя услуги разнымъ лицамъ и учрежденіямъ, мѣстнымъ и иногороднимъ, не находимъ нужнымъ распространяться, такъ какъ одинъ перечень ихъ много от-

нялъ бы у насъ времени, а въ „Очеркѣ“ занялъ бы нѣсколько лишнихъ страницъ, въ сущности, мало кому нужныхъ,

Вотъ и вѣрьте послѣ этого на слово тѣмъ господамъ, которые, безъ знанія дѣла, стараются увѣрить кого-то, что Саратовская Ученая Архивная Комиссія—учрежденіе „никому и ни на что ненужное“!...

Какъ видятъ читатели, наша Комиссія кое-кому нужна и принесла долю пользы. Но, кажется, надо признать безспорнымъ, что въ особенности полезнымъ для многихъ оказался музей Комиссіи. Выше было сказано, что музей открытъ былъ для безплатнаго обозрѣнія публики по воскресеньямъ съ половины 1904 г. и что посѣщала его больше всего молодежь и преимущественно учащаяся. И надо сказать правду, что эта молодежь представляла собой элементъ, наиболѣе интересующійся предметами музея. Навстрѣчу ея интересамъ охотно шли хранители музея и заступавшіе ихъ мѣсто, умѣвшіе разъяснять юнымъ слушателямъ важное значеніе музейныхъ предметовъ для исторіи и археологіи Саратовскаго края. Подъ вліяніемъ этихъ разъясненій образовался маленькій кружокъ молодежи, который посѣщалъ музей неопустительно не только по воскреснымъ, но и вообще по праздничнымъ днямъ, когда помѣщеніе Комиссіи было открыто только для ея членовъ. Внимательно просматривая всѣ отдѣлы музея и усердно изучая нѣкоторые изъ нихъ, этотъ кружокъ задумалъ создать свой собственный музей, въ который вскорѣ поступили нѣкоторые предметы старины, благопріобрѣтенные и пожертвованные. За музеемъ послѣдовало образованіе маленькой библіотечки изъ наиболѣе необходимыхъ для знакомства съ исторіею мѣстнаго края книгъ. Затѣмъ кружокъ изъ среды себя избралъ предсѣдателя и должностныхъ лицъ и устраивалъ „общія“ собранія, на которыхъ читались сообщенія и рефераты и обо всемъ прочитанномъ и обсужденномъ составлялись протоколы. Словомъ—все шло тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ Ученой Архивной Комиссіи; не доставало лишь сообщеній о

ходѣ работъ по архиву, котораго у кружка въ это время еще не было. На второмъ году своего существованія, кружокъ, по просьбѣ нѣкоторыхъ лицъ изъ Саратовскаго общества, признанъ былъ попечителемъ казанскаго учебнаго округа легальнымъ, и ему было отведено помѣщеніе въ одной изъ комнатъ при второй мужской гимназіи. Здѣсь 27 февраля текущаго года состоялось первое, предварительное, собраніе кружка, на которомъ было выработано его названіе „Группа учениковъ—любителей изученія Саратовскаго края"; затѣмъ были намѣчены параграфы правилъ внутренняго распорядка „Группы" и избраны: предсѣдателемъ группы ученикъ первой гимназіи Борисъ Федоровъ, его товарищемъ—ученикъ второй гимназіи Пант. Алексѣевъ, правителемъ дѣлъ (секретаремъ)—ученикъ той же (второй) гимназіи Алексѣй Анищенко; почетнымъ попечителемъ группы—директоръ гимназіи В. Б. Каттерфельдъ, почетными членами—лица, способствовавшія организаціи „Группы": В. Н. Ознобишинъ, М. П. Степановъ, В. А. Шахматовъ, Б. В. Зайковскій, С. А. Щегловъ и А. А. Березина.

Оффиціальное открытіе кружка состоялось 20 марта сего года при довольно торжественной обстановкѣ: было отслужено молебствіе, прочитаны привѣтствія отъ разныхъ лицъ и произнесены рѣчи директоромъ гимназіи г. Каттерфельдомъ, нѣкоторыми членами Ученой Архивной Комиссіи и двоими учениками.

Второе собраніе „Группы" состоялось 8 апрѣля, на которомъ были прочитаны сообщенія и обсуждена программа работъ; 8 же апрѣля „Группа" въ числѣ 34 учениковъ и 6 членовъ - руководителей экскурсировала на Увекъ, гдѣ на горѣ—„Каланчѣ" устроили импровизированную аудиторію: прочитали выдержки изъ различныхъ печатныхъ статей объ Увекѣ и обозрѣвали тѣ мѣста, гдѣ находятся „подъ спудомъ" древнія зданія, валы, рвы и т. п. Между прочимъ, была произведена „показательная" раскопка древняго погребенія. Въ результатѣ „Группа", кромѣ ознакомленія съ Увекомъ и практическаго пополненія своихъ познаній въ археоло-

гіи, пріобрѣла нѣсколько черепковъ татарской обливной посуды и двѣ древнія монеты—одну татарскую 1213 года, другую—древнегреческую съ изображеніемъ воина въ шлемѣ и головы быка. Кромѣ того, записано было преданіе мѣстнаго старожила о найденномъ кладѣ древнихъ монетъ.

„Группа" предпринимала и другія экскурсіи, напр., въ д. Хмелевку и на Саратовское городище. Находки, добытыя ею здѣсь и на Увекѣ, увеличили ея музей, въ которомъ теперь насчитывается больше 2500 старинныхъ вещей и монетъ. Что касается читаемыхъ на собраніяхъ „Группы" сообщеній и рефератовъ, то о содержаніи и характерѣ ихъ одинъ изъ компетентныхъ членовъ нашей Комиссіи отозвался съ большой похвалой и даже призналъ „желательнымъ" просить членовъ „Группы" ознакомить съ своими докладами нашу Комиссію". [51])

Такъ какъ „Группа учениковъ - любителей" является прямымъ сколкомъ и роднымъ дѣтищемъ Комиссіи, то послѣдняя будетъ всячески поддерживать бодрое настроеніе въ любителяхъ и помогать имъ чѣмъ только будетъ въ состояніи. На первое время Комиссія рѣшила передать имъ дубликаты предметовъ старины. [52])

Подобныя же группы любителей старины, по словамъ саратовцевъ - студентовъ Петербургскаго и Московскаго университетовъ, частью образовались, частью образовываются при этихъ университетахъ и концентрируются около профессоровъ - археологовъ, причемъ особенную любовь къ археологіи обнаруживаютъ студенты - саратовцы, которые раньше обучались въ учебныхъ заведеніяхъ Саратова, и знакомились съ мѣстной стариной въ музеѣ нашей Комиссіи. Любовь къ старинѣ не покинула ихъ и въ столичныхъ центрахъ.

Все нами сказанное о Саратовской Комиссіи, надѣемся, ясно свидѣтельствуетъ, что она не замыкается

---

[51]) См. протоколъ Общ. Сбор. Ком. 16 апр. 1911 г. въ вып. 28. „Трудовъ", стр. 40.

[52]) Тамъ же.

въ себѣ и не сторонится отъ общенія съ широкой публикой, а, напротивъ, наравнѣ съ другими просвѣтительными учрежденіями, идетъ навстрѣчу всякому благому начинанію.

Начиная съ конца 1889 года Комиссія много разъ устраивала публичныя засѣданія въ залахъ дома Саратовскаго дворянства, а потомъ и всѣ вообще собранія свои дѣлала вполнѣ доступными для мѣстнаго общества, чрезъ что нравственная связь между Комиссіей и обществомъ могла только расти и крѣпнуть.

Въ 1890 году Комиссія привѣтствовала Московское Археологическое Общество по случаю 25-лѣтія его существованія; въ 1891 г. Комиссія одна вынесла на своихъ плечахъ всю научную и литературную стороны по празднованію 300-лѣтія Саратова; въ 1893 г. привѣтствовала директора Археологическаго Института А. Н. Труворова съ 50-лѣтіемъ его научно-литературной дѣятельности; въ 1902 г. Комиссія оказала услугу Е. П. Θеокритову и П. Л. Юдину, дозволивъ имъ помѣстить фотографическіе снимки съ изображеній „сивиллъ“ и картуза и трости Петра Великаго—первому въ „Спутникѣ по Волгѣ“, второму—въ „Историческомъ Вѣстникѣ“; въ 1904 г. послано привѣтствіе „Московскому Обществу исторіи и древностей Россійскихъ“ по случаю 100-лѣтія его существованія; въ 1907 г. послано по телеграфу привѣтствіе Московскому Археологическому Институту по случаю открытія его 23 сентября сего года.

Въ 1908 году, по иниціативѣ Петербургскаго Археологическаго Института, наша Комиссія принимала дѣятельное участіе въ выработкѣ проекта новаго положенія объ Ученыхъ Архивныхъ Комиссіяхъ, причемъ выразила принципіальное несогласіе съ тѣмъ положеніемъ, которое было выработано 17 апрѣля того же 1908 года особою комиссіей при сказанномъ Институтѣ и принято какъ Институтомъ, такъ и проживавшими въ то время въ Петербургѣ депутатами отъ другихъ Ученыхъ Архивныхъ Комиссій. Признавая въ новомъ положеніи мѣстами неполноту, мѣстами, наоборотъ, излишнія правила, а также считая неуклюжимъ самое наименованіе Ученыхъ Архивныхъ Комиссій,

по новому положенію, „Учеными архивно-археологическими Комиссіями“, наша Комиссія выработала свой проектъ, по которому Архивныя Комиссіи переименовываются въ „Губернскія Ученыя Комиссіи Древностей“[53]) И надо правду сказать: этотъ проектъ отличается большею опредѣленностью въ редакціонномъ отношеніи и долженъ считаться болѣе соотвѣтствующимъ автономному существованію Комиссій. Въ частности, проектъ этотъ стоитъ въ большемъ соотвѣтствіи съ „временными правилами внутренняго распорядка“,[54]) выработанными нашей Комиссіей частію въ дополненіе, частію въ измѣненіе доселѣ (до 31 мая 1909 г.) дѣйствовавшихъ правилъ 21 ноября 1892 г.

Въ 1909 году Комиссія принимала живѣйшее участіе въ торжественномъ чествованіи памяти Н. В. Гоголя по случаю 100-лѣтней годовщины его рожденія, причемъ предсѣдателемъ Комиссіи В. П. Соколовымъ и членомъ А. А. Черновскимъ передъ бюстомъ чествуемаго писателя былъ положенъ большой изъ живыхъ цвѣтовъ вѣнокъ; въ томъ же году 12, 15 и 24 іюня Комиссія привѣтствовала Комиссіи Тамбовскую, Рязанскую и Тверскую по случаю 25-лѣтія ихъ существованія; въ томъ же году, 26 и 27 іюня Комиссія принимала живое участіе по случаю всероссійскаго празднованія дня Полтавской побѣды, причемъ наканунѣ празднованія, 26 іюня, члены Комиссіи, согласно постановленію Общаго Собранія 20 іюня, слушали въ Старомъ соборѣ всенощную и панихиду по Императорѣ Петрѣ Великомъ, его сподвижникамъ и доблестнымъ, павшимъ на полѣ брани, воинамъ, а въ день празднованія, 27 іюня, слушали въ кафедральномъ соборѣ литургію, молебенъ и панихиду по тѣмъ же доблестнымъ защитникамъ отечества нашего; въ концѣ того же 1909 года Комиссія принимала участіе въ торжественномъ открытіи въ Москвѣ памятника первопечатнику діакону Ивану Федорову; кромѣ телеграфнаго привѣтствія Московскому

---

[53]) Проектъ напечатанъ въ 25 вып. „Трудовъ“ за 1909 г.

[54]) Напечатаны тамъ же.

Археологическому Обществу, которому принадлежала инициатива празднованія открытія памятника, Комиссіею уполномочены были ея московскіе члены гг. Кедровъ и Матвѣевъ лично присутствовать на торжествѣ; наконецъ, 6 декабря того же года Комиссія привѣтствовала поднесеніемъ адреса открытіе въ Саратовѣ университета; адресъ напечатанъ отъ руки вязью и украшенъ виньеткой съ цвѣтами и фигурами въ стилѣ XIV в.; матеріаломъ для адреса послужилъ пергаментъ, выписанный за счетъ почетнаго члена Комиссіи А. А. Тилло изъ Москвы отъ Даціара, а рисунокъ исполненъ директоромъ Боголюбовскаго Рисовальнаго училища въ Саратовѣ П. Н. Боевымъ. По оригинальности рисунка и написанія текста вязью этотъ адресъ оказался самымъ лучшимъ среди сотенъ другихъ адресовъ; въ 1910 году Комиссія рѣшила передать вновь открытому университету большую и цѣнную коллекцію палеонтологическую и коллекцію ископаемыхъ остатковъ флоры и фауны; въ 1910 же году Комиссія привѣтствовала гр. П. С. Уварову по случаю исполнившагося 28 апрѣля этого года 25-лѣтія ея предсѣдательствованія въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ. Цѣня ея заслуги по археологіи, Комиссія наша вмѣстѣ съ привѣтствіемъ послала графинѣ извѣщеніе о единогласномъ избраніи ея почетнымъ членомъ нашей Комиссіи. Въ этомъ же году Комиссія, чрезъ особо избранную депутацію, приняла участіе въ торжествѣ празднованія 25-лѣтія Радищевскаго музея въ Саратовѣ, причемъ Попечительному Совѣту музея былъ поднесенъ адресъ; привѣтствовала также открывшееся въ этомъ году Кукарское образовательное общество и Саратовское Физико-медицинское общество по случаю 50-лѣтія его существованія; въ концѣ этого года (25 октября) Комиссія устроила торжественное засѣданіе въ честь основателя ученыхъ Архивныхъ Комиссій, сенатора Н. В. Калачова, по случаю исполнившагося въ этотъ день 25-лѣтія со дня его кончины; въ концѣ же этого года (20 ноября) Комиссія отозвалась на общерусское горе вслѣдствіе кончины (7 ноября) великаго пи-

сателя - мыслителя Л. Н. Толстого, почтивъ память его вставаніемъ; въ текущемъ 1911 году Комиссія приняла дѣятельное участіе въ торжествѣ 19 февраля, возложивъ къ подножію памятника одинъ экземпляръ своего „Сборника“ по крѣпостному праву подъ заглавіемъ „Матеріалы по крѣпостному праву. Саратовская губернія“; 26-го марта сего же года Комиссія привѣтствовала телеграммой Воронежскую Ученую Архивную Комиссію, какъ иниціатора торжества въ честь Н. И. Костомарова, уроженца г. Воронежа, по случаю истекшаго 27 марта текущаго года 25-лѣтія со дня его, Костомарова, смерти; при чемъ на устроенную при Воронежской Комиссіи Костомаровскую выставку наша Комиссія выслала изъ своего архива 2 письма Н. И. Костомарова. 28 апрѣля сего же года Комиссія привѣтствовала адресомъ перваго ректора Саратовскаго Николаевскаго Университета В. И. Разумовскаго по случаю исполнившагося этого числа 30-лѣтія его ученой и профессорской дѣятельности; къ 16 октября послано въ г. Воронежъ привѣтствіе по случаю исполнившагося этого числа 50-лѣтія со дня кончины выдающагося русскаго поэта И. Сав. Никитина и открытія ему памятника. 8 ноября сего же года, послано привѣтствіе Академіи Наукъ по случаю 200-лѣтія, протекшаго со дня рожденія М. В. Ломоносова, причемъ Комиссія уполномочила своихъ членовъ А. А. Шахматова и К. А. Военскаго быть представителями ея на торжественномъ въ этомъ засѣданіи Академіи.

Кромѣ того, для распространенія среди Саратовскаго общества свѣдѣній о прошлыхъ судьбахъ мѣстнаго края, Комиссія выступала съ двумя лекціями, прочитанными въ залѣ Коммерческаго Собранія членами Комиссіи Ѳ. Ѳ. Силинымъ (16 марта 1909 года[55]) и В. А. Шахматовымъ (20 декабря 1910 г.)

Первая лекція имѣла характеръ историко-географи-

---

[55]) Кромѣ г. Силина, предполагалъ читать (17 марта) лекцію членъ Комиссіи Н. А. Димо „о культурѣ человѣка съ древнѣйшихъ временъ“; но, по встрѣтившимся въ разрѣшеніи ея затрудненіямъ, лекція эта была снята съ очереди. См. протоколъ Общ. Собр. Ком. 7 марта 1909 г.

ческаго сообщенія „о народахъ, населявшихъ Саратовскій край съ древнѣйшихъ временъ“; вторая лекція— „Пугачевъ въ Саратовѣ“—знакомила Саратовскую публику съ „подвигами“ Пугачева и его шайки въ Саратовѣ и его окрестностяхъ частью по неизданнымъ еще матеріаламъ и потому многое въ лекціи оказалось новымъ, интереснымъ и важнымъ для исторіи „волненій“ въ мѣстномъ краѣ. За сообщеніе этого „новаго“ лекторъ награжденъ былъ дружными апплодисментами.

Если Саратовская Ученая Архивная Комиссія является для мѣстнаго края, какъ выше сказано, пока единственнымъ учрежденіемъ, которое выноситъ на своихъ плечахъ тяжелое бремя охраны, описанія, изученія памятниковъ мѣстной старины и популяризированія археологическихъ свѣдѣній среди мѣстнаго населенія, то, къ чести этого населенія, надо сказать, что оно теперь уже въ значительной степени прониклось сознаніемъ важности этихъ свѣдѣній, что, конечно, весьма отрадно констатировать. Еще Пушкинъ сказалъ, что только дикіе не уважаютъ своего прошлаго и что мѣрою степени культуры страны можетъ служить отношеніе народа къ родной старинѣ, ибо знаніе прошлаго есть необходимое условіе правильнаго пониманія настоящаго. Не ясно ли отсюда, что археологія, какъ наука, имѣетъ огромное значеніе въ смыслѣ развитія гражданской зрѣлости общества.

XIV.

Выше [56]) было сказано, что Комиссія наша, долго мечтавшая и добивавшаяся удобнаго, постояннаго помѣщенія и матеріальнаго обезпеченія, получила то и другое въ концѣ текущаго года. Исторія этого отраднаго событія, въ короткихъ словахъ, заключается въ слѣдующемъ.

Въ засѣданіи Правленія Комиссіи 20 марта 1910 г. предсѣдатель Н. Н. Минхъ сообщилъ, что почетный

[56]) См. конецъ X главы.

членъ-учредитель и первый предсѣдатель нашей Комиссіи, д. ст. сов. Адольфъ Андреевичъ Тилло объявилъ ему, г. Минху, свою волю передать въ собственность Комиссіи свой домъ со всею обстановкой, усадьбой, службами и флигелемъ на дворѣ, и, кромѣ того, жертвуетъ капиталъ въ 20000 р., на проценты съ котораго домъ долженъ содержаться и поддерживаться. [57]).

Это благое намѣреніе А. А. Тилло вполнѣ отвѣчало назрѣвшей потребности, объ удовлетвореніи которой, повторяемъ, такъ долго мечтала Комиссія, но говорить о которой вслухъ какъ-то не рѣшалась, боясь, въ виду переживаемой дѣйствительности, сама себѣ показаться смѣшной! За то и впечатлѣніе отъ этого сообщенія на членовъ Правленія было огромно! Нѣкоторымъ изъ нихъ показалось, что они ослышались; но вторичное сообщеніе предсѣдателя въ категорической формѣ не оставляло мѣста сомнѣнію и недоумѣнію.

Такое же впечатлѣніе произвело это сообщеніе и на остальныхъ членовъ Комиссіи, присутствовавшихъ на Общихъ Собраніяхъ 9 апрѣля, 13 мая и послѣдующихъ.

Правда, сообщеній на этихъ собраніяхъ въ оффиціальной формѣ не дѣлалось, но этого и не нужно было дѣлать, такъ какъ всѣ члены Комиссіи, проживающіе въ Саратовѣ, и безъ того уже знали о благомъ намѣреніи А. А. Тилло,—знали, комментировали и—восторгались!

Не скрываемъ, что были члены-скептики, которые склонны были думать, что тутъ—просто позировка, своего рода „игра въ благотворительность на эгоистическо-патріотической подкладкѣ,“ но категорическое заявленіе самого жертвователя на засѣданіи въ его домѣ Правленія Комиссіи 7 января 1911 года о томъ, что его воля о пожертвованіи непреклонна и что отъ Комиссіи онъ, взамѣнъ того, не требуетъ никакихъ жертвъ, ни матеріальныхъ, ни моральныхъ—въ смыслѣ подчиненія воли, желаній и дѣйствій Комиссіи его волѣ,—такое заявленіе успокоило и членовъ-скептиковъ, тѣмъ болѣе, что А. А. Тилло къ обѣщанному пожертвованію прибавилъ еще

[57]) См. Отчетъ о дѣят. Ком за 1910 г. въ 27 вып. „Трудовъ“.

новое, очень цѣнное: всѣ, находящіяся въ его домѣ, вещи историческо-художественнаго характера также поступятъ въ собственность Комиссіи, которая, въ случаѣ надобности, можетъ передать ихъ въ Саратовскій Радищевскій музей въ обмѣнъ на какіе-либо цѣнные предметы старины. Для детальнаго же обсужденія вопроса объ обмѣнѣ вещей жертвователь предлагалъ избрать особую комиссію, которая бы, кромѣ того, составила опись всѣмъ жертвуемымъ вещамъ. При этомъ А. А. Тилло категорически заявилъ, что Комиссія можетъ перейти въ его домъ въ августѣ текущаго года, самъ же онъ къ этому времени перемѣстится въ другой, вчернѣ уже готовый, домъ, кстати сказать, находящійся черезъ два дома отъ жертвуемаго Комиссіи.

О всемъ вышеизложенномъ Правленіе составило (7 янв.) протоколъ, прочитанный затѣмъ на Общемъ Собраніи Комиссіи 1 февраля. Собраніе постановило: выразить А. А. Тилло глубокую благодарность и пріобрѣсти, для помѣщенія въ Комиссіи, увеличенный портретъ его.

Второе, посвященное обсужденію вопроса о дарѣ, собраніе Комиссіи состоялось 10 мая того же 1911 года въ домѣ жертвователя. На собраніи было, между прочимъ, прочитано сообщеніе о произведенной 2 мая особой комиссіей описи обстановкѣ и вещамъ, [58]) переда-

---

[58]) Онѣ слѣдующія: крестъ изъ чернаго дуба съ береговъ Ганга, присланный Іерусалимскимъ патріархомъ; портретъ Арк. Дм. Столыпина съ внучкой, княгиней Кочубей; дюжина чашекъ съ блюдцами саксонскаго фарфора съ миніатюрами Ватто; чашка съ блюдцемъ Наполеона I; чашка съ блюдцемъ саксонскаго фарфора; кувшинъ саксонскій кустарнаго производства; кисетъ табачный, вышитый бисеромъ, XVII вѣка; шкафчикъ чернаго и розоваго дерева, отдѣланный золоченой бронзой; двѣ засушенныхъ тыквы, гравированныя итальянскими художниками XVII в., портретъ доктора географіи, академика разныхъ европейскихъ академій А. А. Тилло; три гравюры слѣпыхъ; восемь кабинетныхъ фотографическихъ карточекъ членовъ Императорской Фамиліи; китайская лампа средняго размѣра; два дивана, два кресла, столъ круглый и столъ письменный —всѣ изъ корельской березы, времени Императрицы Елизаветы; старинная люстра XVIII в.; тридцать четыре гравюры охотничьей коллекціи; часы стѣнные XVIII в., англійскіе, Фридриха Коха; два бронзовыхъ канделябра XVIII в. большой портретъ Петра Великаго (подлинникъ); большой портретъ времени Екатерины II (копія); большая картина „Призывъ Пожарскаго„ неизвѣстнаго итальянскаго художника; столовые часы empier „Амуръ и Психея“, золоченые;

ваемымъ жертвователемъ въ собственность Комиссіи и состоящимъ изъ фарфора, бронзы, мѣди, портретовъ, картинъ, гравюръ и пр. Почти всѣ эти вещи—высокой цѣнности и стоютъ, по оцѣнкѣ жертвователя, не менѣе 20000 р. При этомъ А. А. Тилло, къ прежде сказанному имъ на собраніи Комиссіи 1 февраля, добавилъ, что вещи, представляющія собой предметы искусства, могутъ быть Комиссіей обмѣнены на вещи исторической цѣнности не только съ Радищевскимъ музеемъ, но и съ другими подобными учрежденіями, и что онъ, Тилло, ставитъ непремѣннымъ условіемъ не продавать и не отчуждать ни одной изъ вещей въ частныя руки, а тѣмъ болѣе за границу, точно также и домъ нельзя ни отчуждать, ни закладывать; онъ долженъ быть сохраняемъ въ неприкосновенномъ видѣ; также и все движимое имущество въ домѣ; что же касается надворныхъ строеній, то ихъ Комиссія можетъ измѣнить по своему желанію и надобности. При жизни своей жертвователь будетъ выдавать Комиссіи деньги на расходы по дѣйствительной надобности, а послѣ его смерти Комиссіи будетъ переданъ капиталъ въ 20000 р. на содержаніе дома, ремонтъ его и надворныхъ строеній. Капиталъ этотъ (въ процентныхъ бумагахъ) долженъ храниться въ Саратовскомъ отдѣленіи Государственнаго Банка, а проценты съ него—поступать въ распоряженіе Комиссіи. Отчетъ въ израсходованіи этихъ процентовъ долженъ быть ежегодно представляемъ Саратовскому губернатору, какъ непремѣнному попечи-

---

двѣ фотографическія группы Императорской Фамиліи; два шкафа краснаго дерева, бронзированные, времени Екатерины II, работы Жакобъ: столъ письменный краснаго дерева, времени Екатерины II, работы Жакобъ; дюжина креселъ краснаго дерева времени Екатерины II работы Жакобъ; ломберный столъ краснаго дерева времени Екатерины II, работы Жакобъ; двѣ лампы фарфоровыя, старо-китайскія; зеркало и подзеркальникъ краснаго дерева времени Екатерины II; кабинетный портретъ Арк. Дм. Столыпина; два канделябра золота axide; два мѣдныхъ кабинетныхъ подсвѣчника XVIII в.; лампа фаянсовая китайская; шесть фотографическихъ группъ фамильныхъ А. А. Тилло; бронзовый большой колокольчикъ; низкій диванъ краснаго дерева времени Екатерины II; шесть большихъ фотографич. группъ дѣятелей Сарат. губ.; двѣ гравюры; старый ящикъ XVIII в. откупщика Тюльпина; два портрета супруги А. А. Тилло.

телю Комиссіи, независимо отъ общаго отчета по Комиссіи.

Общее собраніе задушевно благодарило А. А. Тилло, но Адольфъ Андреевичъ скромно замѣтилъ, что онъ и безъ шумнаго выраженія благодарности вѣритъ въ добрыя чувства къ нему со стороны Комиссіи. На это почетный членъ Комиссіи В. П. Соколовъ, выражая общее настроеніе присутствовавшихъ, сказалъ: „Глубокоуважаемый Адольфъ Андреевичъ! отъ избытка сердца говорятъ уста наши. Если бы мы въ данную минуту, въ виду выходящаго изъ ряда вонъ акта благотворенія, молчали, то камни этого дома обличили бы насъ въ безчувственности. Говорю это не за присутствующихъ только, но и за отсутствующихъ, городскихъ и иногородныхъ, членовъ Комиссіи. Они, отсутствующіе, сказали бы вамъ тоже самое. Вамъ извѣстно, что одинъ изъ нихъ при первомъ же газетномъ извѣстіи о вашемъ дарѣ, пришелъ въ такую радость, что пожертвовалъ Комиссіи 500 р. на обустройство ея въ новомъ помѣщеніи и на установку мраморной доски въ стѣнѣ жертвуемаго дома съ надписью о вашемъ дарѣ[59]) Къ сожалѣнію, не всѣ члены Комиссіи въ состояніи такъ реально выразить свой восторгъ о вашемъ дарѣ... Мы, матеріально-маломощные, можемъ выражать вамъ свои благодарныя чувства только словами да развѣ еще обѣщаніемъ—поставить своими трудами дѣло Комиссіи въ новомъ ея помѣщеніи въ такое положеніе, чтобы ея дѣятельность, ея научные успѣхи и внутренніе распорядки вполнѣ соотвѣтствовали-бы простору и удобствамъ ея помѣщенія. Не препятствуйте же намъ, Адольфъ Андреевичъ, „шумно выразить“ вамъ нашу благодарность. Уста не могутъ умолкнуть, когда благодарное сердце рвется наружу и требуетъ много—много словъ и выраженій, которыя въ данное время, при учащенномъ біеніи сердца и радостномъ волненіи, трудно высказать“.

На слѣдующемъ за симъ засѣданіи Комиссіи (12 августа) заслушано было письменное заявленіе А. А. Тилло слѣдующаго содержанія:

[59]) Рѣчь идетъ о почетномъ членѣ Комиссіи А. Н. Минхѣ.

„Озабочиваясь о наилучшей постановкѣ дѣла Архивной Комиссіи, о дальнѣйшихъ ея успѣхахъ и объ упроченіи ея матеріальнаго положенія въ будущемъ, я желаю передать въ полную ея собственность недвижимое мое имѣніе, заключающееся въ дворовомъ мѣстѣ въ г. Саратовѣ, на Большой Кострижной улицѣ, въ 181 планномъ кварталѣ, подъ № 50, съ находящимися на немъ домомъ и флигелемъ и всѣми надворными постройками, а равно и движимостью, заключающеюся въ особой описи, составленной и подписанной мной и уполномоченными Правленіемъ для пріемки ея членами Комиссіи.

„Означенное выше имущество я желаю предоставить на слѣдующихъ условіяхъ: 1). Поступающая въ пользованіе Комиссіи на правѣ собственности недвижимость не можетъ быть, однако, ни продаваема, ни закладываема, ниже инымъ способомъ отчуждаема. 2) Находящійся на усадебномъ мѣстѣ домъ долженъ быть сохраняемъ Комиссіей въ томъ же архитектурномъ видѣ и стилѣ, какой онъ имѣетъ въ настоящее время, для чего долженъ быть сдѣланъ съ него фотографическій снимокъ и приложенъ къ дѣламъ Комиссіи. 3) Внутреннія передѣлки дома допускаются, по распоряженію Комиссіи. соотвѣтственно надобности. 4). Уступая всю указанную въ описи движимость въ распоряженіе Комиссіи, я предоставляю ей право обмѣна предметовъ искусства (obget d'art) на вещи, имѣющія интересъ въ историческомъ и археологическомъ отношеніяхъ, какъ съ Саратовскимъ Радищевскимъ музеемъ, такъ и съ другими хранилищами предметовъ искусства и древности, но съ тѣмъ, чтобы жертвуемыя вещи никоимъ образомъ не отчуждались въ частную собственность, а тѣмъ болѣе за границу. Предметы же, не подлежащіе обмѣну, должны сохраняться въ музеѣ Комиссіи въ полной неприкосновенности. 5). Въ переднихъ комнатахъ дома долженъ быть устроенъ историческій музей, остальныя же комнаты предназначаются исключительно для помѣщенія учрежденій, входящихъ въ составъ вѣдѣнія Комиссіи, какъ-то: палеонтологическаго кабинета, архива, библіотеки и т. п. На-

ходящійся же на дворѣ флигель можетъ быть занимаемъ лицами, коимъ Правленіемъ будетъ поручено завѣдываніе ея дѣлами и наблюденіе за домомъ. 6). На содержаніе и поддержаніе дома я буду выдавать Комиссіи ежегодно впредь до моей смерти по восьми сотъ (800) рублей, послѣ чего въ собственность Комиссіи на сей же предметъ поступитъ особый капиталъ, указанный въ моемъ духовномъ завѣщаніи; причемъ въ израсходованіи какъ имѣющихъ быть предоставленными при моей жизни въ распоряженіе Комиссіи денегъ, такъ и процентовъ на завѣщанный капиталъ по моей смерти, независимо отъ общаго отчета Комиссіи, долженъ быть представляемъ Саратовскому Губернатору, какъ непремѣнному попечителю Комиссіи, особый ежегодный отчетъ.

„Въ виду изложеннаго и на основаніи ст. ст. 979—983 т. X ч. 1 св. зак. гр., прошу Комиссію возбудить надлежащее ходатайство о принятіи отъ меня сего пожертвованія, о чемъ и я, съ своей стороны, буду ходатайствовать предъ Начальникомъ губерніи, по полученіи отъ Комиссіи копіи постановленія Общаго Собранія о согласіи принять пожертвованіе.

„Передаваемыя Комиссіи имущества я оцѣниваю въ сто тысячъ (100,000) рублей.“

„При этомъ я выражаю желаніе, чтобы, въ виду предстоящаго 12 декабря сего года двадцати-пяти-лѣтняго юбилея Комиссіи, она приняла бы всѣ мѣры къ скорѣйшему полученію разрѣшенія на принятіе отъ меня сего дара. Іюля 15 дня 1911 года. А. Тилло.“

Впослѣдствіи жертвователь сдѣлалъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ измѣненія, о которыхъ Комиссія узнала на Общемъ Собраніи 4 октября сего же 1911 года. Между прочимъ, г. Тилло изъявилъ согласіе на отчужденіе въ частныя руки нѣкоторыхъ гравюръ и выразилъ желаніе, чтобы при Комиссіи былъ открытъ музей, посвященный памяти П. А. Столыпина. Добавленный новый пунктъ гласилъ: „Въ случаѣ упраздненія Саратовской Ученой Архивной Комиссіи переданное ей мною имущество пере-

ходитъ, на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, въ собственность того учрежденія, которое ее замѣнитъ".

Объ этихъ „дополнительныхъ условіяхъ" жертвователь просилъ довести до свѣдѣнія Министра Внутреннихъ Дѣлъ чрезъ Саратовскаго Губернатора и, съ своей стороны, обѣщалъ сдѣлать тоже самое. По полученіи отъ Министра разрѣшенія на эти дополненія, жертвователь обѣщался „безъ замедленія совершить у нотаріуса" крѣпостной актъ.

Вслѣдъ затѣмъ былъ прочитанъ докладъ предсѣдателя Комиссіи, въ коемъ послѣдній приводитъ свои соображенія о пріемлемости „дополнительныхъ условій". Общее собраніе 4 октября тоже нашло ихъ пріемлемыми, такъ какъ они клонятся скорѣе къ выгодѣ и пользѣ для Комиссіи, чѣмъ противорѣчатъ ея интересамъ. И лишь дополненіе къ 5 пункту (о посвященіи Историческаго Музея памяти П. А. Столыпина) вызвало пренія, въ основѣ которыхъ, однако, лежало простое недоразумѣніе: посвящать ли уже существующій при Комиссіи музей памяти П. А. Столыпина, или же при существующемъ музеѣ вновь сформировать особый музей? Когда недоразумѣніе выяснилось въ послѣднемъ смыслѣ, собраніе постановило: „Признать пріемлемыми означенныя въ прочитанномъ письмѣ А. А. Тилло измѣненія и дополненія и, въ исполненіе желанія жертвователя, устроить при Комиссіи, помимо существующаго, Историческій музей, посвященный памяти П. А. Столыпина". О таковомъ постановленіи сообщено было непремѣнному попечителю Комиссіи, а послѣднимъ —министерству внутреннихъ дѣлъ, которое отвѣтило согласіемъ на принятіе дополнительныхъ условій. Когда объ этомъ сообщено было А. А. Тилло, онъ не замедлилъ довести благое намѣреніе свое до конца: 5 ноября онъ подписалъ проектъ дарственной записи, а 8 ноября—самую запись—актъ, внесенную въ актовую книгу подъ № 377, а по реестру № 12745, и утвержденную старшимъ нотаріусомъ Саратовскаго Окружнаго Суда одиннадцатаго ноября тысяча девять сотъ одинадцатого года

Въ виду того, что актъ этотъ является для Ко-

миссіи документомъ большой важности, мы приводимъ его буквально.

„Тысяча девятьсотъ одиннадцатаго года ноября 8 дня явились ко мнѣ, Аполлону Александровичу Полубояринову, Саратовскому Нотаріусу, въ контору мою на Театральной площади, въ домѣ Русскаго Торгово-Промышленнаго Банка, лично мнѣ извѣстные и къ совершенію актовъ законную правоспособность имѣющіе, дѣйствительные статскіе совѣтники: Адольфъ Андреевичъ Тилло и Николай Николаевичъ Минхъ, живущіе въ городѣ Саратовѣ: Тилло—на Большой Кострижной улицѣ, въ своемъ домѣ, а Минхъ—на Театральной площади, въ домѣ Паль, дѣйствующіе: Тилло лично за себя, а Минхъ въ качествѣ уполномоченнаго отъ законноправоспособной Саратовской Губернской Ученой Архивной Комиссіи, на основаніи протокола общаго собранія членовъ названной Комиссіи, состоявшагося двѣнадцатаго августа сего тысяча девятьсотъ одиннадцатаго года, представленнаго мнѣ въ засвидѣтельствованной выписи, и въ присутствіи лично мнѣ извѣстныхъ свидѣтелей, мѣщанъ: Саратовскаго Филиппа Адріановича Адріанова и Темниковскаго—Василія Димитріевича Комарова, живущихъ въ городѣ Саратовѣ, на Соколовой улицѣ, въ своихъ домахъ, объявили мнѣ, что они, Тилло и Минхъ, совершаютъ актъ дарственной записи на недвижимое имѣніе въ слѣдующемъ: я, Адольфъ Андреевичъ Тилло, отдаю въ даръ Саратовской Губернской Ученой Архивной Комиссіи принадлежащее мнѣ дворовое мѣсто, съ находящимися на немъ, всѣми безъ исключенія, жилыми и нежилыми постройками, состоящее въ городѣ Саратовѣ, первой части, въ сто восемьдесятъ первомъ планномъ кварталѣ, на Большой Кострижной, Дмитріевская тожъ, улицѣ, подъ № пятидесятымъ, бывшій № тридцать шестой, въ сосѣдствѣ съ дворовыми мѣстами: Рябининой и Полянскаго, имѣющее мѣры земли: по улицѣ и въ задахъ по тринадцати, во дворъ обѣ стороны по девятнадцати саженъ, а всего квадратныхъ двѣсти сорокъ семь саженъ, пріобрѣтенное мною отъ вдовы Ченстоховскаго мѣщанина Анны Гаври-

ловны Вагнеръ по купчей крѣпости, утвержденной Старшимъ Нотаріусомъ Саратовскаго Окружнаго Суда двадцать четвертаго февраля тысяча девятьсотъ перваго года, каковой даръ учиняется мною, Тилло, на нижеслѣдующихъ основаніяхъ: первое—означенное имѣніе, поступающее въ собственность Саратовской Ученой Архивной Комиссіи, послѣднею не можетъ быть ни продаваемо, ни закладываемо, ни инымъ какимъ-либо способомъ отчуждаемо. Второе—находящійся на даримомъ мѣстѣ домъ долженъ быть сохраняемъ Ученой Архивной Комиссіей въ томъ же архитектурномъ видѣ и стилѣ, какой онъ имѣетъ въ настоящее время, для чего долженъ быть сдѣланъ съ него фотографическій снимокъ и приложенъ къ дѣламъ Комиссіи; внутреннія же передѣлки дома, а равно надворныхъ построекъ могутъ быть производимы по усмотрѣнію Ученой Архивной Комиссіи и соотвѣтственно надобности; и третье—предъявленный мною, Тилло, въ Саратовскомъ Окружномъ Судѣ искъ объ изъятіи изъ владѣнія Протоіерея Стефана Петровича Полянскаго части мѣста около восьми квадратныхъ саженъ, занятаго послѣднимъ изъ принадлежащаго мнѣ, Тилло, и поступающаго по этому акту въ даръ Ученой Архивной Комиссіи, передается въ собственность Комиссіи, долженъ продолжаться ею впредь до рѣшенія этого дѣла въ пользу той или другой стороны, и проведенъ ею по всѣмъ инстанціямъ, причемъ, въ случаѣ окончанія этого дѣла въ пользу Полянскаго, всѣ, могущія быть присужденными, судебныя и за веденіе дѣла издержки, я, Тилло, принимаю на себя, но при этомъ обязываю Ученую Архивную Комиссію при веденіи этого дѣла держать меня постоянно въ извѣстности объ его положеніяхъ и отнюдь не входить ни въ какія мировыя соглашенія съ отвѣтчикомъ Полянскимъ объ окончаніи съ нимъ спора о захватѣ, безъ моего письменнаго на то разрѣшенія. Даръ этотъ, на изложенныхъ выше условіяхъ, Саратовская Губернская Ученая Архивная Комиссія принимаетъ отъ Адольфа Андреевича Тилло съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, послѣдовавшаго

черезъ Саратовскаго Губернатора, съ признательностью. Цѣну даримому имѣнію объявляемъ, по совѣсти, въ 24000 рублей. Всѣ расходы по совершенію и утвержденію этого акта относятся на счетъ дарителя А. А. Тилло. До сего дара означенное имѣніе никому не продано, не заложено, въ спорѣ и подъ запрещеніемъ не состоитъ и ни за что не отписано. При совершеніи сего акта были представлены мнѣ, Нотаріусу, слѣдующіе документы: первое—копіи съ увѣдомленій Саратовскаго Губернатора въ Саратовскую Губернскую Ученую Архивную Комиссію отъ двадцать девятаго сентября сего года за № семьтысячъ двѣсти восемьдесятъ третьимъ; и отъ перваго ноября сего года за № семьтысячъ девятьсотъ сорокъ девятымъ, второе—выпись изъ протоколовъ общаго собранія членовъ Саратовской Ученой Архивной Комиссіи, состоявшагося двѣнадцатаго августа тысяча девятьсотъ одиннадцатаго года: а) о принятіи отъ А. А. Тилло пожертвованія и б) объ уполномочіи Н. Н. Минхъ на совершеніе этого акта и третье крѣпостной актъ на даримое имѣніе. Проектъ сего акта читанъ договаривающимся сторонамъ, въ присутствіи вышепоименованныхъ свидѣтелей и, по одобреніи онаго и удостовѣреніи, что онѣ по доброй волѣ совершаютъ этотъ актъ и понимаютъ его смыслъ и значеніе, внесенъ въ актовую книгу, изъ которой вновь прочитанъ тѣмъ же порядкомъ. Выпись на гербовомъ листѣ цѣною въ одинъ рубль двадцать пять копеекъ слѣдуетъ выдать Саратовской Губернской Ученой Архивной Комиссіи; по утвержденіи ея Старшимъ Нотаріусомъ, главную выпись на подлежащемъ гербовомъ листѣ выдать той же Комиссіи".

Въ силу этого акта Архивная Комиссія съ 11 числа сего ноября стала юридически полноправнымъ хозяиномъ всего пожертвованнаго ей имущества, фактическое же владѣніе послѣднимъ началось значительно раньше: Комиссія, по настойчивой просьбѣ жертвователя, заняла его домъ еще 7 минувшаго сентября, начавъ съ этого числа перевозить сюда свое имущество изъ зданія

городской публичной библіотеки—мѣста прежняго помѣщенія своего.

Въ концѣ сентября перевозка была закончена, а 4 октября здѣсь, въ новомъ помѣщеніи, состоялось первое Общее Собраніе членовъ Комиссіи, на которомъ выяснилось, между прочимъ, слѣдующее: перевозка имущества обошлась въ 50 р., на нѣкоторыя приспособленія въ новомъ помѣщеніи, а также на ремонтъ въ немъ половъ (въ подвальномъ этажѣ) витринъ, шкафовъ и мебели и на устройство вновь для архива и части библіотеки полокъ израсходовано по день засѣданія (4 октября) 286 р. 9 к. Кромѣ того, предстоитъ расходъ болѣе, чѣмъ на 306 р. на пріобрѣтеніе портретовъ Государей Императоровъ Александра III и Николая II, а также на покупку мраморной доски, форменной одежды для швейцара, витринъ, столовъ и другихъ предметовъ, надобность въ которыхъ открывается постепенно, и расходы являются неизбѣжными.

XV.

Въ виду того, что щедрый даръ А. А. Тилло возбудилъ среди иногородныхъ членовъ Комиссіи глубокій интересъ къ нему (дару) и вызвалъ у нихъ вопросы: какъ намѣрена Комиссія использовать помѣщеніе дома, насколько послѣдній обширенъ и удобенъ и пр.?—мы считаемъ необходимымъ дать здѣсь описаніе дома какъ снаружи, такъ и внутри. Дѣлаемъ это тѣмъ охотнѣе, что знаемъ, что большинство иногородныхъ членовъ нашей Комиссіи не только никогда не видали этого дома, но и въ Саратовѣ то никогда не были особенно—тѣ, которые живутъ въ отдаленныхъ углахъ Россіи и даже за границей. Правда, при „Очеркѣ“ нашемъ имѣется фотографическій снимокъ съ дома, но снимокъ знакомитъ только съ внѣшней стороной послѣдняго, и ровно ничего не говоритъ ни о размѣрахъ дома, ни о внутреннемъ помѣщеніи въ немъ и, такимъ образомъ, не даетъ отвѣта на вопросъ: какъ Комиссія намѣрена ис-

пользовать домъ? На этотъ какъ и на другіе, вышесказанные, вопросы отвѣчаемъ отъ лица Комиссіи нижеслѣдующими строками.

Домъ—смѣшанной постройки, одноэтажный, довольно высокій, фасадъ—каменный, построенъ въ мавританскомъ стилѣ; средняя часть его вдается во дворъ, отступя отъ тротуара на два аршина; углы дома, восточный и западный, представляютъ собой, относительно средней части, выступы на два же аршина, касаясь тротуара; надъ желѣзной крышей средней части возвышается небольшой парапетъ, а за нимъ—небольшой куполъ; стѣна средней части—ажурной работы: на ней сдѣланы углубленія и выступы въ видѣ медальоновъ, крестовъ и т. п., а выступы по угламъ, кромѣ того, украшены колоннами и изящными главками; въ углубленіи, между выступами, насажены кусты жасмина, которые отдѣляетъ отъ тротуара невысокая, каменная, фигурная ограда, идущая отъ одного выступа до другого по прямой линіи.

Къ восточному выступу примыкаетъ фонарь, сдѣланный изъ дерева и окрашенный снаружи и внутри бѣлою масляной краской; восточная и южная стороны фонаря почти наполовину состоятъ изъ разноцвѣтнаго стекла, а въ западной части находится дверь тоже съ разноцвѣтными стеклами—малиноваго, зеленаго и желтаго цвѣтовъ; фонарь выступаетъ на два аршина впередъ, на тротуаръ, и занимаетъ (внутри) площадь въ 4 кв. арш. Изъ фонаря—входъ по лѣстницѣ въ 4 ступеньки изъ искусственнаго мрамора въ вестибюль, въ которомъ площадь пола занимаетъ около 36 кв. арш. Въ вестибюлѣ, на стѣнѣ, противъ входной двери, виситъ мраморная, бѣлая съ сѣрыми жилками, довольно большого размѣра (15×23 вер.) доска, на которой вырѣзана и золотыми буквами обведена слѣдующая надпись: „Домъ этотъ пожертвованъ Саратовской Ученой Архивной Комиссіи почетнымъ членомъ и первымъ предсѣдателемъ А. А. Тилло. Поставлена въ знакъ признательности иждивеніемъ почетнаго члена А. Н. Минха“. Направо отъ входа, у восточной стѣны, на деревянной, столярной работы, горкѣ,

помѣщены предметы палеонтологіи, древнее оружіе (ручныя пушки, ядра, ружья и пр.) и памятники старины: каменные кресты, ступы, жернова и т. д. Въ вестибюлѣ двѣ двери; одна изъ нихъ ведетъ налѣво, въ залъ, занимающій площадь въ 72 кв. арш. Стѣны комнаты увѣшаны портретами Императрицы Екатерины II и Императоровъ Петра I, Александра III и Николая II, а также картинами историческаго содержанія, фотографическими группами, гравюрами и пр.; по стѣнамъ комнаты стоятъ: два мягкихъ дивана со спинками и ручками изъ корельской березы, два такихъ же кресла, большой, круглый столъ, два большихъ, изящныхъ, со стеклами, шкафа изъ краснаго дерева; большой, закрывающійся, письменный столъ (бюро), по конструкціи своей похожій скорѣе на старинное фортепіано; небольшой, изящный, весь разборный шкафчикъ; двѣ китайскихъ вазы, служащія въ тоже время электрическими лампами; два большихъ бронзовыхъ золоченыхъ канделябра. Комната эта днемъ освѣщается 3-мя, выходящими на улицу, окнами, изъ которыхъ каждое имѣетъ мѣру $6^1/_2 \times 14$ четв.; а ночью—сказанными двумя китайскими вазами—лампами и свѣчами въ бронзовой люстрѣ, съ 24 подсвѣчниками. По зимамъ комната нагрѣвается изящной работы печью изъ высшаго качества рельефнаго изразца съ цвѣтами и позолотой, съ красивымъ „пояскомъ“ и фигурнымъ карнизомъ-конькомъ. Въ этой комнатѣ происходятъ Общія Собранія Комиссіи, для чего по серединѣ комнаты поставленъ длинный, столярной работы, столъ, а вокругъ его—одиннадцать вѣнскихъ креселъ и нѣсколько такихъ же стульевъ.

Слѣдующая за заломъ комната, по направленію къ западу, по своимъ размѣрамъ совершенно такая же (72 кв. ар.); днемъ освѣщается тоже тремя окнами такого-же размѣра, а ночью—электрическими лампочками и люстрой съ 4 большими лампами. Въ комнатѣ этой помѣщается часть историческаго музея, вещи котораго хранятся въ шести большихъ, стоящихъ по стѣнамъ, витринахъ, къ которымъ вскорѣ прибавится еще нѣсколько витринъ. Сосѣдняя съ этой,

угольная, по направленію къ западу, комната занимаетъ площадь въ 25 кв. ар., освѣщается однимъ большимъ ($6^1/_2 \times 14$ четв.), выходящимъ на дворъ, окномъ. Рядомъ съ ней, въ западномъ выступѣ, находится ниша, въ коей площадь пола равняется $6^1/_2$ кв. ар.; освѣщается однимъ большимъ окномъ (11×14 четв.) и двумя (по сторонамъ) узкими (2×13 четв.) окнами; ниша отъ угольной комнаты ничѣмъ не отдѣлена и составляетъ скорѣе продолженіе ея, чѣмъ отдѣльную комнату. Въ нишѣ и угольной комнатѣ стоятъ три большихъ витрины съ золотоордынскими монетами и предметами старины, добытыми на Увекѣ и въ разныхъ мѣстахъ Саратовской губерніи.

Всѣ эти комнаты расположены по прямой линіи вдоль улицы. Но кромѣ нихъ, въ домѣ есть четыре другія комнаты, которыя расположены вдоль описанныхъ комнатъ, выходятъ окнами на дворъ и обращены на сѣверъ (три комнаты) и на западъ (одна комната). Въ первую изъ этихъ комнатъ ведетъ дверь изъ вестибюля. Комната эта довольно большая: въ ней 42 кв. аршина. Здѣсь помѣщена часть библіотеки, составленной, главнымъ образомъ, изъ книгъ, пожертвованныхъ вдовой Лид. Ал. Калачовой и ея дочерью Ол. Н. Азаревичъ на память объ ихъ мужѣ и отцѣ Н. В. Калачовѣ, почему и названа „Уголокъ Калачова“. Кромѣ книгъ, здѣсь находятся, между прочимъ, портретъ Н. В. Калачова, одѣтаго въ сенаторскій (красный) мундиръ, его сенаторская шпага, его столъ письменный, шкафъ для книгъ и пр. Здѣсь же находится кабинетъ библіотекаря. Комната освѣщается однимъ, выходящимъ на сѣверъ, окномъ; по зимамъ отопляется каминомъ, вдѣланнымъ въ изящную кафельную печь

Рядомъ съ этой комнатой находится другая, нѣсколько меньшихъ размѣровъ ($32^1/_2$ кв. ар.) Въ ней помѣщается исключительно библіотека. Комната освѣщается однимъ окномъ, выходящимъ на дворъ, на сѣверъ.

Слѣдующая комната занимаетъ площадь въ 50 кв. ар. Здѣсь помѣщается, въ шкафахъ и на простыхъ, затя-

нутыхъ проволочной сѣткой, полкахъ часть библіотеки. Освѣщается комната замѣняющею окно стеклянною дверью, ведущею на дворъ, въ палисадникъ, занимающій площадь въ 187 кв. ар. Смежная съ этой комнатой (противъ „угольной“ и ниши) комната занимаетъ около 30 кв. аршинъ, освѣщается двумя окнами, выходящими на дворъ, на западъ. Здѣсь помѣщаются: двѣ большихъ витрины, одна среднихъ размѣровъ, двѣ малыхъ, этажерки съ тремя полками и горка съ 4 полками. Въ витринахъ находятся монеты, медали, жетоны, старинные кредитные билеты и др. предметы, найденные внѣ Саратовской губерніи. Въ частности, на этажеркѣ расположены предметы русской бытовой старины XVII и XVIII вѣковъ и всѣ вещи, какія были въ разное время добыты на старомъ городищѣ Саратова и, вообще, въ Новоузенскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи; а на стѣнѣ (восточной), надъ этажеркой, висятъ вещи, составляющія церковный музей: св. иконы на деревѣ, металлическіе образки, кресты, складни, кадила, брачные вѣнцы (одна пара—лубочная), изображенія „сивиллъ“, портреты іерарховъ, среди которыхъ выдѣляется портретъ астраханскаго епископа Меѳодія, изображеннаго въ натуральную величину и въ полномъ архіерейскомъ облаченіи. Здѣсь же, въ углу, стоитъ статуя Спасителя,—одна изъ тѣхъ, что въ старину помѣщались въ „темницахъ“ при церквахъ. На смежныхъ (южной и сѣверной) стѣнахъ развѣшаны принадлежности мордовскихъ женскихъ костюмовъ, пріобрѣтенныхъ въ селахъ Петровскаго и Кузнецкаго уѣздовъ.

Всѣ 8 комнатъ обоихъ отдѣленій свѣтлыя, чистыя, высокія ($5^1/_2$ арш. вышины каждая). Изъ нихъ 7 комнатъ —съ паркетными полами, оклеены хорошими обоями; въ одной комнатѣ—полы изъ сосновыхъ досокъ, а стѣны только оштукатурены.

Кромѣ этихъ комнатъ, при домѣ, имѣющемъ (со двора) видъ „глаголя“, имѣются еще шесть комнатъ, въ томъ числѣ кухня, которая современемъ будетъ обращена въ комнату для архива. Эти комнаты меньшаго размѣра и высоты ($4^1/_4$ аршина); онѣ располо-

жены по обѣ стороны корридора, идущаго съ юга на сѣверъ на протяженіи 15 аршинъ при ширинѣ въ 3 арш.

Въ первой комнатѣ, налѣво (на западъ), помѣщается кабинетъ правителя дѣлъ. Здѣсь же происходятъ засѣданія Правленія. Обстановка помѣщенія: большой столъ, вѣнская мебель, конторка и двѣ простыхъ полки для канцелярскихъ бумагъ. Размѣръ комнаты: $31^1/_4$ кв. арш.; освѣщается двумя окнами, выходящими на дворъ, на западъ. Рядомъ—кабинетъ хранителя архива. Здѣсь два стола, шкафъ и большой, плотничьей работы, ящикъ для карточекъ, на которыя заносятся дѣла архива съ №№ по порядку. На стѣнахъ предположено помѣстить: столбцы и грамоты съ печатями и собственноручными подписями Государей и Государынь. Комната занимаетъ площадь около 19 кв. аршинъ; освѣщается однимъ окномъ, выходящимъ на дворъ, на западъ.

Къ этой комнатѣ прилегаетъ упомянутая выше кухня. Площадь пола—около 31 кв. арш; освѣщается 3 окнами, выходящими на дворъ, на западъ и сѣверъ. Другія три комнаты расположены по правую сторону корридора, на востокъ отъ него. Изъ нихъ двѣ, что находятся противъ кабинетовъ правителя дѣлъ и хранителя архива, заняты исключительно архивными дѣлами, которыя лежатъ на вновь устроенныхъ 6 полкахъ въ пять ярусовъ каждая и на двухъ, въ пять же ярусовъ, этажеркахъ, при чемъ полки расположены по стѣнамъ, а этажерки занимаютъ середину комнатъ. Освѣщаются комнаты—каждая однимъ окномъ. Площадь, занятая обѣими комнатами, равняется 35 кв. арш.

Послѣдняя комната, что противъ кухни, занимаетъ площадь въ 21 кв. арш. Она названа „сортировочная при музеѣ“. Въ недалекомъ будущемъ здѣсь будетъ устроена лабораторія для изслѣдованія предметовъ древностей; сюда же будутъ складываться дублеты старинныхъ вещей.

Подъ только-что сказанными шестью комнатами находится подвальный этажъ, въ который ведетъ теплый ходъ изъ комнаты—библіотеки съ полками, затя-

нутыми проволочной сѣткой. Въ подвалѣ—пять небольшихъ комнатъ, которыя заняты исключительно архивными дѣлами, расположенными на полкахъ и этажеркахъ, простой, плотничьей работы. Въ каждой комнатѣ—по одному окну съ проволочными рѣшетками внутри. Площадь пола, занимаемаго всѣми пятью комнатами, равняется 110 кв. арш.; и, кромѣ того, въ самомъ корридорѣ, который можно занять полками для архива, заключается около 44 кв. арш. и столько же квадратныхъ аршинъ—въ верхнемъ корридорѣ; а всего во всемъ домѣ около 600 кв. арш. или около 67 кв. саженъ.

На дворѣ помѣщается деревянный флигель, занимающій площадь въ 17 кв. саженъ. Во флигелѣ—3 комнаты и двѣ кухни; около флигеля расположены каретникъ и дровяникъ, занимающіе площадь въ $18^1/_2$ кв. саж.; и сарай-конюшня на 6—7 лошадей; при сараѣ—два каменныхъ погреба. Дворъ имѣетъ въ ширину 38 ар.; въ длину—55 арш.; а всего 2090 кв. арш. или 232 кв. саж. и 2 кв. арш.; меньше на 14 кв. саженъ противъ показанныхъ въ дарственной записи 247 кв. саженъ. Надо полагать, что недостающее число саженъ занято частью брандмауэромъ, окружающимъ дворъ съ двухъ сторонъ—восточной и сѣверной, частью строеніями сосѣдей.

XVI.

Какъ видятъ читатели, наша Комиссія, за 25 лѣтъ своего существованія, сдѣлала довольно много; но это „много“—только капля въ морѣ сравнительно съ тѣмъ, что предстоитъ ей сдѣлать въ дальнѣйшемъ ея существованіи и, прежде всего, конечно, въ новомъ 25-тилѣтіи.

Трудъ предстоитъ громадный уже потому, что вопросъ объ археологіи Саратовскаго края очень мало освѣщенъ въ литературѣ, въ трудахъ спеціалистовъ-археологовъ, которые раньше, до учрежденія нашей Комиссіи, за весьма рѣдкими исключеніями, какъ-то неохотно посѣщали нашъ край съ цѣлью изслѣдованія его памят-

никовъ, и, быть можетъ, потому, что не считали его (край) изобилующимъ до-историческими древностями. Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ предсѣдатель Московскаго Археологическаго Общества, гр. Уваровъ, отмѣтившій на своей археологической картѣ[60]), что во всей Саратовской губерніи имѣются только два мѣста съ остатками доисторической культуры....

Ближайшая и главнѣйшая задача нашей Комиссіи во второмъ 25-лѣтіи—обслѣдовать и изучить мѣстный край во всѣхъ подробностяхъ, имѣющихъ даже отдаленное отношеніе къ археологіи края съ ея отвѣтвленіями—палеонтологіей, палеографіей, нумизматикой, этнографіей и пр.; и затѣмъ все наиболѣе важное и интересное въ томъ или другомъ отношеніи изъ добытаго и изученнаго иллюстрировать соотвѣтствующимъ способомъ, а для провѣрки выводовъ изъ изученнаго устроить въ Саратовѣ сначала областной, потомъ всероссійскій археологическій съѣздъ. Говорить о недостаткѣ предметовъ старины для собиранія и изученія не приходится: Саратовскій край въ отношеніи старины можетъ уступать развѣ только Крыму и Кавказу. И это вполнѣ не только правдоподобно, но и естественно. Дѣло въ томъ, что Саратовскій край и въ до—историческое и въ историческое уже время представлялъ собой, такъ сказать, международныя ворота, чрезъ которыя народы Азіи проходили съ Востока на Западъ и которыя опредѣляли дальнѣйшій путь этихъ народовъ, причемъ часть послѣднихъ оставалась здѣсь, въ южной части нашего края, осѣдала, сливалась съ прежними насельниками, или уничтожала ихъ, а многоводными Волгой (Итель-Ра) и Дономъ (Истеръ-Танаисисъ) пользовалась для торговли; часть же продвигалась дальше, на сѣверъ и югъ. Такимъ образомъ, Саратовскій край былъ тѣмъ пунктомъ, гдѣ Азія грудь съ грудью встрѣчалась съ Европой и гдѣ происходила ожесточенная борьба самыхъ разнообразныхъ народовъ и народностей, стоявшихъ на различныхъ, а, быть можетъ, и прямо противоположныхъ ступеняхъ этнографической, по-

[60]). Карта приложена ко II т. его соч. „Каменный вѣкъ". Москва, 1880 г.

литической и культурной жизни и зрѣлости. Въ позднѣйшее, историческое, время, въ частности, въ періодъ Московскаго государства, Саратовскій край заселялся элементами, не хотѣвшими подчиняться новымъ московскимъ порядкамъ и предпочитавшими безпредѣльный приволжскій просторъ тѣсно заселеннымъ территоріямъ вблизи и вокругъ Москвы и другихъ тогдашнихъ центровъ населенности. А на самой Волгѣ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій широкой волной разливалась и бушевала, вначалѣ никѣмъ и ничѣмъ не сдерживаемая, „понизовая вольница“, распѣвавшая удалыя пѣсни и превозносившая физическую силу, тотъ современный „политическій кулакъ“, предъ которымъ все должно умолкнуть. Въ приволжскихъ же горахъ и лѣсахъ нашли себѣ безопасный пріютъ невольные и добровольные изгнанники изъ Москвы и другихъ городовъ и мѣстностей, бѣжавшіе сюда отъ правежа московскаго и помѣщиковъ. Здѣсь же, на Волгѣ, въ сторонѣ отъ патріаршаго и синодальнаго надзора, крѣпко организовался расколъ, представлявшій серьезную угрозу господствующей, православной, церкви.

Всѣ эти народы и народности славянскаго и не славянскаго племени, жившіе постоянно или только временно въ нашемъ краѣ, оставили въ послѣднемъ слѣды своего пребыванія въ видѣ самыхъ разнообразныхъ памятниковъ—городищъ, кургановъ, валовъ, насыпей, пещеръ, землянокъ, дюнныхъ стоянокъ и т. д., въ которыхъ сохранились остатки разныхъ предметовъ, сопровождавшихъ жизнь и погребеніе людей до—историческаго и историческаго времени.

И это надо сказать не объ одномъ какомъ-либо пунктѣ въ губерніи, а обо всей губерніи: кто бывалъ въ ея уѣздахъ, тотъ знаетъ, что въ рѣдкомъ мѣстѣ нѣтъ налицо ясныхъ слѣдовъ жизни былыхъ людей. Эти слѣды находятъ даже люди, очень мало или же и совсѣмъ не интересующіеся родной стариной, напримѣръ, крестьяне, нерѣдко выворачивающіе сохами и плугами изъ земли очень много драгоцѣнныхъ въ археологическомъ отношеніи предметовъ, которые ими нерѣдко продаются разнымъ скуп-

щикамъ и барышникамъ, умѣющимъ извлекать изъ купленнаго одну барышническую выгоду.

Въ длинномъ ряду сказанныхъ слѣдовъ—памятниковъ одно изъ первыхъ по своей важности мѣстъ занимаютъ древніе могильники, въ которыхъ находили скелеты или костяки въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и положеніяхъ—лежащими, сидящими, скорченными, расчлененными и т. д., причемъ костяки, окрашенные или не окрашенные, покоились въ колодахъ, срубахъ, огромныхъ урнахъ-корчагахъ, между двойными стѣнами зданія съ каменнымъ столбомъ въ центрѣ, на настилѣ изъ тальника или изъ гальки и песку, изъ проса и т. д.; найдены также погребенія со слѣдами трупосожженія. Положеніе головъ у скелетовъ также неодинаково: онѣ обращены то на востокъ, то на западъ, то на сѣверъ, то на югъ. Все это ясно указываетъ на то, что люди былыхъ временъ хоронились каждый по обычаямъ того народа или племени, къ которому они принадлежали. Задача нашей Комиссіи въ будущемъ—точно опредѣлить эти народы, въ разныя времена прошедшіе въ нашъ край черезъ вышесказанныя „международныя ворота“, а также выяснить по бытовымъ остаткамъ въ видѣ черепковъ посуды, обломковъ домашней обстановки и пр.; какъ степень культуры этихъ народовъ, такъ и самые пути ихъ передвиженія изъ Азіи въ нашъ край.

Въ связи съ этимъ нашей Комиссіи предстоитъ заняться опредѣленіемъ способа классификаціи кургановъ и погребеній въ нихъ.

Доселѣ способъ классификаціи былъ основанъ на принципѣ дѣленія первобытной культуры на три главные вѣка: каменный, бронзовый и желѣзный съ ихъ подраздѣленіями; но такое дѣленіе надо признать не соотвѣтствующимъ нашему краю, такъ какъ у насъ многое складывалось совершенно иначе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, вслѣдствіе чего у насъ необходимы свои особые пріемы изслѣдованія. Дѣло въ томъ, что въ нашемъ краѣ жилъ не одинъ какой-нибудь народъ, постепенно, какъ въ государствахъ западной Европы, переходившій изъ одного

состоянія культурнаго развитія въ другое: народовъ, населявшихъ нашъ край, было много и притомъ одни изъ нихъ жили на занятыхъ мѣстахъ долго, другіе—мало; образъ жизни и степень культурнаго развитія для одного и того же времени были также различны. При дѣленіи кургановъ и способа погребеній въ нихъ по разсматриваемой системѣ дѣленій на три вѣка пришлось бы подводить подъ одну категорію и древняго скифа и позднѣйшаго славянина, половца, финна, арійца и монгола. За невозможностью руководствоваться при раскопкахъ какой-либо опредѣленной классификаціей, придется, быть можетъ, прибѣгнуть къ сравнительному методу, т. е., до окончательнаго произнесенія сужденія о могильникѣ, все характерное въ немъ должно быть сопоставлено съ аналогичными явленіями и въ другихъ могильникахъ, причемъ сравненіе это должно быть распространено на самыя ничтожныя мелочи погребальнаго обряда.

Такъ какъ всѣ, добытыя путемъ находокъ и раскопокъ, вещи, по принятому обычаю, поступаютъ на храненіе въ музей, то въ случаѣ успѣшнаго обслѣдованія нашей губерніи, въ этомъ отношеніи, музей нашей Комиссіи вырастетъ въ слѣдующемъ 25-лѣтіи въ огромную величину, будетъ привлекать къ себѣ общее вниманіе и будетъ служить центромъ, откуда будутъ исходить знанія, освѣщающія прошлое нашего края во всѣхъ, пережитыхъ имъ, отношеніяхъ. Не скрываемъ, что для подробнаго обслѣдованія понадобятся большія средства, солидныя познанія въ археологіи и опытные руководители. Изъ любви къ родинѣ и наукѣ будемъ надѣяться, что все это у нашей Комиссіи явится въ недалекомъ будущемъ.

Но у Комиссіи есть еще и другіе отдѣлы—библіотека и архивъ.

Что касается библіотеки, то ей предстоитъ въ будущемъ 25-лѣтіи тоже громадный трудъ по комплектованію, а главнымъ образомъ, по собиранію всевозможныхъ печатныхъ матеріаловъ о Саратовскомъ краѣ, другими словами: ей предстоитъ осуществить давнюю, возникшую

у Комиссіи еще въ 1888—9 годахъ, мысль объ изданіи „Сборника“, въ который тогда предположено было включить все, что теперь трудно или же невозможно найти въ продажѣ, и который долженъ быть настольною, справочною книгой для всякаго занимающагося разработкой мѣстной исторіи.

Наконецъ, что касается архива, то и здѣсь ждетъ Комиссію не менѣе колоссальный трудъ. Дѣло въ томъ, что архивъ—дѣло, такъ сказать, текучее: едва одна категорія дѣлъ окончена разработкой, какъ, на смѣну ея, появляется изъ разныхъ архивовъ новый притокъ дѣлъ, и этому притоку и конца не видно!

Такъ дѣло обстояло въ прошломъ 25-лѣтіи, такъ будетъ оно обстоять и въ будущемъ 25-лѣтіи, съ тою лишь разницей, что въ прошломъ 25-лѣтіи историческій архивъ былъ *составленъ*, т. е. изъ массы дѣлъ, поступившихъ въ Комиссію, сдѣлана выборка цѣлыхъ дѣлъ, отдѣльныхъ документовъ и бумагъ, имѣющихъ извѣстную научную цѣнность, и лишь отчасти былъ описанъ, а въ будущемъ 25-лѣтіи этотъ архивъ будетъ, кромѣ того, весь *описанъ*, т. е., будутъ составлены указатели къ каждому дѣлу, чрезъ что облегчится трудъ каждаго, желающаго пользоваться дѣлами архива. Необходимость такихъ указателей будетъ всякому очевидна, если принять во вниманіе постоянное наростаніе архива нашей Комиссіи, что служитъ порукой, что въ будущемъ 25-лѣтіи онъ дорастетъ до размѣровъ центральнаго архива юго-восточной Россіи, нужда въ которомъ давно назрѣла. Пока же архивъ нашей Комиссіи является таковымъ только въ зачаточной формѣ.

Не скрываемъ, что и здѣсь, какъ и въ будущихъ работахъ по библіотекѣ и музею, потребуется широкая научная подготовка, обстоятельное знакомство съ мѣстной исторіей и крайняя осторожность въ обобщеніяхъ и окончательномъ приговорѣ надъ тѣмъ или другимъ разрядомъ бумагъ, но тяжесть работы все же будетъ умѣряться опытомъ, почерпнутымъ въ прошломъ.

Надѣемся, что все это будетъ сдѣлано тѣми же са-

мыми лицами, которыя, во главѣ съ хранителемъ архива А. А. Гераклитовымъ, уже многое сдѣлали по составленію и разбору историческаго архива при Комиссіи, исполняя эту работу съ чисто рыцарской любовью къ мѣстной, областной, наукѣ.

Въ заключеніе всего выскажемъ наши личныя пожеланія, осуществленіе которыхъ Комиссіей, съ нашей точки зрѣнія, было бы далеко не излишне. Они, въ короткихъ словахъ, таковы: а) до сихъ поръ каждая Ученая Архивная Комиссія представляла собой самостоятельную научную единицу, развивающуюся безъ всякой органической связи съ другими единицами того же порядка; отсюда—ихъ рознь и напрасная трата времени на разрѣшеніе вопросовъ, уже разрѣшенныхъ другими Комиссіями. Во избѣжаніе этого явленія, Комиссіямъ необходимо открыть въ своихъ печатныхъ органахъ особый отдѣлъ для обмѣна мыслями съ другими Комиссіями. Желательно, чтобы начало этому отдѣлу было положено нашей Комиссіей, проявившей въ послѣдніе годы, по общему отзыву, интенсивную дѣятельность; б) еще болѣе желательно, чтобы представители Архивныхъ Комиссій, по крайней мѣрѣ, смежныхъ губерній, отъ времени до времени собирались въ какомъ-нибудь болѣе центральномъ пунктѣ для обсужденія общихъ всѣмъ имъ вопросовъ; в) Комиссіи служатъ общему дѣлу прогресса русской исторической науки, а потому результаты ихъ трудовъ должны быть предоставляемы въ полное распоряженіе ученыхъ всевозможныхъ направленій и вообще подлежать широкой гласности. Необходимость того и другого, перваго же въ особенности, признана XV всероссійскимъ Археологическимъ Съѣздомъ: представители-депутаты разныхъ ученыхъ обществъ, культурныхъ учрежденій и высшихъ учебныхъ заведеній признали за фактъ, что въ основу своихъ трудовъ по археологіи и областной исторіи они кладутъ данныя, добытыя Учеными Архивными Комиссіями, и что безъ этихъ данныхъ ихъ работы въ этомъ направленіи немыслимы. Пусть и здѣсь наша Комиссія явится иниціато-

ромъ; г) въ прошедшемъ 25-лѣтіи наша Комиссія поддерживала свои отношенія съ мѣстнымъ обществомъ и учрежденіями путемъ посѣщенія ихъ членами ея засѣданій, а также путемъ обозрѣнія ими ея музея, библіотеки и архива и чрезъ дозволеніе работать въ ея помѣщеніи по этимъ ея отдѣламъ, но, въ общемъ, такое взаимоотношеніе было все же чуждо принципа широкаго взаимообщенія; желательно, поэтому, чтобы въ будущемъ 25-лѣтіи эти взаимоотношенія приняли болѣе широкіе размѣры; для этого со стороны Комиссіи потребуется, между прочимъ, возможно чаще и шире ознакомлять мѣстное общество и учрежденія съ данными своихъ отдѣловъ—музея, библіотеки и архива, а равно и со всѣми, поступающими въ послѣдніе, „новинками", имѣющими несомнѣнный интересъ въ извѣстномъ отношеніи, и особенно съ такими, которыя знакомятъ съ прошлою жизнью населявшихъ когда-то нашъ край народовъ; г) возбудить возможно большій интересъ и любовь къ родной старинѣ, что можетъ быть достигнуто двоякимъ путемъ: путемъ чтенія для широкой публики публичныхъ лекцій, рефератовъ, докладовъ, сообщеній и путемъ введенія въ курсъ изученія въ школахъ археологіи, какъ самостоятельнаго предмета или хотябы какъ придатка къ русской исторіи или географіи: вмѣсто того, чтобы тратить время на заучиваніе названій (безъ содержанія) мелкихъ заграничныхъ и русскихъ городовъ, мѣстностей, горъ, рѣкъ, островковъ, не имѣющихъ никакого значенія ни въ торговопромышленномъ, ни въ культурномъ, ни тѣмъ болѣе въ научномъ отношеніи, не лучше-ли было бы знакомить учащихся съ мѣстной, родной стариной, такъ много говорящей уму и сердцу дѣтей, любящихъ свою родину?

Несомнѣнно, что такая постановка дѣла служила бы болѣе надежнымъ средствомъ къ сохраненію старины, такъ какъ вызвала бы у учащихся стремленіе къ коллекціонированію; но и чтеніе лекцій, рефератовъ и пр. могло-бы имѣть благотворные результаты: любовь къ старинѣ является не вдругъ, а по мѣрѣ изученія ея и от-

крытія въ ней тѣхъ сторонъ, которыя болѣе всего гармонируютъ съ психикой и индивидуальными особенностями знакомящагося съ предметами древностей. Само собой слѣдуетъ, что содержаніе лекцій надо запечатлѣвать въ памяти слушателей и зрителей при помощи иллюстрацій, волшебнаго фонаря и выставки предметовъ старины, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при помощи живыхъ картинъ; д) огромную цѣнность въ бытовомъ отношеніи имѣютъ простонародныя пѣсни, легенды, сказанія, преданія; они же важны и въ отношеніи колонизаціи края, когда сложены о первыхъ и послѣдующихъ насельникахъ послѣдняго, объ ихъ борьбѣ съ мѣстными условіями жизни, съ лихими людьми, съ дикими звѣрями, съ самой природой... Задача Комиссіи въ будущемъ 25-лѣтіи—собрать во-едино всѣ эти проявленія народнаго эпоса и творчества, начало чему уже положено въ прошломъ.

Добавленіе къ „Очерку“.

Въ самомъ „Очеркѣ“ мы изложили все то, что уже сдѣлано и пережито нашей Комиссіей; здѣсь же мы излагаемъ лишь то, что было въ разное время Комиссіею намѣчено, но, по разнымъ причинамъ, еще не окончено и завершено будетъ не такъ скоро. Сюда мы относимъ: 1) заботы Комиссіи по составленію археологической карты Саратовской губерніи; 2) работы Комиссіи по разбору архива Саратовскаго Окружнаго суда; 3) проектъ работъ по собиранію „пѣсеннаго матеріала“; 4) работы по собиранію свѣдѣній о 1812 годѣ; 5) ходатайства Комиссіи о льготномъ тарифѣ по перевозкѣ архивныхъ дѣлъ почтою и по желѣзной дорогѣ; 6) о правѣ передачи одними членами другимъ своего голоса на собраніяхъ Комиссіи и 7) о способѣ выборовъ членовъ Комиссіи.

Мы думаемъ, что сказать обо всемъ этомъ хоть нѣсколько словъ необходимо въ тѣхъ видахъ, чтобы у читателей нашего „Очерка“ составилось болѣе или менѣе вѣрное представленіе о жизнедѣятельности нашей Комиссіи. Говорить объ этомъ въ самомъ „Очеркѣ“ мы считали неудобнымъ, такъ какъ намъ пришлось бы тамъ часто уклоняться въ сторону и прерывать изложеніе исторіи пережитаго Комиссіей, которое мы ведемъ, по возможности, въ строго хронологическомъ порядкѣ.

Итакъ начнемъ по намѣченному порядку.

1. Въ „Очеркѣ“ было сказано, что мысль о составленіи археологической карты Саратовской губерніи впервые подалъ непремѣнный попечитель Комиссіи, Саратовскій губернаторъ А. И. Косичъ на собраніи Комиссіи 20 марта 1888 года; сказано также, что вопросъ о составленіи карты служилъ предметомъ разсмотрѣнія особой под-

комиссіи изъ пяти членовъ; приведены и самые выводы, къ какимъ пришла эта подкомиссія. На этомъ и закончено наше повѣствованіе о составленіи археологической карты. А между тѣмъ Комиссія наша не думала на этомъ только остановиться; напротивъ, она прилагала много усилій, чтобы довести это желанное дѣло до благополучнаго конца, тѣмъ болѣе, что съ конца 1891 г. къ ней стали поступать изъ уѣздовъ въ довольно значительномъ числѣ сообщенія о памятникахъ старины, а иногда и самые памятники. Это было откликомъ на разосланные ею въ сельскія волостныя правленія въ количествѣ 1200 экз. „вопросные пункты", которые были составлены и присланы ей Московскимъ Археологическимъ обществомъ[61]).

Въ виду этихъ поступленій рѣшено было (21 дек. 1891 г.) заказать одному изъ мѣстныхъ чертежниковъ карту соотвѣтствующаго размѣра, для нанесенія на нее всѣхъ, имѣвшихся на-лицо, предметовъ старины. Къ сожалѣнію, рѣшеніе это не было приведено въ исполненіе, единственно по недостатку средствъ, которыя въ этомъ году, какъ было сказано въ своемъ мѣстѣ, были всѣ израсходованы на изданіе юбилейнаго „Сборника" и другихъ работъ Комиссіи. А такъ какъ „оскудѣніе средствъ" у Комиссіи продолжалось долго, то и дѣло съ археологической картой значительно замедлилось. А тѣмъ временемъ поступленіе сообщеній о предметахъ старины почти прекратилось, хотя Комиссія, съ цѣлью вызвать среди сельскихъ жителей чувство соревнованія, о наиболѣе цѣнныхъ пожертвованіяхъ, какъ и о самихъ жерт-

[61]) Любопытно, что „вопросные пункты" произвели во многихъ селахъ большой переполохъ: по селамъ составлялись сходы, на которыхъ „пункты" читались и комментировались совершенно неожиданно для нашей Комиссіи, а именно въ томъ смыслѣ, что, молъ, древности тутъ—одинъ предлогъ, истинная же причина здѣсь та, что кому-то понадобилась мужицкая земля, которую или отрѣжутъ или изроютъ сплошь, отыскивая въ ней какія-то и кому-то нужныя древности. Боясь того и другого (отрѣзки и рытья земли), крестьяне торопливо составляли на сходахъ оффиціальные акты—приговоры за подписью всѣхъ домохозяевъ и, чуть не божась, что въ ихъ селахъ и окрестностяхъ послѣднихъ нѣтъ никакихъ древностей, отсылали свои приговоры въ нашу Комиссію, которой, однако, хорошо было извѣстно совершенно обратное.

вователяхъ, печатала въ „Сарат. Губ. Вѣдом.“ извѣщенія, а иногда, съ разрѣшенія и отъ имени Саратовскаго губернатора, выражала жертвователямъ благодарность, которую сельскія власти объявляли имъ, жертвователямъ, или на сходахъ, или въ волостныхъ Правленіяхъ, что, конечно, производило извѣстное впечатлѣніе.

Но такъ какъ Комиссіи очень желательно было составить археологическую карту возможно скорѣе, то рѣшено было 1) ноября 1894 года) повторить разсылку тѣхъ же „вопросныхъ пунктовъ“, кромѣ волостныхъ правленій, церковнымъ причтамъ и сельскимъ учителямъ. На послѣднихъ Комиссія особенно расчитывала въ виду того, что занятій въ сельскихъ школахъ не бываетъ очень продолжительное время, почему и учителя этихъ школъ, свободные съ ранней весны до осени, могли бы съ успѣхомъ и несомнѣнною для себя и Комиссіи пользой заняться разысканіемъ предметовъ старины, въ которыхъ, какъ Комиссіи было извѣстно, не могло быть недостатка въ окрестностяхъ любого села. Но результаты получились мало утѣшительные. Въ началѣ 1895 года Комиссія въ третій разъ разослала сказанные „пункты“, предварительно вновь напечатавъ ихъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Но результаты получились такіе же.

Въ 1905 году разсылка „пунктовъ“ повторена была, причемъ программа для собиранія свѣдѣній была значительно расширена; но результаты получились болѣе, чѣмъ неудовлетворительные: на 600 экземпляровъ „вопросныхъ пунктовъ,“ разосланныхъ по школамъ, получено было въ октябрѣ 1907 года только 30 отвѣтовъ. Думая, что такіе результаты получились отъ того, что „пункты“ были посланы прямо въ школы, помимо директора и инспекторовъ народныхъ училищъ и наблюдателей церковныхъ школъ, Комиссія въ пятый разъ разослала „пункты“ и на этотъ разъ обратилась за содѣйствіемъ, кромѣ сказанныхъ лицъ, къ губернатору, архіерею и земскимъ начальникамъ, а въ мѣстныхъ газетахъ и „Духовномъ Вѣстникѣ“ (замѣнившемъ „Сарат. Епарх. Вѣдом.“) напечатала, къ свѣдѣнію духовенства епархіи, кромѣ „пунк-

товъ", текстъ „обращенія" о томъ, что Комиссія принимаетъ пожертвованія разнородныхъ памятниковъ старины. На этотъ разъ успѣхъ былъ полный: въ теченіе 1907—1908 г.г. въ Комиссію поступила масса свѣдѣній объ историческихъ древностяхъ, и Комиссія намѣревалась напечатать ихъ или въ „Трудахъ" своихъ или отдѣльнымъ изданіемъ, которое расчитывала разослать, для провѣрки, на мѣста, откуда присланы свѣдѣнія; но потомъ раздумала и удержалась отъ того и другого, предоставивъ (8—9 ноября 1908 г.) нѣкоторымъ своимъ членамъ право использовать весь скопившійся матеріалъ по уѣздамъ, для чего рѣшено было предварительно выработать одинъ общій планъ какъ по разработкѣ свѣдѣній, такъ и по нанесенію ихъ на археологическую карту, причемъ, для ускоренія дѣла, эти члены могли, въ случаѣ надобности, дѣлать отъ имени Комиссіи, чрезъ правителя ея дѣлъ, письменные запросы и предложенія на мѣста находокъ предметовъ старины.

Въ 1909 году къ прежде разсылавшимся „вопроснымъ пунктамъ" и „обращенію" присоединены были рисунки, которые съ весны этого года Комиссія стала разсылать землемѣрамъ (до 120 человѣкъ), размежевывавшимъ въ разныхъ мѣстахъ Саратовской губерніи на „отруба" землю, а также инженерамъ и подрядчикамъ работъ по постройкѣ и ремонту пути въ разныхъ мѣстахъ Рязан.-Урал. жел. дор. Въ „обращеніи" къ этимъ лицамъ заключались совѣты, какъ имъ поступать въ случаѣ находокъ въ землѣ предметовъ старины и куда слѣдуетъ ихъ направлять; а рисунки (каменныхъ топоровъ и молотковъ, бронзовыхъ стрѣлъ, металлическихъ зеркалъ и пр.) имѣли наглядно знакомить съ наиболѣе часто находимыми въ землѣ предметами старины. Въ отвѣтъ на свои „обращенія" Комиссія, однако, получила немного сообщеній о найденныхъ предметахъ старины, немного и самыхъ предметовъ, но тѣмъ не менѣе тѣ и другіе увеличили собой сумму раньше имѣвшихся въ ея распоряженіи этого рода матеріаловъ, такъ что въ концѣ - концовъ представлялась возможность при-

ступить къ составленію археологической карты по каждому уѣзду отдѣльно, за каковую работу взялись нѣсколько членовъ Комиссіи. Но коллективная работа, по нѣкоторымъ причинамъ, шла медленно. Тогда за нее взялся членъ Комиссіи А. А. Кротковъ.

Ведя дѣло сначала съ помощью товарища по Комиссіи П. Н. Шишкина, потомъ единолично, онъ привелъ весь матеріалъ въ должный порядокъ, составилъ карточки находкамъ по всѣмъ уѣздамъ Саратовской губерніи и сдѣлалъ выборки какъ изъ вышесказанныхъ, поступившихъ въ разное время въ Комиссію, сообщеній и вообще изъ „сырого матеріала“, такъ и изъ печатныхъ, „обработанныхъ“, источниковъ; затѣмъ составилъ карточки находкамъ по уѣздамъ и селамъ въ алфавитномъ порядкѣ; а съ карточекъ составилъ отдѣльный, заключающій въ себѣ 150 рукописныхъ полулистовъ, томъ описаній предметовъ древностей; противъ каждаго селенія, гдѣ были находки, поставилъ условные графическіе знаки, взятые изъ брошюры проф. Анучина „Легенда для составленія археологической карты Россіи“ (Москва. 1885 г.) и изъ другихъ источниковъ.

Сказанный томъ также разбитъ на уѣзды и каждому уѣзду предшествуетъ алфавитный списокъ селеній въ полномъ составѣ для послѣдующихъ отмѣтокъ о находкахъ и съ особой нумераціей по каждому уѣзду. Эта нумерація необходима для помѣщенія цифръ на археологическую карту, на которой не будетъ названій селъ.

Археологическая карта составлена на калькѣ въ 10 - верстномъ масштабѣ, съ нанесеніемъ на нее всѣхъ рѣкъ, рѣчекъ. ручьевъ и овраговъ.

Въ помощь этой картѣ составлены еще десять другихъ картъ въ 30 - верстномъ масштабѣ, съ нанесеніемъ на каждую изъ нихъ одного класса находокъ, а именно: карта пещеръ, карта костей мамонта, карта кургановъ, карта городищъ, карта древнѣйшихъ дюнныхъ стоянокъ, карта песчаныхъ розсыпей и т. д. При картахъ сдѣланы указатели мѣстныхъ названій—урочищъ, кургановъ, городищъ, рѣкъ, озеръ, горъ, гдѣ были какія-либо находки.

И, кромѣ того, сдѣлана сводка всѣхъ памятниковъ древностей. Такимъ образомъ, къ юбилейному дню Комиссіи будутъ занесены на карты всѣ, какіе до сихъ поръ поступили, матеріалы и, кромѣ того, будутъ даны необходимыя поясненія къ таковымъ матеріаламъ. Этимъ пока дѣло и кончится. Но такъ какъ Саратовская губернія въ отношеніи археологическихъ раскопокъ до сихъ поръ обслѣдована, за отсутствіемъ средствъ, сравнительно мало, то и главная работа Комиссіи въ этомъ отношеніи еще далеко впереди, причемъ успѣхъ работы будетъ зависѣть отъ того, какими средствами будетъ располагать Комиссія, такъ какъ производство раскопокъ немыслимо безъ средствъ. Это, думаемъ, такъ очевидно, что не требуетъ никакихъ доказательствъ.

---

2. Изъ трехъ отдѣловъ Комиссіи самый ранній отдѣлъ—архивъ. Онъ существовалъ болѣе чѣмъ за годъ до оффиціальнаго открытія Комиссіи, такъ какъ Высочайшее соизволеніе на передачу бумагъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ Саратовской губерніи послѣдовало, какъ выше было сказано, 4—16 сентября 1885 года, причемъ министерство юстиціи въ первый же годъ существованія Комиссіи ассигновало 300 р. на разборъ этихъ бумагъ, хранившихся въ архивѣ Саратовскаго Окружнаго суда и поступавшихъ въ архивъ нашей Комиссіи по мѣрѣ разбора и описи ихъ, такъ какъ принять отъ суда архивъ разомъ и хранить его при Комиссіи не позволяло тѣсное помѣщеніе послѣдней, занимавшей тогда, какъ мы уже знаемъ, всего двѣ небольшихъ комнаты въ зданіи Присутственныхъ мѣстъ.

Разборка судебнаго архива фактически началась въ апрѣлѣ 1888 года. Первымъ, взявшимъ на себя этотъ трудъ, былъ членъ Комиссіи свящ. А. И. Розановъ, проживавшій въ селѣ Маріиновкѣ („Николаевскій городокъ“ тожъ), въ 40—45 верстахъ отъ Саратова. Много-ли сработалъ о. Розановъ—изъ протоколовъ Комиссіи не видно; но уже самая отдаленность его мѣстожительства отъ разбиравшагося имъ архива мало говоритъ въ пользу

успѣшности работы. Къ тому же въ концѣ этого года ему поручено было Комиссіей разобрать архивъ Саратовской Духовной Консисторіи, каковая работа для него была сроднѣе, работа же по судебному архиву была имъ оставлена. Успѣшнѣе пошло дѣло въ 1889—1890 годахъ, когда за эту работу взялись разомъ нѣсколько членовъ Комиссіи, разобравшіе 5634 дѣла и отобравшіе изъ нихъ для вѣчнаго храненія въ историческомъ архивѣ Комиссіи 429 дѣлъ, имѣющихъ неоспоримо важное значеніе во многихъ отношеніяхъ для мѣстнаго края, особенно же въ бытовомъ отношеніи. Особенно энергично работалъ надъ разборомъ дѣлъ членъ Комиссіи В. И. Дурасовъ: въ началѣ 1889 года онъ просилъ Комиссію истребовать изъ Окружнаго суда описи дѣлъ, предназначенныхъ къ уничтоженію, а 2 мая того же года уже представилъ обширную выборку изъ этихъ описей; но такъ какъ описи не всегда стоятъ въ соотвѣтствіи съ текстомъ и содержаніемъ, то ему пришлось разбирать самыя дѣла. Послѣдняя работа оказалась, однако, чрезвычайно затруднительной: 24 августа того же 1889 года Дурасовъ сообщилъ Комиссіи, что условія, при которыхъ ему приходится работать въ судебномъ архивѣ, совсѣмъ неблагопріятны, такъ какъ дѣла безъ всякаго порядка свалены въ кучу въ сыромъ, холодномъ и полутемномъ подвалѣ. Въ виду этого Дурасовъ просилъ Комиссію снестись съ предсѣдателемъ Окружнаго суда и просить его распоряженія о перенесеніи дѣлъ въ какое-нибудь другое, болѣе сносное помѣщеніе; Комиссія такъ и поступила, причемъ, съ своей стороны, обѣщала Окружному суду перенести дѣла въ подходящее помѣщеніе своими средствами. Но Окружный судъ отвѣтилъ, что такого помѣщенія у него не имѣется въ наличности. Отвѣтъ этотъ поставилъ Комиссію въ большое затрудненіе: отказаться отъ разработки архива значило—отказаться отъ субсидіи министерства юстиціи, чего Комиссіи, по нѣкоторымъ соображеніямъ, не хотѣлось дѣлать, но и продолжать работу, при наличности сказанныхъ условій, было невозможно. Чтобы выйти изъ такого затруд-

нительнаго положенія, была организована (15 февраля 1890 г.) субъ-комиссія изъ А. А. Борткевича, Богдановича, Булгакова, Бундасъ, Воронкова, Вучетича, Германъ, Дурасова, Краснодубровскаго, Патковскаго, Соколова (В. П.), Харизоменова, Хованскаго (Н. Ѳ.) и Юматова (В. Дм.]. Хотя субъ-комиссія составлена была очень удачно, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что предсѣдатель ея Борткевичъ былъ въ тоже время предсѣдателемъ Окружнаго суда, а г. Булгаковъ—членомъ того же суда и могли оказать свое вліяніе на составъ суда въ желательномъ для Комиссіи направленіи, но, на повѣрку, вышло одно—искомаго помѣщенія въ зданіи суда не оказалось. Тѣмъ не менѣе разборъ дѣлъ продолжался. Наиболѣе энергично работали М. К. Богдановичъ. В. И. Дурасовъ и Н. А. Бундасъ. Плодомъ ихъ работъ были, между прочимъ, читанные на общихъ собраніяхъ Комиссіи рефераты: „Изъ дѣлъ Саратовскаго Окружнаго суда“, „О крестьянской женкѣ В. Гр Щётиной, впавшей въ расколъ“ и „Изъ исторіи крѣпостного права въ Саратовской губерніи“.[62])

Этимъ и закончились работы по разбору судебнаго архива. Сдѣлано, конечно, немного; но какъ требовать отъ Комиссіи большаго, когда ея работы обставлены были невозможными условіями, когда Окружный судъ отказалъ субъ-комиссіи въ сносномъ помѣщеніи, а въ сыромъ, холодномъ и полутемномъ подвалѣ нельзя было работать безъ риска потерять зрѣніе и вообще здоровье? Условія работы осложнялись еще тѣмъ, что архивъ былъ доступенъ для работъ членовъ Комиссіи только днемъ, когда послѣдніе, занятые службой, безусловно не могли работать тамъ; по вечерамъ же и ночью не могли работать потому, что помѣщеніе архива тогда пришлось бы освѣщать, а это безусловно запрещено закономъ. Тѣмъ не менѣе Комиссія наша не теряла надеж-

[62]) Первый рефератъ напечатанъ въ 23 вып. „Трудовъ“ Комиссіи за 1903 г., второй и третій рефераты остались не напечатанными по цензурнымъ условіямъ. Третій рефератъ былъ потомъ взятъ авторомъ (г. Дурасовымъ) для помѣщенія его въ „Русской Старинѣ“; но и здѣсь онъ не былъ напечатанъ по тѣмъ же условіямъ.

ды, что въ недалекомъ будущемъ сказанныя условія измѣнятся къ лучшему, что дастъ ей возможность продолжать прерванчыя работы по разбору судебнаго архива, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возобновить полученіе пособія отъ министерства юстиціи, которое прекращено было послѣднимъ въ 1890 году[63]) Въ этихъ видахъ Комиссія на собраніи своемъ 2 ноября 1908 года поручила пищущему эти строки, какъ предсѣдателю своему, войти въ переговоры съ предсѣдателемъ Окружнаго суда „о возобновленіи разбора архива суда въ комнатѣ, а не въ подвалѣ, гдѣ темно, сыро и холодно“[64]) Переговоры велись съ старшимъ предсѣдателемъ судебной палаты Н. А. Чебышевымъ, а не съ предсѣдателемъ Окружнаго суда, въ томъ расчетѣ, что г. Чебышевъ, какъ старшій чинъ и хозяинъ всѣхъ отдѣловъ Окружнаго суда и палаты, имѣетъ больше шансовъ устроить дѣло въ интересахъ Комиссіи и суда. Но двукратные переговоры кончились ничѣмъ, и судебный архивъ, надо полагать, еще не скоро сдѣлается достояніемъ областной науки, если, конечно, не сгніетъ въ сыромъ подвалѣ и не будетъ уничтоженъ грызунами[65])...

Считаемъ нелишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о той осторожности, какую не разъ проявляла наша Комиссія при обсужденіи вопроса о томъ, что можно и чего нельзя печатать въ „Трудахъ“ изъ добытыхъ въ разныхъ архивахъ губерніи свѣдѣній бытового характера. Такъ, на засѣданіи своемъ 15 февраля 1890 года Комиссія заслушала вышесказанный рефератъ В. И. Дурасова, представляющій собой извлеченіе изъ дѣла судебнаго архива за 1830-ые годы. Въ дѣлѣ, а слѣдовательно, и въ рефератѣ описывается истинное происшествіе, мѣстомъ дѣйствія котораго былъ Саратовъ. Сущность происшествія заключается въ томъ, что одинъ

---

[63]) Комиссія получила отъ министерства юстиціи (чрезъ Саратовскій Окружный судъ) всего 900 р., изъ которыхъ 300 р. были ассигнованы на 1887 годъ и по 200 р. на 1888, 1889 и 1890 годы.

[64]) См. протоколъ частн. собр. Ком. 2 ноября 1908 г.

[65]) Впрочемъ, говорятъ, что въ настоящее время архивъ находится въ довольно удобномъ помѣщеніи.

изъ богатыхъ и вліятельныхъ помѣщиковъ посылалъ своихъ „людей“ съ запечатанными письмами въ полицейское управленіе сначала рѣдко, чрезъ извѣстный промежутокъ времени, потомъ все чаще, наконецъ, ежедневно и даже на дню по нѣсколько разъ; въ письмахъ же описывались разныя невѣроятныя вины посылаемыхъ и заключалась просьба—нещадно наказать послѣднихъ. Полицейское управленіе сначала въ точности исполняло просьбу „большого барина“. Но когда этотъ баринъ прописалъ въ письмѣ, что посылаемый имъ въ управленіе „человѣкъ“ совершенно нетерпимъ, такъ какъ онъ водится съ чертями, которые наполнили весь его, барина, домъ и даже всѣ трещины между половицами, дразнятъ его и дѣлаютъ ему всякія пакости,—полицейское управленіе заподозрило, что съ бариномъ творится что-то неладное, и „человѣка“ его отпустило не наказаннымъ. Тогда баринъ обратился съ жалобой въ судъ... Вотъ тутъ-то „происшествіе“ и получило огласку, а чрезъ 60 лѣтъ попало въ рефератъ г. Дурасова.

Нечего и говорить, что рефератъ представлялъ огромный интересъ и самъ собой напрашивался въ печать. Но какъ его печатать, когда еще живы были въ то время (въ 1890 г.) близкіе родственники героя „происшествія“?.. Комиссія сначала рѣшила было напечатать рефератъ полностью, замѣнивъ имена и фамиліи дѣйствующихъ лицъ и мѣсто дѣйствія звѣздочками, но потомъ передумала и рѣшила: печатаніе реферата отложить до неопредѣленнаго времени,[66]) другими словами: хранить его въ архивѣ Комиссіи вмѣстѣ съ секретными бумагами, которыя увидитъ въ печати развѣ только слѣдующее за нами поколѣніе...

Такое же постановленіе Комиссіи состоялось и о работахъ Н. Ф. Иванова и А. И. Бакунина и о нѣкоторыхъ дѣлахъ, въ коихъ описываются побѣги и разглашеніе крѣпостными слуховъ о вольности, мрачное состояніе крѣпостничества и т. д.[67]).

[66]) См. протоколъ экстр. собр. Ком. 10 марта 1890 г.

[67]) См. протоколы Общ. Собр. Ком. 20 апр. 1890 г.; 22 янв. 1893 г.; 1 ноября 1894 г.; 11 сент. и 20 ноября 1910 г.

При разсмотрѣніи таковыхъ рефератовъ и „дѣлъ“ Комиссія неизмѣнно ставила себѣ вопросъ: удобно-ли печатать такія работы? не отзовется-ли это болѣзненно на здравствующихъ родственникахъ и потомкахъ лицъ, отмѣченныхъ въ печати клеймомъ осужденія, хотя бы сами по себѣ они того и заслуживали? Комиссія въ данномъ случаѣ не поддавалась увлеченію отдѣльныхъ членовъ своихъ, спѣшившихъ оповѣстить въ печати, хотя бы „подъ звѣздочками“ вмѣсто именъ, фамилій и мѣстностей, дѣянія людей, не отошедшихъ еще въ вѣчность, или же и отошедшихъ уже, но оставившихъ многочисленныхъ свидѣтелей своихъ дѣяній, которые могутъ легко раскрыть звѣздочки и пронести изъ рода въ родъ худую славу о покойникахъ, хотя бы послѣдніе при жизни своей, сдѣлали много и хорошаго: недаромъ вѣдь говорятъ, что „добро лежитъ, худо бѣжитъ“... Для правдивой Исторіи крѣпостного права въ Россіи время еще не настало. Задача будущихъ историковъ этого права—оповѣстить потомству, что если многіе изъ помѣщиковъ злоупотребляли своимъ правомъ, то многіе же изъ нихъ были и истинными благодѣтелями для своихъ крѣпостныхъ: удерживали послѣднихъ отъ пьянства, разврата, укрѣпляли въ нихъ трезвость, домовитость, усердіе къ труду и чрезъ это водворяли въ ихъ семьяхъ миръ, порядокъ; въ годину же голодовокъ не пускали своихъ крестьянъ „побираться“, но, по силѣ возможности, прокармливали ихъ до новыхъ хлѣбовъ изъ своихъ житницъ. Объ этомъ говорятъ еще оставшіеся въ живыхъ свидѣтели дореформеннаго времени и не безъ волненія говорятъ, что тѣ нищенскія избушки, которыя мы видимъ въ деревняхъ и селахъ нынѣшнихъ свободныхъ людей, въ дореформенное время встрѣчались только, какъ исключеніе, у людей „отпѣтыхъ“ и „отбившихся отъ рукъ“ по своей лѣни или пьянству.

Съ такими разсказами свидѣтелей дореформеннаго времени нельзя не считаться, нельзя, поэтому, и не пожелать, чтобы, вопреки пословицѣ, „бѣжало„ не одно „худо“, но и „добро“.

3. Въ началѣ „Очерка“ мы привели рѣчь Н. В. Калачова при открытіи 15 января 1878 года учрежденнаго имъ Археологическаго Института,—рѣчь, въ которой заключается программа дѣятельности Института, сводящаяся между прочимъ къ собиранію„ драгоцѣнныхъ, уцѣлѣвшихъ отъ вѣковыхъ бурь остатковъ первобытнаго народнаго языка, народныхъ вѣрованій и обычаевъ“, уясняющихъ бытъ и обстановку славянскихъ народовъ.

Признавъ таковую программу обязательною и для себя, наша Комиссія, какъ только организовала у себя и для себя внутренніе распорядки, обратила вниманіе, между прочимъ, и на „пѣсенный матеріалъ“.

Выходя изъ общаго, полупризнаннаго, понятія, что „сказка-складка, пѣсня-быль“,—быль въ томъ отношеніи, что пѣсня рисуетъ бытъ, вѣрованія, обычаи, обстановку, психическое и моральное состояніе тѣхъ, про кого она сложена, и пр. и что въ пѣснѣ народный языкъ отражается, какъ въ зеркалѣ,—Комиссія наша принялась за собираніе пѣсенъ въ концѣ 1893 г., а въ концѣ ноября 1901 года, для большаго успѣха дѣла, образовала изъ своихъ членовъ особую „пѣсенную комиссію“, на которую, кромѣ собиранія пѣсенъ, возложила также собираніе народныхъ говоровъ.

Толчкомъ къ образованію таковой комиссіи послужила съ успѣхомъ функціонировавшая въ то время при Императорскомъ Географическомъ Обществѣ пѣсенная же комиссія, которая обратилась къ нашей Комиссіи съ просьбой собрать по Саратовской губерніи былины, пѣсни, духовные стихи и пр. по спеціально для этого ею составленному вопросному листу. Тогда Комиссія наша испросила у „пѣсенной комиссіи“ при сказанномъ Обществѣ выслать ей 500 экземпляровъ этихъ „вопросныхъ листовъ“ и, по полученіи послѣднихъ, собрала по губерніи настолько богатый пѣсенный матеріалъ, что вслѣдствіе этого въ 1902 году отъ Географическаго Общества были командированы въ Саратовскую губернію два ея члена съ цѣлью записать мотивы пѣсенъ и положить ихъ на ноты. Изъ этого пѣсеннаго матеріала одинъ экземпляръ

остался въ нашей Комиссіи. Онъ составляетъ цѣлый „сборникъ“ пѣсенъ, который потомъ пополнялся новымъ матеріаломъ и современемъ, будетъ напечатанъ отдѣльнымъ изданіемъ.

Въ „сборникѣ“ есть пѣсни рекрутскія, мордовскія (6 пѣсенъ), переведенныя на русскій языкъ, пѣсни великорусскія весеннія и хороводныя, записанныя въ Саратовской губерніи членомъ Комиссіи М. Е. Соколовымъ и читанныя имъ 24 іюня 1906 года на областномъ археологическомъ съѣздѣ во Владимірѣ; пѣсни похоронныя, изъ нихъ одна составлена по поводу казни мнимаго поджигателя—саратовца Березина; записана членомъ Комиссіи А. М. Зеленцовымъ; имъ же записана народная пѣсня „Одоленъ-трава“; затѣмъ слѣдуютъ пѣсни старинныя, чисто народ-; ныя: „Полоняночка“, „Калинушка“ и др., а также пѣсни удалыя, сатирическія, шуточныя, свадебныя, хороводныя, плясовыя и др. Кромѣ пѣсенъ, собраны былины, преданія, легенды, „вопли“, причитанія, повѣрья, говоры, заговоры, молитвы на разные случаи и пр.

Часть этого матеріала уже напечатана въ нѣкоторыхъ очередныхъ выпускахъ „Трудовъ“ Комиссіи; часть же (большая) остается въ рукописи, напечатана будетъ, какъ выше сказано, отдѣльнымъ изданіемъ, но уже въ будущемъ 25-лѣтіи Комиссіи, когда, надо полагать, будетъ собранъ новый подобный же матеріалъ въ значительно большемъ размѣрѣ. Расчитывать на это тѣмъ болѣе возможно, что въ Саратовской губерніи, по увѣренію крестьянъ, сохранились старинныя пѣсни „на всѣ случаи“ обывательской жизни и притомъ—безъ всякаго измѣненія.

---

4. Мысль о необходимости собрать, по возможности, полныя свѣдѣнія о томъ, какъ отразилась война 1812 г. на Саратовѣ и Саратовскомъ краѣ,—явилась у нашей Комиссіи почти-что одновременно съ открытіемъ ея; толчкомъ же къ осуществленію этой мысли послужилъ не разъ упомянутый нами на предыдущихъ страницахъ

нашего „Очерка“ „Саратовскій Историческій Сборникъ“, въ которомъ имѣются свѣдѣнія о „принимаемыхъ“ въ Саратовѣ и „выгоняемыхъ“ изъ него плѣнныхъ, которыхъ саратовцы окрестили однимъ общимъ названіемъ „французы“, хотя въ числѣ этихъ „французовъ“ были принцъ Гогенлое, полковникъ Виртембергской службы, много офицеровъ, солдатъ и даже женщинъ разныхъ націй.

Какъ же попали эти французы въ Саратовъ? какъ они здѣсь жили? на чей счетъ содержались? что они здѣсь дѣлали? какъ относилось къ нимъ мѣстное общество? въ чемъ послѣднее проявило свое участіе въ Отечественной войнѣ?—Вотъ вопросы, которые возникли у членовъ Комиссіи, при мысли о 1812 годѣ. Само собой понятно, что разрѣшить эти вопросы могли только данныя, заключающіяся въ мѣстныхъ архивахъ, такъ какъ живыхъ свидѣтелей событій 1812 года въ Саратовѣ тогда (въ 1891 г.), кромѣ одного Савэна,[68]), не было. Къ архивамъ и обратилась Комиссія и, главнымъ образомъ, къ архивамъ мѣстной Казенной Палаты и Губернскаго Правленія, откуда и были извлечены самыя, конечно, достовѣрныя свѣдѣнія о многихъ военноплѣнныхъ въ Саратовѣ, а равно и свѣдѣнія по вышесказаннымъ вопросамъ. Такъ обстояло дѣло до 1898 года.[69]) Въ этомъ же году, какъ и въ послѣдующіе годы, Комиссія, какъ будто, забыла о собираніи таковыхъ свѣдѣній или, по крайней мѣрѣ, не торопилась собирать ихъ, тѣмъ болѣе, что времени впереди оставалось много, тогда какъ другія работы, очередныя, не терпѣли отлагательства. О 1812 годѣ вспомнили только чрезъ 10 лѣтъ, когда на общемъ собраніи Комиссіи 11 окт. 1908 г. заслушано было сообщеніе проживающаго въ Москвѣ члена Комиссіи А. М. Матвѣева, что Москва начинаетъ готовиться къ столѣтнему юбилею Отечественной войны, и его же, г. Матвѣева, предложеніе, что и Саратову, по примѣру Москвы, слѣдовало бы составить „Сборникъ“ свѣдѣній

---

[68]) См. о немъ въ ст. Ф. В. Духовникова „Нѣмцы, другіе иностранцы и пришлые люди“ напечатанной въ „Сарат. краѣ.“ Саратовъ. 1893 г. стр. 245—6

[69]) См. протоколъ Общ. Ком. 29 ноября 1897 г.

объ этой войнѣ и, въ частности, написать историческій очеркъ о памятникѣ этой войны въ Саратовѣ—Александро-Невскомъ кафедральномъ соборѣ. Комиссія отнеслась къ этому сообщенію съ живѣйшимъ участіемъ и избрала особую подкомиссію изъ гг. членовъ: Гераклитова, Серебрякова, Соколова (С. Д.) Черновскаго, Щеглова и Юдина—для собиранія свѣдѣній вообще по 1812 году, а пишущій эти строки, бывшій тогда предсѣдателемъ Комиссіи, принялъ на себя трудъ составить историческій очеркъ сказаннаго собора, причемъ признано было желательнымъ, чтобы на общихъ собраніяхъ Комиссіи было отъ времени до времени сообщаемо о ходѣ этихъ работъ.

Сказанная подкомиссія имѣла нѣсколько засѣданій на которыхъ обсуждался планъ работъ и намѣчены были архивы, которые надлежало ей разобрать, но когда дѣло, казалось, было налажено, подкомиссія распалась одинъ изъ ея членовъ перешелъ на службу въ другой городъ, другой, за недостаткомъ времени, совсѣмъ выбылъ изъ состава членовъ Комиссіи, такъ что подкомиссія по 1812 году оказалась въ не полномъ числѣ и была пополнена только 12 декабря 1909 года членами Берсеневымъ, Хованскимъ и др., причемъ почетнымъ предсѣдателемъ, по предложенію пишущаго эти строки, былъ избранъ членъ Комиссіи Вл. Нил. Ознобишинъ. Почетная роль отведена г. Ознобишину въ тѣхъ видахъ, что онъ, какъ губернскій предводитель дворянства, можетъ оказать свое содѣйствіе по выборкѣ свѣдѣній въ архивѣ дворянскаго депутатскаго собранія, что имъ и дѣйствительно обѣщано и уже приводится въ исполненіе при помощи канцеляріи дворянскаго собранія.

9 января 1910 года сказанная подкомиссія по 1812 году усилена тремя членами: Г. Г. Дыбовымъ, А. О. Жеребцовымъ и А. А. Кротковымъ, такъ что въ настоящее время она состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: Берсенева, Гераклитова, Дыбова, Жеребцова, Кроткова, Хованскаго и Щеглова и почетнаго предсѣдателя Ознобишина. Подкомиссія поставила себѣ задачей обозрѣть не только

саратовскіе губернскіе архивы, но и архивы уѣздныхъ городовъ и нѣкоторыхъ нѣмецкихъ колоній въ Царицынскомъ и Камышинскомъ уѣздахъ, гдѣ были въ 1812 году расквартированы плѣнные французы, а также собрать по возможности больше вещественныхъ памятниковъ этого года. Замѣтимъ, что поводомъ къ такому рѣшенію подкомиссіи послужили два заслушанныхъ на Общемъ Собраніи Комиссіи 16 апрѣля 1911 года сообщенія непремѣннаго попечителя послѣдней, Саратовскаго губернатора П. П. Стремоухова, изъ которыхъ одно (отъ 6 ноября 1910 года) говоритъ, что „въ виду приближающагося юбилея войны 1812 года и походовъ 1813—1815 годовъ желательно сосредоточить въ одномъ мѣстѣ всѣ свѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія сохранившихся донынѣ памятниковъ и документовъ этой славной эпохи. Такимъ объединяющимъ учрежденіемъ можетъ быть „Музей 1812 г.“ въ Москвѣ, куда Комитетъ по устройству этого музея и проситъ выслать каталоги предметовъ или списки вещей и документовъ, относящихся къ той эпохѣ и имѣющихся въ Саратовской Ученой Архивной Комиссіи, а также фотографическихъ снимковъ съ нихъ и краткаго описанія“.

Въ другомъ сообщеніи (отъ 30 декабря того же года) говорится, что „въ виду тѣхъ же событій, Высочайше утвержденная междувѣдомственная комиссія по обсужденію вопросовъ, связанныхъ съ юбилеемъ Отечественной войны, предполагая охрану какъ существующихъ памятниковъ ея, такъ и могущихъ возникнуть въ будущемъ, сосредоточить въ рукахъ мѣстныхъ губернаторовъ, желаетъ получить свѣдѣнія, какіе существуютъ нынѣ памятники 1812 года, какъ они сохранились и, если необходимо ихъ исправленіе, то какая потребна на это сумма“. Губернаторъ, сообщая объ изложенномъ, просилъ Комиссію доставить ему свѣдѣнія по упомянутымъ вопросамъ.

Свѣдѣнія о памятникахъ, конечно, доставлены, но ихъ оказалось пока немного: у Комиссіи въ музеѣ изъ памятниковъ 1812 года имѣются лишь кресты и медали. Огромное количество всевозможныхъ памятниковъ

1812 года сосредоточено было въ домѣ-дворцѣ кн. Голицына-Прозоровскаго при селѣ Зубриловкѣ, Саратовскаго уѣзда, и Комиссія наша расчитывала получить въ даръ цѣлую коллекцію этихъ памятниковъ или, по крайней мѣрѣ, снять съ нихъ фотографіи, и тогда въ музеѣ Комиссіи событія 1812 года въ этомъ отношеніи были бы представлены очень полно; но расчеты Комиссіи не оправдались: въ годы „освободительнаго движенія“ (1905—1906) погромщики, разоряя и сожигая владѣльческія имѣнія, не миновали и Зубриловки: домъ-дворецъ кн. Голицына-Прозоровскаго они такъ основательно „освободили“ отъ музейныхъ предметовъ, что отъ богатѣйшаго въ цѣлой Россіи музея предметовъ 1812 года осталось лишь одно воспоминаніе въ видѣ жалкихъ осколковъ, тряпицъ и т. п.

Вотъ почему подкомиссіи по 1812 году и приходится теперь дѣло съ памятниками „начинать съ начала“—всюду разыскивать то, что раньше было сосредоточено въ одномъ мѣстѣ и на что она такъ расчитывала!.. А что будетъ ею сдѣлано въ дѣйствительности, о томъ мы узнаемъ въ свое время—въ половинѣ будущаго 1812 года.

---

5. Хлопоты Комиссіи о перевозкѣ дѣлъ архивовъ изъ уѣздныхъ городовъ всегда стояли въ связи съ положеніемъ ея кассы: когда можно было удѣлить часть бюджета на перевозку дѣлъ почтою или по желѣзной дорогѣ, Комиссія удѣляла ее, и дѣла доставлялись безпрепятственно; но такъ какъ касса Комиссіи рѣдко когда была въ состояніи относительной полноты, то Комиссіи не рѣдко приходилось возбуждать ходатайства или о безплатной пересылкѣ дѣлъ или хотя бы по пониженному тарифу. Таковыя ходатайства Комиссіею направлялись къ пароходнымъ (частнымъ) обществамъ по Волгѣ, къ управляющему Рязанско-Уральской желѣзной дороги, въ Правленіе послѣдней въ Петербургѣ, къ мѣстному губернатору, какъ непремѣнному попечителю

Комиссіи, и къ министру путей сообщенія[70]); но ходатайства эти всегда и вездѣ встрѣчали отказъ, или же просто клались „подъ сукно“ и лишь въ двухъ—трехъ случаяхъ давалось нѣкоторымъ членамъ Комиссіи право безплатнаго проѣзда на путейскихъ пароходахъ и въ вагонахъ желѣзной дороги до Увека, Курдюма и попутныхъ станцій, не далѣе г Аткарска. Комиссія, конечно, глубоко благодарна была и за эту „любезность“, благодаря которой ея члены имѣли возможность дѣлать археологическія развѣдки въ ближайшихъ къ Саратову окрестностяхъ и найденными тамъ предметами обогащать музей древностей. Но все же для Комиссіи этой одной любезности было мало: ея помыслы сосредоточивались, главнымъ образомъ, на архивахъ, разработка которыхъ, въ силу „Положенія“ объ учрежденіи Архивныхъ Комиссій, составляетъ самую главную задачу всѣхъ таковыхъ Комиссій, музеи же при послѣднихъ являются лишь придаткомъ къ историческимъ при нихъ архивамъ и потому не необходимы.

Но что могла сдѣлать наша Комиссія въ подобномъ, напр., случаѣ: въ декабрѣ 1898 года Саратовское Губернское Правленіе оффиціально запросило ее, будутъ ли ею взяты дѣла Полицейскаго Управленія въ г. Кузнецкѣ? Дѣлъ въ Полицейскомъ Управленіи оказалось до 400 пудовъ; на составленіе описи, упаковку и пересылку дѣлъ требовалось до 300 руб. Такихъ денегъ у Комиссіи не было; не было ихъ „на этотъ предметъ“ и у Полицей-

[70]) Къ министру путей сообщенія Комиссія обращалась съ ходатайствомъ 31 декабря 1910 года и получила отвѣтъ, что вопросъ о льготномъ тарифѣ на перевозку по желѣзнымъ дорогамъ архивныхъ дѣлъ (по $^1/_{100}$ коп. съ пуда и версты) будетъ внесенъ на разсмотрѣніе очередного Общаго Тарифнаго Съѣзда и представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ и что Комиссія наша будетъ увѣдомлена о рѣшеніи Съѣзда. См. протоколъ Общ. Соб. Ком. 6 февр. 1911 года. Обѣщанный отвѣтъ полученъ 1 сентября текущаго года. Въ немъ, между прочимъ, сказано, что Общій Тарифный Съѣздъ постановилъ: „Наименованіе „архивныя дѣла„ въ номенклатуру тарифа не включать и ходатайство (Комиссіи) о предоставленіи на перевозку архивныхъ дѣлъ льготнаго тарифа признать не подлежащимъ удовлетворенію“, такъ какъ „перевозка архивныхъ дѣлъ можетъ осуществляться и при существующемъ тарифномъ положеніи подъ наименованіями: книги, рукописи и старыя бумаги, писанныя и печатныя, каковыя пользуются достаточно низкими ставками.“.

скаго Управленія, и дѣла остались на мѣстѣ „до болѣе благопріятнаго времени“ и... гнили или поѣдались грызунами. Также обстояло дѣло и съ архивомъ Полицейскаго Управленія въ посадѣ Дубовкѣ, изъ массы дѣлъ котораго (архива) въ Комиссію поступили всего только 142 дѣла, остальныя же дѣла пропали... Той же участи, вѣроятно, подвергнутся и дѣла Балашовскаго Полицейскаго Управленія, которыя въ настоящее время хранятся на чердакѣ при квартирѣ одного изъ проживающаго ихъ въ г. Балашовѣ члена нашей Комиссіи.

Чѣмъ объяснить всѣ эти многочисленные отказы на просьбы нашей Комиссіи (да, вѣроятно, и другія Комиссіи не разъ получали ихъ?) о безплатной или только льготной перевозкѣ по желѣзной дорогѣ архивныхъ дѣлъ, мы не знаемъ; но считаемъ не лишнимъ отмѣтить, что такое же ходатайство возбуждалось и (въ 1892 г.) Петербургскимъ Археологическимъ Институтомъ, но тоже безуспѣшно.

---

6. Передача членами отсутствующими своего голоса членамъ присутствующимъ на собраніяхъ Комиссіи впервые вступила въ обращеніе на Общемъ Собраніи 16 ноября 1902 года и затѣмъ послѣдовательно повторялась на собраніяхъ: 23 марта и 22 ноября 1908 г., 9 января, 5 и 8 февраля, 10 мая и 25 сентября 1909 г. и 2 октября 1910 года.

Передачу голоса Комиссія съ самаго начала считала явленіемъ нежелательнымъ, но, по нѣкоторымъ соображеніямъ, терпѣла его, пока членъ Комиссіи А. О. Жеребцовъ не сдѣлалъ 9 янв. 1910 г. Комиссіи запроса: „на какомъ основаніи Комиссіей допускается право каждому члену довѣрять свой голосъ другому члену на Общихъ Собраніяхъ?“

Чтобы разобраться въ этомъ запросѣ, Комиссія рѣшила обсудить его на одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій своихъ, а Правленію поручила представить ей свое мотивированное заключеніе. Получивъ послѣднее и обсудивъ его въ связи съ докладомъ г. Жеребцова, Комиссія нашла, что затронутый послѣднимъ вопросъ

лучше всего рѣшить путемъ анкеты, въ каковомъ смыслѣ и состоялось постановленіе Общаго Собранія Комиссіи 2 октября 1910 года, а именно: рѣшено было „снестись по возбужденному вопросу съ Археологическими Институтами и со всѣми Архивными Комиссіями, а также произвести анкету между членами Комиссіи какъ городскими, такъ и иногородними; результаты всего этого доложить Общему Собранію". Результаты анкеты выяснились черезъ 4 съ небольшимъ мѣсяца и обсуждались на Общемъ Собраніи Комиссіи 26 февраля текущаго года. Они заключались въ 30 отвѣтахъ, которые почти всѣ такъ или иначе были мотивированы.

А именно—мотивы неудобства и ненужности права передачи голоса таковы: Передача голоса въ ученомъ обществѣ неумѣстна, такъ какъ отсутствующіе члены Комиссіи имѣютъ возможность подать письменно свое мнѣніе по тѣмъ или инымъ поставленнымъ на очередь для разрѣшенія въ собраніи вопросамъ, и предсѣдатель Комиссіи обязанъ доложить это мнѣніе на обсужденіе Общаго Собранія, которое, вообще, считается со всякимъ мнѣніемъ. Передача голосовъ не вызывается необходимостью, такъ какъ Правленіе Комиссіи состоитъ изъ лицъ, нарочно избираемыхъ Общимъ Собраніемъ въ качествѣ добросовѣстныхъ, полезныхъ и безкорыстныхъ тружениковъ.—Передача голосовъ (положимъ) 6 отсутствующихъ членовъ 6 присутствующимъ на собраніи членамъ Правленія для дѣйствительности собранія представляется пустой формальностью: рѣшенія выносятся на дѣлѣ членами Правленія.—Такъ какъ Общія Собранія Комиссіи назначаются часто и программа ихъ составляется не задолго до ихъ открытія, то, очевидно, что члены, живущіе вдали отъ г. Саратова, не могутъ каждый разъ извѣщаться о днѣ собранія и получаютъ повѣстки на послѣднее болѣе или менѣе заблаговременно лишь тѣ, которые живутъ ближе къ городу, напр., члены, живущіе въ г. Аткарскѣ; такимъ образомъ, большая часть провинціальныхъ членовъ не имѣетъ времени прислать довѣренности кому-либо изъ живущихъ въ

Саратовѣ членовъ и, кромѣ того, не можетъ знать, кто изъ живущихъ въ послѣднемъ членовъ будетъ на собраніи и кто не будетъ; притомъ же можетъ случиться и такъ, что одинъ и тотъ же членъ можетъ получить двѣ и болѣе довѣренности, и тогда голосъ одного довѣрителя пропадетъ, такъ какъ болѣе одной довѣренности никто не можетъ имѣть.—Передача голосовъ въ ученомъ обществѣ не можетъ имѣть мѣста, такъ какъ поручать высказывать свои взгляды другому лицу немыслимо; въ дѣлѣ важно не число голосовъ, а внимательное заслушаніе докладовъ и высказываніе безпристрастнаго мнѣнія, что достижимо лишь при личномъ присутствованіи на Собраніи Комиссіи. Ни въ одномъ обществѣ, если дѣло коснется научнаго вопроса, споры и разногласія не рѣшаются фиктивнымъ большинствомъ голосовъ; право передачи голоса—орудіе политическое, и въ ученомъ обществѣ нельзя допустить искусственнаго созданія большинства даже при рѣшеніи административныхъ вопросовъ, напр., выборовъ Правленія, выборовъ въ члены, при составленіи смѣты приходо-расходной и т. д. Право передачи голоса, умѣстное въ акціонерныхъ обществахъ, позорно для ученаго общества: это право заставляетъ предполагать, что интересъ къ наукѣ уступаетъ мѣсто внутренней политикѣ, такъ какъ при существованіи довѣренностей пренія на собраніяхъ теряютъ свое значеніе и эти довѣренности ослабляютъ у собранія Комиссіи интересъ къ важному дѣлу, которое вѣдаютъ Комиссіи.

Такъ высказались 8 Ученыхъ Архивныхъ Комиссій (Тамбовская, Полтавская, Рязанская, Нижегородская, Оренбургская, Курская, Черниговская и Таврическая) и 10 лицъ—членовъ Комиссіи.

За сохраненіе права передачи голосовъ высказались 12 лицъ—членовъ Саратовской Комиссіи. Мотивы приведены ими слѣдующіе: многіе изъ уѣздныхъ членовъ часто не могутъ лично быть на Общихъ Собраніяхъ Комиссіи, а между тѣмъ они работаютъ на пользу Комиссіи, платятъ членскіе взносы, въ виду чего лишать ихъ права передачи своего голоса значитъ устранять ихъ отъ

всякаго вмѣшательства въ дѣла Комиссіи; между тѣмъ какъ практикуемое право передачи голосовъ до сихъ поръ имѣло самые благотворные результаты: собранія Комиссіи иногда считались состоявшимися лишь при счетѣ довѣренныхъ голосовъ и могли созываться даже очень часто; продолжительность засѣданій увеличивалась, такъ какъ не было надобности ожидать прихода недостающаго числа членовъ (12); работа была продуктивнѣе.— Передача голосовъ особенно нужна для ускоренія рѣшенія чисто административныхъ вопросовъ, которые въ противномъ случаѣ оставались бы въ „долгомъ ящикѣ". Было-бы болѣе справедливымъ лишить права передачи голосовъ членовъ, живущихъ въ Саратовѣ: это побудило бы ихъ усерднѣе посѣщать собранія Комиссіи; для иногородныхъ же членовъ, коихъ насчитывается $^2/_3$ общаго числа членовъ Комиссіи, лишеніе таковаго права было-бы несправедливой карательной мѣрой, такъ какъ оставило бы ихъ безъ всякихъ правъ, при однихъ лишь обязанностяхъ.

Таковые мотивы высказали 9 лицъ.

Третьи изъ опрошенныхъ (3 лица) высказались за сохраненіе права передачи голосовъ съ нѣкоторыми ограниченіями. А именно: довѣренные голоса совсѣмъ не должны входить въ общій счетъ, если число присутствующихъ на собраніи не менѣе 12; подписанныя довѣренности не должны заключать въ себѣ пробѣловъ для вставки въ нихъ во время самаго засѣданія имени и фамиліи тѣхъ, кому онѣ вручаются, какъ это иногда дѣлалось; передающій свой голосъ долженъ высказать свой взглядъ на тотъ или иной вопросъ, поставленный въ повѣсткѣ и подлежащій разрѣшенію на Общемъ Собраніи Комиссіи.—Передача голоса должна быть выражена въ письмѣ, написанномъ собственноручно передающимъ свой голосъ, причемъ должно быть указано опредѣленно лицо, которому передается голосъ. Довѣренности не могутъ составлять кворума на тѣхъ собраніяхъ, въ которыхъ предстоятъ выборы должностныхъ лицъ, такъ какъ при выборахъ обязательно должно быть не менѣе 12 членовъ на лицо.

Обсудивъ всѣ вышеизложенные мотивы и рѣшивъ сохранить довѣренности лишь для иногородныхъ и уѣздныхъ членовъ, Собраніе Комиссіи предоставило своему Правленію детально разработать вопросъ о довѣренностяхъ въ этомъ смыслѣ и результатъ разработки доложить слѣдующему Общему Собранію, которое состоялось 26 марта текущаго года и заслушало слѣдующее заключеніе Правленія: 1. Права передачи голоса должны быть лишены всѣ члены, проживающіе въ Саратовѣ. 2. Право это сохраняется за членами, проживающими въ уѣздахъ Саратовской и въ Новоузенскомъ уѣздѣ Самарской губерніи. 3. Довѣренные голоса принимаются во вниманіе лишь при рѣшеніи хозяйственныхъ и административныхъ, но не научныхъ вопросовъ. 4. При выборахъ членовъ вообще и членовъ Правленія въ частности довѣренные голоса идутъ въ счетъ только въ томъ случаѣ, когда на лицо баллотирующихъ не менѣе 12 человѣкъ. 5. Довѣряющій свой голосъ долженъ собственноручно записать, кому именно онъ довѣряетъ свой голосъ. Бланковыя довѣренности безусловно не допускаются. 6. Всякій отсутствующій членъ можетъ письменно заявить свое мнѣніе по тому или другому вопросу, и въ этомъ случаѣ голосъ его считается особо.

Всѣ эти пункты, безъ преній, приняты Общимъ Собраніемъ къ руководству на будущее время.

---

7. Въ началѣ „Очерка“ было сказано, что въ „Положеніи“ объ учрежденіи Ученыхъ Архивныхъ Комиссій обойдены молчаніемъ вопросы, какъ великъ долженъ быть комплектъ Комиссій; какъ выбирать въ члены Комиссіи—закрытою или открытой баллотировкой; при какихъ условіяхъ выборы дѣйствительны; могутъ ли и при какихъ условіяхъ члены Комиссіи быть исключаемы и т. д. Всѣ эти вопросы „Положеніе“ молчаливо предоставляло разработать самимъ Комиссіямъ. Онѣ и разработывали.

Что касается Саратовской Комиссіи, то у нея дѣло въ этомъ отношеніи обстояло такъ. Имѣя въ виду, что ей тотчасъ же, послѣ открытія, предстоитъ приняться

за серьезную работу, представлявшую собой, по выраженію губернатора Зубова, „жатву многу“, съ которой однимъ членамъ-учредителямъ (12) не справиться, Комиссія старалась на первыхъ же порахъ увеличивать свой составъ новыми лицами. Такъ, на первомъ собраніи (12 дек. 1886 г.) она выбрала въ члены одно лицо; на третьемъ собраніи—семь лицъ, на пятомъ—одно лицо, на шестомъ—14 лицъ и на седьмомъ собраніи (18 дек. 1887 г.)—одно лицо.

Такимъ образомъ, въ началѣ второго года своего существованія Комиссія имѣла 36 членовъ, въ томъ числѣ вновь избранныхъ было 24 члена. Къ нимъ 20 марта 1888 г. прибавилось еще 3 члена. Такая цифра (39) показалась одному изъ членовъ - учредителей настолько значительной, что на Общемъ Собраніи 6 іюня того же года онъ настаивалъ, что „къ выбору новыхъ членовъ Комиссія должна относиться съ крайнею строгостью“, съ чѣмъ, однако, Комиссія не согласилась, такъ какъ примѣненіе въ этомъ случаѣ „крайней строгости“ лишило бы ее притока новыхъ рабочихъ силъ, что для молодого учрежденія было бы невыгодно въ качественномъ отношеніи.

Увеличивая составъ членовъ, Комиссія, на первыхъ порахъ, поступала неодинаково: однихъ лицъ она избирала „единогласно“, безъ всякой баллотировки[71]); другихъ —посредствомъ закрытой баллотировки[72]). Затѣмъ, на Общемъ Собраніи 2 мая 1889 года принято было „за правило“ предложеніе кн. Голицына: „лицъ, пользующихся широкою научною извѣстностью не подвергать баллотировкѣ, а лишь просить принять званіе члена Комиссіи, и если они дадутъ на это свое согласіе, считать ихъ членами Комиссіи“. Постановленіе это впервые было примѣнено къ дѣлу 24 августа того же года, когда предложено было выбрать въ члены Комиссіи академика Аѳ. Ѳ. Бычкова и профессоровъ Н. В. Покровскаго, Вл. Ст. Иконникова и Вл. Бон. Антоновича, которые тотчасъ же, по

[71]) См. протоколъ Общ. Собр. Ком. 12 дек. 1886 г.

[72]) См. протоколы VI и VII Общ. Собр. Ком. 7 и 18 декабря 1887 года.

полученіи отъ нихъ согласія, записаны были въ дѣйствительные члены Комиссіи. Примѣнялось оно (постановленіе) много разъ и въ другихъ, подобныхъ настоящему, случаяхъ даже и послѣ 21 ноября 1892 года, когда, какъ извѣстно, введены были новыя „правила внутренняго распорядка дѣятельности Комиссіи", вторымъ § которыхъ требовалось, чтобы „въ члены Комиссіи" избирались „закрытою баллотировкой, шарами, въ составѣ засѣданія Комиссіи, состоящей не менѣе какъ изъ 12 лицъ", причемъ требовалось, чтобы лица, предлагаемыя въ члены Комиссіи, предварительно заносились „въ протоколъ того засѣданія, въ которомъ предлагаются", а баллотировались бы въ „слѣдующемъ засѣданіи Комиссіи".

Впрочемъ, этотъ § даже и въ рядовыхъ случаяхъ не всегда соблюдался. Такъ, напр., на собраніи 27 апрѣля 1901 года даже предсѣдатель Комиссіи Н. Н. Львовъ и его товарищъ гр. А. Д. Нессельроде были избраны записками, а не шарами, и притомъ—при наличности 10 членовъ.

Такое же наблюденіе сказаннаго § не разъ повторялось и въ послѣдующее время, а именно—на Общихъ Собраніяхъ: а) 16 ноября 1902 года, при выборахъ должностныхъ лицъ: библіотекаря, хранителя музея, членовъ Редакц. Отдѣла и Ревиз. Комиссіи: тѣ и другіе были избраны не шарами, а только записками; б) На собраніи 16 дек. того же года, когда Комиссія сдѣлала новое и совершенно неожиданное постановленіе: „всѣхъ предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ и городскихъ головъ считать членами Комиссіи", конечно, безъ баллотировки и даже не спрашивая ихъ о согласіи быть членами; в) на собраніи 18 ноября 1903 года, когда открытою баллотировкой избраны были: г. Смольяниновъ—библіотекаремъ, а г. Тянковъ—его товарищемъ; г) на собраніи 11 дек. того же года открытой же баллотировкой были избраны въ члены Комиссіи 10 лицъ, изъ которыхъ трое во время выборовъ находились въ залѣ собранія и, послѣ избранія, приняли участіе въ засѣданіи; д) на собраніи 20 окт. 1907 года, когда при

наличности 7, вмѣсто 12 членовъ, состоялись выборы открытой баллотировкой 11 лицъ, изъ которыхъ одно лицо тутъ же было избрано библіотекаремъ, а другое—хранителемъ архива.

Вообще, въ способѣ выборовъ въ дѣйствительные члены Комиссіи замѣтны большія колебанія, которымъ, казалось бы, не должно быть мѣста, разъ существуютъ вполнѣ опредѣленныя правила, выработанныя самою же Комиссіей и принятыя ею къ руководству 21 ноября 1892 года. Но, въ общемъ, Комиссія все же держалась ихъ и случалось, что старалась поправлять свои отступленія отъ нихъ. Такъ, на собраніи 30 сентября 1908 года, при чтеніи пункта IV протокола 18 апрѣля того же года, по предложенію большинства членовъ, было постановлено: „въ разъясненіе этого пункта и постановленій Комиссіи 21 ноября 1892 г. и 30 сентября 1904 года, считать лицъ, выбираемыхъ въ товарищи къ хранителямъ архива, библіотеки и музея должностными и отвѣтственными и выбирать ихъ закрытою баллотировкою. Избранныхъ открытою баллотировкою 18 апрѣля 5 лицъ считать пока намѣченными, но не избранными въ товарищи къ хранителямъ музея, архива и библіотеки.

Обычнымъ временемъ для выборовъ въ члены Комиссіи былъ конецъ собраній, рѣже—средина и еще рѣже—начало ихъ. Въ началѣ собраній выборы производились лишь въ особенныхъ случаяхъ, напримѣръ, при избраніи новыхъ должностныхъ лицъ, какъ это было на собраніи 23 января 1889 года, когда предсѣдателемъ Комиссіи избранъ былъ кн. Голицынъ, а правителемъ дѣлъ—г. Краснодубровскій.

Что касается условій, на основаніи которыхъ производились выборы въ члены Комиссіи, то они также не всегда были одинаковы: сначала баллотировали въ дѣйствительные члены, не спрашивая о согласіи избираемыхъ лицъ, какъ это было на собраніи 12 декабря 1886 года, потомъ стали предварительно спрашивать о согласіи намѣченныхъ къ избранію, какъ это было на собраніи 18 декабря того же

года; затѣмъ, кромѣ согласія, требовалось отъ избираемыхъ представлять Комиссіи „ученые труды“ по археологіи мѣстнаго края, но требовалось не предварительно, а только „впослѣдствіи“, какъ это было постановлено на собраніи 18 ноября 1893 года. Наконецъ, впослѣдствіи къ этимъ условіямъ прибавилось еще одно—требованіе отъ кандидатовъ въ члены автобіографическихъ свѣдѣній, какъ это было постановлено на собраніи 22 ноября 1908 года, причемъ было выражено пожеланіе, чтобы эти свѣдѣнія представляли собой краткое curriculum vitae, которое, при баллотировкѣ, давало бы избирателямъ возможность относиться къ акту избранія болѣе сознательно, а не соблюдать только простую формальность. Кромѣ того, автобіографическія свѣдѣнія могли помочь Комиссіи сохранить память объ ея работникахъ и дать матеріалъ для исторіи самой Комиссіи, особенно въ отношеніи видоизмѣненія ея состава.

Къ сожалѣнію, это вполнѣ разумное требованіе предъявлялось къ избираемымъ недолго: менѣе, чѣмъ черезъ годъ, Комиссія, въ отмѣну его, сдѣлала (7 ноября 1909 г.) такое постановленіе: „лицо, желающее быть членомъ Комиссіи, подаетъ объ этомъ письменное заявленіе съ рекомендаціей не менѣе 2 дѣйствительныхъ членовъ. Правленіе зачисляетъ его кандидатомъ и доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія ближайшаго Общаго Собранія, и на слѣдующемъ Общемъ Собраніи производятся выборы. Представленіе автобіографій необязательно, рекомендующіе же новаго члена должны дать краткія свѣдѣнія объ его общественномъ положеніи, образовательномъ цензѣ и научныхъ трудахъ“. Но иное дѣло—біографіи, и иное—автобіографіи: въ смыслѣ достовѣрности и полноты свѣдѣній надо отдать предпочтеніе, конечно, послѣднимъ. Комиссія, безспорно, сознавала эту разницу, дѣлая такое постановленіе и, если, тѣмъ не менѣе, автобіографіи замѣнены біографіями, составляемыми рекомендующими членами, то произошло это оттого, что требованіе отъ кандидатовъ автобіографій стѣсняло будтобы ихъ, тѣмъ болѣе, что имъ будто-бы неизвѣстно было, какія именно свѣдѣнія нужны

Комиссіи. Но такъ или иначе, а такимъ постановленіемъ Комиссія только затруднила себя: готовясь къ своему 25-лѣтнему юбилею и находя желательнымъ имѣть біографическія свѣдѣнія о своихъ членахъ, но имѣя ихъ самое ограниченное число, Комиссія въ томъ же собраніи (7 ноября 1909 г.) утвердила редакцію „циркулярнаго обращенія“ къ членамъ о сообщеніи Правленію этихъ свѣдѣній, причемъ срокомъ представленія послѣднихъ назначено было 1-е апрѣля 1910 года. Но срокъ ли коротокъ былъ назначенъ, по другой ли причинѣ это произошло, только Комиссія получила до сего времени очень мало отвѣтовъ на „циркулярное обращеніе“. Иначе бы, конечно, обстояло дѣло, если бы Комиссія осталась при своемъ постановленіи 22 ноября 1908 года: тогда и безъ „циркулярнаго обращенія“ она имѣла бы массу автобіографій, которыхъ теперь получить она не можетъ отъ многихъ членовъ уже потому, что одни добровольно выбыли, другіе вынуждены были выйти изъ состава членовъ Комиссіи, третьи умерли.

Съ вопросомъ объ избраніи въ члены Комиссіи связывается вопросъ объ исключеніи ихъ. Этотъ послѣдній вопросъ впервые возбужденъ былъ на Общемъ Собраніи Комиссіи 27 ноября 1901 года, по предложенію (письменному) члена-учредителя А. Н. Минха: „Не слѣдуетъ ли, спрашивалъ г. Минхъ—считать выбывшими изъ состава Комиссіи тѣхъ ея членовъ, которые совсѣмъ не сочувствуютъ цѣлямъ дѣятельности Комиссіи и все время ровно никакого участія въ ея дѣятельности не принимали?“ При этомъ г. Минхъ ссылался на практику Саратовскаго Статистическаго Комитета, который относительно недѣятельныхъ членовъ своихъ держался такого порядка въ силу своего постановленія отъ 22 іюня 1901 года, основаннаго на разъясненіи Центральнаго Статистическаго Комитета отъ 10 февр. 1888 года за № 78 и 16 марта 1898 года за № 263.

Но такъ какъ вопросъ этотъ былъ для Комиссіи новый, не предусмотрѣнный „Положеніемъ“ объ учрежде-

Отъ зрителя справа стоятъ: А. А. Кротковъ, Б. В. Зайковскій, С. А. Щегловъ, З. М. Енгалычевъ, Г. Г. Дыбовъ,—младшій, А. А. Гераклитовъ и Н. Ф. Хованскій—всѣ члены Правленія Комиссіи; слѣва сидятъ: В. П. Соколовъ, поч. членъ, Н. Н. Минхъ, нынѣшній предсѣдатель Комиссіи, А. А. Тилло, членъ-основатель, П. К. Галлеръ, товарищъ предсѣдателя.

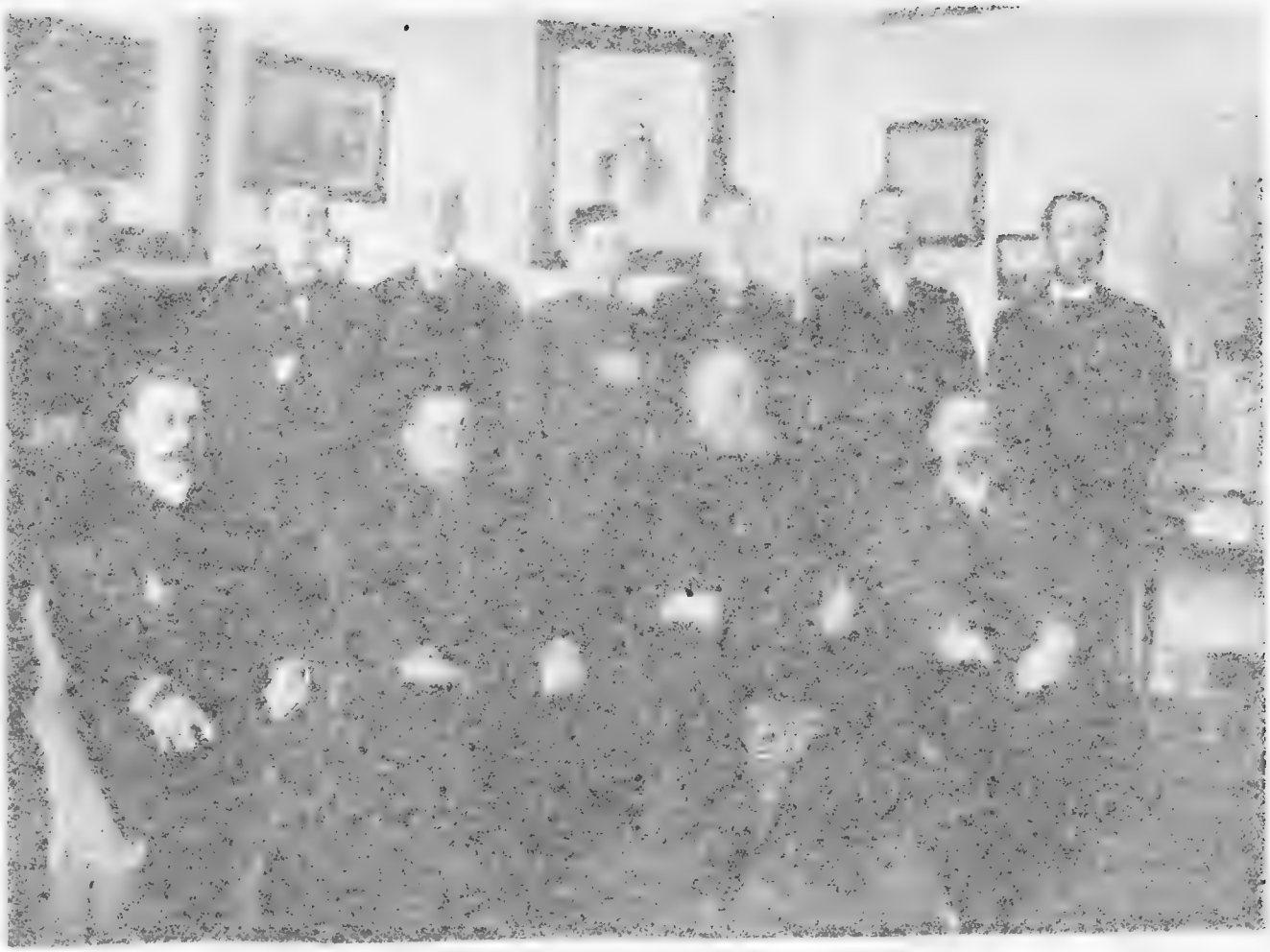
[illegible] наша Комиссія [illegible]

[illegible] право исключать [illegible] назначенію? Но [illegible] 1901 году, ни впо- [illegible] и совѣсть, при- ходи[illegible] членовъ и зано- сит[illegible] имена тѣхъ изъ нихъ, к[illegible] не удовлетворяли сво- [illegible] не бывали, никакихъ ра- [illegible] взносовъ не платили, ни [illegible] и падала „кара“ исклю- [illegible] къ исключенію, обык- [illegible] объ ожидающей ихъ [illegible] членовъ, которымъ Комиссія [illegible] за неуплату членскихъ взносовъ [illegible] въ ноябрѣ (25 числа) 1907 [illegible] (23) и сентябрѣ (20) 1908 года, [illegible] намъ объ уплатѣ [illegible] уплаты [illegible] послѣдуетъ къ 1 декабря 1908 года, то считать [illegible] неуплатившихъ сложившими съ себя званіе дѣя- [illegible] членовъ. Къ такой „мѣрѣ“ воздѣйст[illegible] Комиссія вынуждалась отсутствіемъ у нея въ [illegible] ніе, которое [illegible] ей помощь [illegible]

Въ заключеніе приводимъ [illegible] учреди- телей, почетныхъ и [illegible] все время су- ществованія Комиссіи, не исключая и тѣхъ, которые, за смертью или по другимъ причинамъ, выбыли въ разное время изъ состава Комиссіи.

Члены-[illegible] (алфавиту):

[illegible]



С. А. Щегловъ, З.

ніи Ученыхъ Архивныхъ Комиссій, то наша Комиссія за разъясненіемъ его обратилась къ директору Археологическаго Института, поставивъ при этомъ вопросъ вполнѣ опредѣленно: имѣетъ ли Комиссія право исключать членовъ, не удовлетворяющихъ своему назначенію? Но отвѣта не послѣдовало ни тогда, въ 1901 году, ни впослѣдствіи, и Комиссіи, за свой страхъ и совѣсть, приходилось по временамъ дѣлать разборъ членовъ и заносить въ проскрипціонный списокъ имена тѣхъ изъ нихъ, которые ни въ какомъ отношеніи не удовлетворяли своему назначенію: на засѣданіяхъ не бывали, никакихъ работъ не дѣлали, членскихъ взносовъ не платили, ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ не представительствовали. На такихъ-то членовъ и падала „кара“ исключенія, причемъ намѣченные къ исключенію, обыкновенно заранѣе предупреждались объ ожидающей ихъ „карѣ“, особенно тѣ изъ членовъ, которымъ Комиссія грозила исключеніемъ за неуплату членскихъ взносовъ. Такъ было, напримѣръ, въ ноябрѣ (25 числа) 1907 года, въ мартѣ (23] и сентябрѣ (20) 1908 года, когда на Общихъ Собраніяхъ было постановлено: напомнить членамъ объ уплатѣ членскихъ взносовъ; если же уплаты не послѣдуетъ къ 1 декабря 1908 года, то считать всѣхъ неуплатившихъ сложившими съ себя званіе дѣйствительныхъ членовъ. Къ такой „мѣрѣ“ воздѣйствія Комиссія вынуждалась отсутствіемъ у нея въ то время средствъ, что ставило ее въ самое критическое положеніе, которое члены Комиссіи хорошо знали, но оказать ей помощь взносами не хотѣли...

Въ заключеніе приводимъ списокъ членовъ: учредителей, почетныхъ и дѣйствительныхъ за все время существованія Комиссіи, не исключая и тѣхъ, которые, за смертью или по другимъ причинамъ, выбыли въ разное время изъ состава Комиссіи.

Члены-учредители (по алфавиту):

Безобразовъ Владиміръ Владиміровичъ † весной 1895 г.
Голицынъ Ѳеодоръ Сергѣевичъ, князь.
Готовицкій Михаилъ Викторовичъ.

Кропотовъ Михаилъ Сергѣевичъ † въ 1904 г.
Минхъ Александръ Николаевичъ.
Минхъ Николай Николаевичъ.
Непорожневъ Николай Ивановичъ.
Соколовъ Авдій Ивановичъ † 18 нояб. 1893 г.
Соколовъ Николай Степановичъ † въ 1890 г.
Тилло Адольфъ Андреевичъ.
Чекалинъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ † 22 дек. 1893 г.
Шахматовъ Александръ Ивановичъ † 9 окт. 1896 г.

Почетные члены (въ порядкѣ избранія):

Алексѣй Алексѣевичъ Зубовъ.
Адольфъ Андреевичъ Тилло.
Князь Левъ Львовичъ Голицынъ.
Александръ Николаевичъ Минхъ.
Василій Павловичъ Соколовъ.
Графиня Параскева Сергѣевна Уварова.
Петръ Петровичъ Семеновъ-Тянъ-Шанскій.

Дѣйствительные члены:

Аврамій, Епископъ Саратовскій и Царицынскій—съ 15 февр. 1890 † 24 окт. 1893 г
Адіасѣвичъ Петръ Николаевичъ—съ 1 дек. 1891 г.
Александровскій Александръ Николаевичъ—съ 13 мая 1910 г.
Алексѣевъ Евгеній Михаиловичъ—съ 1 марта 1897 г.
Алехинъ Иванъ Никифоровичъ—съ 7 ноября 1909 г. Саратовъ.
Алферовъ Владиміръ Петровичъ—съ 30 ноября 1888 г.
Андреевъ Феодоръ Лаврентьевичъ—съ 8 ноября 1908 г.
Аниховскій Александръ Леонтьевичъ—съ 11 окт. 1908 г.
Антоновичъ Владиміръ Бонифатіевичъ—съ 24 августа 1889 г. †
Араповъ Борисъ Александровичъ—съ 1 декабря 1891 г. Саратовъ.
Аркадьевъ Елпидифоръ Ивановичъ—съ 8 ноября 1908 г.
Арсеньевъ Василій Сергѣевичъ—съ 13 мая 1910 г.
Архангельскій Иванъ Алексѣевичъ, свящ.—съ 7 декабря 1888 г.
Аттау Михаилъ Осиповичъ—съ 8 марта 1889 г.
Бабушкинъ Валеріанъ Викторовичъ—съ 30 ноября 1888 г.
Бартеневъ Петръ Ивановичъ—съ 21 февраля 1889 г.
Бартеневъ Феодоръ Петровичъ—съ 19 декабря 1896 г.
Баумтротъ Іосифъ Ивановичъ—съ 27 ноября 1909 г.
Баязитовъ Имамъ Мударрисъ Атауллъ—съ 7 марта 1889 г. †
Беклемишевъ Петръ Михайловичъ—съ 6 іюня 1888 г.
Бенингъ Арвидъ Либоріевичъ—съ 7 марта 1909 г.
Бенингъ Либорій Георгіевичъ—съ 22 ноября 1908 г. Саратовъ.
Бератцъ Готлибъ Яковлевичъ—съ 20 октября 1907 г.
Березина Александра Александровна—съ 13 мая 1910 г Саратовъ.
Бернаръ Евгеній Александровичъ—съ 6 іюня 1888 г.
Берсеневъ Сергѣй Николаевичъ—съ 28 ноября 1909 г.
Бобринскій Алексѣй Александровичъ, графъ—съ 21 февраля 1889 г.
Богдановичъ Михаилъ Константиновичъ—съ 8 мая 1889 г.
Богдановъ Анатолій Петровичъ, проф.—съ 11 декабря 1890 г.
Боголюбовъ Василій Александровичъ—съ 7 декабря 1887 г. † въ 1900 г.
Боголюбовъ Николай Петровичъ—съ 6 іюня 1888 г. †
Богомазовъ Павелъ Павловичъ—съ 13 февраля 1900 г.
Богородицкій Николай Сергѣевичъ—съ 8 мая 1889 г.

Боева Евгенія Ивановна—съ 8 ноября 1908 г. Саратовъ.
Боевъ Петръ Николаевичъ—съ 23 марта 1908 г. Саратовъ.
Бокъ Елена Александровна—съ 12 ноября 1911 г Саратовъ.
Болотиновъ Петръ Васильевичъ—съ 6 іюня 1888 г. Саратовъ.
Болсуновскій Карлъ Васильевичъ—съ 16 апрѣля 1911 г.
Борткевичъ Александръ Александровичъ—съ 19 сент. 1888 г. †
Бошно Болеславъ Діонисіевичъ—съ 30 нояоря 1888 г.
Боярскій Петръ Михаиловичъ—съ 9 января 1910 г. Саратовъ.
Будищевъ Федоръ Николаевичъ—съ 9 января 1910 г.
Булгаковъ Александръ Дмитріевичъ—съ 30 ноября 1888 г. Саратовъ.
Булычевъ Николай Ивановичъ—съ 4 ноября 1910 г.
Бунласъ Николай Александровичъ—съ 12 декабря 1888 г. Саратовъ.
Бычковъ Аѳанасій Феодоровичъ—съ 24 авг. 1889 г. † 2 апрѣля 1899 г.
Бѣлянинъ Николай Ильичъ—съ 15 окт. 1890 г. † лѣтомъ 1897 г.
Бюлеръ Феодоръ Андреевичъ, баронъ—съ 21 февраля 1889 г. † въ 1896 г.
Ванинъ Сергѣй Ивановичъ—съ 15 сентября 1907 г.
Васильевъ Алексѣй Васильевичъ—съ 23 января 1889 г.
Васильевъ Николай Васильевичъ—съ 16 ноября 1902 г.
Васильчиковъ Алексѣй Александровичъ—съ 6 октября 1889 г. † въ 1901 г.
Вейнбергъ Леонидъ Борисовичъ—съ 24 августа 1889 г.
Веселовскій Константинъ Борисовичъ—съ 11 декабря 1903 г.
Военскій Константинъ Адамовичъ—съ 23 апрѣля 1894 г.
Волковъ Иванъ Андреевичъ—съ 15 сентяоря 1888 г.
Воробьевъ Николай Александровичъ—съ 8 марта 1889 г.
Воронковъ Василій Константиновичъ—съ 8 мая 1889 г. Саратовъ.
Воскресенскій Феодоръ Феодоровичъ—съ 13 мая 1910 г. Саратовъ.
Вучетичъ Владиміръ Гавріиловичъ—съ 6 іюня 1888 г. † 8 де . 1904 г.
Высоцкій Александръ Александровичъ—съ 12 декабря 1888 г. Саратовъ.
Гайдкевичъ Александръ Игнатьевичъ—съ 23 января 1889 г.
Галкинъ-Врасскій Михаилъ Николаевичъ—съ 22 апрѣля 1906 г.
Галлеръ Петръ Карловичъ—съ 2 октября 1910 г. Саратовъ.
Гаркави Авраамъ Яковлевичъ, профессоръ—съ 8 марта 1889 г.
Гацискій А. С.—съ 19 сентября 1888 г. † въ октябрѣ 1893 г.
Гераклитовъ Александръ Александровичъ—съ 23 марта 1908 г. Саратовъ.
Германъ Петръ Александровичъ—съ 7 декабря 1887 г.
Гермогенъ, Епископъ Саратовскій и Цариц.—съ 24 октября 1901 г. Саратовъ.
Гоздаво-Голомбіевскій Александръ Александровичъ—съ 19 сентября 1888 г.
Голицынъ Левъ Львовичъ, князь—съ 12 декабря 1886 г.
Голицынъ Феодоръ Сергѣевичъ, князь—съ 12 декабря 1886 г.
Головцевъ Иванъ Георгіевичъ—съ 20 октября 1907 г.
Горизонтовъ Иванъ Парѳеновичъ—съ 3 мая 1895 г. Саратовъ.
Горизонтовъ Николай Парѳеновичъ, свящ.—съ 19 декабря 1896 г. †
Готвальдъ Іосифъ Феодоровичъ—съ 12 ноября 1891 г. † въ 1897 г.
Готовицкій Михаилъ Викторовичъ—съ 12 декабря 1886 г.
Гранъ Николай Карловичъ—съ 7 декабря 1887 г.
Гумилевскій Левъ Ивановичъ—съ 12 ноября 1911 г.
Гусевъ Александръ Феодоровичъ, проф.—съ 29 ноября 1897 г. †.
Даниловъ Павелъ Ивановичъ—съ 7 декабря 1887 г.
Дегенъ Сергѣй Викторовичъ—съ 1 декабря 1891 г.
Диксонъ Борисъ Ивановичъ—съ 15 марта 1903 г.
Димо Николай Александровичъ—съ 11 декабря 1903 г. Саратовъ.
Добровольскій Анатолій Александровичъ—съ 15 декабря 1896 г. Саратовъ.
Добровольскій Антонъ Михайловичъ—съ 8 мая 1889 г. Саратовъ.

Добротинъ Феодоръ Васильевичъ—съ 16 ноября 1902 г. Саратовъ.
Досифей, Епископъ Вольскій—съ 9 января 1910 г.
Дубасовъ Иванъ Ивановичъ—съ 19 сентября 1888 г.
Дубровинъ Николай Феодор., ген.-л.—съ 19 сент. 1888 г. † 12 іюня 1904 г.
Дурасовъ Виссаріонъ Ивановичъ—съ 12 дек. 1888 г. † 8 ноября 1891 г.
Духовниковъ Флегонтъ Васильевичъ—съ 21 февраля 1889 г. † 1 февр. 1897 г.
Дыбовъ Григорій Григорьевичъ, младшій—съ 27 ноября 1901 г.
Дьяконовъ Петръ Александровичъ—съ 24 августа 1889 г.
Евгеній, Епископъ Астраханскій, потомъ Ставропольскій—съ 19 сент. 1889 г.
Еланскій Василій Гавріиловичъ, свящ.—съ 6 марта 1887 г.
Енгалычевъ Зеяуддинъ Мухамеджановичъ—съ 12 декабря 1908 г.
Епифановъ Александръ Николаевичъ—съ 11 декабря 1890 г.
Ермолаевъ Михаилъ Сергѣевичъ—съ 30 ноября 1889 г. †
Ершовъ Николай Николаевичъ—съ 29 ноября 1897 г.
Ефимовичъ Иванъ Васильевичъ—съ 8 марта 1889 г. † въ концѣ 1907 г.
Жаворонкова Марія Андреевна—съ 16 ноября 1902 г.
Жеребцовъ Александръ Іосифовичъ—съ 11 декабря 1903 г. Саратовъ.
Жеребцовъ Владиміръ Іосифовичъ—съ 4 ноября 1910 г. Саратовъ.
Забѣлинъ Иванъ Георгіевичъ—съ 21 февраля 1889 г. † 3 янв. 1909 г.
Загоскинъ Николай Павловичъ, проф.—съ 15 февраля 1890 г.
Зайковскій Богданъ Викторовичъ—съ 16 ноября 1902 г. Саратовъ.
Зайковскій Людвигъ Викторовичъ—съ 24 октября 1901 г. Саратовъ.
Зайцевъ Дмитрій Ивановичъ—съ 12 декабря 1909 г. Саратовъ.
Зеленцовъ Алексѣй Михайловичъ—съ 25 ноября 1907 г. Саратовъ.
Зимнюковъ Андрей Антоновичъ—съ 12 декабря 1898 г. † 2 мая 1906 г.
Зиньковскій Тимофей Константиновичъ—съ 20 декабря 1907 г.
Знаменскій Петръ Васильевичъ проф —съ 30 ноября 1888 г.
Зомельтъ Михаилъ Антоновичъ—съ 22 ноября 1908 г.
Ивановъ Николай Феодоровичъ—съ 6 іюня 1888 г. † 21 апрѣля 1905 г.
Ивановъ Михаилъ Максимовичъ—съ 23 января 1889 г.
Игнатовичъ Николай Іосифовичъ—съ 13 мая 1910 г. Саратовъ.
Извѣковъ Павелъ Григорьевичъ, протоіерей—съ 12 декабря 1889 г.
Иконниковъ Владиміръ Степановичъ—съ 24 августа 1889 г.
Иллюминарскій Семенъ Григорьевичъ—съ 8 ноября 1908 г. Саратовъ.
Иловайскій Дмитрій Ивановичъ, проф.—съ 30 ноября 1888 г.
Истоминъ Феодоръ Михайловичъ—съ 8 мая 1889 г.
Іоаннесовъ Христофоръ Ивановичъ—съ 8 марта 1889 г.
Іоаннъ, Епископъ Сарат. и Цариц.—съ 13 февр. 1900 г. † 11 февр. 1909 г.
Казанскій Александръ Ивановичъ—съ 9 апрѣля 1910 г.
Кандауровъ Дмитрій Петровичъ—съ 19 декабря 1896 г.
Карпенко Владиміръ Константиновичъ—съ 11 декабря 1903 г.
Кастріото Скандербекъ Дрекаловичъ Георгій Владиміровичъ—съ 19 сентября 1888 г.
Катановъ Николай Феодоровичъ—съ 22 ноября 1908 г
Кванинъ Иванъ Ивановичъ—съ 20 декабря 1907 г.
Кедровъ Сергѣй Ивановичъ—съ 19 сентября 1888 г.
Киндяковъ Михаилъ Львовичъ—съ 7 ноября 1909 г.
Киндяковъ Сергѣй Васильевичъ—съ 23 марта 1908 г.
Кирштейнъ Иліодоръ Ивановичъ—съ 9 января 1910 г.
Клестовъ Иванъ Васильевичъ—съ 9 января 1910 г.
Ключевскій Василій Іосифовичъ—съ 2 мая 1889 г. † 12 мая 1911 г.
Кноблохъ Александръ Ивановичъ—съ 30 ноября 1888 г.
Ковалевскій Максимъ Максимовичъ, проф.—съ 21 февраля 1889 г.
Кокуевъ Николай Павловичъ—съ 25 апрѣля 1894 г. Саратовъ.

Коноваловъ Феодоръ Прохоровичъ—съ 10 мая 1909 г.
Корнѣевъ Феодоръ Максимовичъ—съ 11 декабря 1903 г.
Корсаковъ Дмитрій Александровичъ, проф.—съ 30 ноября 1888 г.
Коршъ Феодоръ Евгеніевичъ—съ 10 марта 1890 г.
Косичъ Андрей Ивановичъ—съ 9 апрѣля 1910 г.
Космолинскій Владиміръ Петровичъ—съ 9 апрѣля 1910 г.
Краснодубровскій Степанъ Семеновичъ—съ 7 декабря 1887 г.
Крейсъ Иванъ Христіановичъ—съ 27 ноября 1901 г.
Кречетовичъ Іосифъ Павловичъ—съ 20 октября 1907 г.
Кривскій Павелъ Александровичъ—съ 20 ноября 1897 г. † въ 1905 г.
Кропотовъ Михаилъ Сергѣевичъ—съ 12 декабря 1886 г. † въ 1904 г.
Кротковъ Александръ Августиновичъ—съ 16 ноября 1902 г.
Круберъ Владиміръ Викторовичъ—съ 3 мая 1895 г. † въ 1902 г.
Кулагинъ Александръ Корниловичъ—съ 3 мая 1895 г. † лѣтомъ 1910 г.
Кулаковъ Александръ Андреевичъ—съ 16 ноября 1902 г. † весной 1906 г.
Куликовъ Иванъ Селиверстовичъ—съ 20 октября 1907 г
Куракина Софія Владиміровна, княгиня—съ 6 іюня 1888 г.
Куракинъ Феодоръ Алексѣевичъ, князь—съ 7 декабря 1887 г.
Кушевъ Николай Георгіевичъ—съ 29 ноября 1897 г.
Кущъ Анавій Львовичъ—съ 19 декабря 1896 г.
Лазаревъ Северіанъ Степановичъ—съ 9 апрѣля 1910 г. Саратовъ.
Лакомте Михаилъ Алексѣевичъ—съ 3 мая 1895 г. † 12 марта 1908 г.
Ланской Николай Сергѣевичъ графъ—съ 13 апрѣля 1890 г.
Лебедевъ Александръ Александровичъ—съ 20 октября 1907 г.
Лебедевъ Александръ Іосифовичъ—съ 12 декабря 1888 г.
Лебедевъ Александръ Сергѣевичъ—съ 8 ноября 1908 г.
Лебедевъ Петръ Іосифовичъ—съ 19 декабря 1896 г.
Ливниченко Иванъ Андреевичъ—съ 12 ноября 1911 г.
Лисовскій Николай Капитоновичъ—съ 23 марта 1908 г.
Лихачевъ Николай Петровичъ—съ 28 ноября 1909 г.
Лѣсковъ Несторъ Аркадьевичъ—съ 21 февраля 1889 г. † въ 1902 г.
Лукьяновъ Иванъ Николаевичъ—съ 9 апрѣля 1910 г.
Лунинъ Алексѣй Алексѣевичъ, свящ.—съ 6 марта 1887 г.
Львовъ Аполлинарій Николаевичъ—съ 6 октября 1889 г.
Львовъ Николай Николаевичъ—съ 13 февраля 1900 г.
Любовцовъ Платонъ Николаевичъ—съ 25 марта 1908 г.
Любомировъ Павелъ Григорьевичъ—съ 4 октября 1911 г.
Ляпустинъ Алексѣй Васильевичъ—съ 22 ноября 1908 г.
Мадуевъ Аркадій Степановичъ—съ 16 ноября 1902 г.
Малиновская Марія Васильевна—съ 10 мая 1909 г. Саратовъ.
Маловъ Евѳимій Александровичъ, проф.—съ 30 ноября 1888 г.
Малоземовъ Василій Алексѣевичъ—съ 11 декабря 1903 г.
Маренинъ Александръ Ивановичъ—съ 21 февраля 1889 г.
Марковичъ Богданъ Аѳанасьевичъ—съ 3 мая 1895 г.
Марковскій Викторъ Адамовичъ—съ 13 апрѣля 1890 г. †
Матвѣевъ Александръ Максимовичъ—съ 20 декабря 1907 г.
Мегаловъ Андрей Платоновичъ—съ 20 октября 1907 г.
Медоксъ Константинъ Павловичъ—съ 15 октября 1890 г. † въ 1897 г.
Межовъ Владиміръ Измаиловичъ—съ 23 января 1889 г. Саратовъ. †
Миловидовъ Василій Ивановичъ—съ 23 марта 1908 г.
Минхъ Александръ Александровичъ—съ 13 февраля 1900 г.
Минхъ Александръ Николаевичъ—съ 12 декабря 1886 г.
Минхъ Григорій Николаевичъ—съ 8 ноября 1908 г.

Минхъ Николай Николаевичъ—съ 12 декабря 1886 г.
Минхъ Эмилія Васильевна—съ 8 ноября 1908 г.
Минутъ Николай Федоровичъ—съ 22 ноября 1908 г. Саратовъ.
Мироновъ Александръ Александровичъ—съ 12 ноября 1911 г.
Миротворцевъ Василій Васильевичъ—съ 30 ноября 1888 г. † въ 1891 г.
Михайловскій Сергѣй Арсентьевичъ—съ 9 марта 1909 г.
Михайловъ Николай Дмитріевичъ—съ 15 октября 1890 г.
Михайловъ Рославлевъ Сергѣй Михайловичъ—съ 19 декабря 1896 г. † въ 1905 г.
Можайкинъ Петръ Аркадьевичъ—съ 9 января 1910 г. Саратовъ
Можаровскій Александръ Феодоровичъ—съ 16 ноября 1902 г. † 23 окт. 1907 г.
Молоствовъ Николай Германовичъ—съ 11 декабря 1903 г.
Мордовцевъ Даніилъ Лукичъ—съ 30 ноября 1888 г. † 10 іюля 1905 г.
Мошинскій Петръ Петровичъ—съ 13 февраля 1900 г.
Мошинскій Яковъ Петровичъ—съ 29 ноября 1897 г.
Муркосъ Георгій Абрамовичъ—съ 8 марта 1889 г. † въ 1911 г.
Муромцевъ Сергѣй Андреевичъ—съ 21 февраля 1889 г. † 4 окт. 1910 г.
Надеждинъ Тихонъ Матвѣевичъ—съ 11 декабря 1903 г.
Нарцевъ Александръ Николаевичъ—съ 15 сентября 1904 г.
Нееловъ Николай Николаевичъ—съ 21 февраля 1889 г.
Немировскій Александръ Іосифовичъ—съ 27 ноября 1901 г.
Непорожневъ Николай Ивановичъ—съ 12 декабря 1886 г.
Нессельроде Анатолій Дмитріевичъ, графъ—съ 23 апрѣля 1894 г.
Николевъ Иванъ Николаевичъ—съ 20 марта 1888 г.
Никольскій Владиміръ Георгіевичъ, свящ —съ 18 апрѣля 1909 г.
Никольскій Николай Іосифовичъ—съ 9 апрѣля 1910 г. Саратовъ.
Никонъ, Епископъ Вольскій, потомъ экзархъ Грузіи—съ 12 декабря 1898 г. †
Нильскій Иванъ Феодоровичъ, проф.—съ 10 марта 1890 г. † въ 1894 г.
Норденъ Петръ Августовичъ—съ 29 ноября 1897 г. Саратовъ.
Ободовскій Василій Семеновичъ—съ 1 февраля 1911 г.
Обуховъ Владиміръ Михайловичъ—12 декабря 1909 г.
Обуховъ Иванъ Васильевичъ—съ 7 ноября 1909 г. Саратовъ.
Ознобишина Елизавета Александровна—съ 9 января 1910 г. Саратовъ.
Ознобишинъ Владиміръ Иловичъ—съ 7 ноября 1909 г. Саратовъ.
Олсуфьевъ Дмитрій Адамовичъ, графъ—съ 19 декабря 1896 г.
Оппокова Валентина Ипполитовна—съ 9 апрѣля 1910 г. Саратовъ.
Орловъ Денисовъ Василій Петровичъ, графъ—съ 8 ноября 1908 г.
Орравъ Иванъ Людвиговичъ—съ 22 ноября 1908 г.
Охлябининъ Феодоръ Дмитріевичъ—съ 16 апрѣля 1911 г.
Павелъ, Епископъ Саратов. и Царицын.—съ 19 сентября 1888 г. †
Павловъ Александръ Алексѣевичъ—съ 27 апрѣля 1901 г.
Палимпсестовъ Владиміръ Петровичъ, свящ.—съ 20 октября 1907 г.
Пасенко Валеріанъ Аркадьевичъ—съ 2 октября 1911 г.
Пактовскій Феодоръ Георгіевичъ—съ 30 ноября 1889 г.
Панчулидзевъ Сергѣй Алексѣевичъ—съ 19 сентября 1888 г.
Перетятковичъ Георгій Ивановичъ—съ 30 ноября 1888 г. †
Песковъ Александръ Васильевичъ—съ 12 декабря 1888 г.
Петрушевскій А. Ѳ.—съ 12 сентября 1888 г.
Пискаревъ Николай Григорьевичъ—съ 7 ноября 1909 г.
Плигинъ Филиппъ Іосифовичъ—съ 12 декабря 1888 г.
Подъяпольскій Петръ Павловичъ—съ 15 сентября 1904 г.
Поздневъ Иванъ Ивановичъ, прот.—съ 27 апрѣля 1901 г. † въ 1896 г.
Покровскій Владиміръ Михайловичъ, свящ.—съ 6 марта 1887 г. † 1 мая 1888 г.
Покровскій Иванъ Алексѣевичъ—съ 12 декабря 1898 г. † 24 февраля 1907 г.

Покровскій Николай Васильевичъ, проф. и дирек. Археол. Институт.—съ 24 ав. 1889 г.
Поляковъ Павелъ Петровичъ—съ 7 декабря 1887 г.
Полтарацкая Анна Андреевна—съ 24 августа 1889 г.
Пономаревъ Петръ Алексѣевичъ—съ 15 октября 1890 г.
Попова Маргарита Ивановна—съ 9 апрѣля 1910 г.
Поповъ Михаилъ Александровичъ—съ 6 іюня 1888 г. †
Поповъ Николай Александровичъ—съ 20 марта 1888 г. † 22 дек. 1891 г.
Поповъ Павелъ Михайловичъ—съ 29 ноября 1897 г. Саратовъ.
Постремовъ Николай Лукичъ—съ 7 декабря 1887 г.
Потаповъ Петръ Михайловичъ—съ 20 октября 1907 г.
Пречистенскій Василій Никитичъ—съ 7 ноября 1909 г.
Прибытковъ Александръ Александровичъ—съ 1 февраля 1911 г.
Прозоровскій Александръ Алексѣевичъ, свящ.—съ 19 декабря 1896 г. Саратовъ.
Прозоровскій Дмитрій Ивановичъ—съ 24 августа 1889 г.
Прозрителевъ Григорій Николаевичъ—съ 28 ноября 1909 г.
Пругавинъ Александръ Степановичъ—съ 12 декабря 1888 г.
Пыпинъ Александръ Николаевичъ—18 декабря 1886 г. † 26 ноября 1904 г.
Пятаковъ Иванъ Яковлевичъ—съ 15 сентября 1904 г.
Радищевъ Алексѣй Васильевичъ—съ 23 января 1889 г. † въ 1904 г.
Разумовскій Василій Ивановичъ—съ 25 сентября 1909 г.
Рашетъ Яковъ Ивановичъ—съ 31 мая 1890 г.
Рожковъ Александръ Феодоровичъ—съ 25 ноября 1907 г. Саратовъ.
Розановъ Алесандръ Ивановичъ, свящ.—съ 7 декабря 1887 г. † 9 сен 1895 г.
Розановъ Михаилъ Григорьевичъ—съ 19 сентября 1888 г.
Романовичъ Петръ Павловичъ—12 апрѣля 1891 г. † въ 1902 г.
Россовъ Николай Дмитріевичъ—съ 18 апрѣля 1909 г. Саратовъ.
Ружичка де Розенвертъ Николай Львовичъ—съ 23 марта 1908 г. Саратовъ.
Румянцевъ Дмитрій Сергѣевичъ—съ 20 декабря 1907 г. Саратовъ.
Рупини Вячеславъ Петровичъ—съ 11 декабря 1903 г.
Рыбинъ Константинъ Григорьевичъ—съ 6 іюня 1888 г.
Рѣпинскій Григорій Косьмичъ, сенаторъ—съ 30 ноября 1888 г. † 6 февр. 1906 г.
Савеловъ Леонидъ Михайловичъ—съ 4 ноября 1910 г.
Савельевъ Александръ Александровичъ—съ 19 сентября 1888 г.
Садиковъ Петръ Алексѣевичъ—съ 16 апрѣля 1911 г.
Садовниковъ Александръ Феодоровичъ—съ 11 октября 1908 г.
Саліасъ де-Турнемиръ, Евгеній Андреевичъ, графъ—съ 19 сентября 1888 г. † 5 дек. 1908 г.
Самоквасовъ Дмитрій Яковлевичъ—съ 16 декабря 1902 г. † въ августѣ 1911 г.
Свербѣевъ Александръ Дмитріевичъ—съ 30 ноября 1889 г.
Савостинъ Александръ Андреевичъ—съ 25 ноября 1907 г.
Селивановъ Александръ Феодоровичъ—съ 8 мая 1890 г.
Селивановъ Алексѣй Васильевичъ—съ 19 сентября 1888 г.
Семевскій Михаилъ Ивановичъ—съ 12 декабря 1888 г. †
Семеновъ Матвѣй Ивановичъ—съ 24 октября 1901 г.
Семеновъ Николай Александровичъ—съ 20 октября 1907 г.
Серебрякова Зинаида Александровна—съ 13 мая 1910 г. Саратовъ.
Серебряковъ Василій Ивановичъ—съ 23 марта 1908 г. Саратовъ.
Силинъ Феодоръ Феодоровичъ—съ 8 ноября 1908 г.
Сиротининъ Николай Николаевичъ—съ 12 апрѣля 1891 г. Саратовъ.
Славинъ Анатолій Ивановичъ—съ 8 ноября 1908 г. Саратовъ.
Славинъ Иванъ Яковлевичъ—съ 12 декабря 1888 г. Саратовъ.
Скрипицынъ Владиміръ Александровичъ—съ 3 мая 1895 г.
Соколовскій Павелъ Александровичъ—съ 28 января 1888 г.

Соколовъ Викторъ Ивановичъ—19 декабря 1896 г. † въ 1905 г.
Соколовъ Михаилъ Александровичъ, протоіерей—съ 24 октября 1901 г. † въ первой половинѣ 1909 г.
Соколовъ Михаилъ Евгеніевичъ—съ 16 ноября 1902 г.
Соколовъ Николай Александровичъ—съ 23 апрѣля 1894.
Соколовъ Семенъ Дмитріевичъ—съ 20 октября 1907 г.
Соколовъ Сергѣй Михайловичъ—съ 12 декабря 1886 г.
Соловьевъ Александръ Алексѣевичъ—съ 7 декабря 1887 г. Саратовъ.
Соловьевъ Николай Александровичъ—съ 23 апрѣля 1894 г.
Смирновъ Александръ Васильевичъ, протоіерей—съ 11 декабря 1887 г.
Смирновъ Андрей Ефимовичъ, протоіерей—съ 19 сентября 1888 г. Саратовъ.
Смольяниновъ Владиміръ Николаевичъ—съ 7 декабря 1889 г.
Спасскій Николай Александровичъ—съ 11 декабря 1903 г.
Спицынъ Александръ Андреевичъ, профессоръ—съ 3 мая 1895 г.
Стадницкій Николай Григорьевичъ, проф.—съ 9 апрѣля 1910 г. Саратовъ.
Сторожевъ Василій Николаевичъ—съ 23 апрѣля 1894 г. † въ концѣ 1909 г.
Страховъ Ипполитъ Ивановичъ—съ 9 января 1910 г.
Татариновъ Иванъ Васильевичъ—съ 19 декабря 1896 г. † въ 1903 г.
Тезяковъ Николай Ивановичъ—съ 1 февраля 1911 г.
Терентьевъ Алексѣй Терентьевичъ—съ 11 октября 1908 г.
Тимротъ Александръ Георгіевичъ—съ 28 ноября 1909 г.
Титовъ Андрей Александровичъ—съ 12 декабря 1888 г. † 24 окт. 1911 г.
Тихомировъ Дмитрій Васильевичъ—съ 22 ноября 1908 г Саратовъ.
Тихонъ. Епископъ Уральскій—съ 9 января 1910 г.
Токмаковъ Иванъ Феодоровичъ—съ 6 марта 1887 г.
Толмачевъ Николай Алексѣевичъ—съ 15 октября 1890 г.
Трироговъ Всеволодъ Владиміровичъ—съ 13 февраля 1900 г.
Троицкій Павелъ Александровичъ—съ 9 января 1910 г. Саратовъ.
Трутовскій Владиміръ Константиновичъ—съ 24 августа 1889 г.
Тугариновъ Аркадій Яковлевичъ—съ 23 марта 1908 г.
Туровскій Константинъ Григорьевичъ—съ 1 февраля 1911 г.
Тянковъ Асѣнъ Тянчевичъ—съ 9 февраля 1893 г.
Уварова Прасковія Сергѣевна—съ 21 февраля 1889 г.
Унгернъ-Штернбергъ Александръ Аркадьевичъ—съ 7 декабря 1887 г.
Успенскій Феодоръ Ивановичъ—съ 9 апрѣля 1910 г.
Устимовичъ П. А.—3 мая 1895 г. †
Ухтомскій Александръ Александровичъ, князь—съ 12 октября 1898 г.
Ушаковъ Петръ Михайловичъ—7 апрѣля 1893 г. † въ октябрѣ того же года.
Фарфоровскій Сергѣй Васильевичъ—съ 13 мая 1910 г.
Федоровичъ Вячеславъ Петровичъ—13 мая 1910 г. †
Фененко Владиміръ Ѳомичъ—съ 30 ноября 1889 г.
Феокритовъ Евгеній Петровичъ—съ 16 ноября 1902 г.
Феоктистовъ Василій Кондратьевичъ—съ 8 ноября 1908 г.
Фроловъ Николай Петровичъ—съ 1 марта 1897 г. † въ 1903 г.
Фуксъ Владиміръ Яковлевичъ—съ 16 ноября 1902 г.
Харестани Дмитрій Георгіевичъ—съ 20 декабря 1907 г.
Харизоменовъ Сергѣй Андреевичъ—съ 7 декабря 1887 г
Хованскій Александръ Феодоровичъ—съ 12 дек. 1888 г.
Хованскій Николай Феодоровичъ—съ 6 іюня 1888 г.
Холмогоровъ Василій Ивановичъ—съ 20 марта 1888 г. † въ 1902 г.
Холмогоровъ Гавріилъ Ивановичъ—съ 30 ноября 1889 г.
Хохряковъ Владиміръ Харлампіевичъ—съ 18 декабря 1886 г.
Челинцевъ Владиміръ Васильевичъ, проф.—съ 16 апрѣля 1911 г. Саратовъ.

Чермакъ Анна Алексѣевна—съ 10 мая 1909 г. † въ началѣ 1910 г.
Черновскій Алексѣй Алексѣевичъ—съ 11 октября 1908 г.
Черновъ Сергѣй Николаевичъ—съ 19 января 1909 г.
Черновъ Феодоръ Ивановичъ—съ 20 декабря 1907 г.
Чернышовъ Николай Степановичъ—съ 12 ноября 1911 г.
Черняевъ Павелъ Николаевичъ—съ 8 ноября 1908 г.
Чечуринъ Александръ Николаевичъ—съ 4 октября 1911 г.
Чуевскій Иванъ Аѳанасьевичъ, проф.—съ 25 сентября 1909 г.
Шаабъ Христоforъ Петровичъ—съ 11 октября 1908 г.
Шабловскій Александръ Яковлевичъ—съ 15 окт. 1890 г. † въ окт. 1893 г.
Шамборантъ Евдокія Николаевна, графиня—съ 12 ноября 1911 г.
Шахматовъ Алексѣй Александровичъ съ 30 ноября 1888 г.
Шахматовъ Вячеславъ Александровичъ—съ 19 декабря 1896 г. Саратовъ.
Шахматова Евгенія Александровна—съ 12 апрѣля 1891 г.
Шереметьевъ Сергѣй Дмитріевичъ, графъ—съ 21 февраля 1889 г.
Шиманскій Феликсъ Станиславовичъ—съ 12 декабря 1888 г. † въ 1902 г.
Шишкинъ Петръ Николаевичъ—съ 11 октября 1908 г.
Штаубъ Иванъ Ивановичъ—съ 12 декабря 1888 г.
Штейнъ Владиміръ Александровичъ—съ 16 ноября 1902 г.
Штукенбергъ Александръ Антоновичъ—съ 15 октября 1890 г. † въ 1905 г.
Штеричъ Алексѣй Алексѣевичъ—съ 23 марта 1908 г.
Шубинскій Сергѣй Николаевичъ—съ 3 мая 1889 г.
Щегловъ Сергѣй Александровичъ—съ 1 марта 1897 г.
Щепкина Екатерина Николаевна—съ 24 августа 1889 г.
Щепкинъ Николай Павловичъ—съ 24 августа 1889 г.
Щербатовъ К. Н., князь—съ 11 декабря 1890 г.
Юдинъ Геннадій Васильевичъ—съ 12 декабря 1898 г.
Юдинъ Павелъ Львовичъ—съ 16 декабря 1902 г.
Юматовъ Александръ Дмитріевичъ—съ 9 апрѣля 1900 г.
Юматовъ Василій Дмитріевичъ—съ 28 октября 1887 г. Саратовъ.
Юрьевъ Василій Поліеновичъ—съ 30 октября 1889 г.
Юрьевичъ Симонъ Александровичъ—съ 25 сентября 1909 г.

Должностныя лица Комиссіи:

Предсѣдатели.

Д. ст. сов. Адольфъ Андреевичъ Тилло—12 декабря 1886—23 янв. 1889 г.
Князь Левъ Львовичъ Голицынъ—23 января 1889—29 февраля 1900 г.
Николай Николаевичъ Львовъ—27 апрѣля 1901—16 ноября 1902 г.
Графъ Дмитрій Адамовичъ Олсуфьевъ—16 ноября 1902—24 сент. 1905 г.
Ст. сов. Василій Павловичъ Соколовъ—24 сент. 1905—25 сент. 1909 г.
Д. ст. сов. Николай Николаевичъ Минхъ—съ 25 сент. 1909 г.

Товарищи предсѣдателей:

Александръ Александровичъ Борткевичъ—23 янв. 1889—1 ноября 1894 г.
Д. ст. сов. Александръ Ивановичъ Шахматовъ—1 ноября 1894—9 окт. 1896 г.
Графъ Анатолій Дмитріевичъ Нессельроде—27 апр. 1901—16 ноября 1902 г.
Яковъ Петровичъ Мошинскій—16 ноября 1902 г.—11 декабря 1903 г.
Иванъ Алексѣевичъ Покровскій—11 декабря 1903 г.—24 сент. 1905 г.
Владиміръ Александровичъ Штейнъ—24 сент. 1905 г.—15 марта 1908 г.
Людвигъ Викторовичъ Зайковскій—15 марта 1908 г.—12 декабря 1909 г.

Д. ст. сов. Василій Кондратьевичъ Ѳеоктистовъ—12 дек. 1909—по іюль 1910 г.
Д. ст. сов. Петръ Карловичъ Галлеръ—съ 1 февр. 1911 г.

Правители дѣлъ:

Николай Степановичъ Соколовъ—12 декабря 1886 г.—23 янв. 1889 г.
Степанъ Семеновичъ Краснодубровскій—23 янв 1889 г.—7 ноября 1892 г.
Александръ Іосифовичъ Лебедевъ—21 ноября 1892—1 ноября 1894 г.
Ст. сов. Владиміръ Николаевичъ Смольяниновъ—1 ноября 1894—29 ноября 1897 г.
Александръ Алексѣевичъ Прозоровскій—29 ноября 1897—27 апр. 1901 г.
Яковъ Петровичъ Мошинскій—27 апрѣля 1901—16 ноября 1902 г.
Тит. сов. Сергѣй Александровичъ Щегловъ—16 ноября 1902—4 сен. 1910 г.
Николай Федоровичъ Хованскій—съ 4 сент. 1910 г.

Хранители архива:

Василій Павловичъ Соколовъ—21 ноября 1892—16 ноября 1902 г.
Павелъ Львовичъ Юдинъ—16 ноября 1902—20 октября 1907 г.
Іосифъ Павловичъ Кречетовичъ—20 октября 1907—5 февраля 1909 г.
Александръ Александровичъ Гераклитовъ—съ 5 февраля 1909 г.

Хранители музея:

Константинъ Павловичъ Медоксъ—21 ноября 1892—19 декабря 1896 г.
Алексѣй Александровичъ Васильчиковъ—19 декабря 1896—23 января 1899 г.
Асѣнъ Тенчевичъ Тянковъ—19 декабря 1896—23 января 1899 г.
Иванъ Алексѣевичъ Покровскій—23 января 1889—29 февраля 1900 г.
Богданъ Викторовичъ Зайковскій—16 ноября 1902—16 апрѣля 1911 г.
Сергѣй Александровичъ Щегловъ—съ 16 апрѣля 1911 г.

Библіотекари:

Сергѣй Викторовичъ Дегенъ—21 ноября 1892—7 апрѣля 1893 г.
Николай Федоровичъ Хованскій—7 апрѣля—18 ноября 1893 г.
Владиміръ Николаевичъ Смольяниновъ—18 ноября 1893—29 ноября 1897 г.
Антонъ Михайловичъ Добровольскій и др. лица—29 ноября 1897—16 ноября 1902 г.
Федоръ Васильевичъ Добротинъ—16 ноября 1902—11 декабря 1903 г.
Василій Алексѣевичъ Малоземовъ—11 декабря 1903—24 сент. 1905 г.
Сергѣй Александровичъ Щегловъ и Николай Федоровичъ Хованскій—24 сент. 1905—20 октября 1907 г.
Семенъ Дмитріевичъ Соколовъ—съ 20 октября 1907 г.

Редакціонный отдѣлъ:

Съ 21 ноября 1892 по 4 сентября 1910 г. въ составъ отдѣла послѣдовательно входили слѣдующіе члены Комиссіи: А. И. Шахматовъ, С. И. Кедровъ, Вл. Н. Смольяниновъ, П. П. Романовичъ. И. Я. Славинъ, П. В. Болотиновъ, гр. А. Дм. Нессельроде, В. В. Бабушкинъ, Н. А. Бундасъ. А. М. Добровольскій, Я. И. Мошинскій, С. А. Щегловъ, П. Л. Юдинъ. В. П. Соколовъ, П. П. Попъяпольскій, Л. В. Зайковскій, В. И. Серебряковъ, А. А. Черновскій и др., а съ 4 сентября 1910 года, вмѣсто Редакціоннаго отдѣла, учреждена должность редактора «Трудовъ» и др. изданій Комиссіи на каковую, должность сказаннаго числа избранъ закрытой баллотировкой Н. Ф. Хованскій.

КРАТКІЯ БІОГРАФІИ

нѣкоторыхъ членовъ Саратовской Ученой Архивной Комиссіи за 25 лѣтъ ея существованія.

До наступленія 25-ти лѣтняго юбилея, задумавъ юбилейное изданіе, Архивная Комиссія заблаговременно сдѣлала циркулярное обращеніе ко всѣмъ своимъ членамъ съ просьбой о сообщеніи біографическихъ данныхъ. На это обращеніе въ концѣ концовъ откликнулись очень немногіе. Набралось всего нѣсколько автобіографій. Между тѣмъ приблизилось время печатанія юбилейнаго изданія. Ограничиться печатаніемъ только поступившихъ автобіографій было-бы странно, такъ какъ, задумавъ напечатать краткія біографіи своихъ членовъ, Комиссія имѣла цѣлью дать представленіе о массѣ группирующихся около ея дѣла лицъ, а не о единицахъ. Сдѣлавъ заключеніе, что нѣкоторые изъ членовъ, скромныхъ тружениковъ Комиссіи, очевидно стѣсняются писать сами о себѣ, Комиссія, вошла съ ними въ личное сношеніе и добыла отъ нихъ требуемыя данныя. Свѣдѣнія о другихъ членахъ, составившихъ уже себѣ имя въ наукѣ и литературѣ, Комиссіи пришлось собирать изъ печатныхъ источниковъ, при чемъ самая извѣстность многихъ изъ нихъ побудила ограничить сообщенія о нихъ немногими строками. О нѣкоторыхъ членахъ, о которыхъ не нашлось никакихъ сообщеній въ печати, Комиссія запросила тѣ учрежденія, гдѣ эти лица служили, и получила копіи формуляровъ о ихъ службѣ. Такими путями удалось собрать свыше 100 краткихъ біографій, преимущественно касающихся тѣхъ изъ членовъ Комиссіи, которые такъ или иначе послужили ея задачамъ.

Выступая съ этимъ предисловіемъ къ печатаемымъ ниже біографіямъ, Комиссія не можетъ не выразить

сожалѣнія, что о многихъ видныхъ мѣстныхъ дѣятеляхъ пришлось, за недостаткомъ матеріаловъ, дать очень немного, а о другихъ, по тѣмъ-же причинамъ, и совсѣмъ ничего не сказать. Но въ спѣшной и срочной работѣ такіе дефекты неизбѣжны.

Остается еще присовокупить, что къ біографіи недавно скончавшагося Д. Я. Самоквасова Комиссія нашла возможнымъ приложить сообщеніе о немъ, сдѣланное дѣйств. членомъ А. А. Кротковымъ и прочитанное въ общемъ собраніи членовъ 12 августа с. г.

Александровскій Александръ Николаевичъ. Родился 5 окт. 1860 г. въ пос. Дубовкѣ, Царицынскаго у., Сарат. губ. По материнской линіи происходитъ отъ первыхъ основателей посада Дубовки (станицы), по отцовской—потомокъ мордвина, выходца изъ Пензенской губ. Были прежде предки со стороны матери, вѣроятно, калмыки и крестьяне, но въ самомъ концѣ XVIII вѣка и началѣ XIX всѣ они уже „образовались“ и являются священно и церковно-служителями въ пос. Дубовкѣ и другихъ мѣстахъ Царицынскаго у. Дѣдъ по матери протоіерей Петръ Елисеевичъ Лебедевъ, и отецъ Николай Александровичъ Александровскій, получили образованіе въ Саратовской духовной семинаріи. П. Е. Лебедевъ былъ большой библіофилъ, отецъ—педагогъ.

Все дѣтство до 12 лѣтъ А. Н. провелъ въ селѣ Отрадѣ, Царицынскаго у.; первоначальное образованіе получилъ въ отрадинской школѣ; въ 1872 г. поступилъ во 2-й классъ Саратовской класс. гимназіи, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1879 г. Съ 1879 по 1883 г. А. Н. пробылъ въ кіевскомъ университетѣ. Окончилъ курсъ по словесному отдѣлу историко-филологическаго факультета со степенью кандидата. Съ 1884 по 1886 г. г.—преподаватель русскаго языка, словесности и педагогики въ кременчугской женской гимназіи. 22 марта 1886 г. арестованъ, перевезенъ въ Кіевскую тюрьму, гдѣ и просидѣлъ до 17 августа 1887 г. по обвиненію въ политическихъ преступленіяхъ. Сосланъ былъ на три года въ сѣверо-восточные уѣзды Вологодской губ. Осенью 1890 года, по окончаніи срока ссылки, пріѣхалъ изъ Усть-сысольска въ Парижъ, слушалъ лекціи въ Сорбоннѣ, работалъ въ Національной библіотекѣ (отдѣлъ славянскихъ рукописей). Въ 1892 г. пріѣхалъ въ Россію въ качествѣ санитара на холерную эпидемію. Съ 1893 по 1895 г.—домашній учитель у М. С. Ермолаева въ с. Ключахъ, Петровскаго уѣзда, Сарат. губ. Съ 1895 по 1898 г.—преподаватель русскаго языка на факультетѣ живыхъ восточныхъ языковъ въ Парижѣ. (Ecole de Langues orientales vivantes). Съ 1898 по 1906 г.—домашній учитель въ семействѣ И. Н. Терещенко (заграницей). Съ 19 февраля 1906 по 19 февр. 1907 г.—издатель газеты „Страна“, которая, по случаю пріостановокъ, имѣла много другихъ названій (NS. Нѣкоторыя библіографическія свѣдѣнія о „Странѣ“ въ журналѣ „Былое“—ошибочны). За газету “Страну“ А. Н. былъ судимъ въ СПБ. окружномъ судѣ; приговоръ—28 руб. штрафа или 7 дней ареста. Съ 1909 года снова живетъ уроками за границей. Съ 15 мая 1892 года постоянный членъ Парижскаго лингвистическаго общества (Société de Linguistique de Paris); членъ-корреспондентъ Кіевскаго общества древностей и искусствъ. Въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ корреспондировалъ въ „Саратовскій Дневникъ“ изъ Кіева, Кременчуга и Сарат. губ.); въ 1895—98 гг. писалъ корреспонденціи изъ Парижа и разсказы въ кіевскія газеты: „Кіевское Слово“ и „Жизнь и Искусство“. Въ 1898 г. и 1905 г. помѣстилъ разсказы, изданные потомъ отдѣльно подъ заглавіемъ „Дома и заграницей“, въ журналѣ „Русское Богатство“. Писалъ въ газетѣ „Страна“ (1906—07) (фельетоны, разсказы); писалъ въ газетѣ „Русскія Вѣдомости“, въ журналахъ „Филологическій Вѣстникъ“ и „Жизнь для всѣхъ“.

Аркадьевъ Эльпидифоръ Ивановичъ. Род. 2 ноября 1856 г., участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ 1877—78 г.г. корнетомъ 13-го уланскаго Владимірскаго полка, состоитъ членомъ многихъ просвѣтительныхъ обществъ, членъ-учредитель „Лиги образованія“ и „Александровской публичной библіотеки“ въ г. Дмитріевѣ, Московск. губ.; съ 1905 г.—агентъ „Спб. Телегр. Агентства“. Съ 1880 г. сотрудничалъ въ журналахъ и газетахъ подъ псевдонимами Григорій Тихорѣцкій и Юрій Трубчевскій въ „Рус. Вѣд.“, „Моск. Телегр.“, „Рус. Словѣ“ и проч., а также въ самарскихъ газетахъ и въ спеціальныхъ изданіяхъ „Библіографич. Записки“, „Посредникъ печатнаго дѣла“, „Книговѣденіе“ и проч. Составилъ „Указатель Листка спорта“ и „Политическій словарь“. Издалъ: „Словарь библіофила“ М. 1890 г. и 2-е изд. 1903 г., „Рабочій вопросъ“, 1902 г., „Театральный словарь“ 1900 г. „Аграрный вопросъ“ 1902 г., „Кандалы“, ком. въ 3 д., переводъ 1900 г., „Переселенческое дѣло“ 1902 г. и др., „Библіографическій указатель матеріаловъ по литературѣ сапернаго дѣла въ пѣхотѣ, кавалеріи и артилеріи“ М. 1891 г., „Библіографич. матеріалы по военно-желѣзнодорожному дѣлу“ М. 1891 г., „Матеріалъ для библіографич. указателя литературы фотографіи“ 1894 г., „Кавалерія. Литература ея на рус. яз. въ отд. изд.

журнальн. и газет. статьяхъ". 1897 г. „Матеріалъ для словаря псевдонимовъ рус. писателей", 1903 г. и др.

Бартеневъ Петръ Ивановичъ. Род. 1 окт. 1829 г. въ Тамбов. губ., кончилъ курсъ московск. университета. По 1873 г. управлялъ Чертковскою библіотекой въ Москвѣ. Литературная дѣятельность его началась въ 1853 г., издательская—съ 1856 г. Съ 1863 г. состоитъ редакторомъ-издателемъ „Рус. Архива", гдѣ снабжалъ и снабжаетъ всякую статью пояснительными примѣчаніями. Въ 1868 г. П. И. издалъ 4 тома „Осьмнадцатаго Вѣка". Ему принадлежитъ 25-ти лѣтнее редакторство „Архива князя Воронцова".

Безобразовъ Владиміръ Владиміровичъ. Родился въ 1838 г. въ дворянской семьѣ Саратовской губ., владѣющей имѣніемъ въ Хвалынскомъ у., при с. Безобразовкѣ. Тотчасъ по окончаніи курса Саратовской гимназіи онъ былъ зачисленъ въ гражданскую службу. Это было въ 1853 г. Началась Крымская война, саратовское дворянство образовало ополченскую дружину, и В. В. попалъ въ дружинные адъютанты, но въ дѣло не пришлось вступить и, за расформированіемъ дружины, онъ опять началъ гражд. службу. Крестьянская и судебная реформа привлекли его къ себѣ. По избранію, онъ сталъ посредникомъ полюбовнаго размежеванія земель въ Хвалынскомъ, Кузнецкомъ и Петровскомъ уѣздахъ, затѣмъ года два былъ мировымъ посредникомъ въ Хвалынскомъ у., заступивъ мѣсто барона Боде. Въ 1866 г. началась его земская и мировая служба. Его избрали въ члены Хвалынской земской управы, а въ концѣ 1868 г. онъ былъ избранъ въ мировые судьи и пробылъ въ этой должности нѣсколько трехлѣтій, занявъ при концѣ постъ предсѣдателя мирового съѣзда. Въ 1876 г. его избрали въ члены Саратовской губ. земской управы, но спустя два года земцы своего Хвалынскаго у. призвал и его на постъ предсѣдателя Хвалынской уѣзд. зем. управы и почетнаго мирового судьи, а дворянство избрало его Хвалынскимъ уѣздн. предводителемъ. Хвалынскіе земцы на собраніи 30 сентября 1887 г. выразили В. В. признательность за его 16-ти лѣтнюю полезную служебную дѣятельность по должности предсѣдателя управы. Въ маѣ 1889 г. послѣдовало избраніе В. В. въ предсѣдатели Саратовской губерн. земской управы. На своихъ плечахъ В. В. вынесъ тяжелое сложное продовольственное дѣло въ постигшій Саратовскую губ. голодъ 1891 г. и умеръ скоропостижно 16 сентября 1894 г.

Основатель Комиссіи (см. портретъ).

Бобринскій графъ Алексѣй Александровичъ Родился 19 мая 1852 г. Первоначальное домашнее образованіе получилъ подъ руководствомъ извѣстнаго педагога В. Я. Стоюнина; выдержавъ въ 1870 г. выпускной экзаменъ въ петербургской 2-й гимназіи, по тупилъ въ Спб. университетъ на филологическій факультетъ, но вышелъ изъ университета до окончанія курса. Служилъ по выборамъ дворянства уѣзднымъ и губернскимъ предводителемъ и участвовалъ въ губерн. земствѣ и Спб. гор. думѣ. Занималъ не долго постъ президента Академіи Художествъ, въ 1894 г. стоялъ во главѣ вольно-эконом. общества, а съ 1896 г. сталъ сенаторомъ. Съ начала 1886 г онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Имп. Археологической Комиссіи. До этого А. А. дѣлалъ раскопки въ Кіевской губ. близъ м-ка Смѣлы, а потомъ въ Терской обл., въ Керчи, близъ Ялты, Гурзуфа и др. Капитальный трудъ А. А —„Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы" въ 3 томахъ, съ цѣлымъ атласомъ рисунковъ (1887—1901 г.) Сообщенія о другихъ раскопкахъ графа печатались въ „Извѣстіяхъ Импер. Археол. Ком.", имъ созданныхъ.

У графа составилась очень цѣнная и рѣдчайшая коллекція различныхъ предметовъ старины.

Кромѣ предсѣдательствованія въ Археолог. Комиссіи, А. А. занимаетъ много лѣтъ постъ управляющаго отдѣленіемъ русской и славянской археологіи Петерб. археологич. общества, помѣстивъ въ „Запискахъ" этого общества не мало сообщеній.

Боярскій Петръ Михайловичъ. Родился въ 1873 г. въ дворянской семьѣ Полтавской губ. Кончилъ курсъ въ Петерб. университетѣ по юридич. факультету. Въ 1898 г. занялъ должность товарища прокурора Черниговскаго окр. суда, но въ 1900 г. перешелъ на службу по министерству вн. дѣлъ земскимъ начальникомъ Лубенскаго у., гдѣ находится родовое имѣніе. Въ 1904 г. назначенъ непрем. членомъ Полтавскаго губерн. присутствія. Въ концѣ 1906 г. занялъ должность Саратовскаго вице-губернатора.

Бычковъ Афонасій Ѳедоровичъ (1818—1899). Род. 15 декабря 1818 г. Дѣтство провелъ въ Финлян-

діи, гдѣ служилъ его отецъ. Образованіе получилъ въ Ярославской гимназіи и Москов. уни—тѣ. Подъ вліяніемъ М. П. Погодина, занялся отечественной исторіей. Съ 1854 г. былъ главнымъ редакторомъ лѣтописей, издаваемыхъ Археограф. Комиссіею, служа въ тоже время въ Имп. Публ. Библ отекѣ. Въ 1882 г. занялъ постъ директора этой библіотеки. Привлекали его къ своимъ занятіямъ и другія Комиссіи и учрежденія. Въ 1866 г. Академія Наукъ избрала его въ академики по отдѣленію рус. яз и словесности. Капитальный трудъ Бычкова—„Письма и бумаги имп Петра В." Много было и другихъ библіографическихъ работъ и изданій Бычкова. 7 окт. 1890 г. праздновался 50 ти лѣтній юбилей его государственной службы. Умеръ овъ 2 апрѣля 1899 г.

Бюллеръ баронъ Ѳедоръ Андреевичъ. (1821—1896) Род. 8 апр. 1821 г. въ с. Мануиловѣ, Ямбург. у. Воспитанникъ училища правовѣдѣнія. Служилъ по дипломат. части. Съ 1873 г. былъ директоромъ Моск. глав. архива мин. иностр. дѣлъ. Печатные труды его, между прочимъ, таковы: статьи объ Астраханскомъ краѣ въ „Отеч. Зап." 1845 г.; по фамильнымъ архивамъ онъ далъ много историческихъсообщеній въ „Рус. Ст.", „Рус. Вѣстн.", „Рус. Архивѣ", „Сборн. Имп. Рус. Истор. Общ ва", „Др. и Нов. Россія". Умеръ въ 1896 г.

Бундасъ Николай Александровичъ. Уроженецъ Саратова. воспитывался въ 1-й клас. саратовской гимназіи, а затѣмъ кончилъ Казанской университетъ по разряду есте твенныхъ наукъ. Въ 1867 г. поступилъ на службу въ Маріинское земледѣльческое училище (Саратовск. уѣзда). Въ 1872 г. перешелъ въ качествѣ преподавателя въ Саратовскій Маріинскій институтъ благородныхъ дѣвицъ, въ которомъ сталъ затѣмъ и понынѣ состоитъ членомъ совѣта по учебной части. Дѣйств. стат. совѣтникъ

Н. А, кромѣ участія въ „Трудахъ" Комиссіи (въ 27 вып. изложены имъ нѣсколько дѣлъ изъ архива саратов. окружнаго суда по борьбѣ съ расколомъ въ Саратовскомъ краѣ, любопытныхъ въ бытовомъ отношеніи), помѣстилъ въ журналѣ „Русская Школа", 1887 г., издан. Я. Гуревича, свои воспоминанія о саратовской гимназіи.

Портретъ Н. А. читатель найдетъ въ группѣ старыхъ членовъ Комиссіи 1891 г., поднесенной кн. Л. Л. Голицыну.

Военскій Константинъ Адамовичъ. Воспитанникъ лицея, подъ вліяніемъ проф. Е. А. Бѣлова, посѣщая „Костомаровскіе вторники" и встрѣчаясь на нихъ съ выдающимися историками эпохи 60-хъ г.г., увлекся изученіемъ отечеств. старины. По окончаніи курса началъ службу въ качествѣ секретаря нашего посольства въ Японію, изучалъ японскій яз., страну и народъ. По возвращеніи въ Россію, составилъ архивно-историч. изслѣдованіе о первомъ нашемъ посольствѣ въ Японію и началъ другія литературныя работы. Съ 1886 г. В—ій служилъ въ Петербургѣ въ Мин. Ин. дѣлъ, въ 1890 г. былъ командированъ въ Римъ, а затѣмъ былъ зачисленъ въ Азіатскій департаментъ. Занимаясь въ архивахъ, В—ій печатаетъ въ это время статьи по исторіи и этнографіи. Оставивъ службу въ департаментѣ, В—ій начинаетъ новую при Курляндскомъ губернаторѣ и работаетъ по исторіи Курляндіи. Съ 1893 г. по 1896 г. В—ій былъ тюремнымъ инспекторомъ въ Саратовѣ, исполняя въ тоже время обязанности цензора мѣстныхъ газетъ. Въ 1896 г. отъ Саратовской Ученой Арх. Коммиссіи былъ командированъ на X археол. Съѣздъ въ Ригу. Затѣмъ началась его служба въ глав. управленіи по дѣламъ печати въ СПБ. Въ это же время онъ, въ качествѣ редактора „Вѣстника иностр. литературы", зная пять иностр. яз., редактируетъ нѣсколько переводовъ и печатаетъ свои историческіе труды въ „Рус. Стар.," „Истор. Вѣст.," „Рус. Архивѣ" и др. журналахъ и газетахъ. Изъ многочисленныхъ служебныхъ работъ В—аго замѣчательны: „Историч. записка о славянскомъ шрифтѣ письменности", вызвавшее неудовольствіе начальника его Соловьева, и другая—„По поводу отмѣны цензурныхъ ограниченій въ малорусской письменности". Послѣ 10 лѣтъ работы въ Управл. по дѣламъ печати, В—ій обратилъ на себя вниманіе вел. князя Михаила Александровича своимъ трудомъ о Николаѣ I. Вел. князь поручилъ В—му работу по исторіи отеч. войны, которою В—ій всецѣло и занятъ нынѣ. Около времени рус.-японской войны, В—ій напечаталъ рядъ статей о Японіи.

Вотъ списокъ главнѣйшихъ печатныхъ трудовъ К. А. Военскаго. Журнальныя статьи. 1) Побѣгъ Беніовскаго изъ Камчатки. „Рус. Ст.", апрѣль 1890 г. 2) Письма Императора Павла I къ Курляндскому Губернатору М. И. Ламсдорфу. „Рус. Ст.",

абрь 1893 г. 3) Матеріалы, относящіеся къ пребыванію въ Митавѣ французскаго королевскаго семейства въ 1798 году. Рус. Ст“., 1894 г. 4) Историческая записка о Курляндскомъ Герцогскомъ Архивѣ въ Митавѣ. 5) Русское посольств въ Японіи въ началѣ XIX вѣка. Посольство Резанова въ 1803—1805 г.г. Историческое изслѣдованіе по документамъ С.-Петербургскаго Государственнаго и Главнаго Архивовъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. „Руск. Ст“.. 1895 г 6) Забы ое благодѣяні . О памятникѣ Петру Великому въ Саратовѣ. Историческая справка „Руск. Арх.“, 1896 г. 7) черки Курляндской старины. „Ист. Вѣст.“, 1896 г. 8) Императоръ Павелъ I въ книгѣ Н. К. Шильдера. „Вѣст. Европы“, іюнь 1901 г. 9) Князья Долгорукіе, въ царствованіе Александра I. „Вѣст. Евр.“, 1901. 10) Изъ воспоминаній о послѣднемъ офицерѣ арміи Наполеона I. „Рус. Ст.“, апрѣль 1896 г. 11) Французская актриса въ Россіи въ эпоху Отечественной войны. „Ист. Вѣст.“, окт. 1901 г. 12) Воспоминанія генерала Хлаповскаго о войнѣ 1812 г. „Вѣст. Иностр Литературы“, октябрь 1902 г. 13) Русскій дворъ при Петрѣ III и Павлѣ I. Историко-критическій этюдъ двухъ царствованій. „Русскій Вѣстн.“, декабрь 1903 г. 14) Отечественная война въ Н воборисовскомъ собраніи И. Х. Колодѣева. Библіограф. очеркъ, „Военный Сборникъ“, 1904 г. № 2. 15) Записки Саблукова о временахъ Императора Павла I и о кончинѣ этого государя. „Истор. Вѣстн “ янв., февр., мартъ 1906 г. 16) Наполеонъ и Борисовскіе евреи въ 1812 году. Эпизодъ изъ Исторіи Отечественной войны. „Военный Сборникъ“, 1906 г., № 9 17) Двѣ бесѣды полковника Мишо съ Императоромъ Александромъ въ 1812 году. „Воен. Сб.“, 1906 г., № 11. 18) Бонапартъ и русскіе плѣнные. Эпизодъ изъ исторіи франко-русскихъ отношеній въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. „Воен. Сб.“, 1906 г., № 12. 19) Гончаровъ—цензоръ. Неизданные матеріалы для его біографіи. „Рус. Вѣст.“, ноябрь 1906 г. 20) Русскій дворъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст. Замѣтки князя А. Чарторыйскаго. „Рус. Ст.“, 1906 г.

Отдѣльныя изданія. 1) Систематическая роспись актамъ и документамъ Курляндскаго Герцогскаго Архива въ Митавѣ. М. 1896 г. Изданіе Императ. Московск. Археолог. Общества. 2) Курляндія и ея прошлое. Труды предварит. Комитета X-го Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ. М., 1896 г. Вып. II, подъ ред. графини П. С. Уваровой. 3) Mitau et son chateau historique. Compte rendu au X Congres archéolegique de Riga. Рѣчь, читанная въ засѣданіи Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ въ августѣ 1896 г. 4) Русскій Музей Императора Александра III. СПБ. 1897 г. 5) Записки Н. А. Саблукова. О временахъ Императора Павла и о кончинѣ этого Государя. 1901 г. 6) Бородино и Фили. Первая поѣздка съ обществомъ Ревнителей военныхъ знаній. СПБ. 1902 г. 7) По слѣдамъ Наполеона отъ Борисова до Студянки. Вторая поѣздка съ Обществомъ Ревнителей военныхъ знаній. СПБ 1903г. 8) Императоръ Николай I и Польша въ 1830 году. СПБ. 1905 г. 154 стр. 9) Отечественная война въ Русской журналистикѣ Библіографическій сборникъ статей, относящихся къ 1812 году. СПБ. 1906 г. 10) И. А. Гончаровъ въ неизданныхъ письмахъ къ графу П. А. Валуеву СПБ 1906 г. Кромѣ того, множество статей въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, въ „Новомъ Времени“, „СПБ. Вѣдомостяхъ“, „Народѣ“, „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“. „Свѣтѣ“, „Саратовскомъ Листкѣ“, „Виленскомъ Вѣстникѣ“ и др.

Вучетичъ Владиміръ Гавриловичъ. Среднее образованіе получилъ въ Астраханской гимназіи, гдѣ отецъ его занималъ постъ въ губернской администраціи, затѣмъ прошелъ курсъ юридическаго факультета въ Петербургскомъ университетѣ, который окончилъ во второй половинѣ 70-хъ годовъ.

По выходѣ изъ университета В. Г. состоялъ въ Петербургѣ помощникомъ присяжнаго повѣреннаго Герарда, а затѣмъ переѣхалъ въ Саратовъ. Здѣсь въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго онъ имѣлъ очень много практики и пользовался большой популярностью, при чемъ одно время состоялъ юрисъ-консультомъ губернскаго земства.

В. Г редактировалъ трудъ А. И. Шахматова: „Историческіе очерки Саратова и его округи“.

Умеръ онъ въ Саратовѣ 8 декабря 1904 г.

Галкинъ-Врасскій Михаилъ Николаевичъ. Д. т. сов., членъ Государственнаго Совѣта, бывшій саратовскій губернаторъ съ октября 1870 г. по апрѣль 1880 г. М. Н. старался въ свое время осуществить возникшую въ небольшомъ кружкѣ

ницъ, интересовавшихся дѣломъ изученія края, мысль объ учрежденіи саратовскаго „Историко - Археологическаго Общества" и музея. По его иниціативѣ при статистич. комитетѣ, секретаремъ котораго былъ В. Г. Трироговъ, собрано было не мало разныхъ предметовъ по археологіи и этнографіи края. Галкинъ - Врасскій управлялъ нашей губерніею въ знаменательное время пріобразованія мѣстнаго городского управленія и хозяйства, введенія новыхъ судебныхъ учрежденій, уравненія нѣмецкихъ колонистовъ въ правахъ съ прочими крестьянами, введенія всеобщей воинской повинности и проч. и пріобрѣлъ общее довѣріе къ себѣ своей разностороннею дѣятельностью и интересомъ ко всѣмъ общественнымъ нуждамъ; основаніе многихъ учрежденій въ губерніи послѣдовало при его ближайшемъ участіи. Проводы его изъ Саратова, участіе въ которыхъ приняли всѣ сословія и учрежденія, описаны подробно въ особой брошюрѣ; нѣкоторыя учрежденія въ Саратовѣ носятъ до селѣ его имя, между прочимъ пріютъ малолѣтнихъ преступниковъ.

Галлеръ Петръ Карловичъ. Родился въ 1858 г., учился сначала въ сельской школѣ, потомъ въ саратовской гимназіи; въ 1880 г. поступилъ на медиц. факультетъ Дерптскаго (нынѣ Юрьевскаго) университета. Въ маѣ 1886 г. по защитѣ диссертаціи „Biostatik der Stadt Narva" удостоенъ званія доктора медицины. Въ 1887 г. началъ частную врачебную практику въ с. Привальномъ, Новоузенскаго у., но вскорѣ сдѣлался земскимъ врачемъ въ слоб. Руднѣ, Камышинск. у. Съ 1 іюля 1891 г. переселился въ г. Саратовъ и занимался частной практикой и временной службой по борьбѣ съ эпидеміями возвратнаго и сыпного тифа, а въ 1892 г.—холеры. Съ 1 сент. 1892 г. утвержденъ въ должности сверштатнаго врача въ саратовской губернской земской больницѣ, гдѣ состоитъ и по настоящее время завѣдующимъ заразнымъ отдѣленіемъ.

Въ 1895 году отправился за границу для усовершенствованія и занимался, главнымъ образомъ, въ Берлинѣ по патологической анатоміи, бактеріологіи, внутренней медицинѣ и бол. уха, носа и горла. Въ 1898 г. вторично былъ откомандированъ губ. земствомъ для изученія дѣла предохранительныхъ прививокъ противъ бѣшенства. Изучивъ это дѣло въ Инст. Эксперим. Медицины въ СПБ., отправился для осмотра существующихъ пастеровскихъ станцій и осмотрѣлъ таковыя въ Берлинѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Будапештѣ, Бухарестѣ, Варшавѣ, Одессѣ, Кіевѣ По возвращеніи открылъ пастеровскую станцію въ Саратовѣ, которою и завѣдывалъ $2^1/_2$ года. Состоитъ врачемъ въ нѣсколькихъ средн. учебн. заведеніяхъ Саратова Съ 1897 г. по 1904 г былъ предсѣдателемъ физико-медицинскаго общ. въ Саратовѣ.

Главный ученый трудъ П. К. составляетъ переработанное руководство бактеріологіи Gunther'a, выдержавшее 4 рус. изд. Будучи съ открытія саратовской фельдшерской школы преподавателемъ этой школы, издалъ свои: „Курсъ общей бактеріологіи". „Курсъ заразныхъ болѣзней" и „Курсъ бол уха, носа и гортани". Еще въ 1893 г. составилъ популярное описаніе холеры на нѣмецкомъ языкѣ: „Zum Schutz gegen die Cholera", брошю, а издана послѣдній разъ саратов. губ. земствомъ 6 изданіемъ. Въ 1904 г.. по предложенію губернатора П. А. Столыпина, имъ составлена брошюра: „О холерѣ", издаваемая сарат. губ. земствомъ и вышедшая въ 1911 г. 7 изданіемъ. Кромѣ того П. К. принималъ значительное участіе въ научной работѣ физико-мед. общ и санитарнаго и представилъ болѣе 30 докладовъ, отпечатанныхъ частью въ рус. мед. журналахъ, отчасти въ нѣмецкихъ. Въ „Сарат. Листкѣ" сотрудничалъ при ред. П. О. Лебедевѣ и помѣстилъ болѣе 30 популярныхъ очерковъ. Избранъ въ почетные члены саратовскаго фельдшерскаго общества въ 1902 г.,—саратовскаго физико-медицинскаго въ 1910 и членомъ-корреспондентомъ въ микробіологич. общ. въ СПБ Къ 1 янв 1911 г. получилъ чинъ дѣйств. статск. совѣтника.

Гаркави Авраамъ Яковлевичъ. Родился въ 1839 г., учился въ виленскомъ раввинскомъ училищѣ и петерб. унив-тѣ. Въ 1868 г. пріобрѣлъ степень магистра исторіи Востока за диссертацію „Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ" (изд. въ 1870 г.) Въ 1872 г. онъ получилъ степень доктора. Состоя библіотекаремъ Имп. Публ. библіотеки, онъ издалъ цѣлую серію хранящихся въ библіотекѣ памятниковъ средневѣковой еврейской письменности. Г—ви принадлежитъ много изслѣдованій, этюдовъ, мемуаровъ и сообщеній, изъ которыхъ нельзя не упомянуть „Сказа-

нія еврейскихъ писателей о хозарахъ" (СПБ. 1874 г.)

Гераклитовъ Александръ Александровичъ. Родился въ г. Камышинѣ, Саратовской г., въ ноябрѣ 1867 г., гдѣ отецъ его былъ секретаремъ городской думы. Первоначальное образованіе получилъ въ элементарной школѣ при евангелич.-лютеранской церкви въ Саратовѣ, откуда поступилъ въ Саратовскую (нынѣ 1-ю) классическую гимназію. По окончаніи курса въ ней (въ 1887 г.), поступилъ въ число студентовъ Казанскаго университета по историко-филологическому факультету, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ вышелъ оттуда, „какъ говорится, по семейнымъ обстоятельствамъ", поступилъ на службу въ Саратовскую Казенную Палату, гдѣ и дослужился до чина коллежскаго секретаря. Бросивъ службу въ 1898 г., нѣсколько лѣтъ занимался попеременно сельскимъ хозяйствомъ и службой въ С.П.Б (впрочемъ, весьма кратковременной), потомъ попалъ въ конторщики Управленія Рязанско-Уральской дороги.

„Интересъ къ старинѣ, пишетъ А. А. Гераклитовъ, теплившійся во мнѣ всю жизнь, благодаря случайному обстоятельству побудилъ меня примкнуть къ труженикамъ мѣстной Арх. Комиссіи" Нынѣ А. А. состоитъ членомъ и другихъ архивн. комиссій. 4 февраля 1910 г. онъ избранъ въ дѣйствительные члены Витебской, 24 августа—Ставропольской, 11 ноября—Тамбовской.

О работахъ своихъ А. А. пишетъ: „Если не считать небольшого разсказа „*Письмо*", напечатаннаго мною подъ псевдонимомъ „Заходустный", въ № 124—13/VI—1903 г. „Саратовскаго Листка", всѣ мои печатныя работы такъ или иначе связаны съ моею дѣятельностью какъ члена Архивной Комиссіи". Помимо „Трудовъ" мѣстной Арх. Комиссіи, нѣсколько статей А. А. помѣщены въ „Сарат. Дух. Вѣстн." и другихъ изданіяхъ. Таковы:

Рукописное Евангеліе музея Саратовской Ученой Архивной Комиссіи. „Саратовскій Духовный Вѣстникъ» № 33—17/VIII—1908 г.

Новое пріобрѣтеніе мѣстной Архивной Комиссіи. Въ томъ же журналѣ за 1908 г.

Нѣкоторыя данныя о садоводствѣ и погодѣ въ минувшемъ столѣтіи. „Сарат. Садоводъ" № 5—5/V—1909 г.

Къ вопросу о начальной исторіи Саратовскаго Спасопреображенскаго монастыря. „Сарат. Дух. Вѣстникъ" № 8—21/II—1910 г.

Увекъ—„Витебскія Губерн. Вѣдомости" № 61—17/III—1910 г.

Гоздово-Голомбіевскій Александръ Александровичъ. Изъ саратов. дворянъ, род. 8 января 1863 г. въ Петровскѣ, Сарат. губ., учился въ Саратовской гимназіи, затѣмъ въ Лазаревскомъ институтѣ восточ. языковъ и въ Московскомъ университетѣ на филологич. факультетѣ. Въ теченіи 18 лѣтъ А. А. состоялъ въ Архивѣ Министерства Юстиціи редакторомъ изданій и старшимъ дѣлопроизводителемъ. Въ настоящее время состоитъ архиваріусомъ Госуд. Совѣта и личнымъ секретаремъ Вел. Князя Николая Михайловича.

Литературные труды А. А. напечатаны въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» „Историч. Вѣст.". „Рус. Старинѣ", „Рус. Архивѣ.".

А. А, принималъ участіе въ изданіяхъ Московскаго Архива М. Ю. и Архива Госуд. Совѣта и сотрудничалъ въ изданіи Вел. Князя Николая Михайловича—„Русскіе портреты" и въ работахъ по исторіи кавалергардскаго полка.

Голицынъ князь Левъ Львовичъ. Родился 30 янв. 1841 г. Вступилъ въ военную службу и нѣкоторое время служилъ въ лейбъ-гренадерскомъ Эриванскомъ Е. В. полку, но затѣмъ попалъ въ Оренбургскій линейный батальонъ, былъ въ походѣ и участвовалъ въ сраженіяхъ въ Средней Азіи съ Бухарцами. Выказалъ мужество и храбрость и удостоенъ наградъ. Оставилъ военную службу въ 1869 г., переѣхалъ на жительство въ Саратовскую губ., въ свое имѣніе (Балашовскаго у.), заключающее въ себѣ около 3000 дес. Въ томъ же году избранъ былъ въ земскіе гласные, въ 1873 г. сталъ Балашовскимъ уѣзднымъ предводителемъ, а въ 1887 г.—Саратовскимъ губерн. предводителемъ дворянства; въ послѣдней должности онъ пробылъ 3 трехлѣтія подъ рядъ.

За время предсѣдательствованія въ Арх. Комиссіи было изданіе книги: „Князь Л. Л. Голицынъ и С. С. Краснодубровскій. Увекъ. Доклады и изслѣдованія по археологіи и исторіи Увека. Саратовъ 1891 г.".

Почет. членъ Комиссіи (см. портретъ).

Голицынъ князь Ѳеодоръ Сергѣевичъ. (Родъ кн. Голицыныхъ приписанъ къ Сарат. губ. въ 1826 г.) Родился 15 августа 1850 г. въ Вар-

шавѣ. Окончилъ курсъ наукъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1871 г. со степенью кандидата естественныхъ наукъ. Началъ службу въ Государственной канцеляріи. Въ 1875 г. избранъ былъ гласнымъ Владимірскаго Губернскаго Земства въ качествѣ земскаго представителя Муромскаго уѣзда и одновременно по единогласному избранію сталъ *Хвалынскимъ* уѣзднымъ предводителемъ дворянства (а вскорѣ затѣмъ гласнымъ Саратовскаго губернскаго земства). Былъ почетнымъ мировымъ судьей и предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей Хвалынскаго мирового округа.

Во время своего 9-ти лѣтняго пребыванія въ Хвалынскомъ у кн. Ѳ. С. занимался собираніемъ данныхъ и документовъ, касающихся исторіи, этнографіи, народнаго быта и народныхъ обычаевъ сѣверной части нашей губерніи. Нѣкоторые изъ помянутыхъ матеріаловъ, а также отдѣльныя статьи напечатаны были въ „Саратовскомъ Сборникѣ“ (т. 1 и 2); для означеннаго сборника составлена была и издана этнографическая карта Хвалынскаго у. Но большая часть собранныхъ матеріаловъ до сего времени остается неизданною. Независимо отъ сего, трехлѣтнія экскурсіи по Хвалынскому уѣ ду, а затѣмъ неоднократныя посѣщенія, съ ботаническою цѣлью, уѣздовъ: Кузнецкаго, Вольскаго, Саратовскаго, Балашовскаго, Сердобскаго, а также различныхъ мѣстностей Средняго и Нижняго Поволжья, дали кн. Ѳ. С. возможность собрать обширный гербарій, послужившій профессору московскаго университета Цингеру пособіемъ для составленной имъ флоры Сре ней Россіи. *) Въ 1883 г., во время торжествъ свящ. коронованія Императора Александра III, состоялъ церемоніймейстеромъ. Въ 1884 году переселился въ Петербургъ; причисленъ былъ сперва къ министерству внутреннихъ дѣлъ и въ качествѣ представителя онаго принималъ участіе въ работахъ разныхъ комиссій и комитетовъ. Вслѣдъ затѣмъ поступилъ на службу въ министерство государственныхъ имуществъ, гдѣ первоначально занимался въ статистическомъ отдѣленіи и принималъ близкое участіе въ составленіи цѣлаго ряда трудовъ и изданій. Будучи чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ гос. имущ., спеціализировался по кустарному дѣлу. За время службы въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, съ 1884 г. по 1890 г., принималъ участіе въ разныхъ комисіяхъ и комитетахъ по вопросамъ государственнаго устройства, а также многократно былъ командированъ для выясненія на мѣстахъ разныхъ экономическихъ вопросовъ. По нѣкоторымъ изъ нихъ,какъ-то: „о вліяніи устава 1882 г. на развитіе нашего табаководства“, „о современномъ состояніи кустарнаго производства во Владимірской и Нижегородской губерніяхъ“ представлены и изданы были подробные отчеты. В 1890 г. назначенъ былъ предсѣдателемъ Высочайше учрежденной особой Комиссіи о вакуфахъ въ Крыму, каковую должность занималъ до половины 1893 года. Закончивъ возложенное на него порученіе, перешелъ во вновь учрежденное министерство земледѣлія, назначенъ былъ предсѣдателемъ кустарнаго комитета, съ возложеніемъ на него вѣдѣнія кустарнаго дѣла въ Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ представителемъ Министерства Земледѣлія въ тарифномъ и желѣзно-дорожномъ комитетахъ, состоящихъ при Департаментѣ желѣзно-дорожныхъ дѣлъ Министерства Финансовъ. Къ этому времени относятся составленіе и изданіе имъ нѣкоторыхъ экономич. изслѣдованій, а именно: “Опытъ вычисленія стоимости провоза хлѣбныхъ грузовъ въ зернѣ изъ отдѣльныхъ губерній къ русскимъ портамъ и къ Кенигсбергу“; отчетъ его по командировкѣ въ восточныя провинціи Пруссіи для выясненія нѣкоторыхъ сельско-хозяйственныхъ и тарифныхъ вопросовъ и друг. Изъ Министерства Земледѣлія перечислился въ Министерство Финансовъ. Закончилъ князь службу въ министерствахъ въ должности члена совѣта министерства земледѣлія. Нынѣ князь состоитъ гофмейстеромъ Высоч. Двора и сенаторомъ II департамента (по крест. дѣламъ) и занятъ въ послѣднее время составленіемъ обширнаго труда подъ заглавіемъ “Кустарное дѣло въ Россіи, въ связи съ историческимъ ходомъ умственнаго развитія русскаго народа“.

Первая часть этого труда и заключительная глава, подъ заглавіемъ «Необходимый для Россіи строй труда,» изданы и выпущены были въ продажу: первая въ 1904 г., а послѣдняя въ 1909 г.

Основатель Комиссіи (см. портретъ.)

*) Всѣ свои гербаріи кн. Голицынъ пожертвовалъ С.-Петербургскому университету.

Горизонтовъ Иванъ Парфеновичъ. Родился 20 мая 1817 г. въ семьѣ священника слоб. Песчанки, Балашов. у., Сарат. губ. Первоначальное образованіе получилъ въ сельской школѣ государ. имущ. (подъ руководствомъ своего же отца) и по экзамену въ 1856 г. поступилъ въ 1-й классъ балашов. дух. училища, откуда перешелъ въ 1862 г. въ Сарат. дух. семинарію. Въ это время ректоромъ семинаріи былъ архим. Никаноръ (впослѣдствіи архіеп. Херсонскій), инспекторомъ—арх. Александръ (Хованскій), бывшій впослѣдствіи еписк. Сухумскимъ, а въ числѣ преподавателей состояли: А. А. Леопольдовъ, прот. Д. И. Ракитинъ и М. И. Смирновъ. Предъ экзаменомъ въ V классъ въ 1866 г. за сочиненіе на тему „Различіе между ученіями идеалистовъ и матеріалистовъ“ И. П. былъ судимъ семинарскимъ начальствомъ и приговоренъ къ исключенію изъ семинаріи „по неблагонадежности къ духовному званію“. Какъ исключенному изъ духовнаго званія, И. П. предстояло приписаться къ крестьянскому или мѣщанскому сословіямъ, но какъ разъ къ этому времени открылись въ Саратовѣ „Педагогическіе курсы“, и И. П. поспѣшилъ поступить на нихъ. Преподавали на этихъ курсахъ учителя уѣзд. училища и гимназіи. Инспекторъ послѣдней Лякомте стоялъ во главѣ „Педагогич. курсовъ“. Учили курсистовъ очень хорошо и сообщали столько знаній, что И. П., послѣ 2 лѣтъ пребыванія на курсахъ, могъ поступить по экзамену въ С.-Петерб. университетъ, при чемъ получилъ за экзаменаціонное сочиненіе высшую отмѣтку и былъ расхваленъ цѣлой профессорской коллегіею въ лицѣ Горлова, Андреевскаго, Совѣтова, Сухомлинова и Благовѣщенскаго.

Въ 1868 г., будучи студентомъ, И. П. помѣстилъ въ «Недѣлѣ“ первую свою статью „О даровомъ обученіи дѣтей на спичечной фабрикѣ Анисимова въ Саратовѣ“, которая дала матеріалъ тогдашнему сотруднику „Недѣли“ Н. А. Демерту для цѣлаго ряда статей подъ немного вульгарнымъ заголовкомъ „Вшивыя гнѣзда цивилизаціи“.

По возвращеніи въ 1869 г. въ Саратовъ, И. П. началъ сотрудничать въ „Сарат. Справ. Листкѣ“ и съ тѣхъ поръ до 1908 г., т. е. въ теченіи 39 лѣтъ, не прерывалъ съ этой газетой самыхъ близкихъ сношеній. Сначала онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ (по преимуществу фельетонистомъ), а потомъ ровно 25 лѣтъ издателемъ „Сарат. Листка“. Въ 1871 г., правда, И. П. уѣзжалъ на 7 лѣтъ въ Астрахань, гдѣ руководилъ „Астрах. Справ. Листкомъ“, но сотрудничества своего въ „Сарат. Листкѣ“ не прерывалъ, помѣщая въ послѣднемъ довольно регулярно фельетоны подъ заглавіемъ „Астрахань и астраханцы“.

Въ 1878 г., по открытіи въ Саратовѣ д-ромъ Нерода новой газеты „Саратовскій Дневникъ“, редакторъ послѣдняго, бывшій сотрудникъ „Сар. Листка“ К. Н. Ищенко пригласилъ И. П. работать исключительно въ новой Саратовской газетѣ. Здѣсь И. П. впервые выступилъ подъ псевдонимомъ „Каменный Гость“, подъ которымъ пишетъ до сего времени. Но въ „Сарат. Дневникѣ“ И. П. проработалъ всего годъ съ мѣсяцами и вновь перешелъ въ „Сар. Листокъ“.

Послѣдніе два года И. П. состоитъ пайщикомъ и издателемъ „Саратовскаго Вѣстника“.

Готвальдъ Іосифъ Ѳедоровичъ. (Род. 1813 г., умеръ 1897 г.). Извѣстный оріенталистъ. Пріѣхалъ въ Россію въ 1838 г. со степенью доктора философіи, полученною въ Бреславскомъ университетѣ. Служилъ въ Имп. публ. библіотекѣ по восточ. отдѣленію; участвовалъ въ составленіи свода мусульманскихъ узаконеній. Съ 1849 г. состоялъ профессоромъ арабскаго и персид. яз. въ Казанскомъ университетѣ. Долгое время состоялъ библіотекаремъ университета. Всю свою библіотеку и рукописи завѣщалъ университету. Имъ сдѣлано, между прочимъ, „Описаніе арабскихъ рукописей“, принадлежащихъ Казанск. университету, изданное отдѣльно въ 1855 г. Въ 1870 г. имъ сдѣланъ разборъ сочиненій Д. А. Хвольсона „Извѣстія о хозарахъ, буртасахъ, болгарахъ, мадьярахъ, славянахъ и русскихъ арабскаго писателя Ибнъ-Даста“, и А. Я. Гаркави „Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ“.

Готовицкій Михаилъ Викторовичъ. По отцу изъ потомственныхъ дворянъ Слободско-украинской губерніи, изъ малороссійскаго старшинскаго, шляхетскаго рода (одинъ изъ предковъ его, Андрей Готовицкій, былъ при Императорѣ Петрѣ II атаманомъ въ Изюмскомъ округѣ); къ саратовскому дворянству родъ Готовицкихъ причислился въ 1833 г. Мать М. В. изъ Новогородскаго дворянскаго рода Лутовиновыхъ и гра-

Горизонтовъ Иванъ Парфеновичъ. Родился 20 мая 18[illegible]7 г. въ семьѣ священника слоб. Песчанки, Балашов. у., Сарат. губ. Первоначальное образованіе получилъ въ сельской школѣ государ. имущ. (подъ руководствомъ своего же отца) и по экзамену въ 1856 г. поступилъ въ I-й классъ балашов. дух. училища, откуда перешелъ въ 1862 г. въ Сарат. дух. семинарію. Въ это время ректоромъ семинаріи былъ архим. Никаноръ (впослѣдствіи архіеп. Херсонскій), инспекторомъ—арх. Александръ (Хованскій) бывшій впослѣдствіи еписк. Сухумскимъ, а въ числѣ преподавателей состояли: А. А. Леопольдовъ, прот. Д. И. Ракитинъ и М. И. Смирновъ. Предъ экзаменомъ въ V классъ въ 1866 г. за сочиненіе на тему „Различіе между ученіями идеалистовъ и матеріалистовъ" И. П. былъ судимъ семинарскимъ начальствомъ и приговоренъ къ исключенію изъ семинаріи „по неблагонадежности къ духовному званію". Какъ исключенному изъ духовнаго званія, И. П. предстояло приписаться къ крестьянскому или мѣщанскому сословіямъ, но какъ разъ къ этому времени открылись въ Саратовѣ „Педагогическіе курсы", и И. П. посовѣтилъ поступить на нихъ. Преподавали на этихъ курсахъ учителя уѣзд. училищъ и [illegible] курсовъ". Учили курсистовъ [illegible] хорошо и сообщали [illegible] что И. П., послѣ 2 лѣтъ [illegible] на курсахъ, могъ поступить [illegible] въ С.-Петерб. университетъ, при чемъ получилъ за экзаменаціонное сочиненіе высшую отмѣтку и былъ [illegible] цѣлой профессорской [illegible] ва и Благовѣщенс[illegible]

Въ 1868 г., будучи студентомъ, И. П. помѣстилъ въ «Недѣлѣ» первую свою статью „О даровомъ обученіи дѣтей на спичечной фабрикѣ Анисимова въ Саратовѣ", которая дала матеріалъ тогдашнему сотруднику „Недѣли" Н. А. Демерту для цѣлаго ряда статей подъ немного [illegible]

По возвращеніи въ 1869 г. въ Саратовъ, И. П. началъ сотрудничать въ „Сарат. Справ. Листкѣ" и съ тѣхъ поръ до 1908 г., т. е. въ теченіи 39 лѣтъ, не прерывалъ съ этой газетой самыхъ близкихъ отношеній (вначала онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ (по преимуществу фельетонистомъ), а потомъ ровно 25 лѣтъ издателемъ „Сарат. Листка". Въ 1871 г., правда, И. П. уѣзжалъ на 7 лѣтъ въ Астрахань, гдѣ руководилъ „Астрах. Справ. Листкомъ", но сотрудничества своего въ „Сарат. Листкѣ" не прерывалъ, помѣщая въ послѣднемъ довольно регулярно фельетоны подъ заглавіемъ „Астрахань и астраханцы".

Въ 1878 г., по открытіи въ Саратовѣ д-ромъ Нерода новой газеты „Саратовскій Дневникъ", редакторъ послѣдняго, бывшій сотрудникъ „Сар. Листка" К. П. Ищенко пригласилъ И. П. работать исключительно въ новой Саратовской газетѣ. Здѣсь И. П. впервые выступилъ подъ псевдонимомъ „Каменный Гость", подъ которымъ [illegible] времени. [illegible] въ „Сарат. [illegible]" И. П. [illegible]

[illegible] двa года И. П. состо[illegible]ѣдникомъ и издателемъ „Сара[illegible]ѣстника".

Готвальдъ Іосифъ Θедоро[illegible] 1813 г., умеръ 1897 г.). [illegible] оріенталистъ. Пріѣхалъ [illegible] въ 1838 г. со степенью [illegible] философіи, полученною въ Бреславскомъ университетѣ. Служилъ въ Имп. публ. библіотекѣ по восточ[illegible] сода мусульманскихъ законовъ. [illegible] 49 г. состоялъ профессоромъ [illegible] и перевод. [illegible] въ Казанскомъ университетѣ. Долгое время состоялъ библіотекаремъ университета. Всю свою библіотеку и рукописи завѣщалъ университету. Имъ сдѣлано, между прочимъ, „Описаніе арабскихъ рукописей", принадлежащихъ [illegible] университету, изданное от[illegible] въ 1855 г. Въ 1870 г. имъ [illegible] разборъ сочиненій Д. А. Хвольсона „Извѣстія о хозарахъ, буртасахъ, болгарахъ, мадьярахъ, славянахъ и русскихъ арабскаго писателя Ибнъ-Даста", и А. Я. Гаркави „Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ".

Готовицкій Михаилъ Викторовичъ. По отцу изъ потомственныхъ дворянъ Слободско-украинской губерніи, изъ малороссійскаго старшинскаго, шляхетскаго рода (одинъ изъ предковъ его, Андрей Готовицкій, былъ при Императорѣ Петрѣ II атаманомъ въ Изюмскомъ округѣ); къ саратовскому дворянству родъ Готовицкихъ причислился въ 1833 г. [illegible] М. В. изъ Новогородскаго дво[illegible]скаго рода Лутовиновыхъ и гра-

Слѣва отъ зрителя: стоятъ—А. М. Добровольскій, И. Я. Славинъ, В. А. Марковскій, В. К. Воронковъ, Н. А. Бундасъ, В. П. Соколовъ; сидятъ—П. В. Болотниковъ, А. И. Шахматовъ, кн. Л. Л. Голицынъ, М. А. Поповъ, впереди его—С. С. Краснодубровскій, М. В. Готовицкій, В. Г. Вучетичъ и К. Г. Рыбинъ.

фовъ Головиныхъ Родился 26 мая 1854 г. въ с-цѣ Казачьемъ Тульской губ., Крапивенскаго у., гдѣ у отца было имѣніе. Образованіе получилъ: среднее частью въ Саратовской гимназіи и частью въ гимназическихъ классахъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ въ Москвѣ, а высшее въ спеціальныхъ классахъ того-же института, гдѣ кончилъ курсъ въ 1875 году, причемъ за диссертацію по кафедрѣ Арабской словесности „О Сирійскихъ сектахъ Друзовъ и Нусейрійцевъ" получилъ золотую медаль. По окончаніи курса, служилъ въ Средней Азіи (1876—1882 гг.) и послѣдовательно управлялъ поземельно-статистическимъ отдѣленіемъ канцеляріи Туркестанскаго генералъ-губернатора, былъ чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ и, въ качествѣ члена посольства, ѣздилъ въ 1881 году въ Бухару. По выходѣ въ отставку и возвращеніи на жительство въ Саратовскую губернію сталъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ, былъ предводителемъ дворянства въ двухъ уѣздахъ Саратовской губерніи: Камышинскомъ (1890—1893 гг.) и Царицынскомъ (1890—1892 гг.), почетнымъ мировымъ судьей въ Камышинскомъ уѣздѣ (1883—1906 гг.) и гласнымъ Саратовскаго губернскаго и Камышинскаго уѣзднаго земствъ.

Въ разное время написаны имъ слѣдующія статьи и изслѣдованія: „О характерѣ киргизскихъ пѣсенъ" („Записки Туркестанскаго Отдѣла Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи" 1879 г. и „Этнографическое Обозрѣніе Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи", 1889 г.); „Замѣтки о киргизскомъ обычномъ правѣ". („Москов. Юридическій Вѣстникъ" 1885 г.); „О землевладѣніи на правѣ оживленія по мусульманскимъ законамъ" (напечатано въ „Московскомъ Юридическомъ Вѣстникѣ" въ 1884 г., № 5 и 6); „О происхожденіи названія Саратовъ". Протоколы IV и VI Общихъ Собраній Сарат. Уч. Арх. Комиссіи за 1887 годъ); „Задачи археологіи въ Саратовскомъ краѣ по сообщеніямъ, сдѣланнымъ на VIII Археологическомъ Съѣздѣ" и „Вопросъ объ Ученыхъ Архивныхъ Комиссіяхъ на VIII Археологическомъ Съѣздѣ". Послѣднія двѣ статьи напечатаны въ „Трудахъ" Саратовской Комиссіи т. III вып. I и представляютъ собой отчетъ о Московскомъ Археологическомъ Съѣздѣ, на которомъ авторъ участвовалъ въ качествѣ депутата отъ Саратовской Архивной Комиссіи и Саратовскаго Статистическаго Комитета.

Основатель Комиссіи (см. портретъ).

Дубровинъ Николай Федоровичъ (1837—1894). Род. 26 ноября 1837 г. Литературная дѣятельность его началась съ 1859 г. Работалъ по военной исторіи („Воен. Сборн.", „Рус. Вѣст.", „Отеч. Зап." и др.). Былъ непрем. секретаремъ Академіи Наукъ и редакторомъ „Рус. Старины". Главные труды его: „Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ", „Матеріалы для исторіи Крымской войны", „Пугачевъ и его сообщники", „Отечественная война въ письмахъ современниковъ". Имъ изданы „Доклады и приговоры Правит. Сената при Петрѣ В.", „Протоколы, журналы и указы Верховнаго Тайнаго Совѣта", 1726—30 гг.", „Сборникъ русскаго историч. общества", „Сборникъ матеріаловъ, извлеч. изъ архива собств. Его И. В. Канцеляріи". Умеръ 12 іюня 1904 г.

Дурасовъ Виссаріонъ Ивановичъ (1835—1891 г.) Род. въ Саратовѣ въ 1835 г., воспитывался въ Сарат. гимназіи, поступилъ въ Казанскій университетъ, но вскорѣ перевелся изъ него въ Петербургскій, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1857 г. по факультету восточ. языкъ. Нѣкоторое время онъ занимался въ СПБ. въ канцеляріи генералъ-губернатора и затѣмъ въ Импер. публичной библіотекѣ, но спустя два года переѣхалъ въ Саратовъ. Здѣсь В. И. былъ послѣдовательно судебнымъ слѣдователемъ, чиновникомъ особ. порученій при губернаторѣ, асессоромъ и совѣтникомъ губернскаго правленія, а потомъ чиновникомъ контрольной палаты. Подъ конецъ жизни занятіе себѣ нашелъ въ правленіи учебно-исправительнаго пріюта при губернскомъ земствѣ.

Литературная дѣятельность его началась въ 1872 г. въ „Саратов. Листкѣ", гдѣ онъ помѣстилъ „Воспоминанія солдата былыхъ временъ". Съ 1882 г. онъ началъ работать въ „Сарат. Дневникѣ" и помѣстилъ въ немъ рядъ разсказовъ, основаніемъ которыхъ послужили судебныя дѣла былыхъ временъ. Таковы разсказы: „Саратовскій приставъ Баусъ", „Съ волчьимъ паспортомъ", „Натѣльный крестъ", „Мизеркордіевъ", „Наташа", „На новомъ поприщѣ", „Артистъ своего дѣла", „Стукъ въ окно". Въ „Сарат. Листкѣ" былъ напечатанъ

въ 1882 г. разсказъ „Дѣло объ убійствѣ двухъ мальчиковъ въ Саратовѣ“.

Умеръ В. И. 8 ноября 1891 г.

Духовниковъ Флегонтъ Васильевичъ (1844—1897 г.). Родился въ г Хвалынскѣ въ 1844 г., учился въ Саратовской дух. семинаріи и закончилъ образованіе на педагогическихъ курсахъ въ Казани. Педагогическая практика его проходила все время въ Саратовѣ въ разныхъ учеб. заведеніяхъ,

Въ 1876 г. онъ открылъ въ Саратовѣ книжный магазинъ и, какъ человѣкъ приверженный къ книгамъ, всѣмъ интересующійся и педагогъ, онъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ, кто не чуждъ былъ литературѣ и наукѣ.

Заинтересовался Ф. В. исторіей Саратова и началъ усердно заниматься всѣмъ его прошлымъ. Между прочимъ онъ взялъ на себя трудъ производства раскопокъ въ предѣлахъ Саратовской и Самарской губерніи,

Свои работы о старинѣ Саратова Ф. В печаталъ въ „Сарат. Листкѣ“ (1892 г. № 280, 1893 г. № 73, 1894 г. № 89 и 97, 1895 г. № 40 и 269) и далъ не мало ихъ въ сборникъ. изданный Саратовскимъ литературнымъ фондомъ—„Саратовскій Край“. Тутъ напечатаны, между прочимъ его „Лѣтопись Саратова“, о началѣ книжной торговли въ Саратовѣ и др. Между прочимъ онъ усердно собиралъ свѣдѣнія о жизни Н. Г. Чернышевскаго, появившіяся послѣ смерти Ф. В. въ „Историч. Вѣстникѣ“.

Много предметовъ, найденныхъ имъ при раскопкахъ Увека, онъ отослалъ въ Импер. Археологическую Комиссію.

Умеръ Ф. В. 1 февраля 1897 г. отъ чахотки.

Еланскій Василій Гавриловичъ. Род. 31 декабря 1844 г. въ сл. Бабинкиной, Аткарск. у., въ семьѣ діакона, прошелъ Балаш. дух. училище и Сарат. дух. семинарію и вышелъ изъ послѣдней въ 1864 г. съ аттестатомъ 1-го разряда. По 16 февраля 1866 г. состоялъ учителемъ въ Сарат дух. училищѣ, затѣмъ рукоположенъ во священники. До марта 1884 г. состоялъ священникомъ въ с. Золотомъ, Камыш. у., а отсюда переведенъ въ г. Вольскъ, гдѣ до августа 1906 г. состоялъ законоучителемъ въ военной прогимназіи, нынѣ кадетскій корпусъ. Въ настоящее время Н. Г. въ отставкѣ въ санѣ протоіерея. Помимо участія въ „Трудахъ“ Саратовской Арх. Комиссіи, В. Г. помѣщалъ статьи по церковнымъ вопросамъ въ газетахъ и журналахъ „Современность“ (1878 г.), „Истина“ (1881 г.), „Сарат. Епарх. Вѣд.“ (1881, 1882, 1884, 1894, 1899). Въ качествѣ члена нашей Комиссіи В. Г. разработалъ и описалъ вольскіе архивы городской думы, полиц. управленія, нижне-земскаго суда и бывш. дух. правленія, частью въ сотрудничествѣ съ А. В. Смирновымъ, нынѣ профессоромъ богословія въ Казан. университетѣ.

Дыбовъ Григорій Григорьевичъ младшій. Родился 8 октября 1868 г. въ дворянской семьѣ въ СПБ., но чрезъ 3 года вся семья переѣхала на жительство въ Саратовъ Здѣсь Г. Г. обучался въ классической гимназіи, по окончаніи курса которой въ 1888 г. поступилъ въ СПБ. университетъ, на китайско-манчжуро-монгольскій разрядъ факультета восточныхъ языковъ. По переходѣ на второй курсъ, записался въ число слушателей перваго курса арабско-персидско-турецко-татарскаго разряда и окончилъ его въ 1894 г. съ дипломомъ 2-й степени. Въ 1895 г. вступилъ въ службу по министерству внутреннихъ дѣлъ и проходилъ ее въ СПБ., Москвѣ и Саратовѣ. Между прочимъ. въ Саратовѣ Г. Г. Дыбовъ былъ года три секретаремъ губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія. По домашнимъ обстоятельствамъ, въ началѣ 1906 г. вышелъ въ отставку и сталъ заниматься въ конторѣ своего отца-нотаріуса, нерѣдко заступая его мѣсто.

Съ осени 1904 года до лѣта 1905 года занимался въ рукописномъ Отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки и въ Архивѣ Императорскаго Александровскаго Лицея для собранія матеріаловъ о жизни и дѣятельности извѣстнаго историка Е. А. Бѣлова. Весь собранный матеріалъ использованъ членомъ Коммиссіи П. Л. Юдинымъ, который составилъ статью для „Русской Старины“ ко дню 25 лѣтія со дня кончины историка Е. А. Бѣлова (въ ноябрѣ 1905 г.). Весь рукописный матеріалъ съ небольшой коллекціей писемъ дочери Бѣлова Е. Е. Бѣловой и портретами покойнаго историка переданъ на храненіе въ рукописное отдѣленіе библіотеки Саратовской Арх. Коммиссіи. Благодаря содѣйствію Г. Г., вдова покойнаго саратовскаго археолога и страстнаго любителя старины Ф. В. Духовникова, М. В. Шмелева пожерт-

вовала Архивной Коммиссіи уцѣлѣвшую часть рукописей покойнаго археолога Ф. Ф. Чекали а и разрѣшила члену Коммиссіи Ал. Ал. Лебедеву приготовить для печати вторую рукописную половину статьи Ф. В. Духовникова объ Ник. Гавр. Чернышевскомъ, первая половина каковой статьи была уже напечатана „Рус. Стар.“ (1890 г. сент.) Эта вторая половина появилась въ томъ же журналѣ въ 1910 и 1911 г.г.

Весной 1905 года Г. Г. занимался въ архивѣ С.-Петербургскаго университета для ознакомленія съ имѣющимся тамъ дѣломъ о службѣ и дѣятельности покойнаго историка Н. И. Костомарова. На основаніи матеріала, доставленнаго Г. Г. Дыбовымъ, тотъ же г. Юдинъ помѣстилъ замѣтку о Костомаровѣ въ „Истор. Вѣст.“.

За нѣсколько послѣднихъ лѣтъ Г. Г. собралъ богатый матеріалъ объ Иргизскихъ монастыряхъ и Черемшанскихъ скитахъ, каковой матеріалъ будетъ использованъ уставщикомъ Горинской моленной въ Саратовѣ С. И. Быстровымъ для большой совмѣстной съ Г. Г. Дыбовымъ работы по исторіи Черемшанскихъ скитовъ въ связи съ исторіей раскола на Иргизѣ. Г. Г. страстный любитель путешествій и объѣздилъ большую часть Россіи и Европы, всюду знакомясь съ древностями края, музеями, библіотеками и образовательными учрежденіями, а также вступая въ личныя сношенія съ выдающимися людьми.

Неоднократно Г. Г. бывалъ въ Черемшанскихъ скитахъ, расположенныхъ въ 7 вер. отъ г. Хвалынска, гдѣ занимался собираніемъ матеріаловъ по исторіи скитовъ и старообрядчества вообще, затѣмъ былъ въ Зубриловкѣ до погрома въ 1905 году, Куракинѣ, Бековѣ и Волхонщинѣ, расположенныхъ въ Сердобскомъ у., Саратовской губ., гдѣ также собиралъ для Коммиссіи матеріалъ по мѣстной старинѣ.

Въ 1910 г. Г. Г. избранъ членомъ Общества русскихъ оріенталистовъ въ СПБ.

Жеребцовъ Александръ Іосифовичъ. Родился въ Саратовѣ въ 1856 г., въ семьѣ чиновника казенной палаты. Первоначальное образованіе получилъ въ саратовской губернской гимназіи, а затѣмъ поступилъ въ пензенское земледѣльческое училище, гдѣ и окончилъ курсъ. Служилъ 30 лѣтъ по удѣльному вѣдомству, закончивъ службу въ 1908 г. должностью управляющаго удѣльнымъ имѣніемъ, въ Балашовскомъ у., Сарат. губ.; съ того времени занимается въ губернской земской управѣ. Составилъ и издалъ краткій историческій очеркъ „В. В. Гришинъ-сарат. гражд.“ и въ 1911 г. напечаталъ въ газетѣ „Волга“ двѣ небольшихъ статьи. А. І. передалъ и передаетъ въ библіотеку Комиссіи вырѣзки изъ разныхъ періодич. изданій, касающіяся Саратовскаго края.

Забѣлинъ Иванъ Егоровичъ (1820—1909 г.) Род. въ 1820 г. въ Твери. По бѣдности, получилъ небольшое образованіе и въ 1873 г. началъ служить въ Москвѣ, въ оружейной палатѣ. Знакомство съ людьми, преданными историческимъ занятіямъ, возбудило въ И. Е. ревность къ работамъ по изученію русской старины. Въ 1842 г. появилась его первая работа въ этомъ родѣ въ „Моск. губ. Вѣд.“ 1842 г. Скоро онъ занялъ мѣсто архиваріуса въ дворцовой конторѣ, а затѣмъ гр. Строгановъ привлекъ его въ Имп. Археологическую Комиссію и поручилъ ему раскопки Екатеринославск. губ Въ 1871 г. кіевскій университетъ удостоилъ его степени доктора русской исторіи. Въ 1979 г. И Е былъ избранъ предсѣдателемъ Общества исторіи и древностей. Въ 1892 г. онъ избранъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ. Капитальныя сочиненія И Е. Забѣлина “Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI—XVII вв.“, «Домашній бытъ рускихъ царицъ въ XVI—XVII вв.», „Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ“, „Исторія русской жизни съ древнихъ временъ“, „Исторія Москвы“. Умеръ 31 дек. 1905 г.

Знаменскій Петръ Васильевичъ. Воспитанникъ Нижегородской дух. сем. и Казан. академіи. Въ 1861 г. былъ учителемъ Самар. дух. семинаріи, а съ этого времени профессоромъ каз. дух. академіи по кафедрѣ философіи, потомъ математики и, наконецъ, исторіи. Его труды по русской исторіи печатались въ „Трудахъ Кіев. Академіи “ „Правосл. Собесѣдникѣ“ въ журналѣ „Время“; въ „Нижегородскихъ Епарх. Вѣд“. въ «Вѣст. Европы»; („Горные черемисы Казанскаго края“) Отдѣльной книгой напечатано въ 1870 г. „Руководство къ русской церковной исторіи“, передѣланное потомъ въ “Учебное руководство по исторіи русской церкви“ 2—е изд. 1904 г.), удостоенное преміи Макарія. Ему же принадлежитъ „Исторія казанской дух. академіи“ (1891—1892.)

Зайковскій Богданъ Викторовичъ. Родился 23-го іюня 1878 г. въ дворянской семьѣ Рязанской губ. Въ Сарат. г. живетъ съ 1890 г., сначала въ Царицынѣ, а съ 1894 г. въ Саратовѣ. Еще въ Царицынѣ, подъ впечатлѣніемъ разсказовъ о старинѣ, сталъ интересоваться прошлымъ края, записывать мѣстныя преданія, собирать старинныя монеты. Въ Саратовѣ, подъ руководствомъ гг. Медоксъ и А. Т. Тянкова, занялся собираніемъ и опредѣленіемъ золотоордынскихъ монетъ и другихъ древностей съ Увека, собиралъ такъ же минералы и окаменѣлости. Свои коллекціи передалъ частью въ мѣстную Ученую Архивную Комиссію, частью же въ О-во Естествоиспытателей, Университетъ и 2-ю мужскую гимназію.

Избранный въ 1902 г. въ члены Комиссіи и хранителя ея музея, Б. В., годъ спустя,—принужденъ былъ сложить съ себя обязанности хранителя музея, такъ какъ занялъ должность (въ губерн. зем. управѣ), связанную съ командировками въ уѣздные города. Избранный вновь въ 1907 г. въ хранители музея, исполнялъ эту должность лишь въ зимнее время, въ лѣтніе же мѣсяцы, будучи въ командировкахъ, занимался въ свободные отъ службы часы разысканіемъ и описаніемъ памятниковъ старины и собираніемъ предметовъ древности для пополненія коллекціи музея Комиссіи.

Эти розысканія давали Б. В. матеріалъ для его статей и сообщеній, которыя напечатаны въ „Трудахъ" Комиссіи. Въ 1906 г. собраны имъ матеріалы для статьи „Каменныя бабы". Въ 1907 году въ Камышинскомъ уѣздѣ, близъ сл. Даниловки, собралъ коллекцію нешлифованныхъ и несверленыхъ каменныхъ топоровъ и молотковъ, кремневыхъ наконечниковъ, стрѣлъ и проч. Въ 1908 году, по порученію Комиссіи, имъ произведены археологическія развѣдки въ окрестностяхъ Камышина, при чемъ обнаружены слѣды доисторическихъ стоянокъ на дюнахъ и открыто неизвѣстное еще въ литературѣ Терновское городище, древность котораго, по заключенію ученыхъ археологовъ, восходитъ къ старшему мѣдному вѣку. Въ 1909 году производилъ развѣдочныя экскурсіи въ уѣздахъ Аткарскомъ и Балашовскомъ, дополнительныя развѣдки на Бэльджеменѣ и раскопку кургана въ Даниловкѣ. Въ 1910 г.—описаніе древняго городища въ 17 верстахъ отъ гор. Царицына, гдѣ пр. Брунъ предполагаетъ развалины золотоордынскаго города Тартанды. Въ 1911 г., вмѣстѣ съ С. А. Щегловымъ, обслѣдовалъ Березняковское городище Вольскаго уѣзда, гдѣ найдена архаическая керамика, относимая пр. Самоквасовымъ, Городцовымъ, Спицынымъ и Хвойко къ доисторической эпохѣ. Въ томъ же году принималъ участіе въ организаціи „группы учащихся—любителей изученія Саратовскаго края".

Зубовъ Алексѣй Алексѣевичъ (1838—1904 г.) Родъ въ 1838 г. въ дворянской семьѣ (Нижегородской губ.), воспитаніе получилъ въ Пажескомъ корпусѣ и кончилъ курсъ въ геодезич. отдѣленіи Николаевской академіи Ген. Штаба. Послѣ недолгой службы въ войскахъ былъ назначенъ въ 1861 г. мировымъ посредникомъ Екатеринб. уѣзда, Пермск. губ., гдѣ было имѣніе Зубовыхъ въ 25000 дес., но въ 1862 г. перешелъ опять въ военную службу. Въ 1865 г. уволился и служилъ въ Коммиссіи по крест. дѣламъ при Вилен. ген.-губ-рѣ. Въ 1867 г. вступилъ опять въ воен. службу адъютантомъ къ генералу фельдмаршалу кн. Барятинскому. Въ 1876 г. уволенъ въ чинѣ генералъ-майора. Въ 1877 г. былъ въ санитарномъ отрядѣ въ Черногоріи. Въ 1880 г. назначенъ екатеринославскимъ вице-губернаторомъ, а въ слѣдующемъ году—саратовскимъ губернаторомъ, въ каковой должности пробылъ до мая 1887 г.

Служилъ затѣмъ по вѣдомству Императрицы Маріи.

Ивановъ Николай Федоровичъ (1839—1905 г.). Родился въ 1839 г., учился въ Вольскомъ уѣздномъ училищѣ, по окончаніи котораго поступилъ на службу въ канцелярію Самарскаго губернскаго прокурора, до конца 1870 г. служилъ чиновникомъ разныхъ казенъ учрежденій Самары.

Съ 1871 г. Н. Ф. началъ службу въ Саратов. губ. и послѣднюю должность податного инспектора Кузнец. и Петров. уѣздовъ, Саратовск. губ., занималъ съ 1885 по 1900 г., когда вышелъ въ отставку. Кромѣ службы, Н. Ф. много работалъ въ повремен. изданіяхъ, писалъ въ мѣстныхъ газетахъ: „Саратов. Лист.", „Саратов. Дневн.", „Сар. Губ. Вѣд.", „Волгѣ" и „Врат. Помощи", былъ постояннымъ сотрудникомъ столичныхъ журналовъ: „Вѣст. Евр.," „Нивы" и „Экономич. Журн." и газетъ: „Порядокъ",

„Голосъ“, „Русь“, „Недѣля“, „Со времен. Извѣстій“ и нѣкоторыхъ другихъ

Не оставлялъ Н. Ф. своимъ вниманіемъ и учен. обществъ. Какъ дѣйствител ный членъ нашей Архивной Комиссіи и Статистическаго Комитета, онъ помѣстилъ въ ихъ изданіяхъ не мало своихъ работъ. Въ послѣдніе годы своей жизни (1900—1905 г.) Н. Ф. началъ писать свои „Воспоминанія о пережитомъ“ и успѣлъ написать три большихъ тетради, но смерть оборвала его работу; умеръ онъ въ Саратовѣ 19 апрѣля 1905 г. Всѣ бумаги Н. Ф находятся у В. П. Соколова и, надо надѣться, что В. П. не оставитъ опубликовать все то литературное наслѣдіе, которое ему перешло въ руки. Этимъ будетъ воздана должная память Н. Ф. Иванову.

Иконниковъ Владиміръ Степановичъ. Родился въ 1841 году, окончилъ курсъ въ Кіевскомъ унив-тѣ. Въ 1867 г. получилъ степень магистра русской исторіи, а въ 1869 г. степень доктора за „Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи“. Профессорствуетъ въ Кіев. унив-тѣ. Помимо многихъ другихъ раб тъ В С., заслуживаетъ особаго упоминанія „Опытъ русской исторіографіи“—капитальнѣйшее библіографическое пос біе.

Иловайскій Дмитрій Ивановичъ. Род. въ 1832 г., кончилъ курсъ Москов. университета въ 1854 г. Всю жизнь свою посвятилъ занятіямъ русской исторіей и публицистикѣ. Магистерская диссертація его—„Исторія Рязан ского княжества“, а докторская —„Гродненскій сеймъ 1793 г.“ Подъ заглавіемъ „Розысканія о началѣ Руси“ Д. И. издалъ въ 1876 г. рядъ своихъ статей о древнемъ періодѣ Россіи. Затѣмъ вышли томы его „Исторіи Россіи“. Извѣстность Д. И. составили его учебники по всеобщей и русской исторіи, выдержавшіе длинный рядъ изданій.

Истоминъ Ѳедоръ Михайловичъ Род. въ 1856 г въ Архангельскѣ Кончилъ курсъ въ петерб. унив-тѣ по историко филол. факультету. Съ 1883 г. состоитъ секретаремъ этнографич. отдѣла И. Р. Г. Общ-ва, участвовалъ въ научныхъ экспедиціяхъ на сѣверъ Россіи по собиранію народныхъ пѣсенъ. Его труды, касающіеся этнографіи, напечатаны въ „Сборн. ст. учениковъ В. Ламанскаго“, „Извѣстіяхъ Геогр. Общ.“, въ “Трудахъ VIII съѣзда естествоисп“., въ „Церк. Вѣд.“, „Живой Старинѣ“. Отдѣльно изданы записанныя Ѳ. М. „Пѣсни русскаго народа, собр. въ губ. Архан. и Олонецкой“, СПБ. 1894 г.

Катановъ Николай Ѳедоровичъ. Род. 6 мая 1862 г. въ Сибири въ инородческой семьѣ. Учился въ Красноярской гимназіи, которую кончилъ въ 1884 г. съ золотой медалью, прошелъ курсъ с.-петерб. университета по факультету восточныхъ яз., по разряду арабско-персидско-турецко-татарской словесности и оставленъ былъ при университетѣ. Съ декабря 1888 по декабрь 1892 г. былъ командированъ Академіею Наукъ и Рус. Геогр. Общ. въ Сибирь, Монголію и Туркестанъ для изученія быта и языка мѣстныхъ племенъ. Съ 1893 г. состоитъ профессоромъ казан. университета. И съ Казачи Н. Ѳ. нѣсколько разъ совершалъ поѣздки для изслѣдованія языковъ разныхъ племенъ, а въ 1900 г. ѣздилъ за-границу для знакомства съ древними тюркскими рукописями. Въ 1903 г. удостоенъ петербургскимъ университетомъ степени магистра за диссертацію „Опытъ изслѣдованія урянхайскаго языка“, сравненіе котораго производитъ съ 47 языками (5 древними и 42 новыми). Труды Н. Ѳ. Катанова напечатаны въ „Зап. Имп. Р. Г. Общ.“, въ „Зап. Имп. Ак. Наукъ“, „Изв. Казан. Общ. археол., ист. и этногр.“, въ „Учен. Зап. Казан. ун.“, „Кавказ. Вѣст “, въ „Трудахъ Предвар. Ком. XII Археол. съѣзда“, „Дѣятель“, въ сборникѣ „Поволжье“.

Кедровъ Сергѣй Ивановичъ. Москвичъ по рожденію, воспитанникъ Москов. дух. академіи, кончилъ курсъ въ 1877 г., въ этомъ же году назначенъ преподавателемъ саратов. дух. семинаріи, и оставался въ этой должности 22 года, до конца 1899 г.; онъ преподавалъ также исторію въ Саратовскомъ женск. епарх. училищѣ и въ Маріинской жен. гимназіи. Съ начала 1900 г. и понынѣ С. И. состоитъ въ числѣ преподавателей Московской духовной семинаріи.

С. П. Кедровъ—авторъ многихъ научно-литературныхъ трудовъ какъ, напр :

„Древне-русскія братства“. Публ. лекція, печ. въ „Рус. Арх.“;

„Настоящее и будущее архивн. комиссій“. По поводу книги пр. Самоквасова: „Централизація государств. арх въ З. Европѣ“. Печ. въ „Русск. Архивѣ“.

„Саратовское Поволжье“ Рецензія на книгу г. Чекалина Печат. въ

„Извѣстіяхъ О-ва археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ Университетѣ“.

„Двадцатипятилѣтіе Саратовской Маріинской женской гимназіи“. Отдѣльное изданіе.

„Годъ основанія Саратова“. Печ. въ „Сарат. Дневникѣ“,

„Объ аорсахъ Стробона“. Печ. въ „Саратов. Дневникѣ“

„Авраамій Палицынъ“. Печ. въ „Чтеніяхъ О-ва исторіи и древностей Россійскихъ“ при Москов. Университетѣ, а затѣмъ вышло отдѣльнымъ изданіемъ.

„Авраамій Палицынъ—какъ писатель“. Историко-критическій разборъ его „Сказанія“. Печ. въ „Руск. Архивѣ“.

Въ „Сарат. Епарх. Вѣд.“ напечатаны публичныя лекціи г. Кедрова: Историкъ С. М. Соловьевъ. Императоръ Николай I. Императоръ Александръ II.

„Краткій очеркъ исторіи г. Саратова“. Печ. въ юбилейномъ сборникѣ по поводу 300 л. г. Саратова, изданнаго въ пользу Саратов. о-ва пособія мѣстнымъ литераторомъ.

Рядъ статей г. Кедрова помѣщенъ въ „Русскомъ Арх.“, подъ заглавіемъ „Русь Петра Великаго за границей“, а именно: а) князь Б. И. Куракинъ. б) Посольство кн. Б. И. Куракина въ Римъ. в) Посольство кн. Б. И. Куракина въ Ганноверъ. г) Посольство кн. Б. И. Куракина въ Лондонъ. д) Назначеніе кн. Б. И. Куракина посломъ въ Голландію. е) Первыя попытки сближенія Россіи съ Франціей и др.

Нѣсколько статей написано о сочиненіяхъ проф. В. О. Ключевскаго.

Ключевскій Василій Осиповичъ. Сынъ священника пензенской епархіи, В. О. отданъ былъ въ пензенскую духовную семинарію, но изъ философскаго класса вышелъ и въ 1866 г. поступилъ въ москов. университетъ на историко-филологическій факультетъ, гдѣ слушалъ лекціи Б. Н. Чичерина, С. М. Соловьева, П. М. Леонтьева и др. Кончилъ курсъ въ 1865 г. Съ 1871 г. онъ сталъ читать лекціи по русской исторіи въ москов. духовной академіи. Въ 1871 г. онъ защитилъ диссертацію на магистра „Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ“, а затѣмъ написалъ докторскую диссертацію „Боярская дума древней Руси“ и съ 1879 занялъ кафедру покойнаго Соловьева въ московскомъ университетѣ. Но кромѣ духовной академіи и университета, В. О. имѣлъ своихъ слушателей и учениковъ въ Александровскомъ военномъ училищѣ (съ 1867 по 1873 г.г.) и на высшихъ женскихъ курсахъ проф. Герье (съ 1872 по 1888 г.г.), преподавалъ политическую истор(ю вел. кн. Георгію Александровичу въ Аббастуманѣ (1893—1895 г.) и знакомилъ съ своимъ курсомъ русской исторіи вел. кн. Сергѣя Александровича въ бытность послѣдняго московскимъ ген.-губернаторомъ. Онъ былъ предсѣдателемъ московскаго об-ва исторіи и древностей. Въ 1901 г. избранъ былъ почетнымъ членомъ акад. наукъ. Главнѣйшій его трудъ, кромѣ „Курса русской исторіи“ (3 т.), есть „Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ“ (1886 г.). Нельзя не упомянуть еще такихъ работъ В. О., какъ „Происхожденіе крѣпостн. права“ и „Добрые люди старой Руси“. В. О. помѣщалъ съ 1880 г. свои работы преимущественно въ „Русск. Мысли“. Умѣлый лекторъ, ученый аналистъ, В. О. былъ и великимъ художникомъ слова, рисовавшимъ широкія и образныя картины. Умеръ 12 мая 191[illegible] г.

Ковалевскій Максимъ Максимовичъ. Род. въ 1851 г. въ дворянской семьѣ Харьков. губ., прошелъ курсъ Харьк. унив-та. Изучилъ исторію учрежденій въ Англіи и другихъ государствахъ Европы. Съ 1877 по 1887 г. былъ профессоромъ въ Моск. унив-тѣ по государ. праву. Затѣмъ началось его „научное и литературное скитальчество“. (Рус. М. 1895 г., № 1). Онъ читалъ лекціи въ Стокгольмѣ и Оксфордѣ и работалъ за границей, издавая свои труды на иностр. яз. Его докторская диссертація носитъ заглавіе „Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ“ (М. 1880 г.). Капитальный трудъ М. М.—„Происхожденіе современной демократіи“. Но ему принадлежитъ еще рядъ отдѣльно изданныхъ сочиненій и цѣлый рядъ статей и докладовъ публицистическаго характера. Между прочимъ, есть докладъ „О работахъ русскихъ этнографовъ, статистиковъ, юристовъ и историковъ“. Вмѣстѣ съ проф. В. Миллеромъ онъ издавалъ журналъ „Критическое Обозрѣніе“.

Коноваловъ Феодоръ Прохоровичъ. Род. 10 февр. 1857 г. въ Андреевкѣ, Аткар. у., въ захудалой крѣпостной крест. семьѣ. Росъ въ ужасной атмосферѣ произвола, невѣжества и суевѣрій всякаго рода. Въ концѣ 1860-хъ г.г. попалъ онъ, въ числѣ прочихъ крест. дѣтей, въ учебу отставному Николаевскому

солдату Ерофею Трифоновичу. Тяжелая, суровая была учеба! Сколько слезъ пролито! Сколько кровавыхъ рубцовъ поизношено на тѣлѣ.' «Избушка, гдѣ мы учились—вспоминаетъ Ф. П. Коноваловъ—была маленькая, низенькая, переполненная полусотней маленькихъ дикарей. Жара и духота была невыносимая. Учебныхъ пособій, кромѣ азбукъ, псалтырей и деревянныхъ указокъ, никакихъ не было. Уроки учились вслухъ, въ разбродъ, кто во-что горазд... Каждый старается другъ друга перекричать. А тамъ смотришь—острая розга Ерофея гуляетъ по комъ-нибудь и раздается визгъ полусмертного!..“ Но учитель Ерофей все-же остался въ памяти Фед. Прох. какъ личность незаурядная и любившая дѣтей по своему. Ерофей въ качествѣ кантониста, ребенкомъ былъ взятъ въ воен. службу и пробылъ въ ней до глубокой старости. Имѣя природныя способности, Ерофей пріобрѣлъ массу всякаго рода знаній: былъ недурный регентъ, хорошій музыкантъ, неплохой рисовальщикъ, актеръ, фокусникъ и клоунъ, недурной столяръ и сапожникъ. Въ невѣжественную заброшенную деревню, онъ какъ своего рода Прометей, принесъ свѣтъ знанія. Ученикъ Ерофея, Ф. П. Коноваловъ началъ свою карьеру съ сельскихъ писарей, затѣмъ много лѣтъ служилъ довѣреннымъ по имѣніямъ покойнаго сарат. купца И. Т. Купріянова, конторщикомъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ, послѣ чего занялся торговлей въ Аткарскѣ. Жажда самообразованія была у Ф. П., и подъ руководствомъ пріятеля студента, онъ имѣлъ возможность пройти приблизительно курсъ среднихъ учеб. заведеній. Въ 1890 г. Ф П помѣщалъ корреспонденціи, этнографич. очерки и бытовыя картинки въ „Саратовск. Дневникѣ“. Любовь къ русской старинѣ появилась у него рано подъ вліяніемъ слышанныхъ устныхъ преданій и старинныхъ русскихъ пѣсенъ. Знакомство съ А. Н Минхомъ разогрѣло въ немъ любовь къ старинѣ, къ археологіи и натолкнуло на серьезную работу въ архивахъ и на собираніе древнихъ вещей. Въ „Матеріалахъ по крѣп. праву. Саратовская губ.“ Ф. П. Коновалову принадлежитъ работа „Изъ архива мир. посредниковъ Аткарскаго у.“

Корсаковъ Дмитрій Александровичъ. Родился 10 іюля 1843 г., въ Москвѣ. Мать его—родная сестра извѣстнаго юриста, историка и публициста К. Д. Кавелина, котораго вліяніе сказалось и на Д. А. Образованіе Д. А. получилъ дома въ Казани; въ обученіи его приняли участіе студенты и профессора Казан. университета. Въ 1860—64 г. прошелъ курсъ Казан. университета, а затѣмъ, служа по крестьянскимъ и дворянскимъ учрежденіямъ, сталъ заниматься русской исторіей, работалъ въ столичныхъ библіотекахъ, архивахъ и совершалъ экскурсіи за границу. Въ 1872 г. онъ защитилъ диссертацію на магистра „Меря и Ростовское княжество“ и въ 1880 г.—на степень доктора русской исторіи „Воцареніе Императрицы Анны Іоанновны“ и сталъ профессоромъ Казанск. университета. Онъ состоитъ редакторомъ университ. „Записокъ“. Въ „Истор. Вѣст.“ 1911 г. напечатаны его „Изъ жизни рус. дворянства прошлаго времени“. Участвовалъ на археологич. съѣздахъ въ Кіевѣ, Казани, Ярославлѣ и Ригѣ. Печататься Д. А. началъ еще на студенческой скамьѣ. Труды его помѣщены въ журналахъ „Др. и „Нов. Россія“, „Истор. Вѣст.“, „Рус. Стар.“, „Журн. М. Н. Пр.“, „Рус. Мысль“, Вѣст. Евр.“ и друг.

Коршъ Ѳедоръ Евгеньевичъ. Родился въ Москвѣ въ 1843 г. въ семьѣ извѣстнаго литератора и переводчика Е. Ѳ. Корша, редактора „Моск. Вѣд.“ (1842—1849 г.г.), вращавшагося въ кружкѣ Грановскаго, Герцена, Бѣлинскаго, В. Боткина и др. Воспитаніе получилъ въ частномъ пансіонѣ Циммермана, кончилъ курсъ въ Москов. университетѣ въ 1864 г. по историко-филологич. факультету, былъ оставленъ при университетѣ и вскорѣ сталъ преподавать греческій яз. студентамъ 1-го курса; въ 1868 г., по защитѣ диссертаціи „De versu saturnio“, избранъ въ доценты и командированъ на 2 года за-границу, гдѣ прослушалъ два семестра въ Берлинскомъ университетѣ, практически ознакомился въ Вѣнѣ со славянами, побывалъ въ Италіи. Съ осени 1870 г. по 1890 г. служилъ въ Московскомъ университетѣ, при чемъ въ 1877 г. защитилъ докторскую диссертацію. Съ 1890 по 1892 г. служилъ въ Новорос. университетѣ. Потомъ вновь занялъ въ Московскомъ университетѣ каѳедру римской словесности и, кромѣ того, преподавалъ персидскій яз. въ Лазарев. институтѣ. Съ 1900 г. Ѳ. Е. Коршъ—ординарный академикъ по отдѣленію русскаго яз. и словесности. Онъ состоитъ почетнымъ членомъ университетовъ—Москов., С.-Петерб., Харьков., Кіевскаго и Новороссійскаго, предсѣдателемъ діалекти-

ческой коммиссіи при 2-мъ Отд. Академіи Наукъ, славянской коммиссіи при Москов. археол. обществѣ и общества славянской культуры и дѣйствительнымъ членомъ многихъ научныхъ обществъ въ Россіи и заграницей. Многочисленные труды Ѳ.Е. Корша напечатаны въ изданіяхъ Москов. археологич. общества, филолог. общества, въ изданіяхъ 2-го отд. Академіи Наукъ.

Косичъ Андрей Ивановичъ. Род. 1 окт. 1833 г. въ дворянской семьѣ (Черниговской губ.), кончилъ въ 1860 г. курсъ Николаевской академіи генер. штаба. Участвовалъ въ крымской войнѣ 1853—1855 г.г. и въ усмиреніи польскаго возстанія 1863 г. Въ русско-турецкую войну 1877—78 г.г. былъ начальникомъ штаба 12 армейскаго корпуса, а затѣмъ съ 1881 г. начальникомъ кіевскаго окружн. штаба. Съ 1887 г. по 1891 г. былъ саратовскимъ губернаторомъ.

Въ качествѣ непремѣннаго попечителя Саратовской Архивной Комиссіи, не рѣдко посѣщая общія собранія ея членовъ, А. И. Косичъ дѣлалъ рядъ полезныхъ предложеній и, между прочимъ, высказалъ мысль о необходимости образованія филіальныхъ отдѣленій Комиссіи въ уѣздныхъ городахъ Саратовской губерніи. По удаленіи съ поста губернатора, К—чъ проходилъ постепенно соотвѣтственную военную службу до командующаго казанскимъ округомъ включительно. По выходѣ въ отставку и живя въ Спб., К—чъ попалъ въ члены преобразованнаго Государственнаго Совѣта, но дѣйствующимъ членомъ его пробылъ очень короткое время.

Краткій періодъ губернаторства К—ча отмѣченъ въ періодической прессѣ лестными чертами. Косичъ былъ иниціаторомъ многихъ полезныхъ начинаній, въ немъ находили совѣтника и помощника и народное образованіе, и статистика, и врачебное дѣло, благотворительность, городское и земское хозяйство, святыни и древности края, и мѣстная литература.

Краснодубровскій Степанъ Семеновичъ. Родился въ 1860 г., кончилъ курсъ въ 1884 г. въ С.-Петербургской духовн. академіи, началъ службу въ шацкомъ духовномъ училищѣ, въ 1887 г. назначенъ преподавателемъ латинскаго яз. въ саратовскую духовн. семинарію, въ 1891 перешелъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія и сдѣлался инспекторомъ народныхъ училищъ Саратовской губ., въ этой-же должности переведенъ въ Казанскую губ., а затѣмъ въ Тамбовскую.

С. С. принималъ дѣятельное участіе въ работахъ Саратовской Архивной Комиссіи во время предсѣдательствованія кн. Л. Л. Голицына, состоя правителемъ дѣлъ. Сотрудничалъ въ саратовскихъ газетахъ.

Имъ изданы, кромѣ докладовъ и изслѣдованій по археологіи и исторіи Увека (вмѣстѣ съ кн. Л. Л. Голицынымъ), „Годъ основанія Саратова. Саратовъ. 1889 г.“ и „Разсказы про старые годы Саратова. Саратовъ. 1891 г.“.

Кропотовъ Михаилъ Сергѣевичъ. Родился въ 1844 г. въ дворянской семьѣ, владѣвшей имѣніемъ въ Петровскомъ у., Сарат. губ. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ въ 1867 г., вступилъ на службу въ саратовское депут. собраніе. Былъ постепенно почетнымъ смотрителемъ саратовскаго, царицынскаго и петровскаго уѣздныхъ училищъ; состоялъ съ 1869 по 1876 гг. участковымъ мировымъ судьей Петровскаго мирового округа Саратовской губ.; избранный въ 1878 г. предсѣдателемъ петровской земской управы, занималъ этотъ постъ до 1882 г., въ этомъ году избранъ предсѣдателемъ Саратовской губернской земской управы и состоялъ имъ три трехлѣтія. Въ 1889 г. М. С. вступилъ на службу по министерству финансовъ и назначенъ былъ управляющимъ Симбирскою казенною палатою, а въ 1891 г. переведенъ въ этой же должности въ Оренбургъ. Умеръ въ 1904 г.

Основатель ком—ій (см. портретъ).

Кротковъ Александръ Августиновичъ. Родился 19 авг. 1866 г. въ Пензѣ. Учился въ Пензенской прогимназіи. Недостаточныя средства семьи заставили А. А. ограничиться только 6 классами. Пробиваясь уроками, онъ поступилъ вольнослушателемъ въ пензенскую фельдшерскую школу, которую и окончилъ въ 1888 г. Прослуживъ 2 года фельдшеромъ въ Петровскомъ у., сдалъ экзаменъ на учителя и попалъ въ этомъ званіи въ с. Князевку, Петровск. у. Тутъ онъ пробылъ 9 лѣтъ, доведя число учениковъ съ первоначальныхъ 40 чел. до 300 въ 1898 г. Недоразумѣнія съ инспекторомъ вынудили А. А. перейти въ с. Гремячку, Саратов. у., а затѣмъ и совсѣмъ оставить поприще учителя. Съ 1900 г. А. А. служилъ въ сарат. губ. зем. управѣ,

потомъ въ городской думѣ и, наконецъ, нынѣ состоитъ на службѣ въ сарат. каз. палатѣ. Во время учительства въ с. Князевкѣ А. А. вмѣстѣ съ попечителемъ школы—А. А. Васильчиковымъ—сталъ заниматься изученіемъ древностей. «Съ этихъ поръ—пишетъ самъ А. А.—археологія, прежде чуждая мнѣ, стала моимъ любимымъ занятіемъ въ часы досуга и думаю, что до конца дней „живота моего“ она будетъ моимъ неразлучнымъ другомъ и утѣшителемъ отъ житейскихъ бурь и людскихъ мерзостей“.

Куракинъ князь ѲедоръАлексѣевичъ. Родился въ 1842 г. Ему принадлежитъ изданіе „Архива кн. Ѳ. А. Куракина“, составившагося изъ документовъ, хранившихся въ с. Надеждинѣ, Сердоб. у., нынѣ проданномъ купцамъ Асѣевымъ. Редактировалъ это изданіе сначала М. И. Семевскій, а потомъ В. Н. Смольяниновъ. Кн. Ѳ. А.—любитель археологіи и щедрый жертвователь на научныя цѣли.

Лебедевъ Александръ Александровичъ. Родился въ Саратовѣ 8 ноября 1886 года въ семьѣ преподавателя мѣстной духовной семинаріи. Образованіе получилъ въ мѣстныхъ духовныхъ училищѣ и семинаріи и закончилъ въ Кіевской духовной академіи (1911). При академіи оставленъ профессорскимъ стипендіатомъ. Спеціальность—разработка источниковъ по исторіи Россіи въ широкомъ смыслѣ: палеографія, библіографія, исторія русской церкви и русской литературы. До настоящаго времени напечаталъ: Со стороны. Книга о Гоголѣ. „Книжн Вѣстникъ“ 1903, № 2. О библіографіи. „Книжный Вѣстн.“, 1903, № 18. Саратовская епархіальная библіотека. „Сар. Лист.“, 1903, № 128. Саратовскія библіотеки, ibid., № 143. Исторія объ отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ. Замѣтка по поводу статьи г-на Касаткина. „Православн. Путеводит.“, 1904, № 1. Изъ дѣла о кургаиахъ, существующихъ въ уѣздахъ Царицынскомъ, Камышинскомъ и Вольскомъ, Саратовской губерніи. „Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этногр. при Имп. Казанск. Унив.“, XXI, в. 3. Письма Амвросія Подобѣдова, архіепископа Казанскаго (1785—1799), къ Аѳанасію (Иванову), епископу Коломенскому, ibid. Библіографія, какъ наука. „Библіографическ. Листокъ“, 1906, № 1. Матеріалы для исторіи Саратовской епархіи. „Сарат. Дух. Вѣстн.“, 1907, №№ 1—16, 20, 22—28, 30—38; 1909, №№ 1—8, 10. О второмъ т. „Опыта русской исторіографіи“ В. С. Иконникова. „Библіогр. Листокъ“, 1907, № 2—3. О матеріалахъ для исторіи Сарат. епархіи, ibid., № 2—3. Русская педагогическая библіографія. (Что сдѣлано въ Россіи для педагогической библіографіи). „Сарат. Дух. Вѣстн.“, 1907, №№ 14—15. Русская богословская литература, ibid., 1907, №№ 17—23, 27 30—33, 37—39, 42—45, 47—50; 1908, №№ 1—9, 17—21. Архіерей-самоубійца. Къ біографіи Моисея, епископа Ѳеодосійскаго и Маріупольскаго. По неизданнымъ матеріаламъ. „Историч. Вѣстникъ“, 1907, № 9. Русская богословская литература 1491—1908 г.г. Библіографическій указатель книгъ, брошюръ, оттисковъ и листовъ, вышедшихъ въ Россіи и заграницей на русскомъ и славянскомъ языкахъ. S. I. et a. (Житомиръ 1908). Поэтъ-христіанинъ (Н. В. Гоголь) въ русской литературѣ. „Сарат. Духовный Вѣстникъ“, 1909, №№ 4—7, 9, 18, 21, 23—24, 36, 38—43, 46, 49; 1910—№№ 9—11, 23—27, 36, 41—48, 50; 1911—№№ 4—5. Матеріалы Археологическіе. О курганахъ, существующихъ въ Саратовской губерніи. „Изв. Об-ва Арх., Ист. и Этногр. при И. Каз. Унив.“, XXIV, в. 5. Къ библіографіи Іаковской литературы. „Саратовскій Дух Вѣстн.“, 1909, № 36. Планъ христіанскаго образованія по Кассіодору. „Вѣра и Разумъ“ 1909, окт., кн. 1—2. Свѣдѣнія о рукописяхъ знаменскаго пѣнія. „Церковное Пѣніе“, 1909, №№ 11—12; „Старообрядческ. Мысль“, 1910, № 2. Къ біографіи Н. Г. Чернышевскаго. (По поводу двадцатилѣтія со дня его смерти 1889—1909). „Ист. Вѣстн.“, 1909, XII. Въ какой день наиболѣе прилично чествовать память патріарха Гермогена? „Сар. Дух. Вѣстн.“, 1910, №№ 1—2. Архіерейское самоубійство. „Извѣстія Таврич. Уч. Арх. Комиссіи“, в. 44. Къ біографіи Н. Г. Чернышевскаго. „Истор. Вѣстникъ“, 1910, № III. Матеріалы для исторіи калмыковъ. „Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этногр. при Имп. Каз. Унив.“, XXVI, в. 1—2. Казань 1910. Н. Г. Чернышевскій въ 1886—1889 годахъ. (По воспоминаніямъ Н. Ф. Хованскаго). „Истор. Вѣстн.“, 1910, IV. Къ біографіи Иннокентія (Нечаева), архіепископа Псковскаго. „Труды Псковск. Археолог. Общ.“, вып. 6. Къ біографіи Иринея (Клементьевскаго), епископа Тверского, потомъ—архіеп. Псковскаго, ibid. Ма-

теріалы для исторіи раскола въ Поволжьи. Краткій очеркъ исторіи Иргизскихъ раскольническихъ монастырей „Сарат. Дух. Вѣстникъ“, 1910, №№ 24—29, 34—35. Уголки Н. Г. Чернышевскаго въ Саратовѣ. „Извѣстія книжн. Магазиновъ Т ва М. О. Вольфъ по Литер., Наук. и Библіографіи“, 1910, VII. Духовниковъ Ф. В. Николай Гавріиловичъ Чернышевскій, съ предисловіемъ и примѣч. А. Лебедева. „Русская Старина“, 1910, XII; 1911, 1. Письма Н. Г. Чернышевскаго къ Г. С. Саблукову. „Вѣстникъ Европы“, 1911, Матеріалы для исторіи раскола. „Сар. Дух. Вѣстн.“, 1911, 15—17 (продолжается). Къ исторіи старообрядчества на Иргизѣ. „Старообрядческая Мысль“, 1911, V—VI. Москва. 1911 г. и др.

Лебедевъ Александръ Осиповичъ. Родился въ г. Вольскѣ, Саратовской губ., происхожденіемъ изъ духовнаго званія. А. О. воспитаніе получилъ въ сарат. дух. семинаріи, по выходѣ изъ которой вступилъ въ гражданскую службу—по контрольному вѣдомству въ Саратовѣ, на каковой состоитъ и въ настоящее время, но уже не въ Саратовѣ, а въ Петербургѣ. Какъ членъ Комиссіи и правитель дѣлъ ея въ 1890 хъ г., А. О. долженъ быть отмѣченъ, какъ очень энергичный и способный работникъ.

Лихачевъ Николай Петровичъ. Родился въ 1862 г., кончилъ курсъ въ Казан. унив-тѣ, съ 1894 г. членъ Имп. Археографич. Комиссіи. Его магистер. диссертація „Разрядные дьяки XV вѣка“ (1888 г.) и докторская—„Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ“ (1891 г.). Ему принадлежитъ книга „Книгопечатаніе въ Казани за первое 50-лѣтіе существованія въ этомъ городѣ типографій“ (СПБ. 1895 г.), „Сборникъ актовъ, собранныхъ въ архивахъ и библіотекахъ“ (1895) и много другихъ изданій историч. характера. Состоитъ помощникомъ директора Имп. Публ. Библіотеки.

Лунинъ А. А. Родился въ 1839 г. въ с. Юшинѣ, Сердобск. у., въ семьѣ священника. Воспитанникъ сарат. дух. училища и семинаріи. Мѣстный поэтъ, не разъ издававшій свои произведенія и даже выпустившій въ свѣтъ „Собраніе сочиненій въ стихахъ и прозѣ“. Имъ составлено „Историко-статистическое описаніе селеній Вольскаго у., Саратовской губ. Вольскъ 1890 г.“ Въ этихъ описаніяхъ заключается не мало историческихъ данныхъ.

Львовъ Николай Николаевичъ. Родился въ 1867 г. Землевладѣлецъ Балашовскаго у., Сарат. губ. (с. Бобыдевка). Учился за-границей въ Швейцаріи, затѣмъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ въ 1891 г. кончилъ курсъ по юридическому факультету. Съ 1892 г. въ теченіе 7 лѣтъ былъ балашовскимъ уѣзд. предводителемъ дворянства. Съ 1893 г. избранъ губерн. гласнымъ. Занималъ должность предсѣдателя Саратовской губерн. земской управы въ 1901 г.

Н. Н.—одинъ изъ основателей „Союза освобожденія“ и былъ въ числѣ членовъ депутаціи у Государя Императора 6 іюня 1905 г.

Состоитъ депутатомъ отъ Саратовской губ. въ Госуд. Думѣ.

Маловъ Евфимій Александровичъ. Родился въ 1831 г. Заслуженный профессоръ казан. дух. академіи. Труды его печатались въ „Противомусульманскомъ Сборникѣ“ 1873 г., въ „Православн. Обо рѣніи“ 1868 г., въ „Правосл. Собесѣдникѣ“ 1868—70 г.г. Между прочимъ, ему принадлежатъ: „Новокрещенскія школы въ XVIII в.“, „О новокрещенской конторѣ 1731—1764 г.г.“, „О татарскихъ мечетяхъ въ Россіи“, „О чувашахъ“, „Историческое описаніе церквей гор. Ка ани“, „О превосходствѣ Моисея предъ всѣми пророками“ (1895—1905 г.г.)

Малиновская Марья Васильевна, дворянка, род. въ Орловѣ, Вятской губ. въ 1875 г., получила образованіе въ архангс. епарх. училищѣ, была на высшихъ курсахъ въ Москвѣ, имѣетъ дипломъ домаш. учительницы, служитъ въ сарат. губ. зем. управѣ, завѣдуя библіотекой и архивомъ. Одно время сотрудничала въ вятскихъ газетахъ. Въ 1910 г. М—ая пожертвовала въ библіотеку Комиссіи большое собраніе книгъ по политико-экономическимъ вопросамъ.

Матвѣевъ Александръ Максимовичъ, дворянинъ Вологодской губерніи, род. въ г. Вологдѣ 9 іюня 1850 г. Учился въ тамошней гимназіи и окончилъ курсъ въ ней въ 1869 году съ серебряною медалью. Слушалъ лекціи въ С.-Петербургской духовной академіи. Поступилъ на службу по желѣзнодорожной части и служилъ въ различныхъ должностяхъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Самарѣ, на Николаевской и Оренбургской дорогахъ; службу оставилъ по случаю

перехода Оренбургской дороги въ казну и сокращенія штатовъ. Затѣмъ долгое время жилъ въ Симбирскѣ, гдѣ былъ домовладѣльцемъ, и помѣстилъ въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ нѣсколько статей по исторіи Симбирска. Вновь поступивъ на службу по желѣзнодорожному Государственному Контролю, служилъ сначала въ Контролѣ Екатерининской дороги въ Екатеринославѣ, а потомъ въ Москвѣ, въ Гос. Контролѣ М. Курской, Нижегородской и Муромской желѣзныхъ дорогъ. А. М. пожертвовалъ для библіотеки Арх. Комиссіи много книгъ, скупленныхъ имъ въ Москвѣ, есть пожертвованія его въ архивъ и музей Комиссіи

Медоксъ Константинъ Павловичъ (1850—1897). Родился въ 1850 году въ с-цѣ Татарскомъ, Московской губ., гдѣ было имѣніе его родителей, тульскихъ дворянъ. Учился въ 1-й Московской гимназіи, но вышелъ изъ нея до окончанія курса, послѣ чего нѣкоторое время пробылъ въ юнкерскомъ училищѣ. Завершивъ этимъ школьное образованіе, сдалъ экзаменъ на частнаго повѣреннаго при Москов. окружн. судѣ и сталъ заниматься въ Тульской губ. веденіемъ судебныхъ дѣлъ. Въ 1870 г. переѣхалъ въ Ярославскую губ., гдѣ былъ избранъ гласнымъ рыбинскаго земскаго собранія, а затѣмъ мышкинскаго, состоялъ почетнымъ мировымъ судьей и исправлялъ должность участковаго. Въ 1890 г. переѣхалъ въ Саратовъ, гдѣ занимался также адвокатурой. Умеръ К. П. въ 1897 г.

Привлеченный кн. Л. Л. Голицынымъ къ работѣ въ Архивной Комиссіи, К. П. съ усердіемъ занимался музеемъ Коммиссіи, пожертвовалъ въ него не мало монетъ, далъ опредѣленіе нѣкоторымъ, имѣвшимся въ музеѣ, золотоордынскимъ монетамъ и составилъ каталогъ музея, отпечатанный въ 1891 г.

Минхъ Александръ Николаевичъ. Родился 4 апрѣля 1833 г. въ с-цѣ Елизаветинѣ (Вербки тожъ), Липецкаго у., Тамбовской губ., въ семьѣ майора Н. А. Минха, потом. дворянина. Семья переѣхала изъ Тамбовской губ. въ свое имѣніе—с. Колѣно, Аткарскаго у., Саратовской губер., въ 1840 хъ г г. Въ срединѣ 1840 хъ г.г. А. Н., по полученіи домашняго образованія, отданъ былъ въ пансіонъ француза Адольфа Стори (плѣннаго офицера Наполеоновской арміи) въ Москвѣ. Стори преподавалъ французскій яз. въ 3-й московской гимназіи, и воспитанники его зачислены были учениками этой гимназіи. У Стори А. Н. изучилъ хорошо французскій, нѣмецкій и англійскій языки, а въ гимназіи—рисованіе и черченіе. Въ 1853 г. А. Н. совершилъ поѣздку по Волгѣ отъ Саратова до Казани и составилъ описаніе мѣстностей, а также далъ свѣдѣнія о пароходахъ, ходившихъ въ то время по Волгѣ отъ Нижняго до Астрахани. Это была первая литературная работа А. Н., которая напечатана была въ 1903 г. въ казанскомъ журналѣ „Дѣятель“ (№ 12).

Въ 1854 г., когда началась война Россіи съ Турціей, А. Н., въ числѣ другихъ молодыхъ людей, поспѣшилъ вступить въ ряды войска и сталъ юнкеромъ Московскаго драгунскаго полка сначала въ резервномъ эскадронѣ въ Чугуевѣ, а затѣмъ зимой отправленъ былъ въ Крымъ въ дѣйствующую армію, участвовалъ, между прочимъ, въ сраженіи при р. Черной и Федюхиныхъ высотахъ и въ другихъ бояхъ. Въ декабрѣ 1855 г. произведенъ въ офицеры. А. Н. въ юнкерахъ былъ ординарцемъ у кн. Радзивила, а офицеромъ при графѣ Ржевускомъ. Послѣ войны А. Н. прошелъ курсъ офицерской стрѣлковой школы въ Царскомъ Селѣ, получивъ дипломъ 1-го разряда.

Въ бытность свою въ военной службѣ А. Н. набросалъ „Путевыя и походныя замѣтки. 1854 г.“ съ рисунками и планами гор. Чугуева; здѣсь описаны г.г. Воронежъ, Бѣлгородъ, Чугуевъ. Рукопись эта хранится въ Радищевскомъ музеѣ. За тоже время А. Н. составилъ „Походныя и боевыя записки въ Крыму. 1855—56 гг.“, съ рисунками и чертежами. Рукопись эта находится въ Историч. Севастопольскомъ музеѣ.

Въ 1861 г. А. Н. былъ назначенъ мировымъ посредникомъ Аткарскаго у., а въ 1875 г. занялъ должность мирового судьи въ Саратовскомъ у. По разстроенному здоровью вышелъ въ отставку въ маѣ 1896 г.

Дѣятельность А. Н. въ качествѣ мирового посредника въ Аткарскомъ у. съ 1861 по 1866 г. вызвала его „Записки“, напечатанныя въ „Матеріалахъ по крѣпостному праву“, изданіи Саратовской Архивной Комиссіи ко дню 50 лѣтія освобожденія крестьянъ.

Въ Саратовскомъ Радищевскомъ музеѣ хранится рукопись А. Н. въ 637 страницъ съ 25 чертежами, планами и 119 рисунками „Поѣздка въ Пятигорскъ 1868 г.“

Рукопись 1869 г. „Путевыя замѣтки отъ Москвы до с. Колѣна“

А. Н. отдалъ Тамбовской Архив. Комиссіи, которая и напечатала ее въ 50-мъ вып. своихъ „Извѣстій“ въ 1904 г. съ приложеніемъ копіи карты графа Брюса послѣ Азовскаго похода 1696 года и съ картой Приматырской части Липецкаго у., гдѣ отмѣчены по плану Воронежскаго края конца XVII ст. лѣса, отведенные при Петрѣ I въ 1697 г. на корабельное строеніе.

Въ библіотеку Владимірской Арх. Комиссіи А.Н. отдалъ свою рукопись 1872 г. „Московская политехническая выставка 1872 г.“ и волжскій пароходъ „Переворотъ“; тутъ есть описаніе плаванія на пароходѣ отъ Нижняго-Новгорода до Саратова.

Въ изданіи Саратовскаго Статист. Комитета 1881—1882 г. „Саратовскій Сборникъ“ помѣщены статьи А. Н. Минха: въ 1-мъ томѣ „Открытіе намѣстничества“, „Саратовскіе губернаторы, губернскіе предводители, городскіе головы и епископы Саратовской епархіи“, „Колѣнская волость“, „Набережный Увекъ“; во 2-мъ томѣ „Саратовскій уѣздъ“, „Ягодно-Полянская и Полчаниновская волости“.

За невышедшимъ III тома „Сарат. Сборника“ остались въ рукописяхъ „Полчаниновская волость, Озерская волость, Маріинская волость и поселенныя въ ней осенью 1879 г. высланные съ Кавказа черкесы, село Сокуръ“; рукописи эти (193 стр.) съ чертежами и рисунками переданы въ Радищевскій музей.

Въ этомъ же музеѣ хранится рукопись А. Н. „Въ память столѣтія Саратовской губерніи 1781—1881 г.“, съ рисунками и планами.

Въ „Трудахъ Саратовской Ученой Архивной Комиссіи“ помѣщено съ 1887 г. до послѣдняго времени много статей и сообщеній А. Н Минха.

Въ рукописи находится трудъ А. Н. Минха „Разбои и клады низового Поволжья“; черновая хранится въ казанскомъ обществѣ археологіи, исторіи и этнографіи; а копія въ Императ. Рус. Геогр. Обществѣ.

Съ 1861 по 1888 г. А. Н. Минхъ систематически собиралъ свѣдѣнія о существующихъ въ Саратовской губ. народныхъ обычаяхъ, суевѣріяхъ и проч. Этотъ трудъ его подъ названіемъ „Народные обычаи, суевѣрія, предразсудки и обряды крестьянъ Саратовской губ.“, 152 стр., изданы въ 1890 г. Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, которое при этомъ наградило автора серебряной медалью.

Съ 1898 по 1902 г. изданы Саратовской Архивной Комиссіею четыре тома высоко-цѣннаго труда А. Н. Минха „Историко-географическій словарь Саратовской губерніи“—уѣзды Камышинскій и Царицынскій, 1409 стр., съ 61 картами, планами, чертежами и видами Царицына въ 1636 г. (по Олеарію).

Много статей А. Н. Минха по исторіи Саратовскаго края напечатаны въ „Саратов. Губ. Вѣд.“ 1879—1880 г и въ „Саратов. Листкѣ“. Въ „Этнографич. Обозрѣніи“, издаваемомъ обществомъ этнографіи при Москов. университетѣ, напечат. работа А. Н. Минха „М. ляны и обряды мордвы Саратовской губ“.

А. Н. Минхъ состоитъ членомъ Императ. Москов. Археол. Общества при московскомъ университетѣ, членомъ Императ. Рус. Геогр. Общества, членомъ Нижегородской, Тамбовской и Владимірской Архивныхъ Комиссій, Сарат. Губерн. Статистич. Комитета и корреспондентомъ Министерства Земледѣлія.

Въ ноябрѣ 1905 г въ Аткарскѣ А. Н. получилъ телеграмму о томъ, что его усадьба въ с. Колѣнѣ, Аткарскаго у., разграблена и сожжена. А. Н. остался на постоянное житье въ Аткарскѣ. Ноги и зрѣніе у него стали плохи, а послѣ неудачной операціи въ 1906 г., онъ лишился совершенно зрѣнія.

Но и въ этомъ тягостномъ положеніи А. Н. Минхъ до сего времени продолжаетъ интересоваться археологіей, исторіей и географіей и, при чужой помощи, не оставляетъ любимой работы. Въ 1908 г. въ Аткарскѣ имъ изданы матеріалы для историко-географическаго описанія „Городъ Аткарскъ“, съ 15 рисунками и планомъ.

Въ обширномъ трудѣ академика А. А. Шахматова „Мордовскій этнографич. Сборникъ“, изд. Акад. Наукъ въ 1910 г., напечатана статья А. Н. Минха съ подробнымъ описаніемъ мордвы Саратовскаго уѣзда „С. Оркино“.

Членъ-основатель (см. портретъ).

Минхъ Николай Николаевичъ. Родился 18 іюля 1838 г. въ с-цѣ Елизаветино, Липецкаго у., Тамбов. губ., въ дворянской семьѣ Саратовской г. Кончилъ курсъ с.-петербургскаго университета. Въ 1863 г. вступилъ на службу кандидатомъ на должность судебнаго слѣдователя при Саратовской палатѣ уголовнаго суда и исправлялъ эту должность въ Аткарскѣ и его уѣздѣ. Въ концѣ 1866 г. Н. Н. былъ избранъ членомъ Саратовской губерн. земской управы и потому въ

январѣ 1867 г. уволенъ отъ должности судебнаго слѣдователя. Какъ членъ управы, Н. Н. принималъ участіе въ комиссіи по постройкѣ тамбово-саратовской жел. дороги. Въ половинѣ 1869 г. Н. Н. вновь вступилъ на службу по министерству юстиціи и до іюня 1874 г. состоялъ товарищемъ прокурора. Какъ землевладѣлецъ Сердобскаго у. (с. Липовка), былъ избранъ въ 1870-хъ г г. попечителемъ Чубаровской сельской школы; нынѣ, по случаю 25-лѣтія этого попечительства, въ школѣ вывѣшенъ портретъ Н. Н. Минха. Шесть трехлѣтій Н. Н. былъ избираемъ земскими собраніями въ почетные мировые судьи по Сердобскому и Аткарскому у.у., а общимъ собраніемъ почет. и участ. мир. судей —предсѣдателемъ Сердобскаго съѣзда мир. судей. Въ половинѣ 1891 г. Н. Н. назначенъ уѣзднымъ членомъ Сарат. окружнаго суда; въ январѣ 1900 г., за отличіе, произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, и съ 1 октября 1907 г. донынѣ состоитъ членомъ Саратовской судебной палаты. 1 января 1910 г. награжденъ орденомъ Станислава I-й ст.

Основатель и нынѣшній предсѣдатель комиссіи (см. портретъ).

Миротворцевъ Василій Васильевичъ. Род. въ 1839 г. въ семьѣ священника Иркутской епархіи, умеръ въ 1891 г. Учился въ петерб. духов. академіи, которую кончилъ со степенью кандидата въ 1863 г. и опредѣленъ преподавателемъ въ Казан. дух. академію. Онъ изучилъ монгольскій яз. и въ 1864 г. ѣздилъ съ этой цѣлью въ калмыцкія степи. Въ „Прав. Собес.“ 1873—1874 г. напечатано его сочиненіе „Изложеніе и критич. разборъ основныхъ началъ буддизма“. Въ 1888 г. издалъ „Матеріалы для исторіи Пекинской духовной миссіи“.

Михайловскій Сергѣй Арсеньевичъ. Сынъ священника Тверской губ., родился 18 іюня 1861 г. По выходѣ изъ четвертаго класса духовной семинаріи, съ 1882 г. былъ учителемъ земской школы, съ 1888 г. —статистикомъ Тверского губернскаго земства, съ 1899 г.—завѣдующимъ страховымъ отдѣломъ Ярославскаго губернскаго земства и съ сентября 1903 г. завѣдующ. отдѣленіемъ добровольнаго страхованія Саратовскаго земства. Нынѣ служитъ въ Пензѣ.

Кромѣ ряда докладовъ и монографій по вопросамъ земскаго хозяйства (страховымъ, по продовольствію, по народному образованію, статистикѣ и проч.), напечатанныхъ въ текущихъ изданіяхъ Тверскаго, Ярославскаго и Саратовскаго земствъ, Мскому принадлежатъ, между прочимъ, слѣдующія крупныя литературныя работы: а) описаніе селеній, промысловъ и торговли Тверскаго у., б) крестьянскіе платежи Тверскаго у., в) описаніе промысловъ Старицкаго у., г) описаніе промысловъ Бѣжецкаго у., д) о льноводствѣ въ Тверской губ., е) о градобитіяхъ въ Тверской губ. за 15 лѣтъ съ 1880 г., ж) грамотность дѣтей школьнаго возраста Тверскаго у., з) учащіеся Ярославской губ., и) судебно-административныя учрежденія Тверской губ., і) г. Саратовъ въ страховомъ и пожарномъ отношеніяхъ.

Въ 1894 и 1895 г. сотрудничалъ въ „Вѣстникѣ Финансовъ, Промышленности и Торговли“ и въ „Торгово-Промышленной Газетѣ“, въ 1897—1898 г. въ газетѣ „Русскія Вѣдомости“, въ 1898—1903 г.—въ „Сѣверномъ Краѣ“, въ 1903—1904 г.—въ „Тверскомъ Земскомъ Страхованіи“, въ 1904 г.—въ „Саратовской Недѣли“ и съ 1908 г. состоитъ сотрудникомъ „Страховаго Дѣла“. Съ 1898 г. состоитъ членомъ-корреспондентомъ Московскаго Юридическаго Общества.

Мордовцевъ Даніилъ Лукичъ (1830—1905 г.). Родился 7 дек. 1830 г., воспитывался въ Сарат. гимназіи, высшее образованіе получилъ въ Казан. и Петерб. университетахъ. Долго жилъ и работалъ въ Саратовѣ.

Біографія его, конечно, не полная, болѣе или менѣе извѣстна. Какъ членъ Саратовской Арх. Комиссіи, Д. Л. посвятилъ ей свой трудъ „Наканунѣ воли“, сожженный въ свое время и увидѣвшій свѣтъ лишь въ наши дни. Умеръ Д. Л. 10 іюля 1905 г. въ Кисловодскѣ.

Его надо признать первымъ серьезнымъ изслѣдователемъ мѣстнаго архивнаго матеріала, который онъ использовалъ и въ качествѣ историка и беллетриста. Въ Саратовѣ Мордовцевъ издалъ въ 1859 г. первый свой литературный трудъ—„Малороссійскій литературный Сборникъ“.

Муркосъ Георгій Абрамовичъ. Род. въ 1846 г. въ Дамаскѣ. Умеръ 1911 г. Обучался въ С.-Петерб. дух. семинаріи, потомъ въ Петерб. университетѣ. Занялъ каѳедру арабской словесности въ Лазаревскомъ инст. вост. яз. Извѣстенъ какъ оріенталистъ и арабосирійскій церковный дѣятель. Вмѣстѣ съ И. Н. Хомяковымъ составилъ „Очеркъ исторіи

арабской литературы" (во "Всеобщей ист. литер." В. Ѳ. Корша.).

Муромцевъ Сергѣй Андреевичъ (1850—1910 г.). Род. 23 сент. 1850 г. въ Спб., но воспитан е и образованіе получилъ въ Москвѣ. Былъ профессоромъ моск. университета, редакторомъ „Юридич. Вѣстн.", видным общественным дѣятелемъ и присяж. повѣреннымъ. Работы его въ области права пользуются европейской извѣстностью. Оставилъ, кромѣ того, память по себѣ какъ предсѣдатель Государственной Думы перваго созыва. Умеръ 4 октября 1910 г.

Мошинскій Яковъ Петровичъ. Родился 20 января 1871 г. Происходитъ изъ потомств. дворянъ Саратовской губ., воспитывал я въ Саратовской классической гимназіи и окончилъ затѣмъ курсъ наукъ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ по юридич. факультету. Въ іюнѣ 1894 г поступилъ кандидатомъ на должность по судебн. вѣдомству при Саратовской судебной палатѣ; съ 30 іюля 1897 г. служилъ по выборамъ участковымъ мировымъ судьею г. Саратова; 14 марта 1903 г. былъ согласно прошенію переведенъ въ г. Новороссійскъ, Черноморской губ., 16 апрѣля 1904 г.—въ г. Ригу и 2 іюня 1906 г. назначенъ членомъ Великолуцкаго окр. суда; 13 апрѣля 1907 г. переведенъ въ Владимір. губ., а въ 1909 г. въ Кіевскую губ Мошинскій—большой любитель искусствъ и художникъ-диллетантъ; у него порядочная библіотека. Съ 27 апр. 1901 г. состоялъ правителемъ дѣлъ Саратовской Арх. Комиссіи, а 16 ноября 1902 г. избранъ товарищемъ предсѣдателя, въ каковомъ званіи пробылъ до мая 1904 г

Непорожневъ Николай Ивановичъ. Родился въ 1839 г. въ дворянской семьѣ Петерб. губ Кончилъ курсъ ученія въ школѣ гвард. подпрапорщиковъ (нынѣ Николаевское училище) и въ іюнѣ 1858 г. былъ уже сфицеромъ, но въ 1860 г. уволился изъ полка и вступилъ въ гражданскую службу, былъ секретаремъ с.-петербургскаго дворянскаго депут. собранія, въ 1866 г. избранъ петербургской гор. думой въ мировые судьи, въ 1869 года назначенъ гродненскимъ губерн. прокуроромъ, а въ 1870 г.—прокуроромъ полтавск. окр. суда. Въ 1872 г. Н. И. переведенъ въ Казань товарищемъ прокурора судебной палаты, съ 1874 г. до половины 1879 г. въ той же должности былъ въ Одессѣ, а затѣмъ назначенъ предсѣдателемъ Сарат. окружн. суда. Въ Саратовѣ Н. И. Непорожневъ служилъ около 9 лѣтъ, послѣ чего былъ назначенъ членомъ консультаціи при Мин. Юстиціи, съ 1889 г. по 1894 г. состоялъ герольдмейстеромъ Департ. Герольдіи Прав. Сената, а потомъ—членомъ Комитета о службѣ чиновъ гражд. вѣдом. и о наградахъ. Кромѣ этихъ должностей, Н. И. нынѣ, въ чинѣ тайн. совѣтника, состоитъ при Министерствѣ Импер. Двора. Награжденъ орденами до Александра Невскаго включительно.

Основатель Ком-іи (см. портретъ).

Нессельроде графъ Анатолій Дмитріевичъ Родился въ 1850 г. Кончилъ курсъ въ Гейдельбергскомъ университетѣ со степенью доктора правъ. Началъ службу по министерству юстиціи и въ 1878 г назначенъ товарищемъ прокурора СПБ. окружного суда. Въ 1880 г. командированъ былъ въ распоряженіе Начальника Верховной Распорядительной Комиссіи, а затѣмъ состоялъ при сенаторѣ Шамшинѣ, ревизовавшемъ Саратовскую и Самарскую губерніи. Въ 1883 г. графъ А. Д. перешелъ на службу въ министерство финансовъ, а черезъ 4 года въ министерство иностр. дѣлъ. Въ 1894—99 г. состоялъ вольскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Графъ—мѣстный дворянинъ и богатый землевладѣлецъ.

Никольскій Владиміръ Георгіевичъ, священникъ. Родился въ 1871 г. въ семьѣ помѣщика с. Михайловки (Устиновки), Сарат. у., сирота съ 5 л., воспитаніе получилъ въ Сарат. епарх. дѣтскомъ пріютѣ, обучался въ Сарат. дух. училищѣ, кончилъ курсъ Сарат. дух. семинаріи въ 1891 г. Началъ службу псаломщикомъ въ Бековѣ, былъ учителемъ балашовск. дух. училища, рукоположенъ въ священники въ 1893 г. и опредѣленъ въ сл. Александровку, Аткарскаго у.

Нильскій Иванъ Федоровичъ (род. 1831 г. Ум. 1894 г.) Уроженецъ Псковской губ., воспитанникъ С.-Петерб дух. академіи. Занималъ въ ней же каѳедру русскаго раскола. Главный его трудъ (докторская диссертація) „Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ" (1869 г.) Въ „Христ. Чт." напечатано въ 1871 г. продолженіе этого труда „Семейная жизнь русскаго раскола въ настоящемъ царствованіи".

Норденъ Петръ Августовичъ. Родился 26 іюня 1867 г. въ г.

Саратовѣ; происходитъ изъ потомственныхъ дворянъ. Отецъ его былъ старожилъ г. Саратова, врачъ и общественный дѣятель; жилъ въ городѣ Саратовѣ съ 1859 по 1890 г.г. (нынѣ покойный). Мать—рожденная Лелонгъ, происходитъ по женской линіи изъ рода Ибрагима Петровича Ганнибалъ (арапа Петра Великаго), прадѣда поэта А. С. Пушкина.

П. А. окончилъ курсъ въ Саратовской классической гимназіи, а затѣмъ въ Петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету съ дипломомъ 1-й степени, написавъ диссертацію: „Заведенія принудительнаго воспитанія на Западѣ". Норденъ сотрудничалъ въ періодическихъ органахъ: газетахъ „День", «Саратовскомъ Листкѣ» и „Журналѣ Министерства Юстиціи".

П. А. Норденъ—товарищъ предсѣдателя Сарат. окр. суда; состоитъ членомъ мѣстныхъ: Юридическаго Общества. Совѣта Отдѣленія Попечительства Государыни Императрицы Маріи Феодоровны о глухонѣмыхъ, Общества вспомоществованія недостаточнымъ людямъ, стремящимся къ высшему образованію, и Саратовскаго Общества пособія бѣднымъ.

Норцовъ Алексѣй (Александръ) Николаевичъ, родился 23 іюля 1859 г. въ имѣніи Березовка—Сабуровка, Трескинской вол., Кирсановскаго у., и первоначально получилъ молитвенное имя Александръ, но при крещеніи названъ Алексѣемъ.

Воспитывался въ Москвѣ, въ пансіонѣ Репмана. Во время русско-турецкой войны въ 1877—78 г.г. вступилъ въ январѣ 1878 г на службу въ лейбъ-гусарскій Павлоградскій Его Величества полкъ (стоявшій въ г. Сувалкахъ, близъ прусской границы); отчислился изъ Тверского кавалерійскаго юнкерскаго училища по собственному желанію обратно въ полкъ, и въ 1880 году, по болѣзни, вышелъ въ запасъ кавалеріи, а позже и въ отставку. Купилъ домъ въ Тамбовѣ и переѣхалъ изъ имѣнія Кирсановскаго у. Въ сентябрѣ 1884 г. за границей встрѣтилъ извѣстнаго медіума Юма, увлекся спиритизмомъ и устраивалъ одно время у себя, въ тамбовскомъ домѣ, сеансы, и о нѣкоторыхъ изъ нихъ было напечатано въ „Proceedings of the society for psychical research" (Part XVI, Sune 1890 p., 355—357) и въ журналѣ „Ребусъ" 1892 г. № 7 (16 февраля) стр. 69—70. Написалъ для конгресса спиритуализма 1889 г. въ Парижѣ брошюру „La Religion de l' Avenir", прочтенную во время одного изъ засѣданій и вышедшую на слѣдующій годъ вторымъ изданіемъ. Интересуясь теософическимъ движеніемъ въ Индіи и Европѣ, сталъ членомъ Теософическаго Общ-ва сначала въ Парижѣ, затѣмъ въ Вѣнѣ; былъ въ числѣ акціонеровъ общ-ва «Fraternitas», имѣвшаго цѣлью устроить около Локарно, на Лаго Маджіоре, нѣчто въ родѣ теософическаго монастыря, въ которомъ каждый адептъ могъ бы „тренироваться" въ образѣ жизни свойственной настоящему теософу; былъ почти наканунѣ своего переѣзда въ Локарно, когда совершенно неожиданная смерть въ 1891 г. дяди Александра Алексѣевича Слѣпцова въ Ниццѣ, заставила его остаться въ Россіи по случаю возникнувшихъ съ этой смертью дѣлъ по имѣніямъ Тамбовской и Пензенской губерній. Посвятилъ себя изученію исторіи мистики и религій, преимущественно древне-восточныхъ, составилъ нѣсколько главъ „Исторіи мистицизма", изъ которыхъ одна была напечатана въ журналѣ „Жизнь" за 1897 г. (№ 27), подъ заглавіемъ „Мистеріи древняго міра и значеніе ихъ символизма"; въ 1898 г. былъ избранъ въ члены Королевскаго Азіатскаго Общества въ Лондонѣ (Royal Asiatic Society of great Britain Irelàna). Давъ въ „Исторію кавалергард. полка" нѣсколько біографическихъ данныхъ о дѣдѣ Алексѣѣ Трофимовичѣ Слѣпцовѣ, который началъ свою службу въ кавалергардахъ, Н-въ сталъ собирать матеріалы для этой біографіи, написалъ краткую родословную; увлекшись, сталъ собирать матеріалы для родословной и другихъ родственныхъ родовъ; узнавъ, что въ историческомъ архивѣ Тамбовской Архивной Комиссіи хранится много документовъ о Тамбовскихъ Слѣпцовыхъ, обратился съ просьбой просмотрѣть ихъ къ почетному предсѣдателю комиссіи, извѣстному историку И. И. Дубасову, который и предложилъ Н ву быть членомъ Комиссіи, въ каковые и избранъ 11 окт. 1898 г. Въ 1899 г. выбранъ въ товарищи предсѣдателя комиссіи. По отъѣздѣ И. И. Дубасова въ Курскъ, избранъ 11 сентября 1900 г. въ предсѣдатели Тамбовской Ученой Архивной Комиссіи Состоитъ членомъ Генеологическаго общ-ва, С.П.Б. Археологич института, архивныхъ комиссій—Воронеж, Таврической, Костромской Въ 1904 г. напечаталъ обширный генеологическій трудъ: „Матеріалы для исторіи дворянскихъ родовъ Мартыновыхъ и Слѣпцовыхъ съ ихъ вѣтвями" Помѣ-

стилъ въ „Извѣстіяхъ“ Тамбовской Ученой Архивной Комиссіи рядъ статей по вопросамъ какъ мѣстной археологіи, такъ и обще-научныхъ. Напечаталъ два сборника своихъ стихотвореній (Тамбовъ 1889 и 1904). Въ 1905 г. вышелъ I-й т. собранія его сочиненій.

Обуховъ Иванъ Васильевичъ. Родился въ 1878 г.; первоначальное образованіе получилъ въ Саратовскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ, по окончаніи котораго поступилъ въ Казанскій учительскій институтъ, въ теченіе семи лѣтъ былъ учителемъ городского училища. Въ 1906 г. поступилъ въ университетъ, который нынѣ кончилъ съ званіемъ кандидата по исторіи.

Обуховъ Владиміръ Михайловичъ. Родился въ 1873 г. въ Новочеркасскѣ, среднее образованіе получилъ тамъ же въ классической гимназіи. Въ 1896 году окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ по математическому факультету съ дипломомъ 1-й степени. Первая его научно-литературная работа („Экономическія причины усиленной смертности и вырожденія крестьянъ Воронежской губерніи“) была помѣщена въ 1895 г. въ „Журналѣ русскаго общества охраненія народнаго здравія“. Съ 1899 по 1904 г. включительно О—въ работалъ въ статистическомъ отдѣленіи Саратовской губернской земской управы, завѣдуя отдѣломъ текущей сельско-хозяйственной статистики. Въ ежегодныхъ „Статистическихъ Сборникахъ“, выходившихъ въ свѣтъ за указанный періодъ времени, О—ву принадлежитъ значительная часть статей (напр. обзоры измѣненій въ частновладѣльческомъ хозяйствѣ, въ крестьянскомъ, разработка свѣдѣній объ урожаяхъ, объ арендныхъ цѣнахъ и проч.) Кромѣ того, въ „Земской Недѣли“ за тотъ же періодъ времени имъ помѣщены нѣсколько статей (напр. „Понижается или повышается урожайность въ Россіи“, „Урожайность по экономическимъ группамъ крестьянъ въ Балашовскомъ уѣздѣ“).

Олсуфьевъ графъ Дмитрій Адамовичъ. Родился 2-го октября 1862 г. въ Петерб., происходитъ изъ потомств. дворянъ Моск. губ., владѣющихъ землею и въ Сарат. губ. Окончилъ курсъ въ классической гимназіи Л. И Поливанова въ Москвѣ въ 1881 г. и Московск. университетѣ по естественному факультету въ 1885 г. Поступилъ вольно-опредѣляющимся въ гвардейскую конную артиллерію, откуда вышелъ въ 1888 г., сдавъ экзаменъ въ Михайл. арт. училищѣ на подпоручика полевой артиллеріи. Съ 1888 г. по 1891 состоялъ при геологическомъ комитетѣ въ Министерствѣ госуд. имуществъ, причемъ лѣтомъ 1889 г. былъ командированъ съ проф. Никитинымъ въ Самар. губ. по составленію геологич. карты Россіи. Отъ 1891 по 1893 годъ служилъ земскимъ начальникомъ въ Московск. уѣздѣ. Въ 1893 г. перешелъ на службу въ Саратовскую г. на должность Камышинскаго предводителя дворянства, въ каковой состоялъ 9 лѣтъ по 1902 г. Съ 1902 по 1904 г. въ теченіе двухъ лѣтъ былъ предсѣдателемъ Сарат. губерн. земской управы. Въ апрѣлѣ 1904 г. отправился на Дальній Востокъ въ качествѣ уполномоченнаго при Саратовскомъ отрядѣ Красн. Креста. При взятіи японцами Мукдена остался въ городѣ при русскихъ раненыхъ. Пробывъ 20 дней въ плѣну, былъ командированъ сопутствовать возвращающіеся русскіе санитарные отряды моремъ черезъ Одессу на родину. Въ 1906 г. былъ избранъ въ члены Госуд. Совѣта отъ Саратовскаго губернскаго земства и переизбранъ на ту же должность въ 1909 г. Состоитъ гласнымъ и почетн. мировымъ судьей Камышинскаго земства и губернскимъ гласнымъ Саратовскаго земства. Кромѣ того состоитъ гласнымъ и почетнымъ миров. судьею въ Дмитровск. уѣздѣ, Московской губ., и губернскимъ гласнымъ Московск. земства.

Бывшій предсѣдатель нашей Комиссіи (см. портретъ).

Панчулидзевъ Сергѣй Алексѣевичъ. Изъ дворянъ Пензенской губ, сынъ мирового посредника 1 го призыва и Натальи Павловны, рожд. Вигель (1824—1896 г.), родился 7 ноября 1855 г. въ Пензѣ; воспитывался въ школѣ, гдѣ имя его внесено на мраморную доску. въ 1874 г. произведенъ корнетомъ въ кавалергарды. Въ рус. турецкую войну 1877—78 гг. С. А. былъ прикомандированъ къ лб. гв. Гусарскому полку и участвовалъ въ дѣлахъ: у Телиша (награжденъ орд. св. Анны 4 ст.), Ханъ-Правеца, Этрополя, Лютикова, Врачеша; въ сраженіяхъ у Горнаго-Бугарова и у Филиппополя (награжденъ орд. св. Станислава 3 ст. съ мечами и бантомъ). Въ 1878 г. поступилъ въ академію Генеральнаго штаба; по окончаніи курса, вернулся въ полкъ,

Въ апрѣлѣ 1884 г. уволенъ въ отставку ротмистромъ, съ мундиромъ.

Съ 1884 г. почти безпрерывно С. А. состоялъ уѣзднымъ и губернскимъ гласнымъ Саратовской губ. и уѣзда. Въ 1891—1892 г г. былъ Саратовскимъ уѣзднымъ предводителемъ. 11 января 1899 г. причисленъ къ Министерству Двора, при чемъ воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе на сохраненіе за нимъ военнаго чина и мундира. 30 іюля 1903 г. назначенъ управляющимъ Архивомъ Государственнаго Совѣта. С. А. состоитъ членомъ Импер. Рус. Военно-Истор. Общества, Моск Археол. Института и другихъ ученыхъ учрежденій.

Авторъ „Исторіи кавалергардскаго полка“ и нѣкоторыхъ брошюръ сельско-хоз. характера, изданныхъ въ Саратовѣ.

Пасенко Валеріанъ Аркадьевичъ. Родился 25 янв. 1882 г. въ семьѣ гродненскаго гусара. Учился во II клас. Петроковской гимназіи, но затѣмъ былъ переведенъ въ СПБург. скую гимназію Имп. Человѣколюбиваго Общества, которую и окончилъ въ 1903 г. и поступилъ въ СПБ. университетъ на историко-фил. факультетъ. По окончаніи курса университета 14 февр. 1909 г. былъ оставленъ при каѳедрѣ русск. яз. и словесности (пр. И. А. Шляпкина), для подготовки къ профессорскому званію за представленное имъ кандидатское сочиненіе на тему: „Опытъ литературы. Характеристика А. Н. Радищева“. Въ томъ же году, по постановленію историко-фил. факультета, ему было предложено разобрать два архива: дѣла „Спб. Цензурнаго Комитета съ 1804—47 г. г.“ и „Вольнаго Общества Любителей Наукъ, Словесности и Художества“.

Въ 1908—9 г.г. въ изданіи „Филол. Записокъ“ вышелъ его переводъ (подъ редакціей пр И. А. Шляпкина) „Славянской Миѳологіи“ Л. Лежэ. Осенью 1909 г. поступилъ дѣйствительнымъ слушателемъ въ СПБ. археологич. институтъ.

Въ 1910 г. былъ командированъ историко-филологич. факультетомъ Спб. университета съ научной цѣлью въ г. Саратовъ и окрестности для собиранія на мѣстѣ матеріала для его магистерской диссертаціи объ А. Н. Радищевѣ.

Перетятковичъ Георгій Ивановичъ. Род. въ 1840 г. Прошелъ курсъ Ришельевскаго лицея и Москов. университета. Въ 1877 г. издалъ магистерскую диссертацію „Поволжье въ XV и XVII вв. Очерки изъ исторіи колонизаціи края“, а въ 1882 г. докторскую—„Поволжье въ XVII и въ началѣ XVIII в. Очерки изъ исторіи Низовья“. Состоитъ профессоромъ русской исторіи въ новорос. университетѣ. Работы его, сверхъ диссертацій, нашли мѣсто въ „Трудахъ VI археол. съѣзда“ и въ „Запискахъ Новорос. университета“.

Покровскій Николай Васильевичъ. Родился въ 1848 г. въ семьѣ священника Костромской губ. Онъ кончилъ курсъ спб. духовной академіи. Въ 1880 годъ получилъ степень магистра за сочиненіе „Происхожденіе древне-христіанской базилики“, а въ 1892 г. защитилъ докторскую диссертацію „Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ“. Былъ профессоромъ Спб. дух. академіи по кафедрѣ церковной археологіи и литургики, а впослѣдствіи и инспекторомъ.

Съ 1898 г. онъ занимаетъ постъ директора Импер. Археологическаго института.

Въ 1894 г. изданы его „Очерки памятниковъ иконографіи и искусства“. Множество статей имъ напечатано въ „Христ. Чтеніи“, „Церк Вѣст.“, въ „Трудахъ“ археологическихъ съѣздовъ, въ „Запискахъ Императорскихъ Рус. Археол. Общ.“, „Вѣстникѣ археологіи и исторіи“ и др. изданіяхъ.

Попова Маргарита Ивановна, уроженка Тамбов. губ., окончила курсъ гимназіи въ Воронежѣ, а затѣмъ на С.-Петерб. высшихъ женскихъ курсахъ. Послѣ окончанія путешествовала за границей, гдѣ особенно обращала вниманіе на музеи искусствъ и древностей. Посѣтивъ англійскіе въ Лондонѣ и французскіе въ Парижѣ музеи, отправилась въ Италію, гдѣ при осмотрѣ Помпеи присутствовала при раскопкахъ. Кромѣ того, въ Россіи хорошо изучила Крымъ и имѣла возможность оцѣнить результаты произведенныхъ тамъ раскопокъ, собранные въ музеѣ при Херсонесѣ.

Въ данное время работаетъ въ качествѣ преподавательницы и начальницы Аткарской женской гимназіи.

Поповъ Илья Александровичъ (Род. 28 марта 1833 въ г. Бѣжецкѣ, Тверс. губ. Умеръ 22 дек. 1891 г. въ Москвѣ). Награжденъ въ Моск. университетѣ зол. медалью за сочиненіе

„Исторія вопроса о русской начальной лѣтописи". Въ 1857 г. сталъ профессоромъ казан. ун-та по кафедрѣ рус. исторіи, но чрезъ 3 года перешелъ въ моск. ун-тъ, гдѣ пріобрѣлъ затѣмъ по русской исторіи степени магистра и доктора. Нѣсколько разъ былъ въ ученыхъ командировкахъ за границей для изученія литературы и быта чеховъ, сербовъ и др. славянъ. Съ 1885 г. онъ сдѣланъ директоромъ, а съ 1888 г. до конца жизни управляющимъ архивомъ М. Ю въ Москвѣ, послѣ Н. В. Калачова. Началъ печататься еще студентомъ. За 35 лѣтъ напечатано имъ 216 названій отдѣльныхъ книгъ, спеціальныхъ статей, матеріаловъ и замѣтокъ по русской исторіи и славяновѣдѣнію. Это былъ, по словамъ проф. Ключевскаго—одинъ изъ послѣднихъ представителей лучшихъ в еменъ моск. университета—временъ Грановскаго, Кудрявцева и Соловьева.

Прозоровскій Александръ Александровичъ, сынъ псаломщика с. Кипетъ, Лихвинскаго у., Калужской губ. Образованіе получилъ въ Калужской дух. семинаріи, затѣмъ въ Московской дух. академіи, гдѣ окончилъ курсъ магистрантомъ въ 1892 г. Вскорѣ онъ былъ назначенъ преподавателемъ гомилетики въ сар. дух. семинарію. Нынѣ состоитъ священникомъ церкви Духосошественской въ Саратовѣ. А. А. былъ правителемъ дѣлъ Сар. Арх. Комиссіи. Въ періодическихъ изданіяхъ помѣщены слѣдующія его работы: С. Медвѣдева „Созерцаніе краткое лѣтъ 7190. 91 и 92, въ нихъ же содѣяся въ гражданствѣ", съ предисловіемъ и примѣчаніями („Чтенія въ Имп. Общ. Исторіи и Древностей" 1894 г. Кн. 4)—„Обзоръ литературы о С. Медвѣдевѣ" („Чтенія Общ. Любит. духов. просвѣщенія" 1893 г., апр. и іюнь). Критическій разборъ сочиненія Звѣринскаго: „О монастыряхъ Россійской Имперіи" („Чт. Общ. Люб. дух просв." 1893 г. авг.). „Игуменъ Воротынскаго Спасскаго монастыря Аврамій". Очеркъ монастыр. быта конца XVII в. („Историч. Вѣстн." 1893 г.) Въ 1897 г. онъ защитилъ магистерскую диссертацію: „Сильвестръ Медвѣдевъ, его жизнь и дѣятельность". Опытъ церковно-истор. изслѣдованія. М. 1896

Пругавинъ Александръ Степановичъ. Родился въ 1850 г. въ Архангельскѣ. Проходилъ курсъ петровской землед. и лѣсной академіи, но не кончилъ его по независящимъ обстоятельствамъ. Долженъ былъ до 1879 г. жить въ Архангельской и Воронеж. губ. Имѣлъ случаи ознакомиться съ разными сектами и отдался изученію условій ихъ пор жденія Онъ напечаталъ рядъ статей о расколѣ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ Петербурга. Одною изъ статей „Еретики" (въ „Голосѣ") онъ вызвалъ участіе къ нѣкоторымъ изъ нихъ, претерпѣвавшимъ долговременное заключеніе, со стороны высокопоставленныхъ лицъ и послѣдовало ихъ освобожденіе. Отдѣльное изданіе въ 1882 г. собранныхъ П—ымъ, уже напечатанныхъ, статей подъ общимъ заглавіемъ „Расколъ внизу и расколъ вверху" было уничтожено по постановленію комитета министровъ. Другое, отдѣльно же выпущенное въ 1884 г. изданіе уничтожено по требованію духовной цензуры. Въ 1888 г. П—нъ издалъ „Программу для собиранія свѣдѣній о томъ, что читаетъ народъ", а въ 1890 г. „Запросы народа и обязанности интеллигенціи".

Пыпинъ Александръ Николаевичъ (Род. 25 марта 1833 г., умеръ 26 ноября 1904 г.). Саратовскій уроженецъ. Въ 1853 г. онъ былъ оставленъ при университетѣ и съ этого времени началась его научно-литературная дѣятельность. Въ мартѣ 1903 г. праздновался его полувѣковой юбилей, какъ ученаго и писателя. Важнѣйшія его сочиненія „Обзоръ славянскихъ литературъ". „Исторія русской литературы (4 тома), „Исторія этнографіи", „Бѣлинскій", „Салтыковъ", „Общественное движеніе при Александрѣ I" и „Характеристики литературныхъ мнѣній". А. Н. былъ почет. гражданиномъ г. Саратова.

Разумовскій Василій Ивановичъ. Род. 27 марта 1857 г. въ Николаевскомъ у., Самарской губ., воспитывался сначала въ самарскомъ духов. училищѣ и самарской духов. семинаріи, но изъ нея поступилъ въ 8-й классъ самарской гимназіи, на выпускномъ экзаменѣ изъ которой получилъ золотую медаль. Избралъ медицинскій факультетъ Казанскаго университета, гдѣ преподавали Н. О. Ковалевскій, Н. А. Виноградовъ, Е. В. Адамюкъ, Л. Л. Левшинъ и др. Кончилъ курсъ въ 8-0 г. и былъ оставленъ при университетѣ. Въ 1883 г. посѣщалъ въ С.П.Б. клиники Богдановскаго, Коломнина, Рейера и работалъ въ лабораторіи проф. Ивановскаго. Въ 1884 г. удостоенъ воен.-медиц. академіею степени доктора медицины и въ 1885 г. занялъ мѣсто

прозектора при каѳедрѣ оперативной хирургіи, а чрезъ два года сталъ экстраординар. профессоромъ оперативной хирургіи. Въ 1889 и 1891 г. совершилъ научныя экскурсіи за границу. Съ 1901 г. былъ редакторомъ „Рус. Хирургич. Архива“ и участвовалъ въ изданіи „Русская Хирургія“. Съ 1909 г. занялъ постъ ректора Саратовскаго университета.

Насчитывается до 30 научныхъ его трудовъ, изъ коихъ многіе переведены на иностр. языки, но вмѣстѣ съ тѣмъ не мало въ печати имѣется статей, рѣчей и публичныхъ лекцій В. И. Разумовскаго, связанныхъ, между прочимъ, съ именемъ Н. И. Пирогова и Пироговскими съѣздами врачей.

Розановъ Александръ Ивановичъ. Родился 3 января 1825 г. въ с. Бахметевкѣ, Аткар. у., Саратовской губ. Воспитывался въ Саратовской семинаріи, которую кончилъ по 1-му разряду. Въ 1848 г. 25 ноября былъ посвященъ въ священники церкви с. Екатериновки, но въ слѣдующемъ году переведенъ въ Маріинскую колонію питомцевъ Воспит. Дома, предъ тѣмъ лѣтъ за 15 открытую близъ Саратова. Въ 1880 г. возведенъ въ санъ протоіерея.

А. И.—авторъ получившаго извѣстность литературнаго произведенія „Записки сельскаго священника“. Они печатались сначала въ „Рус Старинѣ“ 1879—1882 г., а въ 1882 г. вышли отдѣльнымъ изданіемъ. Кромѣ того, А. И. напечаталъ въ „Рус. Старинѣ“ 1879 г. №№ 7 и 8 историческую работу „Питомцы Московскаго Воспит. Дома поселенцы Саратовской губ.“, и въ томъ же журналѣ 1889 г. № 11 „Воспоминанія о Н. Г. Чернышевскомъ“.

А. И. имѣлъ серебряную медаль отъ Импер. Географич. Общества. Умеръ 9 сент. 1895 г.

Россовъ Николай Дмитріевичъ. Род. въ 1866 г. въ Саратовѣ. Служа въ Саратовскомъ губернскомъ земствѣ, участвовалъ въ работахъ оцѣночнаго отдѣленія и, между прочимъ, составилъ монографію по „Распредѣленію культуръ“ губерніи. Сотрудничаетъ въ мѣстныхъ газетахъ, главнымъ образомъ, какъ литературно-художественный критикъ. Въ «Саратовской Земской Недѣлѣ» ему принадлежитъ работа „По переселенію крестьянъ изъ Саратовской губ.“ и по исторіи Саратовскаго губернскаго земства. По исторіи земства послѣдняго времени писалъ въ „Земскомъ Дѣлѣ“. Принималъ участіе въ журналѣ «Познаніе Россіи», гдѣ ему принадлежитъ статья „О старыхъ богахъ и новыхъ настроеніяхъ“ (по вопросу объ исторіи интеллигенціи). Членъ мѣстнаго Отдѣленія Литературнаго Общества.

Рыбинъ Константинъ Григорьевичъ. Родился въ с. Вшеляхъ, Лугскаго у., СПБургской губ., сынъ священника; окончилъ курсъ въ СПБургскомъ университетѣ по юридическому факультету. Съ 1882 г. состоитъ на службѣ по вѣдомству православнаго исповѣданія. Съ апрѣля 1885 г. по 1903 г. былъ секретаремъ Саратовской дух. консисторіи, потомъ Оренбургской, нынѣ Ярославской. Былъ редакторомъ „Саратовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ нынѣ замѣненныхъ „Сарат. Дух. Вѣст.“ и „Бр. Листкомъ“. Въ настоящее время редактируетъ „Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости“ и состоитъ членомъ Ярославскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта. Въ „Трудахъ Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи“ и въ „Сар. Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ были напечатаны его работы подъ названіемъ „Архивъ Саратовской Духовной Консисторіи“ (Дѣла о построеніи и объ освященіи церквей съ 1760 года) и „Саратовскія Епархіальныя Вѣдомости“ (Перечень статей, отпечатанныхъ въ Вѣдомостяхъ, имѣющихъ историческое значеніе). Отдѣльными изданіями вышли работы: „Руководственныя распоряженія Святѣйшаго Синода и Саратовскаго Епархіальнаго Начальства съ 1865 г. по 1894 г.“ и „Краткія свѣдѣнія о монастыряхъ и церквахъ Ярославской епархіи“. Ярославль 1908.

Рѣпинскій Григорій Косьмичъ. Родился 28 сентября 1832 г. въ семьѣ сенатора, который, будучи сыномъ сельскаго священника с. Рѣпнаго, Пензенской провинціи, воспитанникомъ дух. семинаріи, попалъ въ милость къ М. М. Сперанскому и достигъ своего высокаго поста. Гр. Кос. получилъ образованіе въ училищѣ правовѣденія и службу началъ въ Сенатѣ, но въ 1859 г. перешелъ въ министерство госуд. имуществъ, а въ 1866 г. въ министерство юстиціи. Въ этомъ министерствѣ онъ проработалъ 19 лѣтъ, участвуя въ разныхъ комиссіяхъ по выработкѣ различныхъ судебныхъ законопроектовъ. Въ 1875 г. онъ сталъ сенаторомъ, а въ 1890 г. первоприсутствующимъ уголовнаго департамента Пр. Сената, на каковомъ посту и умеръ 6 февр. 1906 г.

Г. К. много потрудился надъ разборомъ историческихъ архивныхъ

матеріаловъ и не переставалъ обнародовать въ историческихъ журналахъ важнѣйшіе изъ попадавшихся ему документ. въ. Первое печатное произведеніе его появилось въ „Архивѣ историч. и практич. свѣдѣній“ Н. В. Калачова. Съ 1870 г. Г. К. помѣщалъ свои труды въ „Рус. Арх.“, „Юрид. Вѣст.“ и „Рус. Старинѣ“.

Въ 1870 хъ г. Г. К. представилъ, между прочимъ, проектъ положенія о Главной Архивной Комиссіи. Вмѣстѣ съ А. Ѳ. Бычковымъ и другими онъ разработалъ также правила по разбору и уничтоженію документовъ и сдѣлалъ предложеніе объ образованіи въ губерн. городахъ особыхъ комиссій для разбора мѣстныхъ документовъ.

Въ 1873 г отдѣльно изданъ имъ „Указатель именъ и фамилій, находящихся въ первомъ полномъ Собраніи Законовъ Рос. Имперіи (1649—1825)“. Въ 1877 г. онъ передалъ въ Императ. Публ. Библіотеку богатое собраніе бумагъ своего отца.

Съ 1880 г Г. К. стоялъ во главѣ Комиссіи по разбору дѣлъ Сенатскаго Архива. Съ 1888 до 1905 г. имъ было издано 11 томовъ „Сенат. Архива“.

Г. К. съ 1870 г. былъ членомъ с.-петербургскаго Литерат. фонда и нѣсколько лѣтъ избирался предсѣдателемъ этого общества для пособія литераторамъ и ученымъ. Есть характерное четверостишіе поэта П. К. Мартьянова:

Сенаторъ—умница въ отца,
Работаетъ въ литературѣ
И фонду служитъ безъ конца,
Добро въ ней чуя по натурѣ.

Между прочимъ, Г. К. является основателемъ „Земледѣльческой колоніи“ около Петербурга.

Въ Саратовскую К миссію Г. К. передалъ много дѣлъ межевого департамента Сената, обзоръ которыхъ напечатанъ въ „Трудахъ“ 1894 г, а также формуляръ о службѣ отца съ собственноручными замѣтками на поляхъ его.

Въ „Рус. Стар.“ 1872 г., т. VI, напечатано Г. К. Рѣпинскимъ интересный въ особенности для насъ, саратовцевъ, „Рапортъ иркутскаго намѣстническаго правленія въ Прав. Сенатъ о ссылкѣ А. Н. Радищева въ Илимскій острогъ. 1791 г.“

Савеловъ Леонидъ Михайловичъ. Родился въ 1868 г. Извѣстенъ какъ генеалогъ. Составилъ „Библіографич. указатель по исторіи, геральдики и родословію русскаго дворянства“ (2 изданія: въ М. 1893 г. и въ Острогожскѣ 1898 г.), издалъ нѣсколько родословій.

Саліасъ-де-Турнемиръ графъ Евгеній Андреевичъ. Родился въ 1840 г. въ семьѣ извѣстной писательницы, былъ по отцу французскимъ подданнымъ. Долго проживалъ за-границей. По возвращеніи въ Россію служилъ въ Тамбовѣ и, между прочимъ, редактировалъ „Тамб. Губ. Вѣдомости“. Затѣмъ началась его служба въ Москвѣ въ управленіи театровъ. Былъ завѣдующимъ Москов. отдѣленіемъ Мин. Имп. Двора. Писалъ онъ много разсказовъ и повѣстей, но славу его составилъ историческій романъ „Пугачевцы“ (1874 г.) Для этого произведенія онъ собиралъ матеріалы въ архивахъ и предпринималъ поѣздки на мѣста дѣйствій Пугачева. Въ 1881—82 г. издавалъ журналъ „Полярная Звѣзда“. Полное собраніе его романовъ и повѣстей составляютъ нѣсколько десятковъ томовъ. Умеръ 5 дек. 1908 г.

Самоквасовъ Дмитрій Яковлевичъ. (Родился въ 1843 г., умеръ 1911 г.) Высшее образованіе получилъ въ Петерб. университетѣ по юридич. факультету. Былъ профессоромъ исторіи русскаго права въ Варшав. унив—тѣ. Потомъ занялъ постъ управляющаго моск. архивомъ мин. юстиціи. Въ теченіе многихъ лѣтъ производилъ археологич. раскопки въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Собранныя богатыя коллекціи переданы имъ въ Имп. русскій историч. музей въ Москвѣ. Его капитальные труды: „Древніе города Россіи“ (1873 г.), „Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ“ (1876), „Исторія русскаго права“ (1878—1888). „Государственные архивы западной Европы и реформа архивовъ въ Россіи“ (1900 г.).

Здѣсь кстати печатаемъ сообщеніе о Д. Я. Самоквасовѣ, сдѣланное вслѣдъ за смертью его членомъ Комиссіи А. А. Кротковымъ въ общемъ собраніи 12 августа 1911 года:

Имя этого профессора пользовалось широкой извѣстностью среди археологовъ и архивистовъ и нѣкоторыя его сочиненія по археологіи, какъ, напр., „Классификація русскихъ могилъ“ и „Могилы земли русской“ сдѣлались настольными книгами каждаго археолога.

Позволяю себѣ остановить ваше вниманіе на двухъ фактахъ, характеризующихъ личность усопшаго. Думаю, что и они будутъ не лишними въ его вѣнкѣ, состоящемъ не

изъ однихъ только розъ. Одинъ студентъ мнѣ сообщилъ, что Дм. Яков. на своихъ слушателей производилъ весьма сильное впечатлѣніе, не смотря на то, что многіе были предубѣждены противъ него Сначала этотъ студентъ совсѣмъ не хотѣлъ ходить на лекціи Д. Я., потому что считалъ его человѣкомъ праваго лагеря, ультра-патріотомъ и, вообще, какъ онъ выразился, „черносотенцемъ". Попавъ къ нему случайно на лекцію, студентъ настолько былъ захваченъ широтой взглядовъ профессора, глубиной и объективностью изложенія. что послѣ первой лекціи сдѣлался усерднымъ посѣтителемъ аудиторіи Самоквасова и до сихъ поръ сохранилъ къ Д. Я. глубокое уваженіе и искреннее почтеніе.

Другой студентъ Московскаго университета, И. С. Вол—инъ, мнѣ писалъ между прочимъ о Самоквасовѣ слѣдующее:

„Въ первый разъ увидѣлъ я Д. Я. Самоквасова въ среднихъ числахъ сентября 1909 года. На первую лекцію Д. Я. мнѣ попасть не удалось. Товарищъ, слышавшій его двѣ первыя лекціи, говорилъ мнѣ: „зайдите, зайдите, послушайте, занятный старичекъ!" Минутъ за 10 огромная аудиторія № 1 наполнилась студентами. Аккуратно, по расписанію, въ четверть перваго часа въ аудиторію вошелъ мужественный, еще крѣпкій и бодрый старикъ, убѣленный глубокой сѣдиной, съ энергичнымъ лицомъ. Поднявшись на кафедру, онъ быстрымъ взглядомъ окинулъ аудиторію и затѣмъ, юношески встряхнувъ головой, началъ: „М. Г.! Сегодня я не буду читать обычной лекціи, сегодня я буду говорить по вопросу, который сейчасъ волнуетъ всю мыслящую Москву и, даже больше, всю мыслящую Россію. Вы вѣрно, уже догадываетесь, о чемъ я буду говорить— я буду говорить о Красной площади!"

„Затѣмъ Дм. Як. картинно, съ подъемомъ, съ чисто юношескимъ увлеченіемъ разсказалъ о тѣхъ кровавыхъ событіяхъ, которыя разыгрывались въ Кремлѣ и на Красной площади. „Здѣсь, на Красной площади, съ лобнаго мѣста" Иванъ Грозный произнесъ свою знаменитую рѣчь, имѣвшую столь огромныя послѣдствія для всей Россіи; здѣсь построенъ Грознымъ храмъ Василія Блаженнаго—великій памятникъ русскаго зодчества; здѣсь стоитъ памятникъ Минину-Пожарскому и Императорскій историческій музей; сюда, на Красную площадь, въ старину стародавнюю, въ годину бѣдствій и тяжелыхъ испытаній, когда били въ набатъ, сбѣгались люди московскіе и здѣсь рѣшали вопросы, касающіеся всей Россіи". Указалъ Д. Я. и на Западную Европу, гдѣ народныя площади—эти историческія мѣста, охраняются заботливой рукой отъ застройки ихъ зданіями и отъ проведенія по нимъ трамвайныхъ линій.

„Лекція была покрыта громомъ аплодисментовъ. Многіе изъ студентовъ послѣ лекціи ходили на Красную площадь и къ памятнику Минина-Пожарскаго и обсуждали вопросъ о порчѣ трамваемъ Красной площади.

„Прочитавъ еще нѣсколько лекцій, Д. Я. заболѣлъ и въ дни его лекцій на дверяхъ аудиторіи вывѣшивалось объявленіе: „Сегодня, по случаю болѣзни, профессоръ Самоквасовъ лекціи читать не будетъ". Такъ тянулось до слѣдующаго семестра. Д. Я. прочиталъ двѣ-три лекціи и больше въ университетъ уже не являлся, такъ какъ доктора запретили ему оставлять квартиру. Черезъ нѣкоторое время одинъ изъ нашихъ слушателей, работавшій въ архивѣ М—ва юстиціи, которымъ завѣдывалъ Д. Я., и бывавшій часто у него (интересно отмѣтить, что это былъ студентъ старикъ лѣтъ 55—60, полковникъ въ отставкѣ) сообщилъ намъ, что Д. Я. для желающихъ можетъ читать лекціи въ зданіи архива по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ. Набралась группа человѣкъ въ 15.

„Въ архивѣ Д. Я. читалъ намъ лекціи не по курсу исторіи русскаго права, а по археологіи. Нужно видѣть, сколько любви, увлеченія вкладывалъ онъ въ каждую лекцію. Да это были и не лекціи, ихъ можно скорѣе назвать задушевной бесѣдой. Нельзя забыть, съ какою нѣжной, чисто материнской заботливостью относился Д. Я. къ намъ, слушателямъ. Онъ весь горѣлъ желаніемъ зажечь въ насъ искру стремленія продолжать его любимое дѣло. Онъ показывалъ намъ свои археологическія находки, которыя еще не были переданы въ музей, училъ, какъ производить раскопки, очищать металлическіе предметы древности отъ ржавчины, училъ, какъ надо обращаться съ документами, указывалъ на груды фоліантовъ, на столбцы, свернутые колесомъ въ 1 аршинъ діаметромъ, и говорилъ, что это матеріалъ еще не изслѣдованный, ждущій въ лицѣ нашемъ работниковъ

и изслѣдователей; призывалъ насъ къ работѣ и знакомилъ, какъ работалъ въ этомъ архивѣ Пав. Ник. Милюковъ. При этомъ Д. Я. разсказалъ намъ, какъ однажды несчастный случай помогъ открыть цѣлые связки неизвѣстныхъ никому и незаписанныхъ дѣлъ. При работахъ Павла Николаевича пропало одно нужное ему дѣло. Назначили ревизію, и вотъ во время этой ревизіи и открыты были новыя дѣла, никому еще неизвѣстныя, неизвѣстныя самому Д. Я.....".

„Доктора разрѣшили читать Д. Я. лекціи только въ продолженіе часа, а онъ читалъ всегда два. Читалъ или, вѣрнѣе, бесѣдовалъ съ нами въ большомъ залѣ, а въ сосѣдней комнатѣ, у открытыхъ дверей со звонкомъ и часами сидѣла жена Д. Я. И вотъ, когда проходилъ часъ, супруга Е. Я. начинала ему кивать, махать платкомъ, указывая, что положенный часъ прошелъ, но Д. Я. дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ничего. Такъ проходило минутъ 15. Тогда начиналъ раздаваться звонокъ. Д. Я. ласково начиналъ уговаривать жену, что онъ сейчасъ кончаетъ, нельзя же оборвать лекцію на полусловѣ. Проходило еще минутъ 10. Звонокъ начиналъ звонить все назойливѣе и назойливѣе. Тогда Д. Я. вставалъ и заявлялъ виновато: „ничего, г да, съ ней не подѣлаешь!" Мы всѣ поднимались со своихъ мѣстъ, но бесѣда наша далеко еще не прекращалась. Теперь уже стоя, Д. Я. продолжалъ развивать дальше свои занимательные и глубоко интересные взгляды. Наконецъ, подходила супруга и настойчиво просила, чтобы онъ шелъ въ комнаты. Д. Я., окруженный слушателями, начиналъ подвигаться къ своей квартирѣ, продолжая разсказывать на ходу, выходилъ въ проходную, гдѣ снова останавливались какъ будто проститься съ профессоромъ, а въ сущности для продолженія лекціи. Такъ Д. Я. урывалъ всегда у жены и доктора лишній часъ. Жена его, видя, что съ Д. Я. ничего подѣлать нельзя, стала обращаться съ просьбой къ намъ воздѣйствовать на своего учителя и самимъ удалиться въ назначенное докторомъ время. Услыхавъ это, Д. Я. „забунтовалъ" и горячо началъ доказывать, что въ данномъ случаѣ не надо слушаться супруги и что читать ему лекціи ничуть не вредно, а даже полезно во время болѣзни.

„Какъ мы, такъ, навѣрное, и Д. Я. были не мало огорчены, вынужденные подчиниться велѣніямъ доктора...".

Селивановъ Александръ Федоровичъ, род., въ 1855 г. въ Городищенскомъ у., Пензенской губ. По окончаніи курса въ пензенской гимназіи, учился въ Харьковскомъ университетѣ и въ Археологич. Институтѣ. Состоитъ членомъ ученаго комитета Министер. Народн. Просв. и чиновникомъ особ. порученій V кл. при собств. Е. И. В. канцеляріи по учр. Императрицы Маріи. А. Ф. С—ымъ составлены біографіи нѣсколькихъ саратовцевъ, учившихся въ пензенскихъ учебн. заведеніяхъ (Н. А. и И. А. Неклюдовыхъ, Ѳ. Ѳ. Чекалина и др.), біографіи всѣхъ епископовъ пензенскихъ и саратовскихъ. Ему принадлежитъ рядъ статей по географіи Россіи въ энциклопедич. словарѣ Брокгауза и Ефрона. Множество работъ С—ва, относящихся къ исторіи учебнаго дѣла, помѣщено въ журналахъ „Школьная Жизнь", „Журн. Нар. Просв.", „Вѣстн. Благотворит.", „Русск. Старина" и др. Изъ газетъ С—въ много лѣтъ помѣщалъ историческія работы въ „Пензен. Губерн. Вѣд.", писалъ въ „Голосѣ" и въ „С.-Пет. В." и др. Объѣздилъ почти всю Россію—Кавказъ, Туркестанъ, Бессарабію, Сѣверъ Россіи, Уралъ и пр. Состоитъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ и учрежденій.

Смирновъ Александръ Васильевичъ. Родился 16 ноября 1857 г. въ с. Пиксясахъ, Симбирской губерніи; первоначальное образованіе получилъ въ Алатырскомъ духовномъ училищѣ и затѣмъ въ симбирской духовной семинаріи. Опредѣленный псаломщикомъ въ Трубетчину, Сызранскаго уѣзда, а потомъ переведенный на должность надзирателя въ симбирское духовное училище, А. В. въ 1880 году правленіемъ симбирской духовной семинаріи былъ отправленъ на казенный счетъ въ Казанскую духовную академію, гдѣ и окончилъ курсъ (въ 1884 г.) со степенью кандидата богословія и былъ рукоположенъ въ священники къ церкви при учительской семинаріи въ г. Вольскѣ. За сочиненіе—„Книга Еноха" удостоенъ Казанской академіей степени магистра богословія. Въ 1889 г. перемѣщенъ въ Казань законоучителемъ въ учительскій институтъ, затѣмъ въ Казанскій Родіоновскій институтъ, а послѣ сталъ доцентомъ Казанской духовной академіи по кафедрѣ пастырскаго богословія и педагогики. Въ 1896 г. возведенъ въ санъ протоіерея, и вскорѣ былъ опредѣ-

ленъ ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Казанскаго университета и настоятелемъ университетской церкви. За сочиненіе „Мессіанскія ожиданія и вѣрованія іудеевъ около временъ Іисуса Христа (отъ маккавейскихъ войнъ до разрушенія Іерусалима римлянами)“ утвержденъ въ 1900 г. въ степени доктора богословія и получилъ премію митрополита Макарія въ 600 руб Съ 1906 г. состоитъ профессоромъ высшихъ женскихъ курсовъ по исторіи религіи.

За время своей службы въ гор. Вольскѣ и Казани Смирновъ проходилъ еще разныя должности. Состоитъ членомъ общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ и другихъ.

Печатныхъ трудовъ протоіерея Смирнова очень много, не говоря уже о церковныхъ поученіяхъ, появившихся въ „Православномъ Собесѣдникѣ“. „Извѣстіяхъ по Казанской епархіи“ и „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“. Въ „Трудахъ“ нашей Комиссіи напечатаны: „Описаніе архива Вольскаго духовнаго правленія за 1800—1806 г.“, „Описаніе архива Вольскаго нижняго суда“.

Въ 1905—1907 г.г. о. Смирновъ совмѣстно съ профессорами Казан. духовн. академіи Л. И. Писаревымъ, М. А. Машановымъ и К. Г. Григорьевымъ издавалъ въ Казани еженедѣльный журналъ „Церковно-Общественная Жизнь“.

Смольяниновъ Владиміръ Николаевичъ. Родился 11 іюля 1861 г. въ дворянской семьѣ, Костромской губерніи, Кончилъ курсъ въ Москов. университ. по историко-филологическому факультету въ 1884 г. Въ концѣ 1885 г. опредѣленъ преподавателемъ древнихъ языковъ въ сарат. гимназію. Въ 1892 г. получилъ постъ директора Александровскаго сарат. дворянскаго пансіона-пріюта, зданіе котораго было строено подъ его наблюденіемъ. Чрезъ нѣкоторое время В. Н. былъ переведенъ въ Астрахань на должность директора тамошней мужской гимназіи, откуда перемѣщенъ въ той же должности въ московскую 3 ю гимназію Въ настоящее время В. Н. состоитъ директоромъ народныхъ училищъ въ Финляндіи.

По порученію кн. Θ А. Куракина, В. Н. завѣдывалъ изданіемъ его „Архива“ и издалъ 10 томовъ, печаталъ ихъ въ Саратовѣ, Астрахани и Москвѣ.

Соколовскій Павелъ Александровичъ. Род. въ 1842 г.; воспитанникъ Моск. универ-та. Состоитъ библіотекаремъ Имп. публ. библіотеки. Труды его по политической экономіи: „Очерки исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи“ (1877 г.), “Экономич. бытъ земледѣл. населенія Россіи и колонизація юго-восточ. степей предъ крѣпостнымъ правомъ“ (1878 г.) и другіе.

Соколовъ Авдій Ивановичъ. Родился 19 ноября 1824 г. въ г. Перми; умеръ 18 ноября 1892 г.. Воспитанникъ пермской гимназіи и Казан. университета, который кончилъ въ 1845 г. по филологич. факультету. Спеціальностью его была славянская литература, изъ которой онъ сдѣлалъ много переводовъ. Въ 1863 г. А. И. занялъ должность директора саратов. мужской гимназіи. Въ 1873 г. вышелъ въ отставку. Онъ редактировалъ „Сарат. Листокъ“, а затѣмъ „Сар. Губ. Вѣд.“. Съ 1881 г. А. И. состоялъ начальникомъ сарат. Маріинской жен. гимназіи. Въ его редакторство въ „Листкѣ“ и въ „Губ. Вѣд.“ увидѣли свѣтъ много статей, посвященныхъ изученію саратовскаго края. Въ день празднованія 100 лѣтія открытія Сарат. губ. 3 февраля 1881 г. А. И. прочиталъ въ залѣ дворянства очеркъ исторіи нашего края. Тогда же, подъ редакціею А. И., вышелъ 1-й т. изданія Стат. Комитета „Саратовскій Сборникъ“.

Въ концѣ 1880-хъ г.г. А. И. Соколовъ переѣхалъ въ Казань и тамъ принималъ участіе въ работахъ Казанскаго общества археологіи, исторіи и этнографіи.

Членъ-основатель (см. портретъ).

Соколовъ Василій Павловичъ. Родился 1 января 1854 года въ Пензенской губерніи. Среднее образованіе получилъ въ Самарской дух. семинаріи, высшее—въ Казанской духовной академіи. По окончаніи курса послѣдней въ 1881 году со степенью кандидата богословія, поступилъ на службу въ Николаевское (Самарской губ.) духовное училище, откуда въ декабрѣ 1882 г. перешелъ въ таковое же Саратовское училище, гдѣ состоитъ на службѣ и по настоящее время.

Въ 1892 году, послѣ публичной защиты своего сочиненія „Обрѣзаніе у евреевъ Историко—богословское изслѣдованіе“ (Казань, 1892 г.), совѣтомъ академіи удостоенъ ученой степени магистра богословія; въ 1894

году присуждена ему за это сочиненіе въ 1000 р. премія имени Макарія, митрополита Московскаго.

В. П. работалъ въ газетахъ еще на студенческой скамьѣ, а затѣмъ, состоя на службѣ, принималъ дѣятельное участіе въ „Казанскомъ Биржевомъ Листкѣ“, въ „Недѣлѣ“, „Церковно - Общественномъ Вѣстникѣ“ „Церковномъ Вѣстникѣ“, „Саратовскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“, „Сарат. Дух. Вѣстникѣ“, „Саратовскомъ Дневникѣ“, „Волгѣ“ (изд. Блюммера), „Саратовскомъ Листкѣ“ Одно время помѣщалъ фельетоны въ „Будильникѣ“ и др. изданіяхъ. Въ „Трудахъ“ Комиссіи напечаталъ нѣсколько работъ — статей, описаній, докладовъ и пр., редактировалъ „Саратовскій Историческій Сборникъ“ въ память 300-лѣтія г. Саратова. Отдѣльно издалъ книгу „Саратовскій Троицкій (старый) соборъ“ и нѣсколько брошюръ.

Состоитъ членомъ, кромѣ Саратовской, еще Витебской Ученой Архивной Комиссіи.

Съ 5 января 1906 года по 11 сентября 1911 года состоялъ членомъ, а послѣдніе три года (1908—1911 г.) членомъ - секретаремъ родительскаго комитета при Саратовской первой мужской гимназіи; по обязанностямъ секретаря напечаталъ три брошюры— „Къ вопросу о внѣклассномъ чтеніи“ и отчеты о дѣятельности комитета за 1909 и 1910 годы.

Соколовъ Михаилъ Евгеньевичъ. Сынъ свящ., род. 3 ноября 1860 г. въ слоб. Неткачи, Камышинскаго у., Саратовской губ.; въ 1871—1875 г. обучался въ Саратовскомъ духовномъ училищѣ; въ 1875—1881 г. въ Саратовской духовной семинаріи, откуда перешелъ въ Казанскую духовную академію, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1885 г. со степенью кандидата богословія. Въ 1885—1888 состоялъ учителемъ логики, психологіи, философіи и дидактики въ Симбирской духовной семинаріи; въ 1889—1905 г. учителемъ греческаго языка въ Петровскомъ духовномъ училищѣ; съ 16 августа 1905 года состоитъ учителемъ Лысковскаго духовнаго училища, Нижегор. губ.

Сочиненія М. Е. Соколова: „Старо-русскіе солнечные боги и богини,“ „Краткая исторія философіи“, „Введеніе въ философію“, (Петровскъ, 1894 г.), „Былины, историческія, военныя, разбойничьи и воровскія пѣсни, записанныя въ Саратовской губерніи“ (Петровскъ, 1896 г.) „Великорусскія свадебныя пѣсни и причитанія, записанныя въ Саратовской губерніи“ (Петровскъ, 1898 г.), „Пѣсни А. С. Пушкина и крестьянъ Саратовской губерніи о Стенькѣ Разинѣ“, „Великорусскія весеннія и хороводныя пѣсни, записанныя въ Саратовской губерніи“ (докладъ III областному историко - археологическому съѣзду). 20 янв. М. Е. избранъ членомъ Нижегор. Уч. Арх. Комиссіи.

Соколовъ Николай Степановичъ (1859—1890). Род. въ 1859 г. въ семьѣ священника Саратовской Никольской ц., учился въ Сарат дух училищѣ и Сарат. дух семинаріи, затѣмъ въ Петерб. дух. академіи. Студентомъ академіи началъ работать въ столичной прессѣ. Въ пріѣздъ на каникулы, въ Саратовѣ, Н. С. заглянулъ въ архивъ мѣстной дух. консисторіи и, заинтересовавшись исторіей раскола, сталъ усиленно работать по этому предмету въ Петербургѣ, посѣщая Импер. Публич. Библіотеку и синодальный архивъ. Подъ псевдонимомъ Н. Колосовъ напечаталъ въ „Рус. Мысли“ въ 1884 г. статью о Манцони. По окончаніи курса академіи, Н С. совершилъ поѣздку по Волгѣ для изученія поволжскихъ архивовъ. Въ библіотекѣ Нижегород. семинаріи Н. С. нашелъ цѣнныя бумаги епископа Іакова. Посѣщеніе Иргиза вызвало Н. С. на описаніе его въ своей диссертаціи. Въ 1884 г. Н С. получилъ должность преподавателя ариѳметики и географіи въ Камыш. дух. училищѣ и занялся усердно своею диссертаціей „Расколъ въ Саратовскомъ краѣ“ Сарат. губер. А. А. Зубовъ, ознакомившись съ работой Н. С. по расколу, предоставилъ ему мѣсто секретаря Стат Комитета и чиновника особ. порученій.

Въ началѣ 1889 г. Н. С. былъ удостоенъ званія магистра богословія и началъ въ Саратовѣ 2-й томъ своего труда о расколѣ. Часть этой работы „Саратовскій расколъ по даннымъ сенаторской ревизіи“ и „Законъ 3 мая 1883 г. въ Саратовской губ.“ появилась въ „Сѣвер. Вѣст “ (1889 г. ноябр. и 1890 янв.) Въ 1890 г. въ Ставрополѣ Н. С. Соколова постигла преждевременная смерть: онъ утонулъ, купаясь въ рѣкѣ.

Членъ-основатель (см. портретъ).

Соколовъ Семенъ Дмитріевичъ. Родился 6 февраля 1878 г. въ Саратовѣ. Первоначальное образованіе получилъ въ одной изъ городскихъ школъ, по выходѣ изъ которой

года два-три не бралъ въ руки книги. Но на 16 мъ году жизни появились умственные запросы и заставили его искать отвѣта на нихъ въ книгахъ. Началось усиленное самообразованіе. С. Д знакомился съ русской и иностранной литературой, прошелъ курсъ исторіи и политико-экономическихъ соціальныхъ наукъ. Въ 1898 г. онъ началъ сотрудничать въ „Сарат. Дневникѣ“ времени Б. А. Маркевича, но вскорѣ весь отдался библіографіи. Выбранный въ члены Комиссіи, С Д. явился безспорнымъ кандидатомъ на должность ея библіотекаря. Библіографическіе его труды: „Источники и пособія для изученія Саратовскаго края (напечатаны въ „Зем. Нед.“ 1905 № 6 и 7 и в значительно дополненномъ видѣ въ „Трудахъ“ Арх. Комиссіи, вып. 26; „Систематическій каталогъ книгъ библіотеки Саратовской Ученой Архивной Комиссіи. Общій отдѣлъ. Саратовъ 1909 г.“ „Матеріалы для библіографич. указат ля литературы о Максимѣ Горькомъ“ („Библіогр. Листокъ“ 1911 г. янв —іюнь. Сызрань]. Приготовленъ къ печати“ Каталогъ библіотеки Арх. Комиссіи. Отдѣлъ мѣстныхъ саратовскихъ изданій.“ Собираетъ С. Д. и готовитъ къ печати новый трудъ „Біографіи мѣстныхъ дѣятелей.“

Стадницкій Николай Григорьевичъ. Родился въ 1869 г. въ г. Екатеринославѣ, среднее образованіе получилъ въ духов. семинаріи, но по выходѣ изъ нея выдержалъ экзаменъ зрѣлости при классической гимназіи и избралъ медицинскій факультетъ, курсъ котораго и ковчилъ въ Юрьевскомъ университетѣ. Отъ того же университета, по защитѣ диссертаціи, получилъ степень доктора медицины. Служилъ въ томъ же университетѣ, а затѣмъ въ Новороссійскомъ, откуда назначенъ былъ въ новооткрытый Саратовскій университетъ на кафедру анатоміи.

Сторожевъ Василій Николаевичъ. Родился въ 1866 г. Ковчилъ курсъ въ московскомъ университетѣ по историко-филологич. факультету и въ 1888 г. поступилъ на службу въ московскій архивъ мин. юстиціи, но чрезъ 7 лѣтъ вынужденъ былъ оставить его и заняться преподаваніемъ въ частномъ комерч. училищѣ К. К. Мазинга въ Москвѣ, но это не прервало его работъ по изданію памятниковъ русской старины.

Имъ отдѣльно изданы: „Указная книга помѣстнаго приказа. М. 1889 г.“ „Матеріалы для исторіи русскаго дворянства. М. 1891 г.“, „Дозорная книга г. Твери 1616 г. Тверь, 1890 г.“, „Тверское дворянство XVII в. Тверь 1891—95 гг.“, „Писцовыя книги Рязан. края. Рязань 1898 г.—1900 г.“, „Московское управленіе въ Вильнѣ XVII в. М. 1894г.“, „Засѣчныя книги какъ историко географическій и археологическій источникъ“.

В Н. былъ дѣятел. сотрудник. журналовъ „Рус. Мысль“, „Образованіе и другъ“.

Умеръ въ концѣ 1909 г.

Терентьевъ Алексѣй Терентьевичъ, изъ чувашъ Симбирской губ., Буинскаго у., д. Б. Буяновой, учился въ Симбирской учительской чувашской школѣ, учительствуетъ среди чувашъ и татаръ, начавъ въ Симбирской губерніи, потомъ въ Саратовской (Кузнецк. и Хвалын. у.у.). Т—въ доставилъ въ Комиссію много интересныхъ этнографическихъ матеріаловъ.

Тизенгаузенъ баронъ Владиміръ Густавовичъ (1825—1902). Род. въ 1825 г. въ гор. Нарвѣ, кончилъ курсъ петербургск. университета по отдѣленію восточн словесности. Его спеціальность — нумизматика. Онъ былъ товарищемъ предсѣдателя Императорской Археологической Комиссіи Это былъ одинъ изъ самыхъ выдающихся оріенталистовъ археологовъ. Его работы о древнихъ монетахъ вышли отдѣльными книгами въ 1855, 1859 и 1873 г. Въ 1876 г. онъ издалъ „Обзоръ совершенныхъ въ Россіи трудовъ по восточной нумизматикѣ“. Въ 1884 г. вышелъ его „Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды“. Умеръ 2 февраля 1902 г.

Тилло Адольфъ (Анатолій) Андеевичъ. Родился въ 1846 г. По линіи предковъ происходитъ изъ французскаго дворянскаго рода, принявшаго русское подданство. Къ роду этому принадлежитъ во Франціи и Россіи высоко-даровитыя личности, изъ которыхъ назовемъ все-ірно извѣстнаго географа Алексѣя Андреевича Тилло. Отданный родителями въ военно-учебное заведеніе, онъ, однако, не вступилъ въ военную службу, а предпочелъ ей гражданскую, получивъ для того соотвѣтствующее образованіе. Болѣе 7 лѣтъ служебная дѣятельность А. А. прошла въ Оренбургскомъ краѣ, гдѣ онъ, какъ членъ Географическаго Общества и сотрудникъ Э. Реклю, произвелъ первую

народную перепись среди азіатскихъ кочевниковъ. Затѣмъ 8 лѣтъ А. А. прослужилъ въ г. Костромѣ, гдѣ, по порученію министерства государств. имуществъ, изслѣдовалъ народные (кустарные и отхожіе) промыслы; эти труды его напечатаны въ „Журналѣ“ министерства въ 10 томахъ. Въ 1885 году онъ былъ назначенъ Эстляндскимъ вице-губернаторомъ, но въ концѣ того же года перемѣщенъ въ Саратовъ. Отсюда онъ былъ переведенъ въ 1888 г. въ Ставрополь Кавказскій. По домашнимъ обстоятельствамъ въ 1894 г. А. А. вышелъ въ отставку съ чиномъ дѣйств. статск. совѣтника и поселился въ Саратовѣ.

Въ историческомъ очеркѣ дѣятельности Арх. Комиссіи выяснена руководящая роль А. А Тилло въ первые годы ея существованія. Къ наступившему 25-ти лѣтію Комиссіи А. А. озаботился и матеріальнымъ упроченіемъ ея имущественнаго положенія.

Остается добавить, что связанный съ Саратовомъ по браку своему на саратовкѣ, схоронивъ здѣсь жену и совершивъ переходъ изъ лютеранства въ православіе, А. А. проживаетъ въ Саратовѣ на покоѣ, со стороны слѣдитъ за ходомъ русской жизни, нерѣдко откликаясь отдѣльно выпускаемыми маленькими брошюрами.

Основатель и почет. членъ Комиссіи (см. портретъ).

Титовъ Андрей Александровичъ (1845—1911 г.). Родился въ 1845 г. въ Ростовѣ Ярослав. Очень много поработалъ на пользу своего роднаго края. Своими многочисленными трудами и статьями по археологіи, исторіи и статистикѣ онъ—говоритъ В. Рудаковъ—открылъ множество новаго матеріала, затронулъ впервые многія стороны исторической жизни Ростовской земли и освѣтилъ ихъ, сообщилъ рядъ новыхъ біографій какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ дѣятелей края, разработалъ статистическія данныя по вопросамъ народнаго образованія, торговли и промышленности, сельскаго хозяйства и т. п. Имъ была собрана очень цѣнная коллекція славяно-русскихъ рукописей въ 4500 экз., пожертвованная имъ въ Имп. Публич. библіотеку. Онъ былъ въ тоже время общественнымъ дѣятелемъ, состоя гласнымъ ростовской и ярославской гор. думъ, и занималъ другія общественныя должности. Капитальные его труды общеисторическаго значенія: „Дозорныя книги о московскихъ раскольникахъ“ (М. 1886 г.), „Описаніе рукописей славянскихъ и русскихъ, принадлежащихъ И. А. Бахрамѣеву“ (6 т.), „Балахнинскіе акты XVII и XVIII в.в.“ (Ниж. Новгорд. 1888 г.), “Лѣтопись Двинская“ (М. 1889 г.), „Послѣднія судьбы Польши“ и др. Онъ состоялъ членомъ многихъ русскихъ ученыхъ обществъ.

Экземпляры своихъ трудовъ А. А. Титовъ любезно доставлялъ въ библіотеку нашей Комиссіи.

Умеръ 24 октября 1911 г.

Труворовъ Аскалонъ Никол. (1819—1893). Родился въ мартѣ 1819 году въ крестьянской семьѣ с. Никольскаго, Кузнецкаго у., Саратовской губ. Принадлежа по отцу къ государ. кр-намъ А. Н. попалъ въ домъ помѣщика Бобоѣдова и, благодаря его попеченію, получилъ нѣкоторое образованіе, пристрастился къ чтенію, рисованію, черченію. На 25 году отъ роду онъ занялъ мѣсто учителя рисованія въ Кузнецкомъ уѣзд. училищѣ; но вскорѣ на него возложили преподаваніе исторіи и географіи. На третьемъ десяткѣ лѣтъ онъ выдержалъ спеціальное испытаніе въ наукахъ въ Казанскомъ университетѣ и получилъ должность учителя въ Петровскомъ уѣзд. училищѣ, которое вскорѣ смѣнилъ на Сердобское. Въ Сердобскѣ онъ пріобрѣлъ симпатіи общества и въ 1854 г. былъ избранъ дворянскимъ засѣдателемъ. Служба эта привела его къ знакомству съ Н. В. Калачовымъ, который привлекъ его въ Петербургъ. Въ „Архивѣ Историко-юридическихъ Свѣдѣній“ вскорѣ появилась работа А. Н. Труворова „Описаніе свадебныхъ обрядовъ крестьянъ Сердобскаго уѣзда“ и другіе труды, и онъ сталъ сотрудникомъ Археографической Комиссіи. Графъ. Д. А. Толстой, бывшій оберъ-прокуроръ синода, пригласилъ А. Н. къ участію въ Комиссіи для приведенія въ порядокъ дѣлъ синодскаго архива. Ему была поручено редактированіе „Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской Имперіи“. Затѣмъ А. Н. отдался историческимъ работамъ и издалъ „Указатель къ лѣтописи по Ипатьевскому списку“, указатель къ первымъ 10 томамъ „Дополненій къ актамъ историческимъ“. Другіе свои труды по исторіи онъ помѣщалъ въ „Рус. Стар.“, „Рус. Арх.“, „Истор. Вѣст.“ и въ „Вѣстн Археол. и Исторіи“.

Въ 1883 г., по порученію Археографической Комиссіи, А. Н. взялъ на себя редакцію изданія „Розыск-

ныхъ дѣлъ о Федорѣ Щекловитомъ и его сообщникахъ."

Въ 1885 г. А. Н. избранъ былъ почетнымъ членомъ Археологическаго Института, а въ 1891 г., за смертью И. Е. Андреевскаго, сталъ директоромъ этого Института.

Умеръ А. Н. въ чинѣ тайнаго совѣтника въ 1893.

Уварова графиня Прасковія Сергѣевна. Род. въ 1840 г. въ семьѣ кн. Щербатова, была за мужемъ за извѣстнымъ археологомъ А. С. Уваровымъ (1828—1884), дѣло котораго продолжаетъ по нынѣ, предсѣдательствуя въ москов. Археол. Обществѣ и на археологическихъ съѣздахъ, и ведетъ раскопки.

Почетн. членъ Комиссіи (см. портретъ ея).

Успенскій Федоръ Ивановичъ. Родился въ 1845 г. въ Костромской губ. Высшее образованіе получилъ въ Спб. унив—тѣ на историко-филол. факультетѣ. Въ 1872 появилась его серьезная работа „Первыя славянскія монархіи на Сѣверозападѣ". Черезъ два года онъ получилъ степень магистра и былъ избранъ штатнымъ доцентомъ совѣтомъ новороссійскаго унив—та. Былъ въ этомъ званіи командированъ за границу. Въ 1879 г. онъ защитилъ свою докторскую диссертацію „Образованіе второго болгарскаго царства" и сталъ профессоромъ въ томъ же университетѣ. Онъ спеціализировался на изученіи исторіи Византіи и югославянскихъ странъ. По его иниціативѣ созданъ былъ въ Константинополѣ русскій Археологическій Институтъ, и съ 1894 г. Ф. И. состоитъ его директоромъ. Въ 1900 г. избранъ ординарнымъ академикомъ. Трудовъ Ф. И. можно найти много въ „Запискахъ" Новороссійскаго университета, „Жур. М. Н. Пр." и въ „Извѣстіяхъ" рус. Археол. Инст. въ Константинополѣ. Отдѣльнымъ изданіемъ появилась „Исторія крестовыхъ походовъ" 1900 г.

Фарфоровскій Сергѣй Васильевичъ. Родился въ 1880 году въ Переяславлѣ Залѣсскомъ и по окончаніи курса Вифанской дух. семинаріи, выдержавъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости и поступилъ въ Юрьевскій (Дерптскій) университетъ, гдѣ спеціализировался по исторіи и этнографіи. Имъ и посвятилъ онъ всѣ силы по окончаніи университета. Назначенный преподавателемъ гимназіи на Сѣверный Кавказъ (Майкопъ, позднѣе Ставрополь), Ф—ій предпринялъ рядъ этнографо-археологическихъ поѣздокъ по Кубанской области, Осетіи и степямъ Сѣвер. Кавказа. Результатомъ этого явился рядъ работъ, посвященныхъ Майкопскому отдѣлу и осетинамъ. Ему удалось описать два почти неизвѣстныхъ этнографіи народа: туркменъ и ногайцевъ. Рядомъ поѣздокъ въ калмыцкія степи удалось детально ознакомиться съ бытомъ калмыковъ. Работая въ Ставропольскихъ архивахъ, Ф—ій нашелъ много любопытнаго матеріала по колонизаціи края, завоеваніи его (между прочимъ дѣло о дуэли Лермонтова) и много матеріаловъ по сектантству. Въ настоящее время матеріалы эти имъ приводятся въ порядокъ. Ф—ій открылъ и комментировалъ записки генерала Попки (см. „Русск. Архивъ"). Лѣтомъ 1910 года имѣя командировку отъ мин. народн. просв., Ф—ій работалъ въ Брюсселѣ и Парижѣ, гдѣ собиралъ матеріалы по исторіи 1812 г. Въ настоящее время работаетъ въ Закавказьѣ, куда перевелся для изученія края въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи. Состоитъ членомъ многихъ Арх. Комиссій, Церк.-Археол. Ком., Императорскаго Военно-Историческаго Общества, Общества археологіи, исторіи и этнографіи" при Казанскомъ унив—тѣ и другихъ.

Работы Ф—скаго, кромѣ ученыхъ изданій этихъ обществъ, печатаются въ „Русскомъ Архивѣ", „Сборникѣ Матеріаловъ при Кавказскомъ Учебномъ Округѣ", въ журналѣ „На Кавказѣ", приложеніяхъ къ циркулярамъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа, „Наглядное Обученіе" (журналъ $1907/_8$, IV), „Художественно-педагогическомъ Журналѣ", „Ставропольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ," „Филологическихъ Запискахъ", „Журналѣ Мин. Народн. Просвѣщенія, Mousulmanin Paris" (журналъ), „Утро Горъ" (періодич. изданіе), „Вокругъ Свѣта" и рядѣ газетъ мѣстныхъ и столичныхъ.

Хованскій Николай Федоровичъ. Род. въ Саратовѣ 1 дек. 1855 г. Обучался въ Саратовской и Астраханской гимназіяхъ; курса не кончилъ, но пополнилъ свои знанія чтеніемъ массы книгъ, между прочимъ, въ Чертковской и Имп. Публичной библіотекѣ. Въ концѣ 70-хъ гг. въ свободное отъ службы время сталъ заниматься исторіею г. Саратова и губерніи. Собралъ рядъ біографій выдающихся мѣстныхъ уроженцевъ. Въ 1881 г. принялъ участіе въ составленіи „Указателя и Путеводителя по Саратову", который изданъ былъ С. Гусевымъ и А. Хованскимъ („Со-

временное обозрѣніе Саратовской губ." и біографіи Шевырева и др.). Въ 1884 г. изданы его „Очерки по исторіи г. Саратова и Саратовской губерніи", о которыхъ одобрительно отозвался „Вѣстникъ Европы" и др. періодическія изданія, а также Д. Л. Мордовцевъ въ своихъ „Пропилеяхъ". Въ этомъ трудѣ положено начало библіографіи края. Петербургская цензура зачеркнула нѣкоторыя мѣста въ біографіи Леопольдова, но Л. П. Блюммеръ безпрепятственно напечаталъ ее цѣликомъ въ первыхъ №№ своей „Волги" съ разрѣшенія саратов. цензора. Съ 1884—1887 г. Х—ій былъ фактическимъ редакторомъ „Саратовскаго Дневника", гдѣ и помѣщалъ статьи разнообразнаго характера. Въ 1887 г. составилъ проектъ устава „Саратов. общ-ва вспомоществованія нуждающимся литераторамъ" и таковое было открыто подъ предсѣдательствомъ покойнаго Н. П. Фролова. Въ 1888 г., при губернаторѣ А. И. Косичѣ, Х—ій назначенъ былъ редакторомъ неоффиціальной части „Сарат. Губ. Вѣд.", преобразованныхъ въ народную газету. Въ деревняхъ нашлись корреспонденты, появились и сотрудники, и газета начала распространяться. Въ 1891 г. Д. Л. Лѣневъ сдѣлалъ докладъ о преобразованныхъ „Сар. Губ. Вѣд." въ Вольно Экон. обществѣ („Труды" В.-Эк. Общества 1891 г. № 2). Въ 1890 г. подписчикамъ „Губ. Вѣд." была разослана составленная Х-мъ „Памятная книжка на 1890 г." Къ 300 лѣтію г. Саратова Х имъ была составлена и издана, за счетъ сарат. город. управленія, книжка „О прошломъ г. Саратова". Нѣсколько работъ Х—аго напечатаны въ тоже время въ „Трудахъ" Комиссіи. Въ 1893 г. въ пользу саратовскаго общества вспомощ. нуждающимся литераторамъ" былъ изданъ сборникъ „Саратовскій край", въ которомъ напечатаны статьи Х—аго: „Изъ исторіи печатнаго дѣла въ Саратовѣ", „Сарат. Губ. Вѣдомости"—исторія ихъ изданія, „Сарат. Листка"—исторія его изданія, „Нѣмецкій и Коммерческій клубы въ Саратовѣ" и, кромѣ того, совмѣстно съ Ф. В. Духовниковымъ составленная „Саратовская Лѣтопись" и „О развитіи книжной торговли въ Саратовѣ". Въ 1893 г. Х—ій избранъ былъ въ секретари сарат. город. думы, но пробылъ въ этой должности очень короткое время, получивъ другое служебное назначеніе. Въ 1902 г. уволился по болѣзни въ отставку и возобновилъ свое участіе въ работахъ Архив. Комиссіи, принявъ, между прочимъ, на себя трудъ совмѣстно съ другими по составленію сборника, ко дню 50-ти лѣтія освобожденія крестьянъ, подъ названіемъ „Матеріалы по крѣп. праву. Саратовская губернія".

Харизоменовъ Сергѣй Андреевичъ. Род. въ 1854 г. въ Владимірской губ., кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ въ 1876 г. Съ 1880 г. занялся статистикой, производя изслѣдованіе кустарныхъ промысловъ въ западной части Владимірской губ. Плодомъ этого изслѣдованія были изданные въ 1882 г. „Промыслы Владимірской губ." Въ 1884 г. С. А. производилъ подворныя описи въ Таврической губерніи и въ результатѣ вышли изъ печати „Формы землевладѣнія у крымскихъ татаръ. М. 1887 г." Съ 1885 по 1892 г. Х-овъ руководилъ земскими статистич. изслѣдованіями Саратовской губ., при чемъ изслѣдовалъ и описалъ семь уѣздовъ („Сборникъ статист. свѣдѣній по Саратовской губ. т. VIII. 1887 г."). Здѣсь же, въ Саратовѣ, С. А. организовалъ текущую статистику, причемъ выходили „Сельско-Хозяйственные Обзоры" 1885—1891 гг. Въ Саратовѣ имъ изданы: въ 1888 г. „Экономическая дѣятельность земства, краткая историч. записка, и въ 1889 г. „Обозрѣніе земской сельско-хозяйственной и кустарно промышленной выставки 1889 г.", въ устройствѣ которой въ Саратовѣ онъ принималъ дѣятельное участіе. Въ 1892 г. Х-овъ лѣтъ 6 занимался практически сельскимъ хозяйствомъ въ своемъ имѣніи въ Саратовской губ. Съ 1898 по 1901 г. завѣдывалъ оцѣночнымъ экономическимъ отдѣленіемъ въ Тульской губ., а съ 1901 г. руководилъ такими же работами Тверского губернскаго земства.

Рядъ статей экономическаго характера Х-овъ помѣстилъ въ „Рус. Мысли", „Моск. Юридич. Вѣст." и въ Саратовскихъ періодическихъ изданіяхъ.

Холмогоровъ Василій Ивановичъ (1835—1902 г.). Родился 26 февраля 1835 г. въ семьѣ дьякона Клинскаго у., Москов. губ., въ с. Николаевскомъ на Желѣзовкѣ; обучался въ Дмитровскомъ уѣзд. училищѣ и по окончаніи курса вскорѣ же началъ службу въ Московскомъ надворномъ верхн. судѣ, но чрезъ 2 года перемѣщенъ былъ писцомъ въ Московскій архивъ Мин. Юстиціи; въ 1861 г. онъ оказался помощникомъ секретаря, затѣмъ помощникомъ на-

чальника отдѣленія, въ 1867 г. начальникомъ отдѣленія и въ 1888 г., въ чинѣ дѣйств. стат. сов., занялъ постъ архиваріуса. Состоялъ членомъ Московскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія, Общества исторіи и древностей росс., членомъ Саратовской, Тамбовской, Рязанской, Нижегородской и Пензенской Ученыхъ Архив. Комиссій, почетнымъ членомъ СПб. Археол. Института. Умеръ 3 іюня 1902 г. Подъ руководствомъ И. Е. Забѣлина В. И. собралъ „Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики Московскихъ церквей", напечатанные первоначально въ изданіяхъ Моск. Город. Думы. Въ „Чтеніяхъ Моск. общества исторіи и древностей Россійскихъ" 1884 г. напечатанъ историческій очеркъ В. И. Хол-ва „Городъ Звенигородъ". Вмѣстѣ съ братомъ Гавр. Ив. имъ собраны и напечатаны въ „Чт. Моск. общ. любителей дух. просвѣщ." 1880—1888 гг. „Историческіе матеріалы о церквахъ и селахъ Московской епархіи XVI—XVIII вв.". Всѣ эти труды имѣются и въ отдѣльныхъ оттискахъ.

Холмогоровъ Гавріилъ Ивановичъ—родной братъ покойнаго В. И. Холмогорова. Родился въ 1842 г., получилъ образованіе въ Вифанской дух. семинаріи, принялъ посвященіе въ діаконы церкви этой же семинаріи, а потомъ сталъ священникомъ. Съ 1874 г. Г. И. занимается до сего времени очень усердно въ Московскихъ архивахъ Мин. Юст., Мин. Иностр. Дѣлъ и Духовной Консисторіи. Вмѣстѣ съ братомъ онъ извлекъ изъ архивныхъ документовъ свѣдѣнія о селахъ, церквахъ и владѣльцахъ, сост. явшихъ въ патріаршей области.

Свѣдѣнія собраны и напечатаны: по 10 десятинамъ Московской губ., по 4—Костромской и Калужской губ., по 2—Нижегородской губ., по Тверской и Брянской Орловской губ., по 2 десятинамъ Тамбовской губ., по Пензенской и Саранской (Пензенской и Саратовской губ.), по Карсунской (Симбирской губ.), по Ржевской и Осташковской (Тверской губ.) и по Торопецкой (Псковской губ.).

Часть этихъ трудовъ напечатана Х-выми на свои средства, другіе на средства разныхъ обществъ.

Теперь Г. И. приступаетъ къ печатанію „Матеріаловъ для селъ и церквей Костромской губ."

„Конечно,—пишетъ намъ Г. И.—мнѣ печатать на свои средства не особенно интересно,—но я съ своей рукописью обращался и въ Владимірскую, и въ Костромскую, и въ Нижегородскую Архивныя Комиссіи и въ концѣ концовъ получалъ отказы „за неимѣніемъ средствъ". И чтобы нашъ трудъ не пропадалъ—я рѣшилъ печатать на свои средства".

Чекалинъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ. (Умеръ въ 1894 г.). Кончилъ курсъ въ Моск. унив-тѣ. Помимо участія въ земской дѣятельности въ Кузнецкомъ у., Саратовской губ., занимался преимущественно разработкой историческихъ и археологическихъ матеріаловъ по Саратовской губ. Его труды въ этомъ направленіи слѣдующіе: „Матеріалы для статистики мануфактурной промышленности въ Кузнецкомъ у., Саратовской губ. Пенза 1876 г", „Племенный составъ и исторія населенія Кузнецкаго у.", „Древніе обитатели Саратовской губ.", „Саратовское Поволжье въ XIV в. по картамъ того времени и археологическимъ даннымъ", „Саратовъ на лѣвомъ берегу Волги и время перенесенія его на правый ея берегъ", „Мещера и бортасы по сохранившимся о нихъ памятникамъ", „Саратовъ въ началѣ текущаго столѣтія", „Саратовъ и Поволжье съ древнѣйшихъ временъ по описаніямъ европейскихъ путешественниковъ" (Саратовъ, 1894 г.).

Нѣкоторые изъ упомянутыхъ трудовъ Ѳ. Ѳ. печатались въ „Трудахъ" Сар. Арх. Коммиссіи 1887 г., въ „Трудахъ VIII Археол. Съѣзда", въ „Сарат. Дневникѣ" 1889 г.

Ѳ. Ѳ. Ч-ну принадлежитъ рядъ статей и замѣтокъ въ Саратовскихъ періодич. изданіяхъ, въ „Пенз. Губ. Вѣд.", въ „Извѣстіяхъ Казанскаго Общ ва археологіи, исторіи и этнографіи.

Членъ-основатель Ком-іи (см. портретъ).

Челинцевъ Владиміръ Васильевичъ. Родился въ Саратовѣ въ 1877 г., учился въ мѣстной гимназіи и затѣмъ кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ по естественному отдѣленію физико-математическ. факультета, гдѣ избралъ спеціальностью химію. Въ 1900 г. совершилъ поѣздку во Францію, гдѣ знакомился съ химическими объектами парижской всемірной выставки. Статьи его по научнымъ изслѣдованіямъ печатались и печатаются въ русскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ научныхъ періодическихъ изданіяхъ, но кромѣ того его популярно-научныя работы находятъ мѣсто и въ общихъ изданіяхъ, между прочимъ, въ „Сарат. Листкѣ" и „Сарат. Вѣстникѣ".

По защитѣ диссертаціи въ москов.

уни—тѣ въ 1908 г., В. В. удостоенъ степени магистра химіи и нынѣ состоитъ экстраординарнымъ профессхиміи въ Импер. Николаевскомъ Саратовскомъ университетѣ.

Чермакъ Анна Алексѣевна (ум. въ 1910 г.). Дворянка Курской губ. Щигровскаго у., урожденная Трофимова, окончила Курскую семиклассную гимназію, затѣмъ поступила на женскіе медицинскіе курсы при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ въ городѣ С.-Петербургѣ. Съ четвертаго курса уволилась по домашнимъ обстоятельствамъ Во все остальное время занималась преимущественно воспитательно-педагогическою дѣятельностью и общественной.

Черновъ Сергѣй Николаевичъ. Родился въ 1880 году 28-го января въ г. Саратовѣ. Начальное образованіе получилъ дома, среднее въ Саратовской 1-ой гимназіи. Окончилъ курсъ историко-филологическаго СПБургскаго университета. Занимается главнымъ образомъ русской исторіей. Въ настоящее время сотрудничаетъ въ Энциклоп. Словарѣ Брокгауза и Эфрона, а также въ словарѣ Майера.

Черняевъ Павелъ Николаевичъ. Родился 15 января 1863 г. въ г. Казани, гдѣ и получилъ воспитаніе и образованіе. По окончаніи курса во 2-й казанской гимназіи съ серебряной медалью (въ 1882 г.), поступилъ на историко-филологическій факультетъ Казанскаго университета, при переходѣ со 2-го курса на 3-й получилъ золотую медаль за сочиненіе по римской словесности. Въ 1886 г. былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессурѣ по каѳедрѣ латинской литературы и языка, но неблагопріятно сложившіяся обстоятельства заставили его принять мѣсто учителя гимназіи въ Казани.

Въ 1906 г. Ч—ву было предложено мѣсто инспектора въ Саратовской 1-й мужской гимназіи, гдѣ онъ и прослужилъ 3 года. Въ маѣ мѣсяцѣ 1909 года историко-филологическій факультетъ Императорскаго Варшавскаго университета единогласно избралъ Ч—ва доцентомъ на каѳедру римской словесности; выбрали за научные труды, сдѣлавшіеся извѣстными главнымъ образомъ за границей. Первый печатный трудъ Ч—ва—библіографическая замѣтка по поводу четвертаго изданія сочиненій Е. А. Баратынскаго (Казань, 1885) напечатана въ годы его студенчества въ „Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“. Главныя работы Ч—ва относятся въ педагогикѣ и исторіи латинскаго языка. Важнѣйшія изъ первыхъ суть: „Введеніе къ чтенію Вергилія„ (Казань, 1893 г.) „Краткій систематическій курсъ латинскаго синтаксиса“. (Казань, 1894). Научные труды Ч—ва имѣютъ отношеніе, главнымъ образомъ, къ изученію языка римскаго комика Теренція и носятъ общее названіе „Terentiana“. Отзывы о нихъ даны въ разныхъ иностранныхъ журналахъ. Нѣсколько работъ Ч—ва имѣетъ отношеніе въ исторіи классической филологіи въ Россіи, главнѣйшій трудъ въ этомъ родѣ есть «Слѣды знакомства русскаго общества съ древне-классической литературой въ дни Екатерины II“ (Филологическія Записки“ 1904 и 1905).

Сотрудничалъ Ч—въ въ слѣдующихъ газетахъ и журналахъ: «Казанскія Губерн. Вѣдомости“, „Казанскій Телеграфъ“. „Саратовскій Листокъ“, „Варшавскій Дневникъ“, „Гимназія“, „Педагогическій Еженедѣльникъ“, „Филологическія Записки“, „Филологическое Обозрѣніе“, „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, „Мирный Трудъ“, „Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссіи“, „Педагогическій Сборникъ“, „Гермесъ“ „Варшавскія Университетскія Извѣстія.

Чуевскій Иванъ Афанасьевичъ. Род. въ 1858 г. въ станицѣ Кавказской, Кубан. обл., учился въ Ставропольскомъ дух. училищѣ и въ Кавказ. дух. семинаріи, по выходѣ изъ которой въ 1878 г. поступилъ въ Новороссійскій унив—тъ, а въ 1880 г. перешелъ въ Кіевскій унив—тъ, на медиц. факультетъ. По окончаніи университ. курса переѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ началъ заниматься въ физіологической лабораторіи тамошняго унив—та. Въ 1892 г., по защитѣ диссертаціи, получилъ степень доктора медицины, въ 1893 г. поступилъ на службу въ Харьков. унив—тъ, былъ командированъ неразъ съ научною цѣлью за-границу. Въ 1908 г. избранъ экстраорд. профессоромъ казан. унив—та по каѳедрѣ фармакологіи. Въ 1909 г. назначенъ ордин. профессоромъ Саратовскаго университета и деканомъ медиц. факультета.

Ч—ій состоитъ редакторомъ “Извѣстій Импер. Николаев. университета“. Имъ же изданъ отдѣльно сборникъ „Торжество открытія Импер. Николаевскаго унив—та“.

Шаабъ Христоforъ Петровичъ. Род. 9 іюня 1860 г. въ с. Се-

меновкѣ, Камышинскаго у., Сарат. губ., въ семьѣ поселянина-собственника, предки котораго были изъ нынѣшней Баваріи. На 10 мъ году отъ роду лишился отца, а мать черезъ 2 года вышла вновь замужъ, отдавъ сына Христофора въ Каменскую частную школу. Училъ въ ней Генр. Матцъ, отецъ котораго остался въ 1812 г. въ Россіи, какъ плѣнный. Изъ этой школы Х. П. перешелъ въ Русское центр. училище въ Лѣсномъ Карамышѣ и затѣмъ въ 1879 г. поступилъ въ Тираспольскую римско-католич. дух. семинарію въ Саратовѣ. Склонность къ учительской профессіи заставила его перемѣнить первоначальное намѣреніе о поступленіи въ дух. званіе. Въ августѣ 1882 г. сталъ учителемъ Ямбургской католич. приходской школы въ Екатеринославской губ., выдержавъ для этой цѣли особый экзаменъ. Въ 1897 г. былъ приглашенъ учителемъ и завѣдующимъ училищемъ на родину въ Семеновку Крайняя неблагоустроенность здѣсь нѣмецкаго училища (тѣсное, темное и холодное зданіе) побудило Хр. Петр. перейти на должность учителя Гнилушинскаго училища Мин. Нар. Пр., на жалованье 360 р. въ годъ, на которой состоитъ и нынѣ.

Все свободное отъ школьныхъ занятій время Х. Петр. посвящалъ и посвящаетъ литературнымъ работамъ въ нѣмецкихъ газетахъ, издаваемыхъ въ Одессѣ, Саратовѣ и др. Усердно собираетъ старинные документы, касающіеся положенія нѣмецкихъ колонистскихъ школъ за время существованія ихъ въ Россіи, біографическихъ и этнографическихъ данныхъ

Шахматовъ Александръ Ивановичъ. Родился 28 іюля 1826 г. въ с. Вельцѣ, Валдайскаго уѣзда, Новгородской губ., одномъ изъ имѣній принадлежавшихъ его родителямъ. Дѣтство провелъ частью тамъ-же, частью-же въ Саратовской губ. и уѣздѣ, въ с. Хмѣлевкѣ—Шахматовкѣ тожъ. Родъ Шах-выхъ принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ, жизнь и служба которыхъ тѣсно связана съ гор. Саратовомъ. Еще подъ челобитной 1658 года въ числѣ прочихъ саратовцевъ встрѣчаемъ мы подпись головы стрѣльцовъ и дѣтей боярскихъ Тихона Ѳедоровича Шахматова Потомки его, числясь дворянами „по Московскому списку“, служатъ „по городу“, посылаются съ саратовскими людьми командирами, воеводствуютъ, служатъ по выбору дворянства предводителями, совѣстными или почетными мировыми судьями и пр. Естественно, что отдѣльные представители этого рода породнились съ другими дворянскими семьями губерніи. Въ числѣ таковыхъ находятся: Своитиновы, Москотиневы, Нечаевы, Вышеславцевы, Чертковы, Лодыженскіе, Ланскіе Ченыкаевы, Столыпины, Триговы, Челюскины, Всеволожскіе и многіе, др. Многочисленныя связи съ Сарат. краемъ породили среди представителей рода Шахматовыхъ любовь къ этому краю и знакомство съ его жизнью и исторіей.

Въ 10 лѣтнемъ возрастѣ А. И. былъ отвезенъ въ Петербургъ и отданъ въ пансіонъ, извѣстнаго въ то время своей педагогической дѣятельностью, Ивана Ѳедоровича Ейнерлинга. Очевидно, подмѣтивъ въ мальчикѣ интересъ къ исторіи, Ейнерлингъ подарилъ ему въ 1837 г. „Исторію Государства Россійскаго“ Карамзина. Послѣ пансіона Ейнерлинга А. И. учился въ 1 С.-Петербургской гражданской гимназіи, откуда перешелъ въ С.-Петербургскій-же университетъ, на камеральный факультетъ, окончилъ его въ 1849 году. Въ 1851 году А. И. былъ зачисленъ на службу въ канцелярію Пензенскаго губернатора на должность чиновника особыхъ порученій. Въ 1860 году А. И. сталъ почетнымъ смотрителемъ Камышинскаго уѣзднаго училища, а въ 1863 году избранъ въ уѣздные гласные отъ Саратовскаго уѣзда Съ этого времени до самой смерти А. И. не покидаетъ Саратова. Въ 1865 году онъ избранъ въ губернскіе гласные, а въ слѣдующемъ году въ члены Саратовской губернской земской управы. Въ 1868 году въ январѣ, за особые его труды по организаціи въ Саратовѣ сельско-хозяйственной выставки, пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Въ 1869 году утвержденъ въ должности почетнаго мироваго судьи, въ 1870 г. сталъ почетнымъ блюстителемъ Саратовской женской (нынѣ Маріинской) гимназіи; въ 1875 году избранъ Саратовскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, въ каковой должности пробылъ два трехлѣтія, исправляя въ теченіе полутора лѣтъ обязанности губернскаго предводителя; въ 1879 году получилъ генеральскій чинъ и въ 1881 году вышелъ въ отставку. Съ этого времени, проживая зимой въ Саратовѣ, въ своемъ особнякѣ на Соборной улицѣ, а лѣтомъ въ усадьбѣ при сельцѣ Шахматовкѣ, А. И. посвящаетъ досуги разбору и систематизаціи фамильнаго архива. Изучая его, А. И. заинтересовывается

исторіей Саратова; отыскивая въ мѣст. архивахъ новыя данныя о предкахъ своихъ, нападаетъ на интереснѣйшіе документы, касающіеся города и мѣстнаго края. Мало по малу у А. И. возникаетъ мысль собрать всѣ извѣстные ему данныя въ одно цѣлое и онъ рѣшается написать и издать „Историческіе очерки г. Саратова и его округи". Одновременно, благодаря направленію трудовъ своихъ, А. И. сталкивается съ людьми, интересующимися исторію, археологіей и этнографіей. Среди нихъ назовемъ князя Ѳ. С Голицына, А. Н. Минха, М. В. Готовицкаго и др. А. И. явился наиболѣе ревностнымъ дѣятелемъ въ хлопотахъ по учрежденію въ Саратовѣ „Историко-Археологическаго общества", вошелъ въ оживленную переписку съ такими лицами, какъ Мордовцевъ, Чекалинъ, Токмаковъ и др. и, наконецъ, сдѣлался членомъ учредителемъ Сар. Уч. Арх. Комиссіи.

Въ трудѣ А. И. „Историческіе очерки Саратова и его округи", впервые изложены въ извѣстномъ систематическомъ порядкѣ всѣ собранныя, къ этому времени историческія данныя по первоисточникамъ.

А. И умеръ 9 октября 1896 года. Память его была почтена въ общемъ собраніи комиссіи 19 декабря 1896 г., причемъ правитель дѣлъ В. Н. Смольяниновъ прочелъ краткій очеркъ его жизни и дѣятельности. Его-же памяти г Военскій посвятилъ некрологъ въ „Саратов. Листкѣ" (№ 219 —1896 г.), который закончилъ словами: „Въ лицѣ покойнаго сошелъ со сцены одинъ изъ типовъ того стараго дворянства, гордаго своей родовой стариной, который считалъ истинно дворянской честью безвозмездное служеніе родинѣ и родному краю".

Членъ-основатель Ком-іи (см. портретъ).

Шахматовъ Алексѣй Александровичъ. Родился въ 1864 г. въ дворянской семьѣ Саратовской губ., учился въ 4-й Московской гимназіи, во время гимназическаго ученія началъ изучать древнюю русскую письменность и написалъ двѣ статьи, появившіяся въ 1882 г. въ „Archiv für Slavische Philologie". При прохожденіи курса Московскаго университета по филологическому факультету А. А. продолжалъ свою любимую работу и напечаталъ въ томъ же нѣмецкомъ журналѣ свои замѣчанія на диссертацію А. И. Соболевскаго. Въ 1884 г. въ академическихъ „Изслѣдованіяхъ" по русскому яз. появилась работа А. А. подъ заглавіемъ" Изслѣдованія о языкѣ Новгородскихъ грамотъ XIII и XVI вв.". По окончаніи университетскаго курса А. А. былъ оставленъ при унив тѣ и въ 1890 г. получилъ должность приватъ-доцента. Для соисканія магистерской степени А. А. представилъ въ 1894 г. „Изслѣдованія въ области русской фонетики". Этотъ трудъ достойно былъ оцѣненъ историко филологическимъ факультетомъ и А. А. получилъ за него высшую степень—доктора русскаго яз. и словесности. Въ томъ же году А. А. былъ избранъ адъюнктомъ отдѣленія Академіи Наукъ. Скоро А. А. сталъ ординарнымъ академикомъ и управляющимъ русскимъ отдѣленіемъ академической библіотеки. Въ 1903 г. Ш-овъ былъ однимъ изъ видныхъ иниціаторовъ предварительнаго съѣзда славистовъ и выработалъ программу „Славянской Энциклопедіи". Лингвистическіе труды Ш-ова очень цѣнны и помѣщены, между прочимъ, въ „Русскомъ Филолог. Вѣстникѣ" и въ „Журн. М. Н. Пр." Изъ многочисленныхъ литературно-историческихъ трудовъ Ш-ова упомянемъ слѣдующіе: „Исходная точка лѣтосчисленія Повѣсти временныхъ лѣтъ", Хронологія древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ", „Древнѣйшія редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ". („Ж. М. Н. Пр." 1897 г), „О начальномъ Кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ" („Чт. въ общ. изсл. и древн." 1897 г.)

Ш-овъ состоитъ редакторомъ и дѣятельнымъ участникомъ „Извѣстій отдѣленія русскаго яз. и словесности" Академіи Наукъ. Подъ его же редакціею выходитъ новый академическій словарь русскаго яз.

Шахматовъ Вячеславъ Александровичъ, старшій сынъ А. И. Шахматова, род. 20-го февраля 1864 г. Дѣтство провелъ частью въ Саратовѣ, частью-же въ имѣніи отца при сельцѣ Шахматовкѣ, Сарат. у. На 14-мъ году жизни В. А. отвезенъ въ С.-Петербургъ и опредѣленъ въ приготовительный пансіонъ Николаевскаго кавалерійскаго училища, откуда перешелъ въ это училище. 12 авг. 1883 г. произведенъ въ старшіе корнеты въ 5-ый драгунскій Каргопольскій Е. И. В. В. К. Константина Николаевича полкъ. Въ 1888 году В. А. поступилъ въ Николаевскую академію Генеральнаго Штаба, но пробылъ въ ней не долго, по причинамъ домашняго характера. В. А. продолжалъ военную службу непрерывно по осень 1896 г. За это время, не считая мелкихъ корреспонденцій

въ журналѣ „Русскій Спортъ“, онъ составляетъ и издаетъ „Иллюстрированный курсъ верховой ѣзды“, который вышелъ въ 1901 году вторымъ изданіемъ. Осенью 1896 года В. А. вызванъ былъ въ Саратовъ, вслѣдствіе тяжкой болѣзни отца. По смерти его, В. А. выходитъ въ отставку и поселяется въ сельцѣ Шахматовкѣ, вступаетъ въ число членовъ С. У. А. Комиссіи и печатаетъ въ „Трудахъ“ его рефератъ о произведенной въ его усадьбѣ раскопкѣ и найденныхъ при этомъ вещахъ. Въ 1899—900 г.г. В А. печатаетъ замѣтки свои по конно-заводскому дѣлу въ журналѣ „Коннозаводство и Коневодство“, а въ 1900 году подаетъ главноуправляющему Государственнымъ коннозаводствомъ докладъ „О мѣрахъ, служащихъ на улучшеніе крестьянскаго коневодства“, помѣщенный вслѣдъ затѣмъ въ „Журналѣ Коннозаводства“. Въ „Саратовскомъ Дневникѣ“ печатаются нѣкоторыя его стихотворенія и разсказъ: „Польское преданіе“.

Въ 1901 году В. А., продавъ имѣніе, переѣзжаетъ въ С.-Петербургъ и снова поступаетъ на военную службу. Неся должность личнаго адъютанта командира корпуса, В. А. располагаетъ достаточнымъ свободнымъ временемъ, для сотрудничества въ газетѣ „Русскій Инвалидъ“ и журналѣ „Военный Сборникъ„ и попутно печатаетъ свои стихотворенія въ газетѣ „Новости“ и рядъ статей хозяйственнаго характера въ журналѣ „Дружескія Рѣчи“,

Съ началомъ русско-японской войны В. А. отправляется на театръ военныхъ дѣйствій, откуда высылаетъ корреспонденціи въ „Русскій Инвалидъ“ и „Саратовскій Листокъ“. Награжденный за боевыя отличія орденами св. Анны 3 ст,, съ мечами и бантомъ, св. Станислава 2 степ. съ мечами и чиномъ подполковника, В. А. возвращается въ С.-Петербургъ, откуда вскорѣ переводится на службу въ г. Борисовъ, Минск. г., въ 19 драгунскій Архангелогородскій полкъ. Около этого времени въ „Военномъ Сборникѣ“ печатается его статья, озаглавленная „Мой партизанскій отрядъ“.

Въ 1908 году В. А. издаетъ „Сборникъ статей“ своихъ, касающихся военныхъ и коннозаводческихъ вопросовъ, а въ 1908 г.—альбомъ „Бонапарте-Наполеонъ“. для каковаго пишетъ пояснительный текстъ къ батальнымъ картинамъ художника Ж. В. Адама. За время пребыванія своего въ г. Борисовѣ, В. А. заинтересовывается ознакомленіемъ съ перешедшимъ ему по наслѣдству семейнымъ архивомъ, вступаетъ въ члены „Московскаго Историко-Родословнаго Общества“ и ведетъ съ нѣкоторыми лицами оживленную переписку по вопросамъ исторіи и археологіи.

Въ 1910 году, В. А. оставляетъ военную службу и поселяется въ городѣ Саратовѣ и принимаетъ участіе въ дѣлахъ Архивной Комиссіи. Въ пользу Архивной Комиссіи В. А. прочелъ въ 1910 г. публичную лекцію „Пугачевъ въ Саратовѣ“. Узнавъ о существованіи въ Саратовѣ небольшой группы учениковъ мѣстныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, любителей археологіи, В. А. принялъ участіе въ нихъ и, при содѣйствіи нѣкоторыхъ лицъ, добился разрѣшенія попечителя учебнаго округа открыть для нихъ частныя занятія по археологіи, исторіи, этнографіи и естественнымъ наукамъ при 2-ой мужской гимназіи. Имъ совершено съ учениками нѣсколько экскурсій.

В. А. сотрудничаетъ въ субсидируемой мѣстнымъ дворянствомъ газетѣ „Волга“, гдѣ помѣщаетъ статьи, стихотворенія, разсказы и замѣтки разнообразнаго характера.

Шереметевъ графъ Сергѣй Дмитріевичъ. Родился въ 1844 г. Предсѣдатель Имп. Археографической Комиссіи и обществъ любителей древней письменности и ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія.

Онъ авторъ ряда статей историческаго и историко-археологическаго характера. Имъ составлены и напечатаны „Воспоминанія“, гдѣ даны характеристики князя П. П. Вяземскаго, В. П. Горчакова, В. С. Шереметева, графа М. Н. Муравьева, А. Г. Орлова и др. Имъ изданы: „Столѣтніе отголоски, 1801—1901 г.“, „Отголоски XVIII в.“ и др.

Штейнъ Владиміръ Александровичъ Родился въ 1869 г. въ Кіевѣ въ дворянской семьѣ. Среднее образованіе получилъ въ кіевскомъ реальномъ училищѣ, въ 1888 г. поступилъ вольнослушателемъ въ университетъ св. Владиміра и прослушалъ полный курсъ. Проживая въ СПБ., прошелъ двухгодичный курсъ Императорскаго СПБ. Археологическаго Института.

Былъ нѣкоторое время хранителемъ Архивн. Комиссіи и сообщилъ въ „Рус. Ст.“ нѣсколько историч. документовъ.

Состоитъ нынѣ начальникомъ Кон-

троля сборовъ Волго-Бугульминской ж. д. въ Симбирскѣ.

Шубинскій Сергѣй Николаевичъ. Родился 2 іюля 1834 г. въ Москвѣ въ дворянской семьѣ Тверской губ. Воспитаніе получилъ въ Моск. дворянскомъ институтѣ и началъ службу въ Моск. губ. правленіи, но въ крымскую войну вступилъ въ гвардію. Графъ В. Е. Канкринъ привлекъ его въ 1860 г. въ индент. управленіе, гдѣ онъ и пробылъ до 1887 г., когда съ чиномъ генералъ-майора вышелъ въ отставку. Литературную дѣятельность С. Н. началъ въ 1860 г. фельетонами въ „Рус. Инв." и маленькими разсказами въ „Рус. Мірѣ", но вскорѣ всецѣло занялся изученіемъ русской исторіи, и своими работами въ этомъ направленіи добился извѣстности. Его „Историческіе очерки и разсказы" выдержали 5 изданій. Отдѣльно изданы „Записки иностранцевъ о Россіи въ XVIII ст.", „Изъ жизни русскихъ писателей", „Очерки изъ жизни и быта прошлаго времени" и др. Два изданія выдержали „Историческіе разсказы и анекдоты изъ жизни русскихъ государей и замѣчательныхъ людей XVIII и XIX столѣтій". Съ 1875 по 1880 г. С. Н. редактировалъ „Древнюю и Новую Россію", а съ 1880 г. редактируетъ „Историческій Вѣстникъ", въ которомъ напечатана огромная масса его статей, рецензій, отзывовъ и сообщеній. Подъ его наблюденіемъ исполнены многія роскошныя изданія А. С. Суворина, какъ „Иллюстрированная исторія Петра Великаго", такая же—„Екатерины II", „Императоръ Александръ Первый" и другія.

Состоитъ, по избранію, членомъ многихъ историческихъ обществъ и учрежденій въ Россіи. Въ 1894 году, въ день 25-ти лѣтія „Историческаго Вѣстника", на сумму, собранную сотрудниками этого журнала, учреждена при Академіи Наукъ премія имени С. Н. Шубинскаго за лучшее сочиненіе по исторіи Россіи XVIII в.

Щегловъ Сергѣй Александровичъ. Род. 2 іюля 1861 г. въ селѣ Лопуховкѣ, Аткарскаго уѣзда. Сынъ діакона. Въ 1877 г., по окончаніи курса въ Петровскомъ духовномъ училищѣ, поступилъ на государственную службу по министерству внутреннихъ дѣлъ; прослужилъ до 1 сентября 1895 г. и вышелъ въ отставку съ чиномъ титулярнаго совѣтника. Съ августа 1896 г. служитъ въ Саратовскомъ губернскомъ земствѣ. Съ 16 ноября 1902 г. состоялъ правителемъ дѣлъ Архивной Комиссіи, сотрудничалъ въ „Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ", въ „Приволжскомъ Краѣ". Подъ его наблюденіемъ изданъ 1-й томъ „Историко Географическаго словаря Саратовской губерніи А. П. Минха". Въ этомъ словарѣ очень много его сообщеній по Камышинскому и Царицынскому уѣздамъ. нынѣ состоитъ хранителемъ музея.

Щепкина Екатерина Николаевна. Род. въ 1854 г. По окончаніи высш. жен. курсовъ въ Москвѣ, была учительницей исторіи въ этой столицѣ и въ Саратовѣ. Ея труды какъ писательницы: „Старинные помѣщики на службѣ и дома" (1890 г.), „Разсказы по русской исторіи для воскресныхъ школъ" (1894), „Краткій очеркъ русской исторіи съ древнихъ временъ до 1881" г. (1903 г.), „Популярная литература въ половинѣ XVIII в." (въ „Журн. М. Н. Пр." 1886 г.). Участвовала въ „Энциклоп. словарѣ Брокгауза и Эфрона.

Юдинъ Павелъ Львовичъ. Родился 6 января 1864 г. въ станицѣ Сакмарской въ то время Уральскаго, а нынѣ Оренбургскаго войска. По его собственнымъ словамъ (Р. Ар. 1911 г.), онъ—потомокъ самарскихъ старовѣровъ поповщинскаго толка. Воспитывался дома, потомъ обучался въ Оренбургскомъ казачьемъ юнкерскомъ училищѣ. Кончилъ курсъ въ 1883 г. Произведенъ въ I-й офицерскій чинъ 29 сент. 1884 г. Первая работа П. Л. появилась въ печати въ 1880 г., когда имъ напечатана въ журн. „Истина", (книжка 60) статья: „О раскольническихъ бракахъ въ станицѣ Сакмарской", затѣмъ началась его безпрерывная литературная дѣятельность во всей поволжской повременной печати, а также въ столичныхъ историческихъ журналахъ. П. Л. состоитъ дѣйствительнымъ членомъ-Архивныхъ Комиссій: Нижегородской, Оренбургской. Въ Саратовской Комиссіи былъ хранителемъ историческаго архива.

Юматовъ Василій Дмитріевичъ. Родился въ 1852 г., учился въ Пензенской гимназіи и кончилъ курсъ Казанскаго университета въ 1877 г. по юридическому факультету. Вскорѣ же, какъ землевладѣлецъ Петровскаго у., Саратовской губ., былъ избранъ земскимъ гласнымъ въ уѣздное и губернское собранія, каковымъ состоитъ и по нынѣ. Съ 1878 г. по октябрь 1886 г. состоялъ, по избранію, участковымъ мир. судьей, а въ концѣ 1886 г. избранъ былъ непремѣн-

нымъ членомъ Саратовскаго губернскаго по крест. дѣламъ присутствія, въ каковой должности остался (по назначенію) и послѣ преобразованія въ 1891 г. этого присутствія и дослужился до чина дѣйств. стат. совѣтника. Съ 1903 г. В. Д.—предсѣдатель попечит. совѣта Саратовской 1-й жен. гимназіи Мин. Нар. Пр.

В. Д. передалъ въ Комиссію записки своего предка Петра Ив. Юматова, ветерана 1812 г., напечатанныя въ т. III, вып. 1, и изданныя въ 1911 г. отдѣльно подъ названіемъ «Разсказъ моимъ дѣтямъ". Въ 1911 г., въ день 50-ти лѣтняго юбилея, В. Д. сказалъ рѣчь, посвященную крестьянскому дѣлу, которая выпущена затѣмъ имъ отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ „19 февраля 1861 г.—19 февр. 1911 г. Празднованіе крестьянскими учрежденіями Саратовской губ. 50 лѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и открытія крестьянскихъ учрежденій".

Юрьевъ Василій Поліевичъ Родился 12 апрѣля 1851 г. въ г. Мензелинскѣ, Уфим. губ., въ дворянской семьѣ. Среднее образованіе получилъ въ Императорской Казанской гимназіи. Поступилъ въ Казанскій университетъ, но чрезъ годъ долженъ былъ оставить его по „независящимъ обстоятельствамъ". Однако, чрезъ нѣкоторое время. В. П сдалъ экзаменъ за полный университетскій курсъ и получилъ дипломъ учителя исторіи и географіи. Педагогическая карьера его въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ прошла въ г. Троицкѣ, Оренбур. губ., въ Мензелинской прогимназіи, Камышинскомъ реальномъ училищѣ, Маріинской женской гимназіи и закончилась въ Вольскомъ реальномъ училищѣ. Во время пребыванія въ Вяткѣ В. П., вмѣстѣ съ А. А. Спицынымъ, работалъ по исторіи и археологіи края и былъ избранъ членомъ мѣстнаго губернскаго Статистическаго Комитета. По выходѣ въ отставку изъ учителей съ пенсіей, В. П. переѣхалъ на жительство въ Саратовъ и здѣсь принялся за трудъ разработки мѣстной старины по архивнымъ и другимъ матеріаломъ, сотрудничая сначала въ „Сарат. Дневникѣ", потомъ въ „Саратовскомъ Листкѣ".

Нѣкоторые труды В. П. Юрьева, изданные отдѣльно, представленные имъ въ Ученый Комитетъ Мин. Нар. Просв., рекомендованы послѣднимъ для фундамент. библіотекъ среднихъ учебн. заведеній всего Казанскаго учебн. округа, а также для библіотекъ низшихъ учебн. заведеній Вятской губ.

Таковы: „Состояніе города Вятки въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Очерки изъ исторіи город. обществ. управленія. Вятка, 1885 г." „Вятка въ рукописныхъ памятникахъ старины. Вятка 1885 г.," „Исторія герба города Вятки. Вятка. 1886 г.", „Народное образованіе въ Вятской губ въ царствованіе Императрицы Екатерины II (1786—1886). Вятка 1887 г.", „Вятская гимназія въ первые свои восемь лѣтъ (1811—1819) Вятка. 1888 г.", „Вятская старина. Матеріалы для исторіи Вятскаго края первой четверти XVIII вѣка. Вятка 1888 г."

Въ Вяткѣ же имъ изданы, между прочимъ, въ 1884 г. „Очерки изъ исторіи женскаго образованія" по случаю 25 лѣтія мѣстной Маріинской женской гимназіи.

Съ переѣздомъ въ Саратовъ В. П. въ теченіи 19 л. сотрудничаетъ въ мѣстныхъ газетахъ сначала въ „Сарат. Днев", а въ послѣднее время въ „Сарат. Лист.", помѣщая статьи исключительно историко-археологическаго содержанія, относящіяся къ исторіи мѣстнаго края.

Замѣченныя опечатки и погрѣшности:

Страницы.	Строки сверху.	Напечатано:	Должно быть:
19	16	не извѣстно	неизвѣстно
20	38	къ саомй	къ самой
22	18	болѣе широкою и разностороннею дѣятельность, чѣмъ Ученой архивной Комиссіи	болѣе широкою и разностороннею, чѣмъ дѣятельность Ученой архивной Комиссіи
24	2	примѣчаніе удобной... „домикъ“	удобный.... «домикъ»
25	21	Считая всѣхъ этихъ лицъ лицъ	Считая всѣхъ этихъ лицъ,
39	3	съ просьбой путемъ публикацій и воззваній	путемъ публикацій и воззваній съ просьбой
44	28	который какъ и самую Комиссію	который, какъ и самую Комиссію
46	2	работъ по архивному дѣлу, но въ теченіе	работъ по архивному дѣлу», но въ теченіе
49	22	въ числѣ 35 ея членовъ	въ числѣ 36 ея членовъ
62	7	мѣстонахожденія	мѣстонахожденіе
62	35	когорый бы заключилъ	который бы заключалъ
66	24	Въ концѣ. концовъ	Въ концѣ-концовъ,
68	1—13	повтореніе, по недосмотру, 17—27 строкъ 53-й страницы	17—27 строки 53 страницы просимъ считать ошибочно напечатанными.
73	30	Но изъ проживающихъ въ Саратовѣ	Но изъ проживавшихъ въ Саратовѣ
87	5	а именно;	а именно:
87	20	библіетекарь; или его товарищъ	библіотекарь или его товарищъ
89	37	Описаніе и о бъясненіе	описаніе и объясненіе
96		Примѣчаніе „наменованіе матеріаловъ“	„наименованіе матеріаловъ“
118	21	«28 октября 1897 года она	«28 октября 1897 года» она
123	3	его товарища Л. В. Зайковскаго	дѣйствительнаго члена Л. В. Зайковскаго
128	35	по недостатку средствъ одно	по недостатку средствъ, одно
138	30	З. Г. Еланскаго	В. Г. Еланскаго
144	20—24	около другого кургана найдены цѣлыхъ семь горшковъ.... палеолитическаго періода	около другого кургана найдены цѣлыхъ семь горшковъ.... неолитическаго періода
147	1	„Сообщеніе“ о монетэхъ пр.	«Сообщеніе» (о монетахъ и пр.)
167	23	черепкахъ, остаткахъ быта	черепкахъ—остаткахъ быта
178	32—33	найдены предметы съ архаической керамикой	найдены предметы архаической керамики
178	37—38	каменныхъ орудій безъ слѣдовъ шлифовки и сверленія, что по увѣренію проф. А. А. Спицына, встрѣчено еще въ	каменныхъ орудій безъ слѣдовъ шлифовки и сверленія, что, по словамъ Б. В. Зайковскаго, встрѣчено въ Саратовской губер

		первый разъ. Древности эти относятся къ эпохѣ «старшаго мѣднаго вѣка».	ніи еще въ первый разъ. а по увѣренію проф. А. А. Спицына, древности эти относятся къ эпохѣ „старшаго мѣднаго вѣка“.
179	11	курганъ «Бѣлый маръ», въ которомъ найдено погребеніе (въ колодѣ) съ конемъ	курганъ „Бѣлый маръ“, около котораго, въ другомъ курганѣ найдено погребеніе въ колодѣ. которая лежала рядомъ съ конемъ
179	15—16	Невдали отъ «Бѣлаго мара» находятся каменный курганъ.... „Чертихинскій оврагъ“...	Невдали отъ «Бѣлаго мара» находятся: каменный курганъ... „Чертихинскій“ оврагъ....
179	36	Увѣряютъ, что въ нижнихъ слояхъ земли этого городища	Въ нижнихъ слояхъ земли этого городища
180	12	въ 1910 году—тѣже предметы въ очень большомъ количествѣ	въ 1910 году—еще нѣсколько интересныхъ вещей
187	примѣчаніе	и а равно и по собиранію	а равно и по собиранію
197	26—27	на торжественномъ въ этомъ засѣданіи Академіи	на торжественномъ въ этотъ день засѣданіи Академіи
200	примѣчаніе	большой портретъ времени Екатерины II (копія)	большой портретъ Екатерины II (копія)
„	„	столоиые часы empier	столовые часы empire
213	8	этажерки съ тремя полками	этажерка съ тремя полками
227	9	рѣшено было 1) ноября 1894 года)	рѣшено было (1 ноября 1894 года)
235	17	Исторіи крѣпостного права	исторіи крѣпостного права
239	—	подкомиссія распалась	подкомиссія распалась:
243	9	одного изъ проживающаго ихъ	одного изъ проживающихъ
245	30—31	и 10 лицъ—членовъ Комиссіи	и 10 лицъ—членовъ другихъ Комиссій
249	20	Такое же наблюденіе	Такое же несоблюденіе
249	26	На собраніи 16 дек.	на собраніи 16 дек.
В. А. Штейнъ (см. біографію) былъ хранителемъ музея.			В. А. Штейнъ былъ тов. предсѣдателя.

БИБЛИОТЕКА
Госу... ...зея
...23 г.